Дивер Джеффри

Брошенные тела

Робби Берроузу посвящается

«Легчайший путь к постижению Вселенной лежит через дремучую лесную чащу».

Джон Мьюр

I

АПРЕЛЬ

Тишина.

В лесу по берегам озера Мондак царило полнейшее безмолвие, столь не похожее на бурлящий хаос большого города, где супруги проводили рабочие дни.

Тишину нарушали время от времени лишь отдаленное уханье совы да бессмысленно призывная лягушачья трель.

И вдруг — какие-то посторонние звуки.

Шуршание листвы, внезапный треск ветки или сухого сучка под ногой.

Кто-то идет?

Нет, не может быть. Все загородные дома у озера в этот зябкий апрельский вечер пусты.

Эмма Фельдман, молодая женщина чуть за тридцать, поставила бокал с мартини на обеденный стол, за которым сидела напротив мужа. Заправив за ухо темную прядь вьющихся волос, она поднялась и подошла к одному из мрачноватых кухонных окон. За стеклом виднелись лишь густые заросли кедров, можжевельника и темнохвойных елей, которыми был покрыт круто уходящий вверх холм с камнями, напоминавшими растрескавшуюся желтоватую кость.

Муж приподнял голову и спросил:

— Что там такое?

Она пожала плечами и вернулась на место.

— Не знаю. Ничего не видно.

Снаружи снова стало тихо.

Эмма, стройная и прямая, как одна из березок, видневшихся почти за каждым из многочисленных окон дома, сбросила с плеч синий пиджак, оставшись в того же цвета юбке и белой блузке. Одежда юриста. Волосы собраны сзади в пучок. Прическа юриста. Она была в чулках, но уже без туфель.

Стивен, обратив взор к бару, тоже снял пиджак и избавился от помятого галстука в полоску. Тридцатишестилетний мужчина в голубой рубашке с копной густых непослушных волос, он уже успел обзавестись приличных размеров животиком, свисавшим на пояс зеленовато-синих брюк. Эмма не придавала этому значения. Она всегда считала его симпатягой и не собиралась менять своего мнения.

— Ну-ка, посмотрим, что у нас тут. — Он кивнул на расположенную наверху гостевую комнату, доставая из сумки огромную бутылку натурального овощного сока с густой мякотью. Их подруга из Чикаго, приглашенная провести с ними эти два выходных, в последнее время баловалась «жидкой» диетой, вливая в себя совершенно отвратительные на вкус напитки.

Эмма прочитала состав на этикетке и наморщила носик:

— Это пусть пьет сама. А я предпочту немного водки.

— Вот за что я тебя и люблю.

Дом издал скрип, что с ним случалось нередко. Его возвели семьдесят шесть лет назад. Много дерева, минимум металла и камня. Стены прямоугольной кухни, где они сейчас стояли, были обшиты ярко-желтыми сосновыми панелями. Пол неровный. На этой частной дороге располагались три таких постройки в колониальном стиле с участками в четыре гектара. Название «дом на берегу озера» оправдывалось только тем, что озерные волны действительно плескались о скалистый берег метрах в двухстах от входной двери.

Для дома нашли место на небольшой плоской площадке с восточной стороны весьма приличной возвышенности. Лишь сдержанный темперамент обитателей Среднего Запада здесь, в штате Висконсин, не позволял им именовать эти холмы «горами», хотя многие из них уходили ввысь на добрые семьсот-восемьсот ярдов.[1] Наступало время, когда дом начинал накрывать синий предвечерний сумрак.

Эмма всматривалась в покрытую рябью поверхность озера Мондак, располагавшегося достаточно далеко от холма, чтобы можно было увидеть отражение лучей заходящего солнца. В этот день ранней весны окружающий пейзаж выглядел неряшливо, напоминая нерасчесанную мокрую шерсть крупного пса. На самом деле дом был слишком хорош, чтобы они могли его себе позволить, и достался им только потому, что срочно продавался для уплаты долгов бывшего владельца. Эмма с первого взгляда поняла, каким это будет для них идеальным загородным пристанищем.

Тишина…

Что до колониального стиля, то ему вполне соответствовала достаточно колоритная история дома.

Построил его владелец крупной чикагской мясоперерабатывающей компании перед началом Второй мировой войны. Много лет спустя выяснилось, что основу своего состояния он сколотил, торгуя мясом на черном рынке в обход введенных в военное время законов, ограничивавших продажу продуктов внутри страны, чтобы гарантировать полноценное питание для воевавших вдали от дома солдат. В 1956 году его труп выловили из озера. Вполне вероятно, что расправились с ним ветераны войны, узнавшие о его делишках. Убив хозяина, они обыскали дом в поисках припрятанных денег.

Эта смерть не имела ни малейших оснований для рождения каких-либо легенд о призраках, но Эмма и Стивен не могли удержаться от фантазий по этому поводу. Принимая гостей, они с детским любопытством следили, как, наслушавшись их россказней, кто-то нарочно оставлял свет в ванной на всю ночь, не смея и носа высунуть из своей комнаты с наступлением темноты.

Извне послышались еще два громких звука. Затем третий.

Эмма нахмурилась:

— Слышал? Опять какой-то шум снаружи.

Стивен выглянул в окно, дрожавшее под порывами ветра. Потом обернулся.

Жена украдкой поглядывала на свой дипломат.

— Думаешь, я не заметил? — недовольно спросил он.

— Чего?

— Даже не думай открывать его!

Она рассмеялась, хотя и не слишком весело.

— В эти выходные никакой работы, — сказал он. — Мы же договорились.

— А у тебя там что? — Эмма указала на рюкзак, который вместо чемоданчика привез с собой муж, одновременно стараясь откупорить банку с консервированными оливками.

— Всего два предмета, имеющие отношение к делу, ваша честь: мой роман Ле Карре и бутылочка мерло, которую я прихватил с работы. Будет ли мне позволено приобщить последнюю к доказа… — Голос его осекся. Он посмотрел в окно, через которое им по-прежнему были видны заросли кустарника, деревья и скалы цвета костей динозавра.

Эмма тоже смотрела наружу.

— Вот теперь и я что-то слышал, — сказал Стивен. Он освежил мартини жены. Она бросила в бокалы по оливке.

— Что это было?

— Помнишь о том медведе?

— Но он никогда не приближался к дому.

Они чокнулись и сделали по глотку.

— Ты, кажется, нервничаешь, — заметил Стивен. — Что тебя гложет? То дело с профсоюзом?

Изучая законность одного из корпоративных поглощений, она наткнулась на возможные махинации в профсоюзе портовых рабочих в Милуоки. Вмешались федеральные власти, и сделку на какое-то время положили под сукно, вызвав тем самым всеобщее неудовольствие.

— Нет, есть кое-что еще, — сказала Эмма. — Один из наших клиентов производит автомобильные запчасти.

— Точно! «Кеноша авто». Видишь, я в курсе? Рассказывай.

Она удивленно посмотрела на мужа.

— Ну, так вот. Их исполнительный директор оказался совершенным придурком… — И она пересказала ему дело о непредумышленном убийстве, в котором фигурировали компоненты гибридного[2]

автомобильного двигателя. В результате несчастного случая пассажира убило током. — А их руководство потребовало, чтобы я вернула им всю техническую документацию. Представляешь?

— Мне гораздо интереснее другое твое дело, — сказал Стивен. — Про завещание члена палаты представителей от нашего штата… Секс и все такое.

— Тс-с-с! — встревоженно зашипела она на мужа. — Помни: я тебе не говорила об этом ни слова.

— Мой рот на замке.

Эмма выловила из бокала оливку и съела ее.

— Ну а как прошел твой день?

Стивен рассмеялся:

— Брось! Я не так много получаю, чтобы говорить о своих делах еще и после работы.

Чета Фельдманов служила блестящим примером того, что иногда даже случайная встреча может вылиться в удачный брак вопреки всему. Эмма — лучшая студентка своего курса на юридическом факультете престижного университета, которой доверили выступить с прощальной речью от имени выпускников, — происходила из богатой семьи выходцев из Милуоки и Чикаго. Стивен — бакалавр истории искусств, получивший образование в городском колледже, посвятил себя служению обществу. Друзья предрекали, что их отношения продлятся полгода максимум. Однако через восемь месяцев после первого свидания была сыграна скромная свадьба на лоне природы, куда все эти друзья и были приглашены.

Стивен выудил из пластиковой сумки треугольник сыра бри, достал пакет с крекерами и вскрыл его.

— Ладно, можно себе позволить, но только немножко.

Хруст, хруст…

Теперь нахмурился муж, а Эмма сказала:

— Милый, мне что-то немного не по себе. Ведь там действительно кто-то бродит.

Три загородных дома располагались примерно в девяти милях[3] от ближайшего магазина и бензозаправки, а от шоссе их отделяли мили полторы плохо обозначенного проселка. Национальный парк Маркетт, крупнейший из заповедников штата Висконсин, владел практически всей окружающей территорией. Лишь озеро Мондак да эти три дома были здесь небольшим островком частной собственности.

Очень уютной.

Но и очень уединенной.

Стивен вышел в прихожую, откинул влажный бежевый полог и поверх стриженого миртового куста оглядел двор.

— Ничего не вижу. Думаю, нам это показа...

Эмма вскрикнула.

— Ну-ну, дорогая, успокойся! — отозвался муж.

Сквозь окно заднего двора на них смотрел человек.

Голову мужчины покрывал чулок, но и сквозь него можно было разглядеть светлые волосы, короткую стрижку и цветную татуировку на шее. В глазах читалось легкое изумление при виде так близко стоящих к нему людей. На нем был светло-зеленый сильно поношенный военный китель или френч. Он постучал кулаком по стеклу. В другой руке он держал стволом вверх дробовик. На лице играла жутковатая ухмылка.

— О, боже, — прошептала Эмма.

Стивен достал мобильный телефон, раскрыл его и стал набирать номер со словами:

— Я с ним разберусь. Пойди и запри входную дверь.

Эмма бросилась к двери, уронив свой бокал. Оливки рассыпались среди битого стекла, собирая пыль. Она вскрикнула, услышав, как дверь в кухню с треском распахнулась. Повернувшись, она увидела, что взломщик с ружьем вырвал телефон из рук мужа и с силой толкнул его в стену. От удара висевшая там старинная тонированная фотография свалилась на пол.

Входная дверь вновь распахнулась. Еще один мужчина, чье лицо тоже скрывала чулочная сетка, шагнул внутрь. Длинные темные волосы плотно прижаты нейлоном. Он был выше ростом и более мощно сложен, чем его приятель, а в руке держал пистолет. Черный кусок стали казался

маленьким в огромной лапище. Он впихнул Эмму обратно в кухню, где второй бросил ему телефон. Здоровяк не без труда поймал трубку свободной рукой. Показалось, что его лицо исказила злая гримаса, однако он просто сунул мобильный в карман.

— Пожалуйста… Что вы от нас?.. — Голос Стивена задрожал.

Эмма поспешно отвернулась. Чем меньше она увидит, подумалось ей, тем больше у них шансов остаться в живых.

— Прошу вас, — снова заговорил Стивен. — Пожалуйста, берите все, что вам угодно. Только уходите, пожалуйста.

Эмма не отрывала глаз от пистолета в руке верзилы. На нем была черная кожаная куртка и высокие башмаки. Одежда его тоже походила на военную экипировку.

Грабители не обращали на супругов никакого внимания. Они оглядывали дом.

Муж Эммы продолжал:

— Послушайте, вы можете забирать все, что у нас есть. Там снаружи стоит мой «мерседес». Я отдам вам ключи. Только…

— А ну-ка, помолчи, — прервал его высокий, сопроводив свои слова взмахом пистолета.

— У нас есть наличные. А еще кредитные карты. И дебитные тоже. Я дам вам все ПИН-коды.

— Чего вы от нас хотите? — сквозь рыдания спросила Эмма.

— Тс-с-с!

Где-то в самой глубине своего одряхлевшего сердца старый дом издал еще один громкий скрип.

«Что-что?»

— Просто повесили трубку.

— Позвонив девятьсот одиннадцать?

— Именно так. Кто-то позвонил, сказал: «Это…» — и дал отбой.

— Что-что он сказал?

— Это. Только одно слово — «это».

— Это? — переспросил шериф Том Даль. В свои пятьдесят четыре года он сохранил гладкую, покрытую веснушками кожу, как у подростка. Рыжеволосый, в желтовато-коричневой форменной рубашке, которая шла ему несравненно лучше той, что подарила жена пару лет назад.

— Так точно, сэр, — подтвердил Тодд Джексон, потирая глаза. — А потом разговор прервался.

— Разговор прервался или его прервали? Есть, знаешь ли, разница.

— Не знаю… А, кажется, я понял, что вы имеете в виду.

17 часов 25 минут, пятница, 17 апреля. Едва ли бывает более спокойное время суток в округе Кеноша, штат Висконсин. Местное население накладывало на себя руки или убивало своих сограждан — умышленно или случайно — либо раньше либо позже. Далю это было известно словно правило, отпечатанное и повешенное в рамочке на стене. Если после четырнадцати лет правоохранительной деятельности ты все еще не знаком с обычаями и привычками людей, чей покой призван охранять, значит, все эти годы даром ел свой хлеб.

При шерифе на дежурстве всегда состояли восемь помощников, а его управление располагалось рядом с судом и городской мэрией. Департамент шерифа имел два помещения, причем старое примыкало к новому. Старую постройку возвели еще в семидесятые годы XIX века, новую — ровно сто лет спустя. Даль и его заместители работали в просторном зале, где столы стояли в разделенных перегородками кабинетах.

Это была новая часть здания. В данный момент дежурили шестеро мужчин и две женщины. Кто-то из них был в накрахмаленных до треска сорочках, на других они уже выглядели как смятые простыни — в зависимости от того, когда у офицера началась смена.

— Будем проверять, — сказал Джексон. Кожа его тоже была по-детски нежна, но этому не приходилось удивляться, учитывая двойную разницу в возрасте между ним и шерифом.

— Это… — еще раз пробормотал Даль. — Что слышно из лаборатории?

— Что?.. Ах, вы о деле Уилкинса? — Джексон поправил жесткий воротничок. — Это не мет.[4] Они у него вообще ничего не обнаружили.

Даже здесь, в округе Кеноша с населением всего-то в тридцать четыре тысячи двадцать один человек, метамфетамин представлял собой страшную угрозу. Наркоманы и «толкачи» доходили до крайней жестокости, граничившей с помешательством, чтобы раздобыть желанный продукт. С производителями происходило абсолютно то же самое, но только от бешеных денег, которые они на этом делали. С употреблением мета было связано больше убийств, чем с кокаином, героином, марихуаной и алкоголем вместе взятыми. И почти столько же людей умирали от случайных ошпариваний, возгораний и передозировок. В округе только что погибла семья из четырех человек, когда их домик на колесах охватил мгновенный пожар, потому что мать семейства вырубилась, готовя порции зелья на кухне. «Передоз», — заключил Даль, аккуратно попробовав щепотку порошка, уцелевшую на плите.

Шериф скрипнул зубами.

— Вот ведь черт! Будь я проклят! Он же его варит. Всем известно, что варит. Он поиграть с нами вздумал, это точно. Только за это стоило бы посадить его под арест… Что это был за звонок? Я имею в виду по девятьсот одиннадцать. С городского?

— Нет. С мобильного. Поэтому и требуется столько времени.

Несколько лет назад для службы экстренных вызовов 911 округа Кеноша смонтировали систему определения номеров, чтобы диспетчер в случае необходимости мог установить, откуда звонили. Она охватывала и мобильные телефоны, хотя отследить их было несколько сложнее, а в некоторых гористых районах Висконсина и вовсе невозможно.

Это…

Сквозь шум рабочего зала донесся женский голос:

— Тодд, тебя спрашивают из центра связи.

Заместитель направился к своей кабинке, а Даль вернулся к толстой пачке протоколов об арестах, где ему больше приходилось править грамматические ошибки, нежели юридические нюансы.

Джексон вернулся, но не уселся на один из двух свободных стульев в офисе начальника, а лишь топтался на месте, что вошло у него в привычку.

— Так вот, шериф. Этот вызов по девятьсот одиннадцать. Звонили откуда-то из района озера Мондак.

«Скверно», — подумай Даль. Те места ему никогда не нравились. Озеро в самом центре Маркеттского заповедника… Мрачнее не придумаешь. Там ему уже приходилось расследовать два дела об изнасилованиях и два убийства. Причем в последнем случае удалось обнаружить лишь мелкие фрагменты тела жертвы. Он бросил взгляд на висевшую на стене карту. Ближайший населенный пункт Клосен. Оттуда до поворота к озеру миль шесть-семь. Этот городок он толком не знал, но мог предположить, что таких в Висконсине тысячи: бензоколонка, продуктовый магазин, где продают больше пива, чем молока, да ресторан, который так же трудно найти, как и местного производителя мета.

— Там есть какое-нибудь жилье?

— У озера? По-моему, что-то есть.

Даль всматривался в голубое пятно озера Мондак на карте. Вокруг него обозначалась узкая полоса частных владений, которые, в свою очередь, терялись в огромных пространствах национального парка.

Это…

— Там есть еще кемпинги, но все они закрыты до мая, — сказал Джексон.

— Чей телефон?

— Пока еще ждем информации.

У молодого помощника были длинные светлые волосы. Даль большую часть своей жизни носил короткую стрижку.

Шериф полностью утратил интерес к рутинным делам и к пивной вечеринке в честь дня рождения одного из сослуживцев. Она должна была начаться через час в баре «Иглтон Тэп», и он вроде бы только что предвкушал ее с удовольствием. Ему вспомнился прошлогодний случай, когда известный, но достаточно безмозглый педофил подобрал у школы юного Джонни Кэлстона, и у парня хватило сообразительности нажать на кнопку «последний вызов» своего мобильного, прежде чем сунуть его себе в брючный карман. Они едва отъехали от школы, и извращенец даже не успел узнать, какие фильмы нравятся пареньку, когда его взяли. На все ушло ровно восемь минут.

Чудеса современной электроники. Боже, благослови Эдисона! Или Маркони. А быть может, локальную сеть «Спринт»?

Даль вытянулся в кресле и принялся массировать ногу вокруг точек входа и выхода пули (что оказалось совсем не так больно), которую, по всей вероятности, выпустил по нему один из его же подчиненных во время единственного в современной истории города вооруженного ограбления банка.

— Ну, что ты думаешь об этом, Тодд? Все было бы куда проще, если бы звонили по четыреста одиннадцать. Но ведь набирали девятьсот одиннадцать — телефон экстренной помощи.

— А потом отрубились.

— Или кто-то получил пулю, а быть может, нож в спину. И звонок оборвался.

— Пегги пыталась перезвонить, но там сразу включился автоответчик. Даже без гудков.

— И что было записано на автоответчике?

— Что-то вроде: «Привет! Это Стивен. Сейчас я не могу ответить на ваш звонок». Фамилии он не назвал. Пегги оставила ему сообщение, чтобы он с ней связался.

— Какой-нибудь любитель кататься на катере по озеру? — предположил Даль. — Отплыл от берега, а потом возникли проблемы.

— В такую-то погоду?

Апрель в Висконсине к длительным прогулкам не располагает. Прогноз на сегодняшнюю ночь, например, сулил температуру лишь немного выше нуля.

Даль пожал плечами:

— Мои парни готовы лезть в воду, в которую и белый медведь не сунулся бы. А лодочники, они же как любители гольфа.

— Я не играю в гольф.

В этот момент в кабинете появился другой помощник шерифа.

— Мы выяснили фамилию, Тодд.

В руках молодого человека мгновенно появились блокнот и авторучка. Даль даже не понял, откуда они взялись.

— Так. Записываю.

— Стивен Фельдман. Счета за пользование телефоном высылают по адресу: Милуоки, Мельбурн-стрит, дом двадцать один девяносто три.

— Стало быть, один из загородных домов на озере Мондак. Юрист или врач, не рвань какая-нибудь. Пробейте его по компьютеру, — распорядился шериф. — А какой у него номер телефона?

Даль переписал у Джексона номер, после чего тот вернулся в свою кабинку, чтобы проверить информацию по федеральным и местным базам данных. В его распоряжении было все самое необходимое: базы Национального центра криминальной информации, программа розыска лиц, совершивших преступления с применением насилия, архив полиции штата Висконсин, поисковая система «Google».

Апрельское небо за окном поражало пронзительной синевой цвета праздничного девичьего платья. Больше всего в этой части Висконсина Далю нравилась свежесть воздуха. Даже в Гумбольдте — крупнейшем городе округа Кеноша — насчитывалось всего семь тысяч автомобилей, и это на огромной по размерам территории. Конечно, цементный завод выпускал в атмосферу известное количество дряни, но поскольку он являлся единственным промышленным предприятием округа, на него никто особенно не жаловался за исключением нескольких местных представителей Агентства по охране окружающей среды, да и те протестовали не слишком яростно. Видимость здесь была отличная на многие и многие мили.

Без четверти шесть.

— Это... — снова пробормотал Даль.

Вернулся Джексон.

— Вот что мы имеем, шериф. Фельдман работает на городские власти. Ему тридцать шесть. Жена Эмма, юрист из конторы «Хартиган, Рид, Соумз и Карсон». Тридцать четыре года.

— Ха! Юристка. Стало быть, я попал в точку.

— Ни приводов, ни проступков за ними не числится. Имеют две машины. «Мерседес» и «чероки». Детей нет. В том месте у них дом.

— В каком месте?

— Я имею в виду — у озера Мондак. Проверил документы на недвижимость. Долгов по дому не имеется.

— Так он их или не их? Ладно… — Даль нажал на кнопку «повторный звонок» своего телефона уже в пятый раз. — «Привет! Это Стивен. Сейчас я не могу…»

Оставлять еще одно сообщение Даль не стал. Большим пальцем он нажал на рычажок, чтобы разъединиться, чуть помедлил и убрал его. В телефонном справочнике Фельдманы с Мондака не фигурировали. Тогда он набрал номер юридического советника местной телефонной компании.

— Джерри! Чую, поймал тебя на самом выходе. Это Том Даль.

— Я и в самом деле был уже в дверях. У тебя есть ордер, чтобы меня задерживать? Неужто террористов ловишь?

— Ха! Просто хочу узнать, проведена ли линия городского телефона к одному дому у озера Мондак?

— А точнее?

— Это миль двадцать пять отсюда. Адрес: Лейк-Вью, дом номер три.

— Озеро Мондак — это такой городишко?

— Скорее всего, частные участки земли, но входят в наш округ.

И мгновение спустя:

— Нет, кабель туда не проведен. Ни наш и ничей другой. Сегодня все пользуются мобильниками.

— Интересно, что сказал бы на это дедушка Белл?

— Кто?

Когда их разговор закончился, Даль посмотрел на листок бумаги, который ему сунул Джексон, и набрал номер организации, где трудился Стивен Фельдман, — Управления социального обеспечения Милуоки, — но и там отозвался лишь автоответчик. Он повесил трубку.

— Теперь попробуем позвонить жене. Юридические фирмы пашут без выходных. По крайней мере, те, у которых аж четыре совладельца.

На этот раз ему ответила молодая женщина, помощница или секретарь. Даль представился и сказал:

— Мне хотелось бы связаться с миссис Фельдман.

Последовала обычная для таких случаев пауза, потом девушка спросила:

— С ней что-то случилось?

— Нет. Мы просто кое-что проверяем. Насколько я понимаю, она сейчас в своем загородном доме на озере Мондак?

— Верно. Она вместе с мужем и своей подругой из Чикаго поехала туда после работы. Собирались провести там весь уик-энд. Прошу вас, скажите, с ними что-то стряслось? Они попали в аварию?

Тоном, которым Том Даль сообщал родственникам как о смерти члена семьи, так и о благополучных родах, он произнес:

— Насколько мне известно, с ними все в порядке. Мне просто нужно с ней переговорить. Не могли бы вы дать мне номер ее сотового телефона?

В трубке замолчали.

— Понимаю. Вы не знаете, тот ли я, за кого себя выдаю. Перезвоните на телефон оператора окружного центра Кеноша и попросите соединить вас с шерифом. Ведь так вам будет спокойнее?

— Безусловно.

Он положил трубку, и уже через минуту раздался звонок.

— Вообще-то я даже не был уверен, что она перезвонит, — сказал он Джексону, прежде чем ответить.

Секретарь сообщила ему номер мобильного Эммы Фельдман, а он поинтересовался именем и телефонным номером подруги, сопровождавшей ее в поездке.

— С этой женщиной Эмма прежде работала, но как ее зовут, я не знаю.

Даль попросил секретаря передать Эмме, чтобы та немедленно связалась с ним, если позвонит в офис, и дал отбой.

Мобильник Эммы тоже находился в режиме автоответчика.

— Это... — Даль выдохнул слово, как выпустил бы из губ струйку табачного дыма семь лет и четыре месяца тому назад. Он уже принял решение. — Мне лучше сейчас отоспаться... У нас есть кто-нибудь на задании в тех краях?

— Ближе всех Эрик. Отправился проверять сигнал об угоне машины в Хобарте, который оказался ложным. Типа, жена уехала, а я и не знал, прощения просим.

— Эрик, значит…

— Он звонил минут пять назад. Сказал, что поехал ужинать в Босвич-Фоллз.

— Эрик.

— А больше там никого из наших на тридцать километров в округе. Да и кому там быть в это время года? Заповедник-то еще закрыт.

Сквозь стекло своего кабинета Даль мог видеть весь разделенный на кабинки рабочий зал. Джимми Барнс, тот его заместитель, что собирался праздновать день рождения, стоял в обществе двух коллег. Все трое захлебывались смехом. Если шутка действительно так хороша, сегодня вечером ее повторят еще не раз.

Затем взгляд шерифа остановился на столе, за которым никто не сидел. Морщась, он снова принялся массировать старую рану на бедре.

— «Как все прошло?»

— Джоуи в порядке, — сказала она. — В полном порядке.

Бринн наблюдала за мужем, умудрявшимся в кухне делать два дела сразу. Грэм варил спагетти, продолжая укладывать новый кафель. Около четырех квадратных метров кухонного пола было обнесено желтой лентой, какой полицейские обозначают место преступления.

— Привет, Грэм! — поздоровался мальчик.

— Здорово, молодой человек! Как ты сегодня?

Худощавый двенадцатилетний парнишка в мешковатых брюках, ветровке и черной вязаной шапочке приветственно поднял руку: «Прекрасно». Он уже почти дорос до пяти футов и пяти дюймов[5] своей матери. Веснушки, покрывавшие его круглое личико, он унаследовал не от нее. От Бринн ему достались прямые каштановые волосы, пряди которых выбивались сейчас из-под спортивной шапочки.

— Слышал, у тебя даже нет рогатки. Так с тобой ни одна девчонка гулять не будет.

— Ха-ха! — Пасынок Грэма наморщил нос при упоминании о противоположном поле. Мальчик достал из холодильника упаковку с соком, вставил в нее соломинку и быстро опорожнил.

— На ужин сегодня спагетти.

— За-ши-бись!

Парень уже напрочь забыл и о болячках, полученных при катании на скейтборде, и об одноклассницах. Он кинулся вверх по лестнице, перескакивая через книжки, сваленные на нижних ступеньках, которые давно пора было убрать на полку.

— Шапка! — окликнул его Грэм. — Шапку в доме положено снимать.

Мальчик сдернул головной убор, продолжив путь наверх.

— Эй, полегче там! — снова крикнул Грэм. — У тебя же рука…

— С ним все в порядке, — повторила Бринн. Она повесила свой темно-зеленый пиджак в стенной шкаф в прихожей и вернулась на кухню. На вкус жителей Среднего Запада она считалась красоткой. Широковатые скулы делали ее немного похожей на коренную американку, хотя происхождения она была ирландско-норвежского, что вполне соразмерно отражалось и в ее полном имени: Кристен Бринн Маккензи. Быть может, благодаря стянутым в тугой «конский хвост» волосам некоторые принимали ее за бывшую балерину, без сожалений расставшуюся со сценой, хотя за всю свою жизнь Бринн приходилось танцевать только в школе и городском клубе.

«Следить за собой» для нее означало выщипывать и подкрашивать брови. Существовали и более амбициозные планы работы над своей внешностью, но пока ни один из пунктов осуществлен не был. Если в ее лице и имелось нечто неправильное, так это нижняя челюсть. При взгляде анфас можно было заметить, что она чуть кривовата. Грэм находил это очаровательным и даже сексуальным. Бринн свой подбородок ненавидела.

Он спросил:

— Разве у него не перелом руки?

— Нет. Просто кожу ободрал. В этом возрасте у них все заживает мгновенно.

Она взглянула на кастрюлю. Спагетти выглядели аппетитно.

— Хорошая новость. — В кухне было жарко, и Грэм Бойд — высокий мужчина под шесть футов три дюйма — закатал рукава, обнажив сильные руки с двумя шрамами. Позолота с его часов почти облезла. Единственным украшением ему служило обручальное кольцо, все в царапинах и потускневшее. Точно такое же красовалось на пальце у Бринн рядом с кольцом, подаренным на помолвку: его она носила ровно на месяц дольше, чем обручальное.

Грэм принялся за банки с помидорами. Острый диск консервного ножа легко справлялся с крышками в его ловких руках. Он чуть уменьшил пламя под сковородкой, в которой тушился лук.

— Устала?

— Есть немного.

Тем утром Бринн выехала из дома в половине шестого утра. Намного раньше, чем начиналось дежурство, но она посчитала нужным заглянуть на стоянку домов на колесах, где накануне разгорелась семейная ссора. В итоге никто не попал под арест, а закончилось все тем, что пристыженные супруги, обливаясь слезами, заключили друг друга в объятия. Бринн, тем не менее, хотела лично убедиться, что густой слой косметики на лице женщины не прятал синяка, который та пыталась скрыть от полиции.

Нет. К шести утра Бринн уже точно знала — случился просто перебор с продукцией «Макс Фактор».

Начав работу затемно, Бринн рассчитывала вернуться домой пораньше, что для нее означало часам к пяти вечера. Но тут ей позвонила знакомая медсестра из больницы со словами:

— Только не волнуйся, с ним ничего страшного...

Десять минут спустя она уже сидела в травмпункте вместе с сыном...

Бринн сдернула с себя служебную рубашку цвета хаки.

— По-моему, от меня воняет.

Грэм окинул взглядом три полки с доброй дюжиной поваренных книг. По большей части они принадлежали Анне, которая перебралась к ним жить после болезни. Впрочем, Грэм частенько листал их в последнее время, взвалив на себя обязанности по дому. Его теща все еще была недостаточно здорова, чтобы готовить. А Бринн... Скажем так: Бринн кулинарными способностями не отличалась.

— Ох, а про сыр-то забыл! — Грэм принялся рыться среди банок в кладовке. — Что же это я? — Затем он вернулся к плите, большим и указательным пальцами растирая в порошок орегано.

— День прошел нормально? — спросила она.

Он рассказал, как забарахлила одна ирригационная система. Ее включили преждевременно, еще первого апреля, и она дала течи в десятках точек, поскольку ударили заморозки, которые предвидели все, кроме владельца. Вернувшись домой, тот обнаружил, что по его саду словно прошелся ураган «Катрина».

— Я смотрю, дело у тебя продвигается? — Она кивнула в сторону стопки кафельной плитки.

— Идет помаленьку. А что, за преступление последует наказание?

Она вопросительно вскинула брови.

— Я о Джоуи и скейте.

— А! Запретила прикасаться к нему три дня.

Грэм промолчал, сосредоточив внимание на приготовлении соуса. Считает, что она слишком либеральна с сыном?

— Быть может, и дольше. Там видно будет.

— По-моему, все это нужно запретить, — сказал Грэм. — Они съезжают по лестницам, подпрыгивают. Безумие какое-то!

— Он всего лишь катался на школьном дворе. Там всего три ступени, ведущие к парковке. Все парни это делают.

— Ему нужно надевать шлем. А он все время оставляет его дома.

— Верно. Он будет его носить. Я уже говорила с ним об этом.

Грэм посмотрел наверх, куда поднялся пасынок.

— А может, мне с ним потолковать? Как мужчина с мужчиной, так сказать.

— Я бы не стала. Не нужно слишком на него давить. Он уже и так все понял.

Бринн открыла бутылочку пива и отпила половину. Кинула в рот пригоршню пшеничных хлопьев.

— Пойдешь сегодня играть в покер?

— Пойду, наверное.

Она кивнула, наблюдая, как он своими длинными пальцами лепит из фарша фрикадельки.

— Милая! — донесся голос. — Как там наш мальчик?

— Привет, мам!

Семидесятичетырехлетняя Анна стояла в дверях, принаряженная, как всегда. В этот раз на ней был черный брючный костюм и золотистого оттенка водолазка. Ее короткой стрижкой только вчера занимался парикмахер. По четвергам она всегда наведывалась в салон «Модные прически».

— Пустяки. Два синяка да три царапины.

Грэм не удержался:

— Катался на скейтборде по лестнице.

— Господи боже!

— Всего-то по трем ступенькам, — поправила Бринн, потягивая пиво. — Все нормально. Он больше не будет. Ничего страшного не произошло, ну в самом-то деле! Мы все когда-то творили глупости.

— И что ваша дочь творила по молодости лет? — спросил Грэм Анну, кивком указывая на жену.

— О, мне есть что порассказать.

Но говорить ничего не стала.

— Я возьму его с собой поиграть в пейнтбол или куда-нибудь еще, — предложил Грэм. — Надо направить его энергию в другое русло.

— Прекрасная мысль!

Грэм порвал на куски салатные листья.

— Как насчет спагетти, Анна?

— Мне по вкусу все, что ты готовишь. — Анна взяла бокал с шардоне, который наполнил для нее зять.

Бринн смотрела, как муж достает из буфета тарелки.

— По-моему, на них пыль. Должно быть, от укладки кафеля?

— Вообще-то я заклеил щель скотчем и снял его, когда закончил.

Однако после некоторого колебания все же сунул посуду под кран.

— Кто-нибудь отвезет меня сегодня вечером к Рите? — спросила Анна. — Меган занята, ей нужно заехать за сыном. Это часа на полтора, не больше. Я обещала помочь с ванной.

— Как она себя чувствует? — спросила Бринн.

— Не слишком хорошо. — Анна и ее лучшая подруга заболели практически одновременно, но если лечение Анны прошло благополучно, то Рите повезло меньше.

— Я тебя отвезу, — сказала Бринн матери. — Нет проблем. В котором часу?

— Около семи. — Анна повернулась в сторону гостиной — семейному центру небольшого дома Бриннов на окраине Гумбольдта. По телевизору шел выпуск вечерних новостей. — Нет, вы только послушайте! Снова бомба. Ну что это за люди такие…

Зазвонил телефон. Трубку снял Грэм.

— Привет, Том! Как поживаешь?

Бринн поставила пивную бутылку на стол, глядя на мужа, зажавшего трубку в своей широкой ладони.

— Да, я смотрел. Хорошая была игра. Тебе нужна Бринн, как я догадываюсь. Подожди секунду, она рядом со мной.

— Начальство… — прошептал он, передавая ей трубку и возвращаясь к приготовлению ужина.

— Том, привет!

Первым делом шериф поинтересовался здоровьем Джоуи. Она уже решила, что ей сейчас прочтут лекцию об осторожном обращении со скейтбордами, но ошиблась. Шериф описал ей ситуацию у озера Мондак. Она внимательно слушала, время от времени кивая.

— Нужно, чтобы кто-то выяснил, что там стряслось. Для тебя это ближе, чем для всех остальных.

— А Эрик?

Грэм щелкнул газовой зажигалкой у плиты. Посыпались голубые искры.

— Я бы не хотел поручать это ему. Ты же его знаешь.

Грэм помешивал ложкой в кастрюле. Внутри находилось в основном содержимое консервных банок, но он все равно размешивал его, словно то были нарезанные вручную ингредиенты. В гостиной диктора-мужчину сменила ведущая Кэти Курик.

— Вот это, я понимаю, новости, — провозгласила Анна. — Так-то намного лучше.

Бринн пыталась отговориться от поездки, но в итоге сдалась:

— Будешь должен мне полдня отгула, Том. Давай адрес.

Грэм повернулся к ней. Даль передал трубку своему заму Тодду Джексону, который продиктовал адрес. Бринн записала его и повесила трубку.

— Вероятно, какая-то проблема у озера Мондак. — Она бросила взгляд на свое пиво, но не отпила больше ни глотка.

— Ох, как некстати, детка!

— Извини. Мне пришлось согласиться. Я ведь сегодня рано сорвалась с работы из-за Джоуи.

— Но ведь Том даже не упомянул об этом.

Она помолчала, прежде чем признать:

— Нет, не упомянул. Просто я к тому месту ближе всех.

— По-моему, речь еще шла об Эрике.

— Эрик парень проблемный. Я ведь тебе о нем рассказывала.

Эрик Мюнс регулярно читал журнал «Солдаты удачи», носил второй пистолет у лодыжки, словно служил в трущобах Детройта, и самостоятельно искал производителей мета, вместо того чтобы выполнять свои прямые обязанности — брать тесты на алкоголь у подозрительных водителей и следить, чтобы детишки не бродили по улицам после десяти вечера.

— Мне позвонить Рите? — спросила Анна, стоявшая в дверном проеме.

— Не надо. Я вас подброшу, — пообещал Грэм.

Бринн закупорила бутылку пробкой.

— А как же твой покер?

Муж посмотрел на нее и улыбнулся:

— Обойдусь. К тому же у нас Джоуи ранен. Лучше побыть дома и присмотреть за ним.

Она сказала:

— Ужинайте без меня. А посуду оставьте. Помою, когда вернусь. Меня и не будет-то всего пару часов.

— Хорошо, — согласился Грэм. Все понимали, что и посуду помоет он сам.

Она надела кожаный пиджак, который был легче форменной аляски, выданной в департаменте шерифа.

— Я позвоню, как только туда доеду. Сообщу, когда примерно вернусь. Прости, что так вышло с твоей игрой, Грэм.

— До скорого, — сказал Грэм, опуская пучки спагетти в кипящую воду.

К северу от Гумбольдта тянулись неровные участки пастбищ, отделенные друг от друга где хлипкой оградой, где каменной стеной, а местами — живой изгородью. Солнце уже касалось кромки холмов на западе, и в его свете пасущиеся коровы и овцы выглядели чрезмерно крупными и аляповатыми скульптурами для лужаек перед домами. Через каждую сотню метров объявления вдоль дороги призывали туристов свернуть налево или направо, соблазняя домашними сырами, ореховыми рулетами и нугой, кленовым сиропом, прохладительными напитками и мебелью из сосны. Предлагалась и экскурсия по винограднику. Бринн

Маккензи вино любила, но, прожив в Висконсине всю свою жизнь, никогда не пробовала местного.

Милях в восьми от города вся эта завлекаловка исчезла, как не бывало. Вдоль шоссе потянулись сосны и дубы, а дорога сузилась с четырех полос до двух. Окружающие холмы покрывала здесь густая растительность, и скоро по всей округе стояли уже сплошные леса. Кое-где можно было различить почки на ветках, но лиственные деревья большей частью оставались еще серыми и нагими. Вот сосны отливали густой зеленью, хотя встречались и погибшие то ли от кислотных дождей, то ли от насекомых-паразитов.

Бринн умела различать можжевельник, пихты, темнохвойные ели, пеканы, сучковатые ивы и, конечно же, могучие дубы, клены и березы. Под кронами деревьев разрослись осока, чертополох, амброзия и кусты черники. Нарциссы и крокусы обманом пробудила к жизни та самая оттепель, что погубила сад клиента Грэма.

Жена ландшафтного дизайнера, она почерпнула большую часть сведений о местной флоре не от мужа. Ей это требовалось знать для работы. Бурный рост производства мета в отдаленных уголках сельской Америки заставил местную полицию, которая прежде занималась в основном отловом пьяных водителей, охотиться на изготовителей наркотиков иногда в самой глухомани.

Бринн, одна из немногих офицеров своего департамента, не ленилась каждый год проходить курсы тактической переподготовки в специальном учебном центре полиции штата, располагавшемся в окрестностях Мэдисона. Там учили приемам самообороны, технике ареста и помимо прочего читали лекции о растениях — какие из них опасны, какие пригодны в качестве укрытия, а какие могли при случае и жизнь спасти (даже молодая древесина твердых пород задерживала в себе пулю, выпущенную практически в упор).

Она взяла с собой девятимиллиметровый «глок», свисавший с бедра. В штатном полицейском «форде» хватило бы места для любых аксессуаров, но сейчас она вела обычную «хонду», где устройство водительского сиденья и крепления ремня безопасности под пистолет рассчитаны не были, и он слегка давил ей на бедро. Утром на этом месте она обнаружит синяк. Бринн немного поерзала на сиденье и включила радио. Национальные новости, потом немного музыки кантри, ток-шоу, прогноз погоды. Затем вообще выключила приемник.

Навстречу попадались то тяжелые грузовики, то легковые машины, но все реже и реже, пока она не осталась на шоссе совершенно одна. Дорога поднималась вверх, и Бринн увидела перед собой первую ночную звезду.

Вершины холмов в этих местах были покрыты расщелинами и лишены растительности. Появились и признаки располагавшихся неподалеку озер: заросли рогозы, вахты и серебристые головки камыша. В самом центре болота неподвижно стояла цапля, направив и клюв и взгляд на проезжавшую мимо машину.

Бринн поежилась. Снаружи было градусов двенадцать тепла, но пейзаж выглядел тоскливым и холодным. Она включила фары. Зазвонил мобильник.

— Привет, Том!

— Хотел еще раз сказать спасибо, что взялась за это, Бринн.

— Да ладно тебе!

— Тодд кое-что выяснил. — Признав, что ни по одному из известных им двух сотовых телефонов дозвониться пока не удалось, Том сообщил, что в доме должны находиться супруги Фельдман — Стивен и Эмма — и женщина из Чикаго, в прошлом сослуживица Эммы, приехавшая вместе с ними.

— Стало быть, их там трое?

— Насколько мы знаем, да. О самом Фельдмане сказать особо нечего. Он трудится в городской службе социального обеспечения. А вот его жена, Эмма… Тут что-то возможно. Она — юрист из крупной фирмы в Милуоки и, вполне вероятно, раскопала нечто скандальное при работе над одним из своих дел.

— Что именно?

— Детали мне неизвестны. Но приятель из управления полиции Милуоки намекнул на это.

— То есть она может быть свидетелем или носителем информации — что-то в этом роде?

— Именно.

— А тот звонок по девятьсот одиннадцать. Что успели сказать?

— Только «это».

Она выдержала паузу.

— Не поняла. Что?

Он усмехнулся:

— Соображай быстрее. Я имею в виду, что он произнес только одно слово — «это». Это.

— И все?

— И все. Но дело может оказаться нешуточным. Тодд разговаривал с ФБР в Милуоки.

— Значит, даже федералы заинтересовались… Ей угрожали?

— Об этом никто не слышал. Но, как говаривал мой папаша, угрожающие никогда ничего не делают. Те, кто делает, обычно обходятся без угроз.

У Бринн заныло внизу живота. Не столько от страха, сколько от легкого волнения. За последний месяц у нее уже было одно вполне серьезное дело, не связанное с угоном машины. Перевозбудившийся подросток вооружился бейсбольной битой и пошел крушить окна торгового центра «Саутленд», грозя побоями покупателям. Все могло закончиться весьма плачевно, но ей удалось обезоружить парня после короткой беседы с глазу на глаз. Она помнила, как улыбалась, глядя на его полубезумное лицо, улыбалась, хотя сердце при этом выдавало куда больше ударов, чем ему обычно положено.

— Ты там поосторожнее, Бринн. Понаблюдай сначала за домом издали. Не вламывайся сразу. Чуть что не так, вызывай подмогу и жди.

— Так точно. — Но подумала: «Едва ли до такого дойдет», закрыла мобильник и сунула его в ячейку для стакана у переключателя коробки передач.

Это напомнило, что она хочет пить, да и голодна тоже. Но подобные мысли лучше отбросить. Все четыре придорожных ресторана, оставшихся позади, стояли закрытыми. Она проверит, что там стряслось у озера Мондак, и вернется домой, где ее ждут спагетти Грэма.

При этом ей почему-то вспомнились ужины с Кейтом. Ее первый муж тоже иногда готовил. Точнее, вечерами почти всегда готовил именно он, если только ему не доставалась вторая смена на дежурстве.

Она чуть сильнее надавила на педаль акселератора, отметив, что по приемистости «краун» превосходил «хонду», как вкус свежесваренной картошки превосходит качество пюре из коробки полуфабриката.

Избавиться от мыслей о еде оказалось не так-то просто.

— Да, парень! Ловко тебя подстрелили.

В спальне первого этажа дома Фельдманов Харт, задернув шторы, разглядывал левый рукав своей коричневой фланелевой рубашки. На темной изначально ткани между кистью руки и локтем расплылось еще более темное пятно крови. Его кожаная куртка валялась на полу, а сам он растянулся на кровати, обычно предназначавшейся для гостей.

— Ты только посмотри на это! — Дернув себя за зеленую серьгу в ухе, тощий Льюис перестал наконец раздражать приятеля очевидными и бессмысленными ремарками, осторожно закатывая ему рукав.

Оба уже сняли чулочные маски и перчатки.

— Смотри, не наследи тут слишком, — указал Харт на руки напарника.

Льюис демонстративно проигнорировал предупреждение.

— Вот это был сюрприз, а, Харт? Сучка нас обставила на раз. Я даже предположить не мог… Кто она, черт возьми, такая?

— Не знаю, Льюис, — ответил Харт, терпеливо наблюдая, как рукав ползет вверх, обнажая плоть. — Да и откуда мне это знать?

«Это будет просто, как дважды два, Харт. Риска вообще никакого. Остальные дома пусты. Их там всего двое. И ни одного рейнджера из заповедника или полицейского на многие мили кругом».

«У них есть оружие?»

«Смеешься? Это же городские стиляги. Она юрист, а он — соцработник».

Харту едва перевалило за сорок. Лицо его имело форму удлиненного овала. Не стянутые маской волосы свесились ниже плотно прижатых к голове ушей. Как ни старался он отбрасывать назад темные пряди, послушно лежать они не хотели. Он любил шляпы и владел целой коллекцией. К тому же, по его мнению, шляпа хорошо отвлекала внимание. Кожа на лице Харта бугрилась. Не от юношеских прыщей. Просто была такой всегда.

Он не отводил глаз от своего предплечья с желто-пурпурным обрамлением черного отверстия, откуда продолжала сочиться кровь. Пуля прошила мышцу насквозь. Пару сантиметров левее, и был бы промах, а правее — и свинец раздробил бы кость. Так можно считать его везучим или нет?

— Крови немного. Значит, вена не задета, — сказал Харт больше самому себе, чем Льюису, и попросил: — Сможешь найти спирт, кусок мыла и какую-нибудь тряпку на перевязку?

— Смогу, должно быть.

Глядя в спину приятеля, Харт в который уже раз поразился, какого лешего тому понадобилась татуировка в виде яркого красно-синего кельтского креста на шее.

— Спирта нет, — донесся голос Льюиса из ванной. — Но в баре я видел виски.

— Поищи водки. От виски слишком сильный запах. Может подвести. И не забудь про перчатки.

Его тощий приятель раздраженно вздохнул, или это только показалось?

Несколько минут спустя Льюис вернулся с бутылкой водки. Бесцветная жидкость и впрямь распространяла куда менее резкий запах, чем виски, но Харт сразу почуял, что Льюис основательно приложился к напитку. Он надел перчатку, взял бутылку и стал поливать рану. Боль была невыносимой.

— Вот так... — выдохнул он, невольно подавшись вперед. Его взгляд привлекла одна из картин на стене. Он не мог отвести от нее глаз. Рыба, выпрыгнувшая из воды и ухватившая ртом муху. Чего ради люди покупают такое дерьмо? — Уф-ф-ф...

— Ты, надеюсь, не вырубишься, приятель? — спросил Льюис, словно для него это могло стать большим неудобством.

— Нет, все в порядке. — Харт снова откинулся головой на подушку. В глазах потемнело, но он сделал несколько глубоких вдохов, и зрение прояснилось. Он принялся втирать мыло цвета слоновой кости вокруг раны.

— Это еще зачем?

— Подсушивает и останавливает кровотечение.

— Ну, ты даешь!

Харт проверил, действует ли рука. Он смог поднять и опустить ее, полностью контролируя движение и не чувствуя особой боли. Затем попытался сжать кулак. Хватка пальцев ощутимо ослабла, но, по крайней мере, они тоже работали.

— Гребаная сучка! — пробормотал Льюис.

Харт не тратил эмоций на злобу, испытывая явное облегчение. Ему всего-навсего прострелили руку, а дело могло кончиться пулей в башке.

Он вспомнил, как стоял в кухне, почесывая лицо сквозь чулок, и вдруг заметил перед собой промельк какого-то движения. То, что он увидел, было отражением женщины, которая подкрадывалась сзади, наводя на него пистолет.

Харт отпрыгнул в сторону, когда грянул выстрел, и распластался на полу, даже не почувствовав, что ранен. Женщина метнулась к входной двери, и вдогонку ей он выпустил две пули из своего «глока». Льюис, находившийся рядом — ему предстояло умереть следующим, — тоже растянулся на полу, уронив сумку с закусками, которую только что достал из холодильника.

Затем послышался треск выстрелов со двора, и Харт понял, что стреляет она по колесам «форда» и «мерседеса», чтобы лишить их возможности ее преследовать...

— Это все из-за твоей беспечности, — мрачно констатировал Харт.

Льюис бросил на него виноватый взгляд, да он и был виновен. Худощавому напарнику Харта в тот момент следовало находиться вовсе не в кухне, а в гостиной. Впрочем, Харт не стал развивать эту тему.

— Как думаешь, ты попал в нее? — спросил Льюис.

— Нет. — У Харта слегка кружилась голова. Он прижал ствол глока ко лбу. Холод металла окончательно привел его в чувство.

— Кто же она, черт побери, такая? — не унимался Льюис.

Ответ на этот вопрос они получили, обнаружив в гостиной ее сумочку — крошечную штучку с кое-какой косметикой, наличными деньгами и кредитными картами.

— Мишель, — произнес Харт, разглядывая одну из кредиток. Он поднял взгляд: — Ее зовут Мишель.

Его поймала на мушку какая-то Мишель.

Поморщившись, Харт пересек гостиную по старенькому коричневато-зеленому ковру и выключил в комнате свет. Затем через проем входной двери осторожно выглянул во двор. Никаких признаков ее присутствия он не обнаружил. Льюис отправился было в кухню.

— Я и там вырублю свет.

— Не надо туда сейчас ходить. Оставь. Слишком много окон без штор. Ты будешь у нее как на ладони.

— Да что ты дрейфишь! Сучки давно и след простыл.

С мрачным видом Харт оглядел свою руку, словно спрашивая: хочешь рискнуть? Льюис понял его без слов. Они снова выглянули во двор через центральные окна фасада, но не увидели ничего, кроме лесной чащи. Ни проблеска света, ни тени, что шевельнулась бы посреди сумерек. Звуки подавали только лягушки, да пара летучих мышей металась зигзагами на фоне ясного еще неба.

Льюис сказал:

— Эх, жаль, я не знал про этот твой фокус с мылом раньше! Это ловко. А то у меня с братишкой был однажды случай в Грин Бэй. Мы с ним ничего такого не делали, просто болтались. И вот отошел я отлить к железнодорожным путям, а на меня сзади эта мразь возьми и набросься. У него был упаковочный нож. Порезал меня до кости, сволочь бездомная. Кровища хлестала, как из свиньи на скотобойне.

Харт не мог понять, к чему это рассказывается. Надо было приводить парня в чувство.

Тот продолжал:

— Ох, и рассвирепел же я тогда на того чувака, Харт! Он у меня получил по полной, хоть я и истекал кровью. Ему досталось гораздо больше, чем мне, можешь поверить.

Харт стиснул раненую руку, и это помогло впоследствии одолеть боль, настолько сильным было первое ощущение. Сжимая в правой ладони рукоятку пистолета, он, слегка пригнувшись, шагнул наружу. Стрельбы не последовало. Ни один куст не шелохнулся. К нему присоединился Льюис.

— Сучка сбежала, говорил же тебе. Она, должно быть, уже на полпути к шоссе.

Харт осмотрел машины и недовольно скривился:

— Ты только погляди! — И у «мерседеса» Фельдманов и у «форда», который Харт угнал накануне, полностью спустили по два колеса. К тому же они были разных размеров, и запаска одного автомобиля не подходила к другому.

— Дерьмовая ситуация, — отозвался Льюис. — Что, пора ловить попутку?

Харт обвел взглядом окружавший дом лес, теперь уже совсем темный. Лучшего места, чтобы затаиться и не придумаешь. И это, черт побери, хорошая новость.

— Попробуй-ка залатать для начала хотя бы одно из этих колес, — кивнул он на «форд».

Льюис усмехнулся:

— Я тебе что, какой-нибудь сраный автомеханик?

— Я сделал бы это сам, — сказал Харт, с трудом сохраняя спокойствие. — Но мне, видишь ли, теперь трудновато. — Он указал на свою раненую руку.

Тощий подергал себя за серьгу — гвоздик с зеленым камешком — и нехотя побрел к машине.

— А ты чем займешься?

Чем еще он мог заняться? С пистолетом наизготовку Харт двинулся в том направлении, куда, как он предполагал, побежала Мишель.

За восемь миль до озера Мондак невзрачные пейзажи стали чередоваться с просто пугающе неприглядными. Никаких ферм. Только поросшие лесом холмы с отвесными стенами обнаженных скал.

Бринн Маккензи проехала через Клосен — городок, примечательный тремя автозаправками, две из которых не имели даже названия, несколькими магазинами — продуктовым, винным и автозапчастей — да большой свалкой. Дорожный знак указывал направление к закусочной «Сабвей», но та находилась более чем в трех милях. Она заметила еще одну вывеску, рекламирующую горячие сосиски в окне магазина «Квик март». Был соблазн остановиться, но и это заведение оказалось закрыто. На противоположной стороне дороги высилось здание в стиле эпохи Тюдоров с выбитыми стеклами и провалившейся крышей. Его украшала вывеска, на которую наверняка покушался не один местный подросток: «Девичья мечта». Но то ли она располагалась слишком высоко, то ли была намертво прикреплена к стене, но ее так никто и не украл.

Затем из виду пропали и эти последние признаки цивилизации, и Бринн продолжила путь среди леса и скал, меж которых лишь изредка попадались заросшие травой поляны. Любое видимое жилье

располагалось теперь на значительном удалении от дороги — в основном трейлеры и бунгало, из труб которых поднимались к небу струйки дыма. Их тускло освещенные окна напоминали заспанные глаза. Фермерствовать на такой почве было невозможно, и здешнее население пользовалось ржавыми грузовичками или легковушками времен нашествия на Америку японской марки «датсун», чтобы добираться до работы в другие места. Это при условии, что работа у них вообще была.

Она проехала еще несколько миль. Три легковушки и фура промчались за это время навстречу. В одном с ней направлении не ехал никто. Ни спереди, ни сзади.

В 18.40 она миновала рекламный плакат, сообщающий, что до кемпинга при Национальном парке Маркетт осталось десять миль. Открытие 20 мая. Это означало, что озеро Мондак совсем рядом. Затем она увидела указатель, гласивший:

ПРОЕЗД ЛЕЙК-ВЬЮ

ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ

ПОСТОРОННИМ ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН

ПРОХОД К ОЗЕРУ ЗАКРЫТ

ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ШТРАФ!

«И вам добрый вечер…»

Она свернула с шоссе на лишь местами покрытый гравием грязный проселок. Теперь она уже жалела, что поехала на «хонде», а не на пикапе Грэма. Если можно верить сведениям, сообщенным ей Тоддом Джексоном, до загородного дома номер три по Лейк-Вью, которым владели Фельдманы, оставалось полторы мили. Еще он добавил, что подъездная дорожка к их дому «в длину равняется двум футбольным полям». По крайней мере, так это выглядело на поисковике «Yahoo!».

Бринн медленно повела машину сквозь туннель сомкнувших кроны деревьев, мимо кустов и густого покрывала прошлогодних листьев вдоль проселка. Окружавший пейзаж с преобладанием голых веток навевал тоску.

Дорога вдруг слегка расширилась, ивы, сосны и заросли болиголова справа расступились, и перед ней открылся вид на озеро. Она предпочитала не проводить много времени у воды, которая ее не привлекала, и чувствовала себя намного увереннее, ощущая под ногами земную твердь. Правда, с Кейтом они частенько ездили на побережье

Мексиканского залива в дельте реки Миссисипи, но в основном по его инициативе. Там Бринн главным образом читала, возила Джоуи по паркам развлечений и на пляж. Кейт почти безвылазно сидел в казино. Нельзя сказать, что она любила эти поездки, но, по крайней мере, коричневатые волны, накатывавшие на берег, выглядели там гостеприимными и теплыми, как местное население. А здешние озера казались бездонными и холодными, при виде же скалистых берегов и темной воды появлялись мысли об опасных змеях и пиявках.

Она вспомнила, что однажды на курсах полиции штата им читали лекцию о технике спасения на воде. Практические занятия проводились вот на таком же примерно озере. И хотя она справилась с заданием — нырнула и спасла из перевернувшейся лодки утопающего, которым служил манекен, — ощущения при этом испытала пренеприятные.

Она осмотрелась, проверяя, не видно ли где тонущего катера, автомобильной аварии и лесного пожара.

Или «незаконно проникших лиц».

Было все еще достаточно светло, чтобы передвигаться без помех, и она выключила фары, стараясь не слишком афишировать свое появление. И ехала она теперь еще медленнее, сводя шум колес к минимуму.

Бринн миновала первые два дома на этой частной территории. Совершенно темные, они стояли поодаль, и к ним вели длинные подъездные дорожки, петлявшие среди деревьев. То были крупные здания — на четыре или пять спален, — старинные, солидные, мрачноватые. Выглядели они действительно угрюмо. И было в этом что-то от театральной декорации к какой-нибудь семейной драме: вот сейчас вспыхнут софиты, и перед зрителем пройдут картины более счастливых дней, которые эти дома, должно быть, знавали.

Бунгало, где поселилась сама Бринн после того, как Кейт выкупил ее долю в их бывшем доме, легко поместилось бы внутри каждой из этих построек, и еще осталось бы немало свободного места.

Ее «хонда» крадучись двигалась дальше, и вот уже среди сосен и елей образовалась прогалина, а чуть впереди слева от дороги она увидела край дома номер три — владения Фельдманов. Он оказался крупнее остальных, хотя построен был в том же стиле. Из трубы шел дым. Окна были в основном черны, но через плотные шторы или жалюзи двух из них — со стороны заднего двора и на втором этаже — пробивался свет.

Бринн поехала к дому, и он на время пропал из виду за сомкнувшимися стволами соснового борка. Она похлопала ладонью по рукоятке глока.

Для нее это было не суеверным жестом, а чисто практическим приемом, усвоенным много лет назад: необходимо точно знать, как расположено твое оружие, на тот случай, если придется срочно им воспользоваться. Бринн помнила, что перезарядила обойму на прошлой неделе, вставив в нее тринадцать патронов, хотя пистолет был более многозарядным. Число тринадцать опять-таки не являлось данью суеверию. Просто этого было более чем достаточно для любых инцидентов в округе Кеноша. К тому же, вставляя в обойму каждый патрон, приходилось применять всю силу большого пальца.

Том Даль распорядился, чтобы его заместители появлялись в тире для учебной стрельбы не реже раза в месяц, но Бринн практиковалась раз в две недели. Этот навык, хотя и редко применялся на службе, был жизненно важен, и она всаживала в мишени по паре коробок ремингтоновских патронов каждый второй вторник. Ей приходилось участвовать в перестрелках. Обычно ее противники были либо пьяны, либо готовы на самоубийство, и Бринн на опыте убедилась: даже короткий обмен выстрелами с другим человеком всегда оборачивается хаосом, грохотом и столь опасен, что требуется использовать любое свое преимущество. Одним из них стало доведенное до автоматизма умение быстро доставать пистолет и пускать его в ход.

Последнюю тренировку ей пришлось пропустить из-за очередного происшествия с Джоуи, ввязавшегося в школьную драку. Но уже в шесть утра на следующий день она была в тире и, все еще злая на сына, расстреляла пятьдесят патронов. Кисть руки болела потом до самого вечера.

Ярдах в сорока от начала подъездной дорожки к дому Фельдманов Бринн остановила машину на обочине, спугнув взметнувшуюся в воздух стайку фазанов. Остаток пути она собиралась пройти пешком.

Она доставала свой мобильный из подстаканника, чтобы отключить звук перед тем, как приблизиться к вероятному месту преступления, когда он зазвонил. На определителе высветилось имя Тома.

— Послушай, Бринн…

— Чувствую, ничего хорошего. Что теперь? Выкладывай.

Он вздохнул. Ее раздражало, что он тянет резину, хотя еще больше бесила та новость, которую, как она догадалась, Том собирался сообщить.

— Мне очень жаль, Бринн. Правда, жаль. Боюсь, я напрасно потратил твое время.

Вот ведь черт!

— А подробнее?

— Обнаружился Фельдман. Муж хозяйки дома.

— Он перезвонил?

— Да, мне сообщили об этом из центра связи. Фельдман сказал, что номер девятьсот одиннадцать у него заложен в память для вызова одной кнопкой. Нажал, говорит, по ошибке. Тут же дал отбой и даже не подозревал, что звонок прошел.

— Ох, Том... — Она с недовольной гримасой наблюдала, как дрозды ковыряют клювами землю рядом с цветком ландыша.

— Понимаю, прости.

— А главное, я уже на месте. Даже дом вижу.

— Быстро ты добралась.

— Так ведь и вызов пришел по девятьсот одиннадцать, если ты еще не забыл.

— Я дам тебе отгул на целый день.

И когда это, интересно, она сможет им воспользоваться? Бринн протяжно вздохнула:

— По крайней мере, ужинаю я сегодня за твой счет. И не в каком-нибудь «Бургер Кинге». Я пойду в «Чили» или в «Бенниган».

— Никаких проблем. Приятного тебе аппетита.

— Доброй ночи, Том.

Бринн набрала номер Грэма, но услышала лишь автоответчик. Прежде чем он включился, в трубке прозвучали четыре гудка. Она оставила сообщение, что ее вызов оказался ложной тревогой. Дала отбой. Потом позвонила еще раз. Теперь автоответчик сработал сразу. Второго сообщения она оставлять не стала. Его нет дома?

«А как же твой покер?»

«Обойдусь...»

По некотором размышлении Бринн увидела в ложном вызове и положительную сторону. Через неделю на курсах ей предстоял семинар по способам улаживания бытовых конфликтов. Так что за сегодняшним ужином она могла взяться за учебное пособие, выданное по этому поводу. Дома ей наверняка удалось бы открыть брошюру только перед сном.

И еще она не могла не признаться самой себе, что ей на пользу хотя бы один вечер без Анны. Тем более если намечался визит к Рите. Она до сих пор не могла привыкнуть к тому, что снова обитает с матерью под одной крышей после стольких лет жизни порознь. Всколыхнулись воспоминания и ощущения из прошлого. Например, тот взгляд на прошлой неделе, которым окинула ее мать, когда Бринн поздно приехала с работы. И вернулось неприятное чувство, испытанное в отрочестве: заигралась как-то в «классики» и домой явилась на несколько часов позже обещанного. Никаких упреков или нотаций. Просто тяжелый недобрый взгляд поверх невозмутимой улыбки.

Они вообще никогда не ссорились. Анна не обладала для этого необходимыми темпераментом и стервозностью. Бабушкой же она оказалась прекрасной, чего Бринн не могла не оценить. При этом мать и дочь не были подружками. Когда Бринн в первый раз вышла замуж, Анна почти совсем исчезла из ее жизни, вернувшись только с появлением на свет Джоуи.

Потом она развелась и сошлась с человеком, который, как ей казалось, Анне нравился, и мать с дочерью возобновили отношения. Был даже момент, примерно с год тому назад, когда Бринн подумалось, что они с Анной станут по-настоящему близкими людьми. Но этого не случилось. В конце концов, обе они не изменились за прошедшие двадцать лет, а у Бринн, в отличие от брата и сестры, никогда не было с матерью много общего. Бринн всегда стремилась к активной жизни, новизне и разнообразию; в их городке О-Клэр ей было тесно. Анна же ценила спокойствие, не обременяла себя тяжелым трудом — на должности офис-менеджера в конторе по продаже недвижимости с четырехчасовым рабочим днем она продержалась дольше всего — и главной обязанностью считала воспитание троих детей. Вечера ее проходили за вязанием, болтовней и перед экраном телевизора.

Совершенно нормально, если не жить вместе. Но когда после операции Анна переехала к ней в дом, у Бринн возникло чувство, что она перенеслась в дни своей юности.

Да, она определенно довольна, что сегодня вечером сможет провести несколько часов, предоставленная себе самой.

И бесплатный ужин в «Беннигане». Черт, да она и бокальчик вина себе закажет!

Бринн включила фары и приготовилась сдать немного назад, чтобы развернуться. Но задумалась и снова остановилась. Ближайшая автозаправка находилась в Клосене, то есть в добрых двадцати милях отсюда.

Фельдманы заварили эту кашу, и она как минимум могла рассчитывать, что они позволят ей воспользоваться своим туалетом. Бринн сменила передачу с задней на переднюю и покатила по подъездной дорожке к дому, гадая, верно ли «Yahoo!» определил длину двух футбольных полей.

Сидя на корточках рядом с угнанным «фордом», на котором они приехали из Милуоки, Льюис посасывал окровавленную костяшку пальца, которую ободрал об острый край диска, пытаясь починить поврежденное колесо. Потом он поглядел на царапину и сплюнул.

«Отлично! — подумал Харт. — Мало было отпечатков пальцев, а теперь еще и ДНК. А ведь это я виноват, что оказался сегодня вечером здесь с этим дурнем. Сам его выбрал».

— Ну, заметил что-нибудь? — спросил тощий и склонился к одному из колес.

Харт только что вернулся, сделав большой круг по окрестностям. Он искал Мишель, стараясь соблюдать крайнюю осторожность, и все равно порой ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Быть может, она сбежала. Или нет.

— Почва здесь довольно мягкая. Я обнаружил какие-то следы, вероятно, ее. Они сначала вели к шоссе, а потом свернули вон туда. — Он указал в сторону лесной чащи и холма позади дома. — Видимо, она где-то там затаилась. Ты сам-то ничего не слышал?

— Ни черта. Но меня бесит, что приходится ее бояться. Все время так и тянет обернуться. Я ее завалю, чувак. Когда мы вернемся, я разыщу эту сучку. Мне плевать, кто она такая и где живет, но я ее завалю. Не знает она пока, с кем связалась.

«Но пуля-то досталась мне», — подумал Харт и снова оглядел окрестный лес.

— Мы едва не вляпались в крупную неприятность.

Льюис саркастически ухмыльнулся:

— Как, еще в одну?

— Я проверил его телефон. Включил по новой и проверил.

— Чей?

— Мужа, — кивком указал он на дом. — Помнишь, который ты у него отнял?

Льюис снова приготовился оправдываться. И было за что.

— Он набрал 911. И соединение прошло, — сказал Харт.

— Невероятно. У него и секунды на это не было.

— Ровно три секунды, но и этого оказалось достаточно.

— Вот дерьмо! — Льюис встал во весь рост и потянулся.

— Надеюсь, теперь все в порядке. Я с ними связался и выдал себя за него, мол, позвонил по ошибке. В управлении шерифа сказали, что выслали машину проверить сигнал. Но они уже должны были отозвать ее.

— Мы могли попасть в тот еще переплет... Ты уверен, что тебе поверили?

— Думаю, да.

— Ты только так думаешь? — К Льюису возвращалась обычная наглость.

Харт пропустил вопрос мимо ушей и указал на «форд».

— Можешь привести его в порядок?

— Ни хрена! — последовал ответ без тени сожаления.

Харт оглядел паренька, кривую усмешку на губах, петушиную стойку. Согласившись пойти на это дело, Харт отправился на поиски напарника, переговорил с несколькими знакомыми в Милуоки, и один из них рекомендовал ему Льюиса. Они встретились. На первый взгляд молодой человек ему подходил. За ним числился в прошлом криминал, но ничего серьезного: пара арестов за наркоту и мелкую кражу, несколько жалоб. Тощий парень с серьгой в ухе и красно-синим рисунком на шее вполне годился для той простой работы, которую им предстояло выполнить. Однако теперь все повернулось иначе. Харт ранен, они лишились машины, а где-то поблизости в лесу бродил вооруженный враг. Внезапно

оказалось, что не помешало бы знать привычки, характер и практические навыки человека по имени Комптон Льюис.

И первые впечатления оптимизма не внушали.

Харту требовалась вся его сдержанность, чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля. Поэтому как можно более нейтральным тоном он сказал:

— Вижу, ты опять снял перчатки.

Льюис снова слизнул кровь с пальца.

— В них за баллонный ключ не ухватишься как следует. Ну и дерьмо же они делают в этом Детройте!

— Может, стоило бы стереть отпечатки? — Кивок в сторону колесного диска.

Льюис расхохотался так, словно Харт только что поинтересовался, действительно ли трава зеленая.

Вот, стало быть, как теперь у них обстоят дела.

Что за день такой сегодня...

— Знаешь, дружище, — процедил Льюис. — Все эти клеи для латания шин ни черта не годятся, когда в покрышке дырка от пули.

Харт заметил валявшуюся далеко в стороне банку с гелем «Почини колесо сам», которую Льюис отшвырнул, вероятно, в приступе злобы. На ней тоже остались отпечатки его пальцев.

Он проморгался, сгоняя навернувшиеся от боли слезы. Четырнадцать лет Харт занимался делами, где оружие фигурировало постоянно, и ни разу еще не был ранен. Да и сам стрелял крайне редко, если, конечно, его не нанимали именно для убийства.

— Тут есть другие дома. Там — ниже по дороге. Может, в одном из гаражей найдем машину?

— Кому взбредет в голову хранить здесь машину? — отозвался Харт. — Да и попробуй завести современный автомобиль без ключа. Теперь для этого компьютер нужен.

— А я заводил. Сто раз. Это легко, — усмехнулся Льюис. — А тебе, что, слабо?

Харт промолчал, разглядывая кисточку для клея.

— Есть другие идеи?

— Позвони в «Ассоциацию помощи на дорогах», — посоветовал Харт.

— Ха! Ну и шуточки у тебя! По-моему, здесь нам больше делать нечего. Пойдем ловить попутку. До шоссе всего-то пара миль. Давай заберем барахло из «форда» и двинем туда.

Но Харт направился в гараж и вернулся с рулоном бумажных полотенец и жидкостью для мытья стекол.

— А это тебе на кой черт? — спросил Льюис снова с ехидной насмешкой в голосе.

— Отпечатки пальцев содержат жир. Его нужно хорошенько счистить. Простая протирка не годится. В большинстве случаев копам удается восстановить их.

— Вранье. Никогда о таком не слышал.

— Это правда. Я специально изучал вопрос.

— Неужто изучал? — Опять саркастический смешок.

Харт принялся опрыскивать очистителем все, чего мог касаться Льюис. Сам он с тех пор, как они здесь оказались, без перчаток не трогал ничего, кроме собственной руки.

— Эй, может, заодно мне бельишко простирнешь?

Харт упрямо продолжал тереть, не забывая при этом следить за окружающей местностью и прислушиваться.

— Мы пока не можем отсюда уйти, — сказал он.

— Что ты несешь?

— Нам надо ее найти.

— Но… — Льюис произнес это с кислой гримасой, словно надеялся, что одним словом сумел передать всю тщетность попыток справиться с такой задачей.

— У нас нет выбора.

Харт покончил с протиркой. Затем достал карту и принялся изучать ее. Они находились посреди прихотливого массива, обозначенного коричневым и зеленым. Харт огляделся, еще раз посмотрел на карту и свернул ее.

Снова одна из этих нагловатых улыбочек.

— Я все понимаю, Харт. Тебе хочется посчитаться с ней за то, что она сделала. Но давай лучше отложим это на потом.

— Я не собираюсь мстить. Месть не имеет смысла.

— А вот и нет! Мстить — это кайф. Помнишь, я рассказывал про ублюдка с упаковочным ножом? Уделав его, я получил больше удовольствия, чем от игры «Брюерз».[6] Конечно, зависит от того, кто у них на подаче.

Харт тяжело вздохнул.

— Не в мести суть. Нам просто необходимо это сделать.

— Черт! — выругался вдруг Льюис.

— Что еще стряслось? — встревоженно посмотрел на него Харт.

Льюис теребил мочку уха.

— Застежку потерял, — сказал он, обшаривая взглядом землю вокруг.

— Какую застежку?

— От серьги.

Он осторожно сунул изумруд, или какой там был у него в ухе камень, в маленький кармашек джинсов.

«Господи боже...»

Из багажника «форда» Харт достал электрические фонарики и запасные патроны. Дождавшись, пока Льюис снова натянул перчатки, он передал ему коробку с девятимиллиметровыми пистолетными патронами и упаковку с двенадцатью зарядами к ружью.

— Через полчаса совсем стемнеет. А искать ее в темноте замучаешься. Так что давай, шевелись.

Но Льюис не тронулся с места. Он смотрел куда-то за спину Харта и крутил коробку с патронами, словно это был кубик Рубика. Харту на

мгновение подумалось, что у парня окончательно мозги съехали набекрень. Но, как выяснилось, внимание его молодого напарника привлекло нечто совершенно другое. Льюис рассовал коробки по карманам, ухватился за ружье, сняв его с предохранителя, и кивнул в сторону подъездной дорожки.

— У нас гости, Харт.

Приближаясь к дому Фельдманов, Бринн ощущала, что, несмотря на тусклый свет, проглядывающий сквозь шторы в окнах, выглядит он крайне зловеще. Два других дома, которые она миновала, послужили бы неплохой декорацией для семейных драм. А в этом можно смело снимать фильмы по Стивену Кингу, что так любили смотреть они с Кейтом.

Она подняла голову к крыше трехэтажной постройки. Во всем округе Кеноша едва ли найдется еще хотя бы несколько домов таких размеров и в таком стиле. Белая облицовка, уже изрядно поизносившаяся, и полукруглая открытая веранда. Вот веранда ей понравилась. Примерно такая же была в доме ее детства в О-Клэр. Вечерами она любила сидеть на качелях, пока ее брат пел, бренча на старенькой гитаре, сестра флиртовала с очередным мальчиком-поклонником, а родители говорили, говорили и говорили… Да и в доме, где они жили с Кейтом, веранда тоже была хороша. А вот в нынешнем жилье и места не подберешь, где такую можно было бы пристроить.

Подойдя еще ближе к владениям Фельдманов, она увидела двор перед домом, и он произвел на нее впечатление. Здесь проделали дорогостоящую ландшафтную работу. Продуманно и аккуратно высадили кусты кизила, бирючины и крепового мирта и основательно их постригли. Она вспомнила, что ее мужу это решительно не нравилось, и своим клиентам он ничего подобного не рекомендовал («Мирту — мир, оставьте его в покое»).

Когда она парковала машину на посыпанной гравием дорожке, ей почудилось какое-то движение внутри, словно тень пробежала по шторе. Она выбралась из «хонды» на прохладный воздух, свежий, хотя и пропитанный сладким ароматом цветов и дымом от горящих в камине поленьев.

Под успокаивающее кваканье лягушек и гогот то ли гусей, то ли уток Бринн прошла по гравию, поднялась по трем ступенькам к веранде и представила себе Джоуи, скачущего на скейтборде по лестнице на школьном дворе.

«Но я же поговорила с ним».

Все будет хорошо…

Ее черные форменные «оксфордские» полуботинки, удобные и не крикливые, какой и положено быть служебной обуви, застучали по доскам пола, когда она подходила к входной двери. Нажала на кнопку звонка.

Изнутри донесся сигнал, но никто не отозвался.

Она надавила на кнопку еще раз. Дверь была крепкая, но по обе ее стороны тянулись узкие полоски окон, забранные тюлем, и Бринн сумела заглянуть в гостиную. Ни движения, ни тени. Только радовавшее глаз бушующее пламя в камине.

Она постучала. Громко, даже стекла слегка задребезжали.

Снова промелькнула тень, похожая на прежнюю. Бринн поняла, что образовалась она от перепада яркости оранжевого пламени в очаге. Немного света проникало из комнаты в стороне от гостиной, но остальные помещения первого этажа были темны, и только от лампы наверху лестницы перила отбрасывали тонкие тени на пол в прихожей.

Возможно, все сейчас на заднем дворе или в столовой. Трудно даже вообразить себе настолько большой дом, чтобы не слышать звонок в дверь.

Над головой раздалось хриплое кряканье. Бринн посмотрела в темное небо, где сейчас хозяйничали птицы и другая живность: стая диких уток завершала свой перелет к озеру, несколько серебристых летучих мышей на первый взгляд бесцельно метались, но на самом деле уже отправились на охоту. При виде всего этого Бринн невольно улыбнулась. Однако, снова заглянув в дом, на этот раз увидела нечто странное. Позади массивного коричневого кресла лежали открытые дипломат и рюкзак. Их содержимое — папки для бумаг, книги, авторучки — валялось рядом на полу, словно в багаже кто-то рылся в поисках чего-то ценного.

Она вся внутренне сжалась от мгновенно пришедшей мысли: оборвавшийся звонок по 911, и взломщик, сообразив, что его жертва успела связаться с полицией, перезванивает, чтобы заявить о ложной тревоге.

Бринн Маккензи достала из кобуры пистолет.

Быстро обернулась. Ни голосов, ни звука шагов. Она собралась уже было вернуться к машине и взяться за свой мобильный, когда ей привиделась внутри дома еще одна странность.

А это что такое?

Она вгляделась в край ковра на полу кухни. Он поблескивал. С чего бы это куску ткани отражать свет?

Кровь! Она смотрела прямо на лужицу крови.

«Так! Думай. Как поступить?»

Кровь явно свежая. В доме должны находиться трое. Никаких признаков преступников. Вполне возможно, что кто-то ранен, но еще жив.

Звонок пока откладывается.

Бринн распахнула дверь, бросила взгляд налево, потом направо. Она действовала молча, не обнаруживая пока своего присутствия. И полностью сконцентрировала внимание, чувствуя легкое головокружение.

Первым делом она заглянула в освещенную спальню слева. Затем, глубоко вдохнув, вошла внутрь, держа оружие как можно ближе к себе, чтобы его нельзя было выхватить. Так учил их Кейт, читавший лекции на тактических курсах, где они, собственно, и познакомились.

В комнате никого не было, но постелью кто-то пользовался, а рядом на полу валялись медикаменты для оказания первой помощи. Ее неправильной формы подбородок чуть подрагивал, когда она вернулась в гостиную, где в камине потрескивали дрова. Стараясь не шуметь, она обошла ковер, дипломат с рюкзаком, как и разбросанные по полу папки с бумагами, по надписям на которых можно было легко угадать профессию владелицы: «Хаберстром инк.», «Корпоративная сделка», Гиббонс против «Кеноша аутомотив текнолоджиз», «Паскоу инк.», «Рефинансирование», «К слушаниям — О пересмотре административного деления округа».

Бринн прошла в сторону кухни и замерла на месте. На полу перед ней распростерлись тела молодых супругов, так и не успевших переодеть деловые костюмы — окровавленные рубашка и блузка. Обоим стреляли в голову, а жене еще и в шею — кровь на полу принадлежала в основном ей. Муж в ужасе пытался бежать, но поскользнулся и упал — кровавая полоса тянулась от пятна на ковре к его ботинку. Жена встретила смерть, отвернувшись. Она лежала лицом вниз, и ее правая рука была заломлена

под неестественным углом, словно ей хотелось дотянуться до какой-то точки в нижней части позвоночника.

«А где же их знакомая? — подумала Бринн. — Сумела сбежать? Или убийца затащил ее наверх?» Она вспомнила, что на втором этаже видела свет.

А преступник? Он тоже поспешил скрыться?

Ответ на этот вопрос она получила мгновение спустя.

Снаружи донесся шепот:

— Харт! Ключей в машине нет. Они у нее с собой.

Шептавший находился у фасада, но где именно, она не представляла.

Бринн прижалась спиной к стене. Вытерла правую ладонь о левое плечо и крепко сжала рукоятку пистолета.

Секундой позже раздался другой голос — того самого Харта, предположила она, — громкий и уверенный, обращенный не к дружку, а к ней:

— Эй, вы, леди! Там, в доме... Вынесите сюда ключи. Нам только нужны ключи от вашей машины, и все. Вас мы не тронем.

Она подняла пистолет дулом вверх. За десять с половиной лет службы в правоохранительных органах Бринн Маккензи доводилось стрелять в человека четыре раза. Вроде немного. Но и это было больше, чем другим помощникам шерифа доводилось спускать курок за всю свою карьеру. Основную часть ее работы составляли проверка водителей на алкоголь и утешение избитых жен, и потому сейчас ее переполняла странная смесь напряжения и страха, но в то же время и куража.

— В самом деле! — продолжал Харт. — Вам не о чем волноваться. О! Знаете, что я вам предложу? Если вы нам не верите, просто выбросьте ключи наружу. В противном случае нам придется войти и отнять их у вас. Мы только хотим свалить отсюда, правда! Просто хотим уехать.

Бринн выключила в кухне свет. Теперь единственными его источниками оставался гудящий огонь в камине и люстра в той спальне, куда она заходила.

Снова шепот, на этот раз едва слышный. Значит, те двое сошлись вместе.

Но где именно?

И их действительно только двое? Или больше? Она поймала себя на том, что не сводит глаз с трупов супругов Фельдман.

Где же их подруга?

Харт заговорил опять, тем же дьявольски спокойным тоном:

— Вы же видели тех двоих. Хотите, чтобы и с вами случилось то же? Бросайте нам ключи. Не делайте глупостей, мой вам совет. Пожалуйста!

Но она понимала: стоит ей показаться, как она будет мертва.

«Сказать им, что я помощник шерифа? И другие уже на подходе? Нет, нельзя выдавать себя».

Вжавшись в дверцу стенного шкафа, она посмотрела в окна задней части дома. В стеклах отражалась гостиная, и Бринн беззвучно охнула, заметив, как на пороге дома возникла фигура и проскользнула внутрь. Это был высокий, крепкого сложения мужчина в темной куртке. Длинные волосы, на ногах ботинки. Пистолет он держал… На мгновение ее обмануло перевернутое отражение. Пистолет он держал в правой руке. Другая свисала вдоль тела, и ей показалось, что он ранен. Мужчина тут же пропал из поля ее зрения и находился теперь в гостиной.

Бринн снова напряглась и перевела пистолет в позицию для стрельбы. Затем проверила отражение в стеклах передней части дома.

«Надо перейти в атаку, — сказала она себе. — Твое единственное преимущество — это внезапность. Так используй его. Он в гостиной. В каких-нибудь шести ярдах. Метнись к дверному проему. Выпусти три пули, и — снова в укрытие. Ты можешь застать его врасплох.

Ну, давай!

Вперед!»

Бринн сглотнула слюну и отделилась от стены, повернувшись в сторону гостиной. И вздрогнула, услышав крик из столовой у себя за спиной:

— Эй, дамочка! Лучше бы ты сделала, как мы велели!

Худощавый человек в военном мундире, с короткими светлыми волосами, татуировкой на шее и злобным взглядом входил через застекленную дверь, пристраивая к плечу ружейный приклад.

Бринн резко развернулась лицом к нему.

Они выстрелили одновременно. Ее пуля прошла куда ближе к цели, чем пучок дроби из его патрона. Он пригнулся, она не двинулась с места. Выстрел Бринн пришелся в спинку мягкого кухонного стула в сантиметрах от него, а дробь из ружья изрешетила потолок. Осколки разбитого плафона посыпались на пол.

Он, пригнувшись, выбрался наружу.

— Харт! Она вооружена! У нее пистолет.

Впрочем, она не была уверена, что услышала именно эти слова. Выстрелы прозвучали слишком громко, и она почти оглохла.

Бринн бросила взгляд в сторону гостиной. Харта не было видно. Она направилась к кухонной двери, ведущей на задний двор, но остановилась. Она не могла просто так уйти, если приятельница Фельдманов все еще здесь.

— Я — заместитель шерифа округа! — крикнула она. — Эй! Есть кто-нибудь в доме? Вы наверху?

Тишина.

Бринн лихорадочно осматривала отражения в окнах, ее трясло, потому что кто-то наверняка выцеливал ее сейчас, хоть она и присела на корточки в темноте.

— Эй!

Снова молчание.

— Есть здесь кто-нибудь?

Миновали, должно быть, самые долгие двадцать секунд в ее жизни.

«Уходи, — подумала она. — Вызови подкрепление. Мертвая ты уже никому не поможешь».

Она бросилась к двери на задний двор, жадно хватая ртом воздух и от страха, и от усилий, которые приходилось прикладывать. Сжимая в левой руке ключи, она вышла к фасаду. Там никого не было видно.

Солнце полностью зашло, и темнота сгущалась все быстрее. Но и в скудных отсветах можно было разглядеть силуэт одного из преступников, бегущего в сторону кустов. Он передвигался, повернувшись к ней спиной. Это был тот, раненый, по имени Харт.

Бринн попыталась прицелиться, но он в то же мгновение исчез в густых зарослях толокнянки и рододендронов.

Бринн еще раз оглядела двор перед домом. Второго — узколицего с ружьем — нигде не было. Она опрометью помчалась к своей машине, но, услышав шорох в кустах позади себя, бросилась на землю. Громыхнул ружейный выстрел. Дробь просвистела над ее головой и застучала по борту «форда». Бринн дважды выстрелила по кустам, нарушив важнейшее из правил, которые ей внушали: стрелять только по ясно видимой цели. Затем вновь заметила тощего, который, пригнувшись, добежал до дома и скрылся за углом.

Она поднялась и открыла дверцу своей машины. Но не запрыгнула в нее сразу, а продолжала стоять, представляя собой легкую мишень, направив вороненую сталь глока в сторону кустов, среди которых исчез Харт. При этом она старалась восстановить сбитое дыхание и унять дрожь в руках, сжимавших рукоятку пистолета.

«Ну, давай же! Покажись… Я не могу ждать больше одной-двух секунд…»

И тут фигура Харта внезапно словно выросла из зарослей. Он был так близко, что она заметила на его лице удивление от неожиданной засады. Но и для Бринн место его появления тоже оказалось сюрпризом. Харт находился значительно правее, чем она предполагала, а потому, пока она перенацелилась и трижды выстрелила, он вновь успел скрыться. Но, кажется, она в него все-таки попала.

Однако теперь настало время для бегства.

Она запрыгнула на водительское сиденье, стараясь сконцентрироваться только на том, чтобы сразу попасть ключом в замок зажигания, а не вертеть головой по сторонам. Мотор взревел, и Бринн включила заднюю передачу, до упора вдавив в пол педаль газа. Машина резко рванула назад по гравию, на чрезмерных для заднего хода оборотах. Обернувшись, она сквозь лобовое стекло увидела, что двое мужчин преследуют ее, выпрямившись во весь рост. Ответ на один из вопросов был сразу получен — по Харту она промазала.

Тощий остановился и выстрелил из ружья. Заряд дроби прошел мимо.

— Боже милостивый! Спаси и сохрани нас, — шептала она, вспомнив молитву, которую они дома произносили каждый вечер, но никогда еще ее мольба не была столь конкретна, как сейчас.

На курсах при полицейском управлении штата Бринн несколько раз проходила технику преследования и ухода от погони на автомобиле.

Навыки ей пригодились, но на практике она использовала только те из них, которые позволяли настигать превышавших скорость водителей или угонщиков машин. А теперь задача перед ней стояла прямо противоположная — оторваться от нападавших. Она и вообразить не могла, что это когда-либо случится. Но часы тренировок не пропали даром: левая рука на руле, правой она обхватила подголовник пассажирского сиденья, одновременно сжимая в ней рукоятку пистолета. Два футбольных поля в длину… Там, где кончился гравий, она встала перед дилеммой: развернуться и поехать уже на передних передачах или продолжать двигаться задним ходом до самого проселка Лейк-Вью и дальше до шоссе? Остановись она хотя бы на пять секунд для разворота, это могло кончиться для нее катастрофой.

Преступники продолжали во всю прыть бежать следом.

Бринн решила: «Останусь на задней передаче. Чтобы было время на разворот, я должна увеличить дистанцию между нами».

Выехав на проезд Лейк-Вью, она поняла, что решение было верным. Они оказались даже ближе, чем она предполагала. Звука нового выстрела она не слышала, но дробь застучала по лобовому стеклу, испещрив его мелкими звездочками. На проселке она увеличила скорость до предела, неотрывно глядя в заднее стекло машины и всеми силами стараясь сохранять контроль над ее движением. «Хонду» болтало из стороны в сторону, и она рисковала либо врезаться в деревья и скалы справа, либо свалиться в озеро на противоположной стороне дороги.

Ей, однако, удавалось пока избежать этого.

Она чуть сбросила газ, но все равно держала скорость не меньше пятидесяти миль в час. Трансмиссия негодующе ревела. Бринн понимала, что всего пути до шоссе коробка передач ее машины просто не выдержит. Разворачиваться требовалось срочно. Частная дорога слишком узка для этого, но маневр позволил бы совершить въезд к дому номер два. До него, правда, еще предстояло добраться — триста-четыреста ярдов по извилистому проселку, — но выбора не оставалось.

Шея затекла оттого, что приходилось все время смотреть назад. Она бросила взгляд на подстаканник. «Вот ведь черт его побери!» Тот, кто искал в машине ключи, прихватил с собой ее мобильник. Она внезапно осознала, что правой рукой все еще сжимает пистолет, держа палец на спусковом крючке. У глоков спуск обычно срабатывает очень легко, и она положила оружие на пассажирское сиденье.

Бринн взглянула через лобовое стекло. Их не было видно. Она снова обернулась и ввела машину в крутой поворот налево. До дома номер два оставалась пара сотен метров.

Въезд к нему приближался. Она слегка уменьшила нажим на педаль акселератора; завывание в коробке передач чуть утихло.

Она лихорадочно размышляла: «Заеду на дорожку, тормозну на мгновение, а потом...»

Выстрел из ружья громыхнул с левой стороны. Оба стекла разлетелись, осыпав ее сотнями мелких осколков. Одна из дробин попала ей в щеку и выбила коренной зуб. От куска кости и крови, наполнившей рот, она стала задыхаться. Слезы хлынули из глаз, и она уже не видела, куда ведет машину.

Протерев глаза, Бринн нащупала языком зуб и выплюнула его, потом откашлялась, забрызгав руль кровью, скользкой, как машинное масло. Но при этом она упустила управление машиной, и та не вписалась в поворот. На скорости свыше пятидесяти миль в час «хонда» съехала с проселка и по крутому скалистому склону холма понеслась к озеру.

Бринн вылетела из водительского сиденья и не могла дотянуться ногой до педали тормоза, а машина все стремительнее катилась к берегу. Потом она перевалила через край скалы, пролетела около двух ярдов и с грохотом упала на известняковый уступ капотом вверх. Пистолет ударил Бринн в голову возле уха.

Несколько мгновений машина оставалась неподвижна, а Бринн растянулась внутри вдоль спинок передних сидений. Затем, словно бы нехотя, «хонда» продолжила падение и колесами кверху рухнула в озеро, тут же начав тонуть и быстро заполняясь темной водой. Бринн, до смерти перепуганная, закатилась под руль.

Она закричала, когда ледяная вода поглотила ее тело. В страхе бесцельно размахивая руками, она звала:

— Джоуи! Джоуи!

Потом вдохнула, впустив в легкие сначала воздух, а затем и воду.

— Ну, влипли, так влипли! — сказал Льюис. — Мать твою, Харт! Она была из полиции.

— Не паникуй.

— Как тут не паниковать? Она же офицер полиции. Раскинь мозгами, Харт. Их в здешнем лесу, может быть, уже десятки. Нам надо смываться отсюда, приятель. Сваливать!

Тяжело дыша после долгого бега, оба перешли на шаг и сквозь густой лес направлялись к тому месту, где, как они видели, машина слетела с дороги, когда Льюис выстрелил в нее со стороны водительского сиденья. Двигались они осторожно, внимательно осматриваясь по сторонам, как солдаты, посланные в разведку. Погибла женщина при крушении или осталась в живых и поджидала теперь их появления, они понятия не имели.

Не стоило им забывать и о Мишель, которую шум мог выманить из укрытия.

— Она приехала даже не на патрульной машине, и формы на ней не было.

Льюис скептически скривился:

— Лично я не видел, во что она одета. Как-то было не до того, знаешь ли. — Затем саркастически добавил: — И, запомни, я не паникую.

— Уверен, она даже не была на дежурстве, а здесь оказалась, чтобы проверить звонок по девятьсот одиннадцать. Ей не успели сообщить, что тревога ложная.

Льюис усмехнулся:

— Это ты думаешь, что она не была на дежурстве, приятель. Но при этом она чуть не снесла тебе, на хрен, башку.

Последние слова он произнес тоном человека, победившего в споре.

«И твою башку тоже», — безмолвно поправил его Харт и сказал:

— Многие копы ходят при оружии. Все время. Приказ у них такой.

— Это мне известно. — Льюис разглядывал озеро. — Я слышал грохот удара, как при аварии. Но не уверен, что был всплеск.

— Я тоже ни черта не слышал. — Харт кивнул на винчестер Льюиса и похлопал себя по уху. — Слишком громкая у тебя пушка. Я ружьями никогда не пользуюсь.

— Тогда тебе лучше научиться владеть ими. Оружие настоящих профессионалов. Нет ничего надежней доброго дробовика. На любого страху нагонит.

Оружие профессионалов…

Чуть пригнувшись, они медленно двинулись дальше. Среди густого леса и сплошных зарослей кустарника Харт потерял ориентировку. Он знал, в какой стороне дорога, но уже не представлял себе, где именно свалилась с берега машина. С каждым новым шагом окружающий вид представлялся иначе.

Льюис остановился и потер шею.

Харт посмотрел на него:

— Тебя зацепило?

— Вот еще! Я цел и невредим. Вовремя уклонился. Умею чувствовать полет пули. Как в «Матрице». Я применил славный приемчик. Я много таких знаю. Ты хоть видел?

— Нет. — Харт не имел представления, о чем толкует напарник.

— Господи боже! Как я погляжу, не часто ты врубаешься, приятель, так ведь?

Внезапно где-то рядом затрещали кусты.

Льюис повел на звук стволом дробовика.

Нечто приземистое шуршало поблизости, легко передвигаясь в траве. Барсук или койот. А может, просто собака. Льюис снял ружье с предохранителя и стал прицеливаться.

— Нет, нет, не надо… Только выдашь нас.

Никогда нельзя стрелять без необходимости… Хоть в человека, хоть в животное. Ну и тип ему попался в подельники!

— Я с ним в любом случае расправлюсь. Ему нас больше не напугать.

«Это ты напуган, а я — нет». Харт подобрал с земли камень и кинул в сторону животного. Его смутная тень пропала.

Но удалился зверь без лишней спешки. Словно показывая, что присутствие людей не стоило особого внимания. Присев на корточки,

Харт разглядел на глинистой почве следы лап. Обычно не суеверный, на этот раз он помимо воли воспринял их как своего рода сигнал. Предупреждение, что они вторглись в другой, чуждый им мир, мало похожий на тот, к которому привыкли. Это мой мир, словно хотел сказать им зверь, оставивший отпечатки лап. Вы здесь чужие. Вам померещится то, чего на самом деле нет, но вы не увидите происходящего под самым носом.

Впервые за этот вечер, хотя сегодня в него даже стреляли, Харт почувствовал укол настоящего страха.

— Чертов оборотень! — сказал Льюис, глядя в сторону берега. — Стало быть, с ней покончено. Она не должна была выжить. А нам лучше убраться отсюда. После всего, что было, — он мотнул головой в сторону дома Фельдманов, — нам здесь делать нечего. Мы попали в тот еще переплет. Выйдем на шоссе, тормознем машину, разберемся с водителем. Пара часов, и мы уже в городе.

Он закончил, артистично прищелкнув пальцами.

На Харта это впечатления не произвело. Он жестом указал на дорогу:

— Хочу убедиться, утонула она или нет.

Льюис нетерпеливо вздохнул, словно недовольный подросток. Но поплелся вслед за Хартом. Стараясь не шуметь, они пошли к берегу, не произнося ни слова и то и дело останавливаясь.

Молодой оглядел озеро, почти полностью скрытое под пологом вечернего сумрака, лишь было видно, как ветерок гоняет по его поверхности черные змейки ряби.

— Не нравится мне оно, это озеро. Прямо мороз по коже, — заявил узколицый.

«Говорим слишком громко, слишком сильно топаем», — со злостью подумал Харт. Пора брать контроль над ситуацией в свои руки. Это сложно, но необходимо. И он зашептал:

— Знаешь что, Льюис. Ты не должен был ничего говорить там, в доме. Ну, я про ключи. Я в тот момент уже почти подобрался к ней с другой стороны.

— Стало быть, это я все испортил? Я во всем виноват?

— Я только хотел сказать, что нам необходимо быть более осторожными. Ты зачем-то заговорил с ней из столовой. А должен был сразу стрелять.

Льюис обладал удивительной способностью смотреть виновато и нагло одновременно.

— Я не знал, что она — коп. Откуда мне было это знать? Я делал, что положено, и почти одержал верх.

«Одержал верх? — подумал Харт. — Разве так говорят?»

— Ненавижу это место, — пробормотал Льюис. Провел ладонью по короткой щетине на голове, потом дотронулся до мочки уха, где прежде носил серьгу. Нахмурился, но тут же вспомнил, что сам снял ее.

— У меня есть идея, Харт. Сколько отсюда до шоссе? Мили полторы?

— Примерно.

— Тогда давай поставим запаску от «форда» вперед и доедем на нем до шоссе, а пробитое колесо возьмем с собой. Чуешь, что я задумал? Машина переднеприводная. Проблем не будет. Выберемся на дорогу. Кто-нибудь наверняка остановится, чтобы помочь. Я подойду, они опустят стекло, и тут — ба-бах! И все кончено. Бедняги ничего и понять не успеют. Мы возьмем их машину и скоро будем дома. Оттянемся в «Джейксе». Ты там бывал?

Все еще глядя на озеро, Харт рассеянно ответил:

— Даже не знаю, где это.

Льюис бросил на него сердитый взгляд.

— И после этого ты называешь себя парнем из Милуоки? Это же лучший бар во всем городе!

Он вгляделся во тьму вдоль берега.

— По-моему, это случилось вон там. — Льюис указал на точку ярдах в пятидесяти к югу от них. — Харт, мой выстрел угодил ей в голову. А ее машина свалилась в воду. Она мертва. Умерла либо от раны в башке, либо утонула.

«Может быть, и так», — подумал Харт.

Однако не мог избавиться от крепко врезавшейся в память сцены: она во весь рост стоит на дорожке перед домом Фельдманов. Не бросилась удирать, не запаниковала. Вот так и стояла, отбросив со лба свои темно-русые волосы. В одной руке держала ключи от машины — а они в

тот момент были для нее ключами к безопасности, — и пистолет в другой. И ждала. Ждала, чтобы он подставился ей как мишень.

Все это вовсе не означало, конечно, что она не утонула, рухнув в двухтонной ловушке своей машины на дно этого зловещего озера. Означало это другое: она не утонула бы просто так, без отчаянной борьбы за свою жизнь.

— Прежде чем уехать отсюда, нам надо во всем убедиться.

Еще один злобный взгляд.

Но Харт готов его стерпеть.

— Несколько минут ничего не изменят. Давай разделимся. Ты пойдешь по правой стороне дороги, я — по левой. Если увидишь кого-нибудь, это будет одна из них. Тогда просто прицелься и стреляй.

Харт хотел еще раз напомнить Льюису, что он не должен заводить разговоров, а мгновенно спустить курок, но увидел, что тощий и так уже обиженно поджал губы. Поэтому просто спросил:

— Договорились?

Тот кивнул.

— Беру цель на мушку и поражаю ее. Понял вас, господин капитан. — И Льюис шутовски отдал ему честь.

Ее щека уперлась в камень, скользкий от водорослей. Тело по самую шею покрывала вода, от холода которой захватывало дух.

Зуб на зуб не попадал, она тяжело дышала, щека распухла и, казалось, выдавливает глаз из орбиты. Лицо было мокрым от слез и озерной воды.

Бринн Маккензи сплевывала кровью, машинным маслом и бензином. Она потрясла головой, чтобы избавиться от воды в ушах. Не помогло. Неужели она оглохла? Быть может, одна из дробин пробила барабанную перепонку? Но затем в левом ухе раздался легкий хлопок, и из него вылилась струйка жидкости. Она услышала плеск озера.

С трудом выбравшись из машины, она оказалась под шестиярдовой толщей мутной воды и попыталась всплыть, но не смогла — мешали слишком плотная одежда и тяжелые ботинки. Тогда она поползла к берегу по дну озера, медленно продвигаясь вперед, отчаянно цепляясь

пальцами за любой попавшийся под руку камень и отталкиваясь ногами. Достигнув поверхности, она жадно вдохнула воздух.

«А теперь выбирайся отсюда. Шевелись!»

Бринн изо всех сил рванулась вперед, но продвинулась лишь на несколько дюймов. Тело отказывалось ей служить, а мокрая одежда прибавила фунтов[7] двадцать лишнего веса. Ее пальцы соскользнули, наткнувшись на какую-то слизь, и она снова ушла под воду. Ухватилась за другой камень и подтащила себя к поверхности.

Она плохо видела и чувствовала, что рука, вцепившаяся в камень, слабеет, но все же сумела напрячь остатки сил.

«Я здесь умирать не собираюсь». — Кажется она произнесла это вслух. В конце концов ей удалось подтянуть ноги и найти опору для левой ступни. Затем — для правой, и вот она уже выбралась на берег. Бринн перекатилась по земле, покрытой мусором — обломками металла, осколками стекла, кусками красного и прозрачного полиэтилена, — на кучу гнилых листьев и веток, окруженную побегами рогозы и зарослями высокой шуршащей травы. На холодном ветру было даже хуже, чем в ледяной воде.

Они придут. Само собой, те двое будут ее искать. Они не знают точно, где именно машина ушла под воду, но обнаружить это место не составит труда.

«Тебе нужно уходить отсюда».

Бринн оперлась на колени и попыталась ползти. Слишком медленно. Поспеши! Она встала, но тут же снова упала на землю. Ноги не слушались. В ужасе она решила, что у нее перелом, а боль не чувствуется из-за холода. Поспешно ощупала себя. Кости вроде бы целы. Она снова поднялась, выпрямилась и, пошатываясь, побрела в сторону проселка Лейк-Вью.

Казалось, все лицо пульсирует. Она дотронулась рукой до раны в щеке, языком нащупала пустоту на месте коренного зуба. Поморщилась. Еще раз сплюнула кровь.

«А моя челюсть? Мой бедный подбородок!»

Ей вспомнился удар, сломавший его много лет назад, потом она носила эту жуткую проволоку, ела только жидкую пищу, перенесла пластическую операцию.

И что, теперь все это насмарку?

Бринн хотелось разрыдаться.

Берег в этом месте был крутой и скалистый. Молодые стволы деревьев — ив, кленов и дубков — вырастали из почвы горизонтально, но затем, подчиняясь законам природы, искривлялись и тянулись к небу. Используя их как упоры, она взбиралась к вершине холма в сторону дороги Лейк-Вью. Луна, точнее аккуратная ее половина, давала теперь достаточно света, и Бринн оглянулась, проверяя, не валяется ли где-то поблизости ее «глок». Но даже если пистолет вылетел из машины до падения в воду, цвет делал его невидимым во мраке ночи.

Она подобрала кусок камня, формой слегка напоминавший топор, и некоторое время туповато разглядывала свое новое оружие.

Но затем Бринн вспомнила, как нашла однажды Джоуи в крови и слезах, когда восьмиклассник Карл Бидермайер избил его после занятий в школе. Используя медицинские познания, полученные на курсах, она осмотрела повреждения, констатировала, что скоро все заживет, а потом сказала:

— Знаешь, милый, в одних случаях нужно драться, в других — убегать. И убегать приходится чаще.

Так какого лешего она делает сейчас? Бринн пришла в себя и обнаружила, что пялится на кусок гранита в руке.

Бежать!

Она бросила камень и пошла дальше вверх по склону к частной дороге. Уже почти у самой вершины она оступилась, нога соскользнула и вызвала небольшую лавину из гравия и кусков сухой глины, посыпавшихся вниз с изрядным шумом. Бринн мгновенно ничком упала на землю, почувствовав запахи компоста и мокрого камня.

Однако на звук никто не прибежал. Возможно, преступники сами оглохли от выстрелов?

А что? Вполне вероятно. Оружие стреляет гораздо громче, чем многие себе представляют.

«Двигайся быстрее, пока это еще дает тебе хоть какое-то преимущество».

Она поднялась еще ярда на полтора. Еще на три. Еще на шесть. Поверхность здесь стала более ровной, и она действительно шла быстрее. Наконец она выбралась к проселку Лейк-Вью и, никого не заметив, поспешно пересекла его и скатилась в кювет на противоположную сторону, обхватив себя руками и задыхаясь.

Нет. Оставаться здесь нельзя.

Ей почему-то вспомнилась прошлогодняя погоня за лихачом Бартом Пинчеттом, у которого был «мустанг джи-ти» цвета яичного желтка.

— Почему ты не остановился? — спросила она, защелкивая на нем наручники. — Ты же знал, что мы тебя рано или поздно догоним.

Он посмотрел на нее так, словно она не понимала простейших вещей, и ответил:

— Пока я мчался, я был свободным человеком.

Бринн рывком встала на колени, потом поднялась во весь рост. Теперь она двигалась вверх по склону, удаляясь от озера, и вскоре, миновав лесок, вышла в поле, покрытое высокой пожелтевшей травой. Впереди себя ярдах в двухстах или трехстах она различила силуэт дома номер два по Лейк-Вью. Как и прежде, он стоял совершенно темный. Интересно, работает там телефон? И есть ли он вообще?

Бринн коротко помолилась, чтобы он там был. Потом огляделась. Никаких признаков тех, кто напал на нее. Она вновь затрясла головой и мотала ею из стороны в сторону, пока не избавилась от водяной пробки и в другом ухе.

И тут же встрепенулась от внезапных звуков — шаги шуршали в траве, приближаясь к ней и становясь все отчетливее.

Бринн вдохнула поглубже и попыталась бежать от Харта или его напарника, а быть может, обоих сразу, когда ее нога зацепилась за корень форситии, и она всей тяжестью тела рухнула в сплетение веток, усыпанных ярко-желтыми бутонами, как на обоях для детских спален.

Они возвращались от дома Риты, находившегося в какой-нибудь миле от их собственного. Грэму всегда казалось, что в Гумбольдте любое место расположено не более чем в миле от другого.

Джоуи он взял с собой. Не хотел оставлять парня одного. Во-первых, из-за травм, полученных на скейтборде (хотя с ним все было «в порядке»), а во-вторых, тот все равно забросил бы школьное домашнее задание ради видеоигр и обмена сообщениями через компьютер или айфон. Мальчик не был на седьмом небе от счастья, поехав за бабушкой, но, тем не менее, пребывал в хорошем настроении и, сидя на заднем сиденье, непрерывно отправлял эсэмэски какому-то приятелю, а быть

может, половине своих одноклассников, если судить по количеству потраченного времени.

Они заехали за Анной и направились домой. Джоуи тут же бросился вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

— Домашняя работа, — крикнул ему вслед Грэм.

— Помню.

Зазвонил телефон.

«Бринн?» — подумал он. Но нет. На определителе значился некто ему незнакомый.

— Алло!

— Добрый вечер! С вами говорит мистер Радитцки. Я куратор Джоуи из центральной секции.

«Как изменилась в наши дни средняя школа», — подумал Грэм. У него никогда не было никаких кураторов. А «центральная секция» для его ушей звучало как название коммунистической шпионской организации.

— Я Грэм Бойд. Муж Бринн.

— Очень приятно. Как поживаете?

— Спасибо, хорошо.

— А миссис Маккензи дома?

— Боюсь, что нет. Ей что-нибудь передать? Или я сам могу вам чем-то помочь?

Грэм всегда хотел иметь детей. На жизнь он зарабатывал растениями, но всегда ощущал желание взращивать нечто более важное. Его первая жена отвергла идею материнства, причем сделала это внезапно и бесповоротно, когда они уже достаточно долго прожили вместе. Для Грэма то был поистине страшный удар. Он считал, что обладает хорошим отцовским инстинктом, и в тоне мистера Радитцки ему послышались первые сигналы тревоги.

— Что ж, я должен кое о чем с вами поговорить… Вам известно, что Джоуи прогулял сегодня школу? И что он занимался фальтингом?

В голосе прозвучали обвинительные нотки.

— Прогулял школу? Не может быть. Я сам отвез его туда. Бринн рано уехала на работу.

— И тем не менее, на занятиях его сегодня не было.

Грэм подавил желание оспорить это утверждение и только сказал:

— Продолжайте, пожалуйста.

— Джоуи сегодня утром передал мне записку, что у него назначен визит к доктору. В десять часов его уже не было. На записке стояла подпись миссис Маккензи. Однако, узнав, что он поранился, я навел справки в канцелярии. Джоуи подделал подпись своей матери.

Нежданная тревога, охватившая Грэма в этот момент, напомнила ему ощущение, испытанное прошлым летом, когда он катил тележку с кустом через двор клиента и случайно переехал колесом осиное гнездо. Он был доволен собой и полностью счастлив, наслаждаясь погожим днем и не подозревая о нависшей над ним угрозе — десятках насекомых, устремившихся на него в атаку.

— О! — Грэм посмотрел в сторону комнаты пасынка наверху, откуда доносились характерные звуки игровой приставки.

Домашняя работа...

— И чем еще, вы сказали, он занимался? Дефолтингом?

— Нет. Они называют это фальтинг. От слова «асфальт». Это когда на светофоре они на скейтбордах цепляются за кузов грузовика и едут за ним. Именно так Джоуи и получил свои травмы.

— Разве это случилось не на школьном дворе?

— Нет, мистер Бойд. Одна из наших преподавательниц как раз шла домой. Она видела его на Элден-стрит.

— То есть на самом шоссе?

В центральной части Гумбольдта Элден-стрит была просто широкой торговой улицей, но за городской чертой вновь обретала свою основную функцию главной связующей магистрали между О-Клэр и Грин Бэем, на которой водители мало считались с ограничивавшими скорость знаками.

— Учительница сказала, что грузовик разогнался до семидесяти миль в час, когда Джоуи упал. И жив остался только потому, что за грузовиком

не шли другие машины и вылетел он на обочину в траву, а ведь у него на пути мог оказаться телеграфный столб или стена дома.

— О, Господи!

— С этим надо что-то делать.

«Я уже поговорила с ним».

— Несомненно, мистер Радитцки. Я все передам Бринн. Ей наверняка захочется побеседовать с вами.

— Спасибо, мистер Бойд. Как там у него дела?

— Вроде ничего. Отделался царапинами.

«С ним все в порядке».

— Везучий он у вас молодой человек, доложу я вам.

Сказано это было с явными нотками критики и сарказма, но Грэму трудно было винить за это собеседника.

Он уже собирался попрощаться, когда в голову пришла еще одна мысль.

— Мистер Радитцки, — начал он, на ходу придумывая правдоподобную версию, — мы тут вчера кое-что обсуждали. Какими были последствия той драки, в которую ввязался Джоуи?

Пауза.

— Какую именно драку вы имеете в виду?

«Боже мой, сколько же всего их было?»

— Я говорю о прошлой осени, — сказал Грэм наугад.

— А, так вы о той серьезной, что случилась в октябре. Джоуи временно отчислили из школы.

Снова такое чувство, будто разворошил осиное гнездо… Бринн сообщила ему тогда, что парни немного потолкались на школьной вечеринке по поводу хеллоуина. Так, пустяки. Грэм помнил, что после этого Джоуи несколько дней просидел дома, поскольку плохо себя чувствовал, как объяснила Бринн. Значит, солгала. На самом деле его отстранили от занятий.

— Миссис Маккензи ведь сообщила вам, что родители не стали подавать в суд? — спросил учитель.

Судебный иск?.. Что же на самом деле Джоуи тогда натворил? Но вслух Грэм произнес:

— Естественно, сообщила. Я ведь в основном интересуюсь, что случилось с тем, другим школьником.

— Его от нас перевели в другое место. У него были проблемы. ЭН.

— Что?

— Эмоциональная неуравновешенность. Он преследовал Джоуи, но это не может служить оправданием за почти сломанный нос.

— Разумеется, не может. Простите мне мое любопытство.

— Вам, друзья мои, тогда повезло. Это дело могло вам дорого обойтись.

Теперь он уже откровенно винил их в случившемся.

— Да, повезло, что и говорить.

У Грэма засосало под ложечкой. Чего еще он не знает о членах своей семьи?

«Так, немного помутузили друг друга. Ничего страшного. Джоуи отправился праздновать хеллоуин в форме „Грин Бэй Пэкерз",[8] а тот, другой парнишка, оказался болельщиком „Медведей"… Просто глупость какая-то. Потасовка на ровном месте. Я несколько дней подержу его дома. Он к тому же и загрипповал немного».

— Что ж, спасибо за наставления. Мы непременно проведем с ним беседу.

Положив трубку, Грэм достал себе еще пива. Отпил глоток. Пошел в кухню и взялся за посуду. Это занятие всегда его успокаивало. Он ненавидел пылесосить или протирать пыль. Раздражался, сам не зная почему. Но мытье посуды было ему по душе. Вероятно, дело в воде, благословенной жидкости для всякого ландшафтного дизайнера.

За мытьем и протиркой тарелок он отрепетировал с полдюжины вариантов своего обращения к Джоуи о том, что нельзя прогуливать и рискованно кататься на скейтборде. Каждый новый монолог поначалу казался ему лучше предыдущего. Однако, покончив с посудой, он понял, что все его слова звучат казенно и неестественно. У него получались

речи, а Грэм знал: нужно не читать нотации, а поговорить по душам. Инстинкт подсказывал ему, что лекции не произведут на двенадцатилетнего мальчика ни малейшего впечатления. Он силился представить себе, как они усаживаются друг против друга, чтобы серьезно потолковать. И не мог. Даже не пытался прогнозировать вероятный разговор.

Черт! Придется предоставить Бринн разобраться во всем этом. Она, кстати, всегда настаивала именно на таком развитии событий.

Фальтинг…

Грэм вытер руки, прошел в гостиную и уселся на зеленый диванчик рядом с креслом-качалкой Анны.

— Это была Бринн? — спросила та.

— Нет. Звонили из школы.

— Там все в порядке?

— Да, все хорошо.

— Мне жаль, что ты пропустил сегодня свой покер, Грэм.

— Для меня это не проблема.

Вернувшись к вязанию, Анна сказала:

— Я рада, что навестила Риту. Ей уже недолго осталось. — Она горестно прищелкнула языком. — А еще эта ее дочка! Впрочем, ты и сам все видел.

Временами теща, обычно такая мягкая в суждениях, поражала его жесткой тирадой вроде этой. Он понятия не имел, в чем провинилась дочь Риты, но не сомневался: Анна хорошо продумала свое мнение о ней и вынесла справедливый приговор.

— Да, я заметил.

По обыкновению он подбросил монету, чтобы разыграть, какой канал им смотреть. Ему не повезло, и телевизор был переключен на комедийный сериал. Грэм не слишком расстроился. Его любимая команда в нынешнем сезоне превратилась в мальчиков для битья.

Этой полуобезумевшей девушке было лет двадцать пять, лицо угрюмое с покрасневшими от слез глазами. Стильно постриженные и окрашенные в медный цвет волосы растрепались, в них застряли листья. Лоб она расцарапала и не могла унять дрожь в руках, причиной которой лишь отчасти был холод.

Это ее сбивчивые шаги, приближавшиеся сквозь заросли кустов, слышала Бринн, а не одного из преступников.

— Вы их знакомая? — прошептала Бринн, счастливая от того, что молодая женщина не разделила участь Фельдманов. — Из Чикаго?

Она кивнула, продолжая вглядываться в сгущавшуюся тьму, словно преследователи шли за ней по пятам.

— Я не знаю, что делать... — Девушка напоминала перепуганного насмерть ребенка.

— Пока останемся здесь, — сказала Бринн.

Время драться, время убегать...

Но бывает и время, когда нужно затаиться.

Бринн пригляделась к гостье Фельдманов. На ней была модная одежда горожанки — дорогие джинсы и жакет от популярного модельера с красивым меховым воротником. Кожа его казалась мягкой, как шелк. Три золотых колечка свисали с одного уха, два — с другого, и по золотому гвоздику поверх колец. Сверкавший бриллиантами браслет она носила на левой руке, украшением для правой служили усыпанные драгоценными камнями часы «Ролекс». Одним словом, девушка явно диссонировала с этим грязным лесом.

Оглядываясь по сторонам, Бринн не замечала никакого движения, кроме покачивания веток да листьев, взмывавших вверх под порывами ветра. Именно ветер сейчас особенно мучил промокшую насквозь Бринн.

— Переберемся-ка туда, — сказана она, приметив наконец подобие укрытия. И женщины проползли несколько метров до углубления между поваленным стволом дуба и густо разросшейся лесной чащей ярдах в сорока от дороги Лейк-Вью и примерно в ста пятидесяти от дома номер два. Когда они устроились между кустами форситии и амброзии, окруженными осокой, Бринн приподнялась, чтобы посмотреть в сторону дороги и дома Фельдманов. Никаких признаков, что убийцы где-то рядом, она не обнаружила.

Словно вдруг очнувшись, молодая женщина обратила внимание на форменную рубашку Бринн.

— Так вы из полиции… — И, переведя взгляд в сторону дороги, спросила: — А другие тоже здесь?

— Нет. Я одна.

Девушка восприняла эту новость безучастно и кивнула на щеку Бринн:

— Ваше лицо… Я слышала выстрелы. Значит, и вам досталось. Как Стиву и Эмме. — Ее голос пресекся. — Вы вызвали подмогу?

Бринн покачала головой и спросила:

— У вас есть телефон?

— Он остался там. В доме.

Бринн обхватила себя руками. Согреться это не помогало. Она посмотрела на мягкую кожу дизайнерской куртки молодой женщины. У нее было красивое лицо сердцевидной формы. Длинные и тщательно ухоженные ногти. Она словно сошла с обложки одного из журналов, которые бесплатно раздают в супермаркетах, иллюстрируя какую-нибудь рекламную статью типа: «Десять способов поддерживать себя в форме и быть сексуально привлекательной». Девушка залезла в карман и извлекла пару тонких, плотно облегающих руку перчаток, о цене которых Бринн не могла даже догадываться.

Бринн снова поежилась и подумала, что если в самое ближайшее время не сможет обсушиться и согреться, то, пожалуй, потеряет сознание. Никогда в жизни ей еще не было так холодно.

Девушка кивнула в сторону дома номер два по Лейк-Вью:

— Я хотела вызвать помощь. Давайте пойдем туда и позвоним в полицию. Заодно согреемся. Здесь слишком холодно.

— Пока не надо, — сказала Бринн. Ей было не так больно, когда она говорила короткими фразами. — Мы не знаем, где они. Подождем, чтобы убедиться. Они ведь могут тоже туда прийти.

Молодая женщина поморщилась.

— Вы ранены? — спросила Бринн.

— Лодыжка болит. Я упала.

Бринн не раз приходилось иметь дело с травмами. Она расстегнула молнию на ее полусапожках, заметив надпись «Сделано в Италии», и ощупала сустав сквозь черный гольф. Повреждение не выглядело серьезным. Вероятно, небольшое растяжение, но, слава богу, не перелом. Лодыжку обвивал еще один золотой браслет, тянувший на несколько месячных взносов за их с Грэмом машины.

Молодая женщина смотрела в сторону дома Фельдманов, покусывая губу.

— Как вас зовут?

— Мишель.

— А я Бринн Маккензи.

— Бринн?

Обычно она не утруждала себя объяснениями по поводу своего имени.

— Я заместитель шерифа округа.

Она объяснила обстоятельства звонка на 911.

— Вы знаете, кто они — эти двое мужчин?

— Нет.

Бринн перешла на шепот — голос садился все больше:

— Мне нужно подумать, как поступить дальше. Расскажите, что произошло.

— Я встретилась с Эммой после работы, мы заехали за Стивом, и все вместе отправились сюда. Прибыли около пяти или половины шестого. Я пошла наверх — хотела принять душ — и вдруг услышала грохот. Сначала решила, что взорвалась плита или нечто в этом роде. Или что-то уронили. В общем, не знала, что происходит, сбежала вниз и увидела тех двоих. Они меня не заметили. Один из них положил свой пистолет рядом с лестницей. И я взяла его. Они стояли в кухне, над... над телами и разговаривали. Смотрели себе под ноги, и на лицах было такое выражение...

Она закрыла глаза. Потом продолжила шепотом:

— Я даже описать этого не могу. Они вели себя так, словно хотели сказать: «Да, мы убили этих двоих. Подумаешь, ерунда какая. Кто следующий?»

Ее голос сорвался.

— А один из них… он просто как ни в чем не бывало начал рыться в холодильнике.

Бринн всматривалась в лес, а молодая женщина снова заговорила, с трудом сдерживая слезы:

— Я направилась к ним. Машинально. Была в каком-то ступоре. И тогда один из них — у него были длинные волосы, а у другого короткая стрижка… Так вот, когда тот, с длинными волосами, начал поворачиваться в мою сторону, я спустила курок. Совершенно случайно. Выстрел получился таким громким… Но не думаю, что я в него попала.

— Нет, попали, — сказала Бринн. — Мне показалось, что один из них ранен. Как раз тот — длинноволосый.

— Ранен серьезно?

— В руку.

— Мне нужно было… Мне нужно было приказать им стоять на месте или поднять руки вверх. Я не знаю… В ответ они начали стрелять по мне. И я запаниковала. Совершенно растерялась. Выбежала наружу, но ключей от машины у меня не было. — На лице ее появилось виноватое выражение. — И тут я натворила глупостей… Я так боялась, что они будут преследовать меня, что прострелила шины. Если бы я этого не сделала, они бы просто уехали, и все. Сели бы в машину и убрались отсюда… Боже, какая я идиотка!

— Ничего подобного. Вы справились. В такие моменты никто не может мыслить рационально. А пистолет все еще у вас?

«Ну, пожалуйста, скажи, да. Мне он так нужен!» — думала Бринн.

Однако женщина покачала головой.

— Я расстреляла все патроны и зашвырнула пистолет в залив возле дома, чтобы они не смогли его найти. А потом побежала.

Она взглянула на Бринн.

— Вы же помощник шерифа. Разве у вас нет оружия?

— У меня был пистолет, но я потеряла его в озере.

Внезапно Мишель разволновалась и заговорила торопливо и лихорадочно:

— Знаете, а вдруг все получилось, как в той телепередаче. Помню, она шла то ли по «Эй энд И», то ли по «Дискавери». Там люди попали в страшную аварию и потеряли много крови. И им пришлось провести несколько дней в абсолютно безлюдной местности. Они должны были умереть. Но вдруг что-то случилось, вроде бы кровотечение остановилось само по себе. А потом подоспели медики…

Бринн доводилось прежде сталкиваться с подобным феноменом, когда люди погибали в автокатастрофах или от сердечных приступов, и она знала, что в таких случаях говорить нужно кратко и только правду:

— Мне очень жаль, Мишель. Но я была в той кухне. Видела их тела. Боюсь, они оба мертвы.

Похоже было, что подсознательно Мишель цеплялась за остатки надежды еще несколько мгновений, но потом смирилась с неизбежным. Она кивнула и поникла головой.

Бринн спросила:

— Вы поняли, что им здесь нужно? — Но вдруг сильно вздрогнула, прикусила себе язык и охнула от боли. — Они приехали, чтобы ограбить Фельдманов?

Слезы заволокли глаза девушки.

— Я не знаю.

Бринн била все более крупная дрожь. Холеные ногти Мишель, как она заметила, покрывал сливового цвета лак. Бринн лаком не пользовалась, но ногти сейчас были того же оттенка.

— Как мне сказали, вы с Эммой прежде вместе работали. Вы тоже юрист?

Молодая женщина отрицательно помотала головой.

— Нет. Я недолго была помощницей адвоката в Милуоки. Так мы и познакомились. А потом перебралась в Чикаго. Для меня это был лишь временный способ немного заработать. А на самом деле я актриса.

— Она когда-нибудь рассказывала вам о делах, которые вела?

— Нет. Я о них почти ничего не знала.

— Не исключено, что причина кроется в ее работе на юридическую фирму. Она могла напасть на след какого-нибудь мошенничества или другого преступления.

У Мишель перехватило дыхание.

— Вы имеете в виду… Они специально приехали сюда, чтобы убить ее?

Бринн пожала плечами.

Внезапно рядом с ними раздался шорох. Бринн мгновенно повернулась на звук. Ярдах в шести от них, по-своему элегантный в собственной неуклюжей округлости, обнюхивая носом землю, неспешно протрусил барсук.

Недаром Висконсин называют «барсучьим штатом»!

Бринн снова обратилась к Мишель:

— Кто-нибудь начнет волноваться, если вы не позвоните?

— Мой муж мог бы. Но он сам сейчас в дороге. Мы договорились, что созвонимся утром. Я потому и отправилась сюда с Эммой и Стивом, что в эти выходные совершенно нечем было заняться.

— Смотрите! — Бринн показала на дом Фельдманов. Лучи двух фонариков обшаривали двор, находившийся ярдах в четырехстах от них.

— Они вернулись туда. Теперь быстро — в другой дом. Торопитесь!

И, пригибаясь как можно ниже к земле, женщины бросились бежать.

Стало быть, эта баба из полиции все-таки свалилась в воду.

Харт и Льюис нашли кое-какие обломки и пятно масла на поверхности озера.

— Все, ей кранты, — сказал Льюис, с отвращением разглядывая водоем, словно оттуда в любой момент могли появиться чудовища. — Лично я уношу отсюда ноги. Давай же, Харт! В «Джейкс». Я умираю, как пива хочу. И первая кружка за твой счет, дружище.

Они вернулись в дом Фельдманов. Дрова в камине уже прогорели, и Харт загасил тлеющие угольки. Он собрал и положил в карман все медикаменты, на которые могли попасть капли его крови. Гильзы от патронов, усеявшие пол в доме и двор, его не волновали. Обойму своего глока он снаряжал в перчатках и проследил, чтобы Льюис сделал то же самое.

Затем он опрыскал и протер все, к чему только Льюис мог прикоснуться пальцами.

Наблюдая за ним, Льюис не сдержал очередной усмешки.

— Возьми это себе, — раздраженно сказал Харт, указывая на сумочку Мишель.

Льюис сунул ее в один из карманов кителя и достал из бара бутылку водки «Шопен».

— Отличное пойло!

Он отвинтил пробку и приложился к бутылке. Потом протянул ее Харту, но тот отрицательно покачал головой. Ему просто не хотелось алкоголя в этот момент, но Льюис воспринял это как критику в свой адрес — мол, нельзя пить на деле. Впрочем, отчасти так оно и было. По крайней мере, бутылку он держал рукой в перчатке.

— Ты слишком много суетишься, Харт, — усмехнулся Льюис. — Но я-то знаю, как на самом деле обстоят дела. Мне известны методы работы полиции в таких местечках, как это. Я бы не стал делать ничего подобного ни в Милуоки, ни в Сент-Поле. Но здесь… Местные копы похожи на Энди из Мэйберри.[9] Это тебе не «Си-эс-ай».[10] У них нет никаких особых технических суперприбамбасов. Я знаю, что можно, а чего нельзя делать.

Но Харт отметил, что он протер горлышко бутылки рукавом, прежде чем поставить ее на место.

И по этому жесту — настолько мимолетному, что его можно было и не заметить, — Харту открылось многое. Этот жест выдавал черты характера человека по имени Комптон Льюис. Харт понял природу с виду беспечной агрессивности, которую ему доводилось встречать и у других людей — взять, к примеру, собственного брата. За всем этим стояла обыкновенная неуверенность в себе, регулировавшая поведение человека так же, как строгий ошейник сдерживает собаку.

Они вышли наружу. Льюис снова принялся возиться у машины, переставляя запаску вперед, чтобы заменить пробитое пулей колесо и поставить его сзади, как он и предложил с самого начала.

Харт невольно чувствовал, как сильно его гложет ощущение вины за все случившееся в доме Фельдманов.

Потерял бдительность...

Задним числом он припоминал признаки, которые должен был разглядеть, но не сумел. Он терпеть не мог некомпетентности, но более всего ненавидел случаи, когда проявлял ее сам. Однажды в Сент-Луисе ему пришлось даже отменить выполнение заказа на убийство: он обнаружил, что парк, через который жертва всегда возвращалась домой с работы — идеальное с виду место для точного выстрела, — оказался большой игровой площадкой, где у него были бы десятки непоседливых маленьких свидетелей. Злясь на себя, он понял, что оба раза, готовя убийство, изучал территорию поздним утром, когда детишки были еще на занятиях в школе.

Теперь он снова оглядел дом и двор перед ним. Оставалась вероятность, что где-то он все же оставил свой след или улику. Впрочем, и Льюис был, вероятно, прав. Здешние копы не похожи на героев знаменитого сериала «Си-эс-ай: место преступления», так, кажется, он назывался. Харт не смотрел телевизор, но был наслышан об идее — в основе сюжетов лежало применение всевозможного дорогостоящего научного оборудования.

Сейчас же Харта тревожило нечто, на его взгляд, более серьезное. Он снова вспомнил о следах зверя и полном пренебрежении людьми, вторгшимися на его территорию. В здешних местах опасность представляли не микроскопы и компьютеры. Тут все было гораздо проще.

На мгновение к нему снова вернулся страх.

Льюис тем временем орудовал домкратом и баллонным ключом, меняя местами колеса «форда». Потом посмотрел на часы.

— В половине одиннадцатого мы вернемся к цивилизации. Я уже чувствую во рту вкус пива и гамбургера, чувак.

И он вернулся к работе, короткие пальцы были быстры и сноровисты.

— Сигнализации у них нет, — прошептала Бринн с удивленной гримасой.

— Что? — переспросила Мишель, не разобрав ее охрипшего голоса.

Она медленно повторила:

— Нет сигнализации.

Бринн оглядела громаду дома номер два по Лейк-Вью. Владельцы явно были людьми со средствами. Почему же не побеспокоились о безопасности?

Она локтем вышибла стекло в двери с заднего двора и, просунув руку, открыла задвижку. Женщины сразу направились в кухню. Бринн первым делом бросилась к плите и попыталась включить горелку, чтобы обсушиться, хотя та могла дать немного предательского света. Но газ был перекрыт где-то снаружи. Времени искать вентиль, чтобы включить поток пропана, не было. «Ради бога! — взмолилась она. — Пусть у них найдется хоть какая-то сухая одежда!» В доме тоже стоял холод, но здесь они, по крайней мере, были защищены от ветра, а стены сохраняли еще немного тепла, накопленного за солнечный день.

Она прикоснулась к лицу. Не к щеке с раной от дроби, а к подбородку. При холодной погоде или сильной усталости прооперированная нижняя челюсть начинала пульсировать, хотя ей порой казалось, что это всего лишь игра воображения.

— Нам нужно торопиться. Самое главное — найти телефон или компьютер. Мы могли бы отправить электронную почту или ай-си-кью.

Джоуи не вылезал из Интернета. Она была уверена, что сообщение до него дойдет, вот только написать его надо так, чтобы он понял, насколько все срочно, но не перепугался за нее.

Машины для бегства у них не было. Они уже заглянули в гараж — пусто.

— И ищите любое оружие. В этих краях почти не охотятся. Здесь заповедник, и повсюду расставлены предупреждения. Но они все равно могут держать в доме ружье. Или хотя бы лук.

— Со стрелами? — спросила Мишель, ужасаясь самой возможности выпустить стрелу в человека. — Я не сумею. Просто не знаю, как им пользоваться.

Бринн доводилось пару раз играть с подобного рода оружием в летних лагерях много лет назад. Но в случае необходимости она, вне всякого сомнения, быстро вспомнит, как из него стрелять.

Пока она предавалась этим фантазиям, Мишель куда-то ушла, затем раздался щелчок, и что-то загудело.

Отопление!

Бринн рванулась в гостиную и застала девушку у термостата.

— Нет, нельзя! — сказала она, хотя у самой зуб на зуб не попадал.

— Но я продрогла до костей, — огорчилась Мишель. — Почему нельзя?

Бринн отключила устройство.

Мишель пыталась спорить:

— Я так замерзла, что все тело болит.

«И это ты говоришь мне?» — подумала Бринн, но вслух произнесла:

— Из трубы пойдет дым, и те двое могут его заметить.

— Но снаружи совсем темно. Они ничего не увидят.

— Мы не должны рисковать.

Девушка недовольно передернула плечиком.

Очаг включился не более чем на несколько секунд, и издали преступники едва ли что-то заметили.

— У нас очень мало времени. — Бринн бросила взгляд на встроенные в радиоприемник часы, на которых светились синие цифры — 20:21. — Они тоже могут наведаться сюда. Так что давайте искать быстрее. Телефон, компьютер, оружие.

Темнота снаружи становилась почти непроницаемой, и ее отчаяние возрастало: ведь спасение могло быть где-нибудь в двух шагах — телефон или пистолет. Но предвидеть ничего нельзя. Вести поиски приходилось главным образом на ощупь. Мишель теперь вела себя осторожно и еле двигалась.

— Живее! — поторопила ее Бринн.

— У них здесь водятся пауки «черная вдова». Я видела одного в своей спальне, когда навещала Стива и Эмму в прошлом году.

Последнее, чего им сейчас следовало опасаться.

Минут десять они продолжали беспорядочные поиски, роясь в ящиках и шкафах, среди бумаг и личных вещей. Бринн улыбнулась было, обнаружив мобильный телефон «Нокия», но он оказался старым, без батарейки и со сломанной антенной. Она вывалила содержимое ящика на ковер и постаралась нащупать зарядное устройство.

Его не оказалось.

— Дьявол! — пробормотала Бринн, выпрямляясь во весь рост и по-прежнему чувствуя пульсацию на лице.

— Я пойду проверю наверху. А вы продолжайте искать здесь.

Мишель неуверенно кивнула, явно не желая оставаться в одиночестве.

Пауки же...

Бринн поднялась по лестнице. Поиски на втором этаже тоже не дали результата: ни оружия, ни телефона, ни компьютера. На чердак она даже не взбиралась. Взглянула в одно из окон и увидела свет фонариков по-прежнему во дворе дома Фельдманов. Но где гарантия, что преступники пробудут там еще достаточно долго?

Ее так и тянуло включить свет, но она не осмеливалась это сделать и продолжила ощупью перебираться из одной спальни в другую, проверяя в первую очередь те, что побольше. Здесь она тоже открывала все подряд ящики и стенные шкафы, пока в одном из них не обнаружила кое-какую одежду. Она скинула куртку и мокрую, прилипшую к телу полицейскую форму, облачившись в самые темные вещи, какие только смогла найти: две пары сине-зеленых тренировочных брюк, две мужских футболки и плотную фуфайку. На ноги натянула сухие носки — пятки она уже натерла промокшей обувью, — но полуботинки пришлось обуть свои прежние. Замены им не нашлось. Наконец, она достала черную лыжную куртку с капюшоном, надела ее поверх всего прочего и только теперь почувствовала, что немного согрелась. Ощущение было столь приятным, что захотелось плакать от счастья.

В ванной она открыла шкафчик с медикаментами и принялась ощупывать пузырьки, пока под руку не попалось нечто прямоугольной формы. Понюхав содержимое и убедившись, что это действительно спирт для растирки, она смочила им комок туалетной бумаги и приложила к ране в щеке. От боли Бринн почти задохнулась, ноги подогнулись в коленях. Но она промокнула рану изнутри рта, и боль показалась намного сильнее. Она наклонила голову, чтобы не потерять сознание. Постаралась дышать глубже.

— Все о'кей, — прошептала Бринн, когда боль отступила, и, сунув пузырек со спиртом в карман, спустилась вниз.

— Нашли что-нибудь? Оружие или телефон? — спросила Мишель.

— Нет.

— Я тоже искала... Но здесь все так пугает. В подвал я не пошла. Слишком страшно.

Пришлось Бринн самой быстро обследовать помещения внизу. Поскольку ни одного окошка там не было, она отважилась включить свет. Однако ничего полезного для связи или обороны в длинной череде подвальных комнат и коридоров не обнаружилось. Она только отметила, что в нескольких прикрытых дверями чуланчиках можно было бы достаточно надежно спрятаться.

Когда Бринн вернулась в кухню, Мишель прошептала:

— Смотрите, что я нашла, — и указала на деревянный блок с кухонными ножами. «Чикагская сталь». Бринн вытащила один из них дюймов восьми в длину и попробовала фабричную заточку большим пальцем.

Она снова посмотрела в сторону дома Фельдманов и убедилась, что огни фонариков все еще светят во дворе. Обдумывая пришедшую в голову мысль, она огляделась по сторонам.

— Вам не попадался где-нибудь здесь бильярдный стол?

Мишель повела рукой в сторону столовой.

— Там есть, по-моему.

Пока они шли в указанном направлении, Бринн говорила:

— Когда я ехала сюда, дорога номер шестьсот восемьдесят ушла затем к востоку. За Клосеном я мало что видела — несколько трейлеров и хижин далеко от шоссе. Потом ничего на многие мили. А если бы я проехала дальше на запад, попался бы мне какой-нибудь магазин или автозаправка? Любое заведение, где есть телефон?

— Не знаю. Я в той стороне никогда не бывала.

Женщины вошли в комнату отдыха — просторное помещение с баром, бильярдным столом и тысячами книг на встроенных в стены полках. На часах под экраном огромного телевизора светились цифры — 20:42.

Бринн уже совершенно согрелась. Занятно, отметила она про себя, что у нее не осталось чувства холода. Нет, она, конечно же, помнила свои страдания, но вызвать в себе это ощущение физически не удавалось, хотя оно было совсем недавним и очень острым.

Она осмотрелась в комнате — спортивное снаряжение, бутылки спиртного, семейные фотографии, стойка для бильярдных киев, шары, аккуратно уложенные в деревянный треугольник, — и принялась за содержимое выдвижных ящиков под книжными полками.

Ни оружия, ни телефона.

— Нам нужно найти карту.

И они стали просматривать полки и стопки разного рода бумаг. Бринн перебирала брошюры из очередного ящика, когда Мишель вскрикнула.

Перепуганная Бринн повернулась к ней.

— Смотрите, кто-то едет!

Женщины на коленях встали у одного из окон. И Бринн увидела, что в нескольких сотнях ярдов от них по проселку Лейк-Вью медленно движется свет фар машины, направлявшейся в сторону шоссе.

— За домом Фельдманов есть еще жилье? — спросила Бринн. Ей-то вроде бы говорили, что здесь всего три загородных дома.

— Точно не знаю. Быть может, это сосед. Или даже полиция! Вдруг другие полицейские поехали вас искать и мы с ними разминулись? Если побежим сейчас, еще успеем остановить их. Давайте же! — Мишель поднялась и, спотыкаясь, устремилась к двери.

— Постойте! — окрикнула ее Бринн хриплым шепотом.

— Но они же через пару минут уедут! — В голосе девушки отчетливо звучала злость. — Мы не можем медлить! Это сумасшествие!

Бринн подняла руку, останавливая ее:

— Нет, Мишель. Посмотрите туда еще раз.

Луна поднялась немного выше и давала достаточно света, чтобы приблизившуюся машину можно было разглядеть. Это был «форд» преступников.

— О нет! — простонала девушка сквозь сжатые зубы. — Разве они могут ехать с пробитыми шинами?

— Вы прострелили им два колеса. Они поставили запаску вперед, а одно из задних по-прежнему спущено. У них автомобиль с передним приводом, и заднее колесо просто волочится на диске. Видите, сколько пыли?

— И далеко они могут так уехать?

— На несколько миль, если не слишком гнать.

Задние габаритные огни «форда» светились теперь призрачным красным облаком среди тучи пыли, поднятой волочившейся по земле спущенной покрышкой. Машина легко вписывалась в извивы проселка, ведущего к шоссе. Вот красные огоньки стали уже едва заметны за стволами сосен, тисов и благородных ив. Потом пропали из виду.

Мишель обхватила плечи руками и вздохнула с облегчением:

— Значит, они уехали... Это ведь для нас хорошо, правда? Мы теперь можем просто отсидеться тут. И включить отопление уже ничто не мешает, верно? Давайте включим его, пожалуйста!

— Конечно, — кивнула Бринн, все еще глядя в том направлении, где скрылась машина. — Давайте включим отопительную систему.

Льюис вел вихляющий «форд» по Лейк-Вью. Они миновали дом номер два и, следуя по извилистому проселку, медленно покатили дальше в сторону шоссе.

— Это был классный выстрел, когда ты из дробовика попал в ее машину с такого большого расстояния, — заметил Харт.

Льюис изобразил небрежную усмешку, но Харт понял, что его слова попали в цель, польстив отморозку.

— Я целился ей в голову. Поэтому и метил повыше. Сделал поправку на ветер, иначе вся дробь ушла бы в деревья. И ты видел — я попал, точно куда рассчитывал.

— Видел.

— И упреждение взял как надо, верно? Ярда полтора. И повыше. Я, правда, не ожидал, что она потеряет контроль над машиной.

— Этого не мог предположить никто.

После недолгого молчания подал голос Льюис:

— Послушай, Харт.

— Что? — отозвался тот, вглядываясь в чащу леса.

— Я вот что понял... Мне не надо было с ней разговаривать. О ключах, я имею в виду.

— О каких ключах?

— Да там, в доме. С бабой-полицейским. Я напортачил... Ты прав. Просто я был на взводе. Мой брат постоянно талдычит, что я всегда что-то делаю или говорю, не подумав. Надо бы мне научиться следить за собой.

— Кто мог себе представить, что она коп? — ободрил его Харт. — Всего не предусмотришь. Зато стрельба у тебя получилась лучше некуда.

Машина постепенно наполнялась вонью паленой резины и горячего металла — пробитая покрышка в движении начала разрушаться.

Именно в этот момент Харт обернулся.

— Черт! — выругался он шепотом.

— Что такое? Что ты там углядел?

— Думаю, это она. Точно она! Женщина из полиции.

— Что?! Так она все-таки выбралась из воды? Б...! Где ты ее увидел?

— В том, другом доме. Номер два.

— Не померещилось? Ты уверен?

— Видел ее в окне. Ясно, как среди бела дня.

— Я и дома-то уже не вижу.

— Попалась прогалина в лесу. Она, наверное, заметила, что мы уезжаем, и встала во весь рост. Подумала, будто мы уже далеко. Тут она дала маху, скажу я тебе.

— Они обе там?

— Не знаю. Я видел только полицейскую. — Он ненадолго примолк, потом продолжил: — Даже не соображу, что нам делать. Мы вроде нормально едем с этим задним колесом.

— Да, пока оно держится, — кивнул Льюис.

— Значит, минут через десять будем на шоссе. Мне просто не терпится убраться отсюда к чертовой матери.

— Аминь.

— Правда, в таком случае мы упустим шанс кое с кем посчитаться. Боже милосердный! Пуля той телки прошла дюймах в шести от моей башки. Я ведь не умею уклоняться, как ты.

— Тоже верно, — согласился Льюис, обдумывая ситуацию, но невольно улыбнувшись при упоминании о своей ловкости.

— Да и неплохо бы окончательно здесь со всем разобраться, чтобы не пришлось ни о чем беспокоиться потом. Ей к тому же известно мое имя. — Харт пожал плечами. — Но не знаю… Ты сам-то как считаешь? Покончить с ней или ну ее?

Пауза. Потом Льюис, все еще пребывая в задумчивости, слегка отпустил педаль газа.

— Покончить! Конечно! И с этой Мишель, если она тоже там… Отделать ее как бог черепаху, вот чего я на самом деле больше всего хочу, приятель.

— Хорошо, так давай это сделаем, — сказал Харт. Он снова оглядел окружавшую их местность и показал в сторону въезда к дому номер один. — Выключай фары и заезжай туда. Мы вернемся назад. А она даже ничего не заподозрит.

Льюис ухмыльнулся.

— И все-таки — месть. Сукин ты сын, Харт! Я знал, что ты захочешь отомстить.

На самом деле в окне дома номер два Харт никого не видел. Собственно, как и Льюис, он к тому моменту не мог видеть и самого дома. Но инстинкт подсказывал ему, что помощница шерифа там. Он знал, что она выжила при крушении машины, заметил следы, ведущие от озера. Она, конечно же, направилась к ближайшему укрытию, какое только могла найти, а это был второй дом по Лейк-Вью, сделал он вывод. Но этой информацией он с Льюисом не поделился. За последнюю пару

часов он чутко улавливал настроение напарника и понимал, что тот ни за что здесь не задержится. Все, чего хотел Льюис, это поскорее вернуться в Милуоки. Он много разглагольствовал о том, что потом можно разыскать обеих женщин и разделаться с ними. Но Харт понимал: этим словам грош цена. Ему будет лень с этим возиться, и он выбросит это из головы, пока в один прекрасный день за ним не придут. Начни Харт настаивать, чтобы они остались здесь и разыскали женщин немедленно, Льюис уперся бы рогом и полез спорить до драки.

Харту же в этот вечер еще один противник был совсем ни к чему.

Однако после того эпизода во дворе дома Фельдманов, когда Льюис украдкой протер горлышко бутылки, Харт раскусил характер парня и понял, что есть шанс сыграть на его болезненном самолюбии и неуверенности в себе. Потому-то он и рассыпался в похвалах по поводу его искусной стрельбы и повел разговор так, чтобы решение расправиться с полицейской Льюис считал своим собственным.

У Харта было прозвище Умелец. Вообще-то оно относилось в основном к его хобби — он любил мастерить мебель и резать по дереву, — однако чаще всего его так называли все-таки применительно к профессии, той самой, что и привела их в этот вечер на берег озера Мондак. А важнейшим правилом дня любого мастера-умельца является искусное владение своим инструментом: как сделанным из металла, так и человеческим, каковым в данном случае был Льюис.

Нет. Харт вовсе не собирался возвращаться в город, не убив предварительно тех двух женщин, пусть даже на это уйдет вся ночь. А то и следующий день. Его бы не остановило присутствие многочисленных полицейских и спасателей, которые наверняка понаедут сюда завтра.

Да, он хотел прикончить Мишель, но приоритетом для него оставалась женщина-полицейский. Именно ее абсолютно необходимо было ликвидировать. Она представляла собой настоящую угрозу. Харт не мог избавиться от воспоминания. Как она стояла у своей машины. Стояла во весь рост и поджидала его. И это выражение на ее лице — проблеск самодовольного «попался!» — хотя ему могло только показаться, но он в это не верил. Она вела себя как охотник, только и ждущий нужного момента, чтобы спустить курок. Как сделал бы и сам Харт.

Только мгновенная реакция и быстрое падение на землю спасли ему жизнь. Впрочем, стреляла она, держа пистолет одной рукой, разумно не выпуская из другой ключей от машины. Пуля промчалась мимо его уха с хлопком, а не свистом, как это изображают в кино. Харт понимал, что в тот момент был ближе к смерти, чем когда, подкравшись сзади, в него стреляла Мишель.

Льюис вел «форд» по подъездной дорожке к дому номер один по Лейк-Вью. По указанию Харта он остановил машину среди кустов позади здания. Здесь она была хорошо укрыта от посторонних глаз густой растительностью. Они выбрались наружу и прошли ярдов двадцать на запад, к лесу, а затем взяли севернее, двигаясь параллельно проселку, чтобы как можно быстрее подойти к дому номер два.

Харт вел за собой Льюиса, тщательно обходя кучи шуршащих листьев и стараясь как можно дольше оставаться в лесной чаще.

Внезапно у себя за спинами они услышали хруст веток.

Оба резко повернулись. Льюис нервно вскинул ружье. Но напугал их не человек. Это снова был какой-то зверек, тот же, что и раньше, или просто похожий. «Собака или койот, — подумал Харт. — А может, и волк. Водятся волки в штате Висконсин?»

Зверь держался от них на приличной дистанции. Харт не чувствовал никакой опасности, кроме шума, который могли услышать в доме.

Затем животное исчезло.

Харт и Льюис остановились и какое-то время разглядывали особняк. Никакого движения в нем заметно не было. Харту померещилось, будто он слышит чей-то разговор, но он тут же понял, что это всего лишь шелест листьев в верхушках деревьев, колеблемых ветром, — звук действительно напоминал ворчливый человеческий голос.

Ни света, ни какого-либо шевеления внутри дома.

Неужели он ошибся, предположив, что коп направится именно сюда?

Но потом он скосил взгляд на Льюиса и похлопал его по руке. Тонкая струйка поднималась из узкого дымохода отопительной системы дома, расположенного вплотную к большой каминной трубе. Льюис расплылся в улыбке. Они осторожно подобрались ближе к зданию под укрытием многочисленных ягодных кустов, заросли которых протянулись от опушки леса почти до заднего крыльца. Харт нес свой пистолет, держа указательный палец не на спусковом крючке, а вытянутым вдоль ствола. Нес он его расслабленно, у бедра. Пальцы Льюиса, напротив, напряженно вцепились в ружье. У черного хода они остановились, заметив, что стекло двери разбито. Харт указал на крыльцо у них под ногами. Там отчетливо виднелись отпечатки обуви двух разных размеров, но, несомненно, женской.

Льюис поднял вверх большой палец, переложил дробовик на согнутую в локте левую руку, а правую просунул в проем разбитого стекла и, отодвинув задвижку, распахнул дверь.

Харт придержал его за руку и тихо прошептал:

— Помни, что, по крайней мере, одна их них вооружена и они могут быть готовы к нашему появлению.

Льюис выдал очередную свою фирменную усмешку, демонстрируя полное пренебрежение к противнику. Но Харт бросил на него сердитый взгляд, и парень смиренно кивнул:

— О'кей.

— И не включай фонарик.

Еще один кивок.

После этого с оружием на изготовку они вошли в дом.

Луна заглядывала сквозь большие окна, давая немного света почти по всему первому этажу. Они быстро обыскали его. В кухне Харт указал на ящики в столах. С полдюжины были выдвинуты. Не укрылось от него и то, что в деревянном блоке для ножей несколько ячеек пустовало.

И тут Харт что-то уловил. Он поднял руку и нахмурился. Вслушался еще раз, склонив голову набок.

Да, это голоса. Голоса женщин, доносившиеся очень смутно.

Харт показал в сторону лестницы на второй этаж, отметив при этом, что его пульс, слегка участившейся после похода через лес, вернулся в норму.

Стэнли Манкевиц ужинал со своей женой в итальянском ресторане в Милуоки — здесь подавали лучшую телятину в городе. Именно это мясо терпеть не мог ни сам Стэнли, ни его супруга, но на ужин их пригласил бизнесмен, и потому им пришлось согласиться.

Официант рекомендовал телятину «Салтимбокка», телятину «Марсала» или фетучини с телятиной «Болоньезе».

Манкевиц заказал себе бифштекс. Жена выбрала лососину. Хозяин стола предпочел телячью ножку.

В ожидании закусок они подняли бокалы с «Барбареско» — терпким вином, производимым в итальянской провинции Пьемонт. На столе появились хлеб-брускетта и салаты. Хозяин стола заткнул салфетку за воротник рубашки. Выглядело это вульгарно, но эффективно, а Манкевиц ценил все эффективное.

Манкевиц чувствовал голод, но еще сильнее — усталость. Он был главой местного отделения профсоюза, которое, вероятно, могло считаться самым влиятельным на всем западном побережье озера Мичиган. Его членами являлись жесткие и требовательные работяги, трудившиеся на компании, которыми владели не менее жесткие и требовательные бизнесмены.

Этими двумя словами можно было прекрасно описать и жизнь самого Манкевица.

Пригласивший их на ужин человек — один из воротил всего профсоюза — специально прилетел из Нью-Джерси, чтобы потолковать с Манкевицем. Несколькими часами ранее он предложил Манкевицу сигару, когда они сидели в конференц-зале профсоюзного офиса, где запрет на курение никто не принимал всерьез, и заявил ему, что расследование, проводимое федералами совместно с властями штата, должно закончиться как можно быстрее и в их пользу.

— Так и будет, — заверил его Манкевиц. — Гарантирую.

— То-то, — сказал человек из Нью-Джерси так же жестко, как только что откусил кончик сигары.

Этот хмырь явился сюда из Ньюарка и читает ему нотации, как занудный учителишка! Загнав внутрь свое бешенство, Манкевиц улыбался и излучал уверенность, которой на самом деле не чувствовал.

Он выковырял лист латука из салата «Цезарь» с подливкой, поданной отдельно, и анчоусами — куда же без них.

Ужин превратился в чисто светскую формальность, и разговор перескакивал с темы на тему. Мужчины поговорили об игре «Пэкерз», «Медведей» и «Джайентс», но без особого энтузиазма, потом вспомнили, что за столом с ними дама, и сочли, что обсуждение будущего отпуска в округе Дор или на Карибах — предмет более интересный. Босс из Нью-Джерси предложил поделиться с Манкевицем своими анчоусами, но тот отказался с вежливой улыбкой, ощущая всем своим естеством новую волну злости. И ненависти тоже. Он уже решил, что, если этот пижон когда-нибудь выставит свою кандидатуру на пост председателя национального профсоюза, Манкевиц сделает все, чтобы

его избирательная кампания пошла ко дну, как «Эдмунд Фитцджеральд».[11]

Когда салатные тарелки опустели, Манкевиц заметил, как в ресторан зашел мужчина, наклоном головы приветствовав владелицу заведения. Лет под сорок, короткие вьющиеся волосы, лицо приятное, да и в целом он производил впечатление эдакого добродушного хоббита. Мужчина пытался сориентироваться в скудно освещенном и чересчур итальянизированном ресторане, владели которым украинцы, а персонал составляли выходцы из других восточноевропейских стран и арабы. Он почти тут же заметил Манкевица, которого трудно было не разглядеть при солидном весе в добрых двести тридцать фунтов и завидно густой седой шевелюре.

Их взгляды встретились. Мужчина вернулся в коридор. А Манкевиц глотнул вина из бокала, вытер губы салфеткой и поднялся со словами:

— Я вас оставлю ненадолго.

Профсоюзный вожак нагнал Хоббита, и они вместе направились к пустовавшему этим вечером банкетному залу, куда вел длинный коридор, увешанный странными изображениями: фотографиями знаменитостей вроде Дина Мартина, Фрэнка Синатры и Джеймса Гандольфини, чьи подписи и комплименты ресторану, сделанные толстым фломастером, были подозрительно похожи друг на друга.

Наконец прогулка по коридору утомила Манкевица, он остановился и спросил:

— В чем дело, детектив?

Его собеседник сделал паузу, словно ему не слишком понравилось, что его служебная должность была оглашена при подобных обстоятельствах. «Естественно, это и не могло понравиться», — решил Манкевиц.

— Возникла одна ситуация.

— Что это значит — «ситуация»? Ситуация! Терпеть не могу этот вашингтонский корпоративный жаргон! — В последнее время Манкевиц пребывал в дурном расположении духа, что неудивительно. Отсюда и проистекала его реакция, хотя в действительности за ней ничего не стояло.

— В округе Кеноша, — добавил Хоббит совершенно бесстрастно.

— Это еще где?

— Примерно в двух часах езды к северо-западу отсюда.

Полицейский заговорил еще тише:

— Там находится загородный дом ведущего юриста по делу. По Делу. С заглавной «Д».

— Речь о той юристке из…

— Да понял я, понял! — Теперь уже Манкевицу не хотелось быть подслушанным, и он оборвал копа прежде, чем тот произнес название фирмы «Хартиган, Рид, Соумз и Карсон».

— Что там за история? — Наигранное раздражение сменилось у Манкевица озабоченностью, в которой уже не было и следа игры.

— Насколько я понял, оттуда поступил звонок на девятьсот одиннадцать с мобильного телефона ее мужа. Его приняли в окружном центре. Мы сейчас отслеживаем все разговоры вовлеченных в это дело людей.

Вовлеченных… В это дело…

— Ты говорил мне об этом, но я не предполагал, что охват такой широкий.

— Все выполняется через единую систему.

«Как им это только удается?» — удивленно подумал Манкевиц. Конечно, компьютеры и все такое. Тайна личной жизни пошла к чертям собачьим. Хорошо, что ему об этом известно.

— Ну, звонок. Ну, девятьсот одиннадцать. Дальше-то что? — Манкевиц в упор разглядывал улыбку Дина Мартина.

— По-моему, никто не знает, что он сказал. Звонок был очень кратким. А потом его аннулировали.

Странно было слышать это слово из уст полицейского.

— Что ты имеешь в виду?

— Муж перезвонил и сказал, что произошла ошибка.

Манкевиц смотрел вдоль коридора в зал ресторана, где его жена непринужденно болтала с высоким лысоватым мужчиной, стоявшим у их столика. Не потому ли он задержался там, что заметил отсутствие Манкевица?

Въедливые, скользкие, жестокие твари…

Он снова переключил свое внимание на Хоббита:

— Значит, возникла чрезвычайная ситуация, а потом как бы рассосалась?

— Именно. Потому этим и не стали заниматься в тактическом подразделении. Я единственный, кому об этом известно. Запись, конечно, сохранилась, но о ней забыли… Прости, Стэн, но я должен задать тебе этот вопрос. Есть что-то, чего я не знаю?

Манкевиц выдержал его взгляд.

— Ничего такого нет, Пит. Возможно, там случилось возгорание. Девятьсот одиннадцать — это может быть что угодно. Мелкая авария. Воры влезли. Или енот завелся в подвале.

— Ты знаешь, мы с тобой в одной лодке, и я на многое готов для тебя. Но вот тонуть вместе с тобой не собираюсь.

За те суммы, что Манкевиц переводил на секретный счет полицейского, тот, по его мнению, должен был сам выпрыгнуть за борт из их общей лодки и душить акул голыми руками.

Манкевиц заметил, что жена посматривает в его сторону. Подали новую смену закусок. Он снова взглянул на копа и сказал:

— Я не устаю повторять с самого начала, что тебе волноваться не о чем. Как мы уговорились. Ты надежно защищен.

— Не наделай глупостей, Стэн.

— Типа чего? Ужина в этом ресторане?

Детектив улыбнулся, но не слишком искренне, и кивнул на висевшую рядом фотографию.

— Вряд ли здесь так уж скверно. Это был любимый ресторан Синатры.

Манкевиц что-то проворчал в ответ, оставил собеседника в коридоре, а сам направился в мужской туалет, где выудил из кармана одноразовый мобильный телефон.

На втором этаже дома номер два по Лейк-Вью было пять дверей, и все они оказались закрытыми. Пол застилал ковер из магазина «Все для дома с Ближнего Востока», а на стенах висели плакаты из художественной галереи размером с десятиярдовые рекламные растяжки в «Таргете» или «Вэл марте».

Харт и Льюис двигались крайне осторожно, медленно, замирая у каждой двери. Наконец они обнаружили ту, из-за которой доносились голоса. Льюис был весь внимание. И, слава богу, вел себя тихо.

Слов из разговора разобрать было невозможно, но, судя по тону, женщины и не подозревали, что к ним уже подобрались так близко.

И о чем только эти две телки могли болтать друг с другом?

Странная парочка, ставшая союзницами в странную ночь.

Впрочем, Харт недолго над этим раздумывал. Он был доволен, что их трюк с машиной себя оправдал. Он собирался убить два человеческих существа, но это не казалось ему сколь-нибудь важным, как и тот факт, что он наверняка получит удовольствие, расправившись с Мишель, подстрелившей его, и с помощницей шерифа, которая тоже пыталась всадить в него пулю. Он уже ощущал приближение того почти сексуального удовлетворения, которое подарит ему успешное завершение начатой работы. Смерть двух женщин, вероятно, кровавая, и явилась бы этим завершением, но его чувство при этом едва ли будет сильнее радости, испытываемой им, когда он заканчивал полировку только что доделанного лакированного шкафчика или посыпал зеленью омлет, приготовленный утром для случайной женщины, оставшейся у него на ночь.

Разумеется, эти смерти не останутся без последствий. Его жизнь они изменят, и он осознавал это. Взять, к примеру, товарищей по работе этой полицейской — они из кожи вон вылезут, только бы найти ее убийцу. Он мог предположить даже, что кто-нибудь из ее близких — муж, брат или отец — попытается взять правосудие в свои руки, если местные сыщики не смогут выйти на след Харта, а, как он подозревал, так оно и случится.

Однако если, скажем, ее муж однажды сумеет его выследить, у Харта всегда найдется способ от него избавиться. Он приведет план в исполнение и устранит проблему. И почувствует удовлетворение от своего рода симметрии, которая увенчает это дело. То же удовлетворение, что охватит его совсем скоро, когда он сделает по ней несущий смерть выстрел.

Харт осторожно потрогал ручку двери. Заперто. Голоса же не стихали и звучали ничуть не встревоженно. Харт показал пальцем на себя, потом на плечо своей здоровой руки.

Льюис приблизился к его уху и прошептал:

— Но ты же ранен.

— Ничего, переживу. Я выломаю дверь, брошусь на пол и открою прикрывающий огонь. Ты войдешь следом и завалишь обеих.

— Думаешь, у них есть пистолеты? — Льюис бросил взгляд на дверь.

— Если есть пистолеты, зачем брать ножи? Но нам лучше не забывать, что у одной из них он может быть.

Льюис кивнул и цепко ухватился за ружье, проверяя предохранитель.

Внутри продолжалась болтовня, на слух совершенно беззаботная.

Харт сделал шаг назад, посмотрел на Льюиса, державшего дробовик стволом вверх, и кивком подал сигнал. Потом, чуть пригнувшись, как борец на ковре, рванулся вперед и содрогнулся от боли, ударившись плечом в дверь. С громким треском сломался замок, и створ подался внутрь, но всего лишь на несколько дюймов. Харт вскрикнул, ударившись в дубовую панель еще и головой, и отступил, ошеломленный.

Дверь была забаррикадирована изнутри.

Голоса в комнате мгновенно смолкли.

Харт надавил на створ еще раз, но тот не поддался. Он обернулся к Льюису:

— Да помоги же мне! Толкай! Она заблокирована.

Льюис уперся обеими ногами в пол, но дверь не двигалась с места.

— Бесполезно. Ее крепко подперли.

Харт оглядел холл. Затем подбежал к другой спальне, расположенной справа. Сломал замок и ворвался внутрь. Быстро обшарил комнату. Застекленная дверь из нее вела на террасу снаружи. Он открыл ее, выглянул и посмотрел налево. Терраса тянулась ярдов на десять, и из спальни, где прятались женщины, на нее выходила точно такая же дверь.

Лестницы, чтобы спуститься с террасы, не наблюдалось. Сбежать таким путем они не могли, а значит, были все еще там.

Харт подозвал Льюиса. Они вместе вышли на террасу и подошли к следующей спальне, остановившись чуть не доходя до окон, задернутых занавесками и, похоже, тоже заставленных какой-то мебелью изнутри. Стекло двери прикрывала штора.

Следовало обдумать, как лучше всего напасть: будет женщина держать на прицеле своего глока входную дверь или окна? что делать с баррикадами? есть ли пути отступления — у женщин и у самих Харта с Льюисом?

Льюис рвался в бой, но Харт не торопил события. Наконец он принял решение.

— Подберись к двери. Я останусь здесь, разобью окно и попробую отпихнуть стол или шкаф, или чем они его там перегородили. И начну стрелять. Это их отвлечет. Тогда вступай в дело ты и пальни пару раз через дверь.

— Перекрестный огонь!

Харт кивнул:

— У нас достаточно боеприпасов. Можем себе позволить ураганную стрельбу. А затем врываемся внутрь. О'кей?

Льюис на корточках перебрался к двери и расположился рядом с ней, не выпрямляясь во весь рост. Харт подал сигнал и ударил по стеклу, которое с шумом разлетелось вдребезги, затем оттолкнул стоявший у окна небольшой шкафчик и отскочил назад, когда Льюис послал три заряда из дробовика внутрь комнаты. От выстрелов заколыхались шторы, зазвенело еще какое-то разбитое стекло. Харт тут же выпустил наугад четыре пули из своего глока. Он не ждал, что его выстрелы попадут в кого-то, но заставят залечь — уж точно. А это даст им с Льюисом время ворваться внутрь.

— Давай!

И они друг за другом вбежали через дверной проем с оружием наготове.

В комнате было полно дешевого антиквариата, гравюр с буколическими пейзажами, книг и журналов на полках и в корзинах. Но ни души.

На мгновение Харт решил, что женщины воспользовались моментом и ушли через входную дверь в холл, но нет — та была все так же

забаррикадирована. Как выяснилось, огромных размеров дубовым шифоньером. Он жестом показал на стенной шкаф. Льюис открыл дверцу и пальнул из ружья внутрь.

В четырех стенах сравнительно небольшого помещения выстрел прозвучал громоподобно. «Лучше бы он не стрелял», — подумал Харт, совершенно оглушенный. Внезапная глухота вызвала приступ страха. Подберись к нему сейчас кто-то сзади, он бы не услышал.

Он снова огляделся. Где же они? Оставалась ванная. Больше им спрятаться негде.

Дверь ее тоже была закрыта.

Перед ней стоял Льюис. Харт показал на один из карманов его форменной куртки. Льюис кивнул, отложил в сторону дробовик и достал серебристый пистолет «ЗИГ-Зауэр» — оружие тоже достаточно громкое, но не настолько, как винчестер. Он дослал патрон в ствол и щелчком снял предохранитель.

Харт направился к двери ванной. Но едва собрался ее распахнуть, как остановился и вскинул голову. Потом жестом приказал Льюису отойти в сторону.

— Постой-ка, — чуть слышно произнес он и, вытащив один из ящиков шифоньера, толкнул им дверь, которая легко распахнулась.

Из ванной потянуло дымком. В глазах обоих мужчин появилась резь, они закашлялись.

— Господи, это еще что такое?

— Аммиак, — ответил Харт.

— Похоже на чертов слезоточивый газ.

Задержав дыхание, Харт включил в ванной свет.

Ну, вы только посмотрите на это!

Поверх двери женщины пристроили ведро с аммиаком. Любого вошедшего туда химикат облил бы с головы до ног. И, вполне вероятно, ослепил. К счастью, дверь сама по себе захлопнулась, и ведро грохнулось на пол еще до того, как напарники проникли в спальню.

— Бл...я ловушка!

Он вообразил себе, как это — попасть под душ из аммиака. Боль должна быть нестерпимой.

Протерев глаза, Харт захлопнул дверь ванной и огляделся в спальне.

— Смотри, — сказал он. — Их тут вообще не было. Вот что мы слышали.

Он указал на телевизор. Электрический кабель аппарата «Сони» был сначала обмотан вокруг одной из ножек шифоньера и уже затем включен в розетку. Пытаясь открыть дверь, Харт сдвинул шкаф дюйма на три, и вилка выпала из розетки. Телевизор выключился, и создалось ложное впечатление, будто находившиеся в комнате женщины умолкли и затаились.

Он снова включил телевизор. На экране появился канал «Магазин на диване».

— Сплошной женский треп, — констатировал Харт, покачав головой. — Никакой музыки. Только голоса. Они все хитро обустроили, а потом ушли через террасу и другую спальню. Пока мы здесь возились, у них было время, чтобы скрыться.

— Стало быть, они выжидали в лесу, видели, как мы вошли в дом, а теперь уже небось на полпути к шоссе.

— Может, и так.

Однако он не мог избавиться от мысли, что женщины только хотели заставить их думать, будто направились в сторону шоссе, а на самом деле спрятались где-то еще, причем в этом же доме. Осматривая первый этаж, он про себя отметил, что подвал здесь должен быть изрядных размеров.

Да или нет? Поразмыслив, он принял решение:

— Я считаю, что нам надо здесь все обыскать.

Льюис спрятал пистолет в карман кителя и поднял с пола ружье.

— Я не против. Только давай поскорее уйдем отсюда. — Он опять закашлялся.

Вдвоем они отодвинули шифоньер от двери. И тут Харт заметил нечто интересное под столом. Это была кипа мокрой одежды. Конечно! Полицейской просто необходимо было переодеться после того, как она побывала в ледяной воде озера. Харт перебрал вещи, но ничего не нашел. Затем обследовал форменную рубашку, и у нагрудного кармана

увидел маленькую табличку, на которой белым по черному было написано: «Пом. шерифа Бринн Маккензи».

Она обвела его вокруг пальца, это точно. Но Харт почувствовал себя довольным. Ему нравилось знать своего врага по имени.

Приглушенные выстрелы, доносившиеся из дома номер два, походили на звук нетерпеливого пощелкивания пальцами. Наступила короткая пауза, потом стрельба возобновилась.

Бринн и Мишель приближались к дому Фельдманов, в котором царила теперь абсолютная темнота. В воздухе стояла густая смесь запахов дыма из камина, глинистой почвы и гниющих прошлогодних листьев. Молодая женщина снова замкнулась в себе, мрачная и раздраженная. Она шла совсем медленно, прихрамывая и опираясь на бильярдный кий как на трость.

Бринн сжала ее руку.

Жест остался без ответной реакции.

— Пожалуйста, Мишель, нам нужно двигаться быстрее.

Девушка подчинилась, но с видимой неохотой. Вид у нее был обиженный, словно ей одной приходилось переносить невзгоды. Она живо напомнила Бринн сына, когда приходилось заставлять его сделать уроки, прежде чем садиться за компьютерные игры или электронную переписку с приятелями.

По пути Бринн вспомнила спор, возникший у них с Мишель в доме номер два, когда она согласилась включить отопление.

Но сделала она это только с одной целью: заставить преступников поверить, будто они там укрылись. Она сказала Мишель:

— Собирайтесь. Мы возвращаемся к Фельдманам.

— Что?

— И побыстрее!

Мишель с вывихнутой лодыжкой и все еще в шоке от смерти близких друзей, стала умолять Бринн остаться в доме номер два, спрятаться где угодно — даже в кишащем пауками подвале — и дождаться полиции. Капризничая, как маленькая принцесса, она отказывалась покидать дом.

До нее никак не доходило, почему Бринн считает, будто мужчины непременно вернутся, а не уедут к шоссе 682.

Однако Бринн не сомневалась, что случится именно так. Направившись в сторону шоссе, они лишь хотели их обмануть.

— Но зачем им это надо? — с жаром препиралась с ней Мишель. — Это просто бессмысленно.

Бринн приводила свои доводы:

— Даже судя по тому, что вы рассказали, это не обычные грабители. Они — профессиональные убийцы. А значит, непременно будут нас искать. Они просто не могут этого не сделать. Мы ведь способны опознать их. И цепочка потянется к заказчикам. Стало быть, у них двойной стимул расправиться с нами. Если они этого не сделают, хозяева разделаются с ними самими.

Но Бринн не поделилась с ней еще одним важным фактом, на основе которого сделала свои выводы, а этим фактом был человек по имени Харт. Этот просто так не уйдет. Она хорошо помнила его уверенный тон, когда он говорил с ней, затаившейся в доме Фельдманов. Никаких эмоций. Это был голос человека, готового убить без колебаний, стоило ей только появиться.

Харт напомнил того хирурга, который совершенно бесстрастно объяснял ей, почему ее отец скончался во время предварительной операции.

Еще более пугающим стало навеянное Хартом воспоминание о первом муже. На его лице промелькнуло то же выражение, какое было у Кейта, когда однажды она застала его прячущим в ящике шкафа в их спальне незнакомый ей пистолет. На ее вопрос офицер правоохранительных органов после некоторых колебаний признался, что они с коллегами иногда тайком уносили с места преступления оружие, не служившее уликой в деле. И хранили его.

— На всякий случай, — пояснил Кейт.

— Ты имеешь в виду случай, когда можно подбросить его преступнику, а потом заявить, будто сам стрелял в целях самообороны?

Супруг ничего на это не ответил, но посмотрел на нее тогда тем же взглядом, с каким Харт совсем недавно выскочил из-за кустов с пистолетом в руке, готовый выстрелить в любое мгновение.

Бринн показалось, что в этом взгляде было и нечто другое. Чуть ли не восхищение.

Да, вполне возможно.

Но и вызов тоже.

Пусть победит сильнейший…

Уверенная, что преступники вернутся в дом, где прятались они с Мишель, Бринн переключила телевизор в одной из спален на коммерческий канал, заблокировала дверь шифоньером и обмотала электрический кабель вокруг его ножки. Она нашла банку с аммиаком и полила им пол в ванной рядом с опрокинутым ведром, имитируя ловушку. Это послужит Харту и его напарнику уроком, покажет им, что она готова была ослепить своих преследователей. На самом деле она никогда не пошла бы на такой риск. Ведь существовала вероятность, что дверь в ванную первым откроет хозяин дома или кто-то из спасательной команды.

Они прихватили из дома номер два некоторые вещи — какое-никакое, но оружие. При каждой из них был теперь носок с вложенным в него бильярдным шаром — самоделка наподобие применяемого южноамериканскими индейцами метательного снаряда боло. Бринн узнала о нем, когда помогала Джоуи писать школьное сочинение об Аргентине. В карманах у них лежало по кухонному ножу в ножнах, сделанных из картонных упаковок для колготок. Кроме того, Бринн вооружилась самым длинным из ножей для разделки мяса, примотанным изолентой к наконечнику бильярдного кия.

Мишель, разумеется, не хотела никакого оружия, но Бринн настаивала, и молодая женщина уступила, словно делая одолжение.

Затем они выскользнули из дома, углубились в лес позади него и повернули к северу, к участку Фельдманов, осторожно пробираясь через заболоченную местность, используя бревна и камни, чтобы преодолевать ручьи, сбегавшие к озеру.

Теперь же, укрывшись во дворе своих друзей, Мишель смотрела в южном направлении, откуда доносилась стрельба.

— Зачем нам понадобилось возвращаться сюда? — пробормотала она, обращаясь к Бринн. — Нам нужно было идти в другую сторону. К шоссе. Теперь, чтобы пробраться туда, придется как-то проскочить мимо них.

Бринн покачала головой.

— Я ехала по шестьсот восемьдесят второй дороге добрых полчаса, и мне попались только три встречные машины. И это в час пик! Нам пришлось

бы сильно рисковать и пешком идти по обочине шоссе бог знает как долго. Они бы легко нас поймали.

— Но ведь там есть какое-то жилье, верно? Мы могли бы зайти в один из домиков. Вызвать девятьсот одиннадцать.

— Нет, мы туда не пойдем, — отрезала Бринн. — Мы не имеем права привести убийц к кому-то еще. Больше никто пострадать не должен.

Мишель замолкла, глядя на дом Фельдманов, потом сказала:

— Это просто безумие. Нам нужно выбираться отсюда.

— Мы и выберемся. Но только не тем путем, каким попали сюда.

— И почему здесь нет других полицейских? — недовольно спросила девушка. — Почему вы приехали одна? В полиции Чикаго так никогда бы не поступили.

Капризы этой девицы стали действовать Бринн на нервы. Но она сдержала раздражение. Бросив взгляд ей за спину, она сделала жест указательным пальцем.

Внутри дома номер два отчетливо виднелись лучи двух фонариков — один наверху, второй на первом этаже. Лучи шарили по комнатам. Оба преступника были там и настойчиво их разыскивали.

— Следите за фонариками. Я зайду внутрь. У Стива был пистолет?

— Понятия не имею, — усмехнулась Мишель. — Они не любили оружия.

— А где ваш мобильный телефон? — спросила Бринн.

— В сумочке на кухне.

Бринн поспешила к крыльцу, но уже почти на пороге оглянулась и увидела глаза молодой женщины, насколько это позволял скудный лунный свет. Естественно, в них читалась печаль — все-таки она только что потеряла своих лучших друзей. Но преобладало другое выражение — такое Бринн видела порой на лице своего сына в неприятные для него моменты. Взгляд словно бы говорил: «Почему это случилось именно со мной?! Как все-таки несправедлива жизнь!»

— Никого.

Произнесено это было шепотом.

В подвале дома номер два по Лейк-Вью Харт кивком подтвердил, что слышал реплику Льюиса, обводившего лучом фонарика обширную кладовку, которая могла бы послужить идеальным укрытием.

И она же была последним местом, где они все еще надеялись обнаружить спрятавшихся в доме женщин.

Харт снова чувствовал себя вполне уверенно. Скорее всего, женщины не вооружены — такой вывод напрашивался сам собой. В противном случае они устроили бы засаду и стреляли в них с Льюисом. И, тем не менее, он настоял, чтобы они пользовались только фонариками, не включая свет.

В один из моментов Харту почудилось за спиной какое-то шевеление. Он резко повернулся и выстрелил на звук, но то была всего лишь крыса, тень от которой на стене казалась гигантской. Невредимый грызун скользнул в щель. Харту оставалось только злиться на себя за поспешную стрельбу: резкий поворот всем телом причинил боль в раненой руке, а от звука оба они снова на время оглохли. Огорчала потеря контроля над собой. Хотя как посмотреть — движение в его сторону кого-то невидимого… Тут любой бы пальнул.

Впрочем, оправданий Харт не любил и не принимал. Всегда виноват только ты сам, и никто другой, — если ошибся с размерами доски или ножкой стула, получившейся кривой, попался сучок или тщательно выструганная шпонка дала трещину.

«Семь раз отмерь, один — отрежь» — любимая поговорка его отца.

Они поднялись из подвала в темную кухню. Харт вгляделся в черноту леса через окно заднего крыльца, гадая, не смотрят ли они сейчас с той женщиной друг на друга.

— Только потеряли драгоценные минуты на их поиски. Для того они и задумали все эти трюки в спальне. Чтобы выиграть время.

И чтобы ослепить нас. Он все еще чувствовал запах аммиака даже здесь, внизу, хотя дверь в спальню была закрыта.

— Но где же они? — Харт принялся размышлять вслух. — Куда бы я направился на их месте?

— Через лес и в сторону дороги, — предположил Льюис.

Харт согласился:

— Точно. Я тоже так думаю. Другого пути отсюда нет. Они рассчитывают остановить попутную машину, но движение по шоссе среди ночи практически замирает. В этих местах вообще мало кто ездит. И им придется идти вдоль дороги. Спрятаться там негде. И, по-моему, я заметил пятна крови на форменной рубашке этой Бринн. Она что-то себе повредила. Значит, быстро идти они не смогут. Мы их отловим в два счета.

Бринн Маккензи поспешно обыскивала дом Фельдманов. Естественно, свет она включить не могла и искала на ощупь — оружие или телефон. Но не нашла ни того ни другого.

Даже сумочки Мишель не оказалось на месте. Это означало, что ею завладели убийцы и знают теперь не только ее полное имя, но и домашний адрес.

У входа в кухню по-прежнему лежали трупы хозяев дома — кровь расплылась замысловатой формы пятном у тела мужа и образовала почти идеальный круг у жены. После недолгого колебания Бринн наклонилась и осмотрела их карманы в поисках мобильного телефона. Ничего. Порылась в пиджаках. Результат тот же. Потом замерла и немного постояла над ними. Ей казалось, что было бы уместно произнести над усопшими какие-то слова, но в голову ничего не приходило.

Быть может, у кого-то из них был ноутбук? Она взглянула на дипломат, валявшийся на полу, и папки, каждая из которых имела пометку «Для служебного пользования». Нет, никакой электроники. Муж, по всей видимости, использовал вместо чемоданчика небольшой рюкзак, но в нем обнаружились только несколько журналов, книга в мягкой обложке и бутылка вина.

Бринн опять ощущала жжение в ступнях от опрелости — мокрые ботинки увлажнили и новую пару носков. Она заглянула в стенной шкаф, куда складывали белье для стирки, и нашла не только носки, но и две пары крепких туристических башмаков. Она снова переобулась, взяв себе пару размером побольше. Вторую захватила для Мишель. Кроме того, ей попалась под руку зажигалка для свечей, и Бринн сунула ее в карман.

Могла ли она еще что-то?..

Но тут Бринн вздрогнула от внезапного испуга. Снаружи, заглушив кваканье лягушек и шелест ветра, раздалось мощное завывание автомобильной сигнализации. Затем отчаянный крик Мишель:

— Бринн! Бегите сюда скорее! Помогите!

Бринн выскочила наружу, сжимая в руках свое самодельное копье лезвием ножа вперед.

Мишель стояла рядом с «мерседесом», у которого было разбито одно из окон. Глаза ее расширились от ужаса. Страх буквально парализовал девушку.

Бринн подбежала к машине, бросив взгляд в сторону дома номер два, где свет фонариков теперь пропал.

Они уже идут сюда. Этого только не хватало!

— Простите меня! — чуть не плакала Мишель. — Я даже не думала, я не думала...

Бринн открыла дверцу со стороны сиденья пассажира, дернула за ручку, открывавшую капот, и метнулась к переднему бамперу. Уж в чем в чем, а в легковых машинах и грузовиках она кое-что понимала — разбор дорожных происшествий составлял едва ли не наибольшую часть работы офицера полиции в округе Кеноша. И изучала она не только вождение, но и материальную часть. Ножом на кончике кия Бринн подцепила провод, присоединенный к положительному полюсу аккумулятора, и оторвала его. Воющие звуки мгновенно умолкли.

— Как такое могло случиться?

— Я просто... — Мишель внезапно сменила извиняющийся тон на агрессивный. — Это не моя вина!

«Не твоя? Тогда чья же?»

— У меня пониженное содержание сахара в крови, — продолжала девушка. — Я почувствовала себя плохо. А у меня с собой было печенье.

Она указала на большую пачку фирмы «Здоровое питание» на заднем сиденье. И уже снова извиняясь, добавила:

— Если я вовремя чего-нибудь не съем, могу даже потерять сознание.

— Ладно, я все поняла, — сказала Бринн, которая прежде не стала обыскивать «мерседес», потому что была уверена — машина на

сигнализации. Теперь же быстро забралась внутрь, достала пакет с печеньем и отдала его Мишель, затем порылась в бардачке и разочарованно пробормотала:

— Ничего полезного.

Потом повернулась к Мишель и сказала с нескрываемой злостью:

— Вы, должно быть, совсем рехнулись.

— Но я ведь уже извинилась. Попросила прощения.

— Все, проехали! Но нам нужно уходить, причем срочно. Они уже на пути сюда.

Она протянула Мишель пару башмаков из дома. Та, что меньшего размера, и должна была ей подойти. Полусапожки на семисантиметровых шпильках на ногах девушки, дорогие и модные, — отменная обувь для молодой актрисы, но в них нельзя убегать от убийц.

Мишель недоуменно смотрела на грубую замшу башмаков. Но и пальцем не пошевелила.

— Нельзя ли поживее?

— Мне удобно и в моей обуви.

— Нет, ее нужно сменить. В этом, — кивок на стильный дизайнерский лак, — вы далеко не уйдете.

— Не люблю носить вещи других людей, — упрямилась Мишель. — Это... неприятно. — Ее голос перешел в чуть слышный шепот.

Скорее всего, она имела в виду вещи мертвецов.

Взгляд в сторону дома номер два. Преследователей не видно. Пока.

— Простите, Мишель. Я знаю, как это тягостно. Но вам придется это сделать. И как можно скорее.

— Но я вполне смогу идти и в этом.

— Нет. Не сможете. Особенно с растяжением.

Снова мучительные колебания. Она походила на избалованную первоклассницу. Бринн крепко взяла ее за плечи.

— Мишель! Они могут появиться здесь в любую минуту. У нас нет выбора. — И резко и хрипло закончила фразу: — Обувай эти чертовы ботинки. Немедленно!

Наконец, после еще одной паузы, Мишель с дрожащей нижней челюстью и слезами в покрасневших глазах взяла из рук Бринн туристические башмаки и, прислонившись к «мерседесу», натянула себе на ноги. А Бринн побежала к гаражу и нашла то, что приметила еще при первом осмотре территории вокруг дома, — прикрытое куском брезента каноэ. Она легко подняла лодку. Сделанная из стекловолокна, та весила чуть больше тридцати фунтов.

Хотя карта на «Yahoo!» оказалась точна и от озерного берега их отделяли почти двести ярдов, всего ярдах в десяти от дома протекала бурная речушка, почти по прямой впадавшая в озеро.

В гараже Бринн нашла спасательные жилеты и весла.

Мишель тем временем брезгливо разглядывала башмаки подруги на своих ногах. Выглядела она, словно богатая клиентка, которая собирается жаловаться менеджеру бутика на бракованную обувь.

Бринн пришлось снова прикрикнуть на нее:

— Эй, не стой там! Мне нужна твоя помощь.

Мишель снова тревожно посмотрела в сторону дома номер два, запихнула пакет с печеньем в карман и поспешила ухватиться за каноэ. Женщины спустили лодку на воду. Мишель села в нее первой, держа в руках бильярдный кий-трость, и Бринн подала ей свое «копье», весла и жилеты.

Бросив последний взгляд на лесную чащу, сквозь которую к ним уже наверняка приближались убийцы, помощница шерифа забралась в каноэ и оттолкнулась от берега, отдав лодку во власть потока, чтобы эта черная артерия увлекла их вниз, к мрачному сердцу озера.

Мужчины бежали сквозь ночную мглу, вдыхая холодный сырой воздух, пропитанный запахом гнилых листьев.

Услышав звуки автомобильного клаксона, Харт мгновенно понял, что женщины направились не в сторону шоссе, как он предположил, а вернулись, чтобы укрыться в доме Фельдманов. Вероятно, они полезли в «мерседес», надеясь привести в порядок его колеса, но не учли, что машину поставили на сигнализацию. Они с Льюисом бегом бросились

туда, но почти сразу наткнулись на болотца и довольно широкие ручьи. Харт собрался уже перейти один из них вброд, но Льюис остановил его:

— Не делай этого! Тут же ноги промочишь. А их лучше держать сухими.

Харту, редко покидавшему город, это и в голову не пришло. Они вернулись на проселок и побежали по нему к северу, снова мимо дома номер два.

— Нам нужно... соблюдать осторожность, — заговорил Харт, задыхаясь от бега, когда они преодолели уже половину дистанции до дома Фельдманов. — Это... Это может быть... еще одна подстава.

Даже не слишком быстрый бег превратился в муку для его раненой руки. Он морщился от боли, старался держать ее в разных положениях, но ничто не помогало.

— Подстава?

— Меня все еще... все еще беспокоит пистолет.

Льюис, казалось, теперь был гораздо менее склонен пренебрегать мнением напарника.

— Понял, — кивнул он.

Они замедлили бег, добравшись до почтового ящика рядом с началом подъездной дорожки к дому, и устремились по ней вверх, Харт чуть впереди, И оба старались держаться в тени. Слава богу, Льюис не издавал ни звука. Чему-то парень все-таки учится, если только определение «парень» подходит для тридцатипятилетнего мужика. Харту снова вспомнился собственный брат.

Преодолев по дорожке ярдов пятнадцать, они остановились.

Харт всмотрелся вперед, стараясь хоть что-то разглядеть, но в темноте видно было немногое. Где-то рядом метались летучие мыши. Потом какое-то существо с шумом промчалось над его головой и, приземлившись сзади, побежало прочь по земле.

Вот ведь черт! Белка-летяга. Харт никогда не видел их живьем.

Он покосился на «мерседес», заметив, что одно из окон разбито. Женщин нигде не было видно.

Их обнаружил на этот раз Льюис. Он смотрел назад, в сторону проселка.

— Харт, глянь-ка! Это что такое?

Тот обернулся, ожидая увидеть Бринн с пистолетом в руках. Но ничего не заметил.

— Что?

— Они вон там! На озере.

Харт вскинул взгляд. Примерно в двухстах ярдах от берега низко над водой виднелась лодка — небольшая плоскодонка или каноэ. Она медленно двигалась в сторону противоположного берега. Трудно сказать наверняка, но ему показалось, что в лодке двое. Должно быть, заметив мужчин, Бринн и Мишель бросили грести и пригнулись как можно ниже. Сила инерции продолжала увлекать лодку дальше.

— Значит, сигнализацию они включили не по ошибке, — сказал Льюис. — Специально хотели отвлечь нас, чтобы сбежать на этой б... лодке.

Хорошо, что парень оказался глазастым. Харту и в голову не пришло осмотреть поверхность озера. Он снова испытал досаду от чувства, что его перехитрили. «Это Бринн, — подумал он. — Только ей могла прийти в голову такая уловка».

Мужчины бросились к берегу озера.

— Для дробовика они слишком далеко, — разочарованно констатировал Льюис. — А из пистолета я стреляю плохо.

Зато из него отлично стрелял Харт. Он посещал тир по меньшей мере раз в неделю. И сейчас, держа оружие одной рукой, открыл огонь, не торопя выстрелы и чуть приподнимая ствол для каждого следующего. Звуки резко разносились над поверхностью озера, резонировали и возвращались более тихим эхом. Первые две пули попали в воду рядом с лодкой, зато остальные не прошли мимо, угодив точно в цель. Выстрелы раздавались с интервалом в несколько секунд, и каждый пробивал каноэ, вышибая из борта осколки то ли дерева, то ли стекловолокна. Кроме того, он, по всей вероятности, попал в одну из женщин — одна фигура вдруг резко подалась вперед, и исполненный ужаса женский крик пронизал сырой воздух.

Еще несколько выстрелов. Крик внезапно стих. Каноэ перевернулось и пошло ко дну.

Харт перезарядил обойму.

— Никто не шевелится, — сообщил Льюис, вынужденный кричать, потому что оба слегка оглохли от выстрелов. — Ты прикончил их, Харт.

— Возможно, но лучше нам в этом убедиться, — сказал тот и указал на небольшой ялик. — Ты умеешь грести?

— Конечно, — ответил Льюис.

— Пойди и принеси камней. Нам придется утопить трупы.

— Вот это была стрельба, Харт! Нет, правда! — Льюис с усилием привел лодку в правильное положение.

Но Харт думал сейчас не о собственной меткости. Умение стрелять — это всего лишь навык, и при его профессии он обязан владеть им в совершенстве, как нельзя стать хорошим столяром, не умея ловко орудовать рубанком или точить детали на станке. Теперь, когда задание выполнено, ему необходимо переключить внимание на будущее: предвидеть и подготовиться к серьезным последствиям, которые повлечет за собой смерть этих женщин.

А в том, что так и будет, Харт нисколько не сомневался.

Грэм Бойд подался вперед на зеленом диванчике и нахмурился, глядя не на экран телевизора, а на старенький столик рядом с ним, окрашенный в бело-золотистые тона, — под ним стояла коробка с единственным вязанием, за которое Бринн когда-либо бралась, — свитер для племянницы. Она забросила эту затею уже несколько лет назад, справившись лишь с десятком сантиметров рукава, вышедшего у нее кривым.

Анна вдруг тоже оторвалась от своего вязания со словами:

— Сделаю-ка я перерыв.

Зять вскинул на нее удивленный взгляд.

Она отложила в сторону длинные синие спицы, взяла пульт телевизора и приглушила звук. И снова Грэм уловил в ней проблеск жесткости, едва ли присущий старушке с собранными в пучок седыми волосами и легкой улыбкой на напудренном лице.

— Лучше расскажи мне все сразу. Я ведь так или иначе заставлю тебя проговориться.

О чем это она, черт возьми? Он отвел глаза и вперился в какую-то бессмыслицу, происходившую на плоском телеэкране.

Но она не сводила с него взгляда.

— Я имею в виду тот звонок. Он был из школы, верно?

Грэм начал что-то говорить, потом осекся. И в конце концов признался:

— Там все несколько хуже, чем я вам сказал.

— Я так и думала.

И тогда он передал ей содержание своего разговора с куратором Джоуи. О том, что мальчик прогулял занятия, подделал подпись, о фальтинге и даже о временном исключении из школы прошлой осенью.

— И были еще драки, в которые он ввязался. У меня духа не хватило расспросить куратора о подробностях.

«Какую именно драку вы имеете в виду?»

— Вот как, значит, — кивнула Анна. — Я предполагала нечто подобное.

— Неужели?

Анна снова взялась за вязание.

— И что ты собираешься предпринять по этому поводу? — спросила она.

Грэм пожал плечами и откинулся на спинку дивана.

— У меня был порыв поговорить с ним. Но я решил предоставить все Бринн. Пусть разбирается сама.

— Но ведь это не дает тебе покоя, как я заметила. Во время шоу Дрю Кейри[12] ты даже ни разу не рассмеялся.

— Если это случилось однажды, значит, вполне возможно, бывало и раньше. Как вам кажется?

— Более чем вероятно. Уж у меня-то есть опыт общения с детьми. — Анна имела право на такое утверждение. У Бринн были старший брат и младшая сестра — учитель и продавщица в магазине компьютеров соответственно. Приятные, добрые, легкие в общении люди. Но самые обыкновенные. Бринн проявляла гораздо большую амбициозность.

Анна Маккензи окончательно отбросила манерность персонажей семейных сериалов телеканала «Холмарк», которую в случае необходимости набрасывала на себя как камуфляж. Тон ее разительно изменился:

— Я давно хочу тебе сказать. Ты никогда не наказываешь его, Грэм.

— После Кейта я не всегда знаю, как себя с ним вести.

— Но ты ведь не Кейт, слава богу. Тебе не о чем беспокоиться.

— Бринн мне не разрешает. Или, по крайней мере, так я ее понимаю. И я не настаиваю. Не хочу подрывать ее авторитет. Он же ее сын.

— Не только, — поспешила возразить Анна. — Теперь он и твой сын тоже. Женившись, ты получил полный комплект, куда входит еще и вредная старушенция, на что ты явно не рассчитывал.

Он рассмеялся:

— Поймите, я просто стараюсь быть осторожным. Джоуи… Я знаю, как тяжело он переживал развод родителей.

— Так бывает со всеми. Это жизнь. Не причина, чтобы вести себя с ним излишне робко.

— Возможно, вы и правы.

— Я права на все сто. Отправляйся наверх и поговори с ним. Сейчас же! — добавила она. — Быть может, оно и к лучшему, что Бринн сегодня уехала по вызову. У вас двоих появилась возможность побеседовать без помех.

— А что я ему скажу? Я уже пытался что-то придумать. Выходит как-то глупо.

— Следуй своему инстинкту. Если чувствуешь себя правым, значит, так оно и есть. Я всегда поступала со своими детьми подобным образом. И во многом оказывалась права. Хотя и неправа бывала тоже. Возможно.

Последнее слово она произнесла с нескрываемым сомнением.

— Вы так считаете?

— Да, я так считаю. Кто-то должен стать в этом доме главным. Мы не можем допустить, чтобы им оказался он. А Бринн… — Старой женщине нечего было к этому добавить.

— Не дадите еще какой-нибудь совет?

Анна рассмеялась:

— Он ребенок, а ты — взрослый.

«Потрясающе мудрое замечание, — подумал Грэм, — но толку от него мало».

Она увидела его замешательство и сказала:

— Просто старайся действовать по обстановке.

Грэм вздохнул и стал подниматься по лестнице, ее ступеньки постанывали под тяжестью рослого мужчины. Он постучал в дверь и тут же вошел, не дожидаясь приглашения, чего не делал никогда прежде.

Джоуи пришлось оторвать свое круглое веснушчатое лицо от плоского монитора компьютера, — занимавшего большую часть письменного стола, и посмотреть на вошедшего. Шерстяную шапочку он опять натянул на голову, как какой-нибудь рэпер. Было очевидно, что он занят электронной перепиской с приятелем. Причем встроенная в монитор видеокамера оказалась включенной. Грэму не понравилось, что приятель Джоуи мог видеть его, как видел и всю комнату.

— Что у нас с домашним заданием?

— Уже закончил. — Он продолжал писать, не глядя на клавиатуру, как, впрочем, и на Грэма.

Стены комнаты пестрели сценами из фильма Гаса Ван Сента «Параноид-парк», героями которого были скейтбордисты из Портленда. Вероятно, Джоуи распечатал их сам. Фильм неплохой, конечно, но сугубо для взрослых. Когда они собирались посмотреть его в кинотеатре, Грэм пытался настаивать, что Джоуи не дорос до подобных зрелищ, но того переполняло желание увидеть картину, он ныл и ныл, пока Бринн не сдалась. В итоге после одного из самых жутких эпизодов они все-таки сбежали с сеанса. Грэм тогда не без труда подавил в себе желание подчеркнуть, что предупреждал о последствиях, и в тот момент был как никогда прежде близок к тому, чтобы сказать жене: в следующий раз прислушайся, пожалуйста, к моему мнению.

— Это кто? — спросил он, глядя на экран.

— Кого ты имеешь в виду?

— С кем ты общаешься в Сети?

— Так, с одним парнем.

— Джоуи!

— Хорошо, его зовут Тони. — Мальчик не отводил глаз от монитора. Секретарша Грэма печатала со скоростью сто двадцать слов в минуту. Казалось, у мальчишки получается даже быстрее.

Грэма прежде всего волновало, не со взрослым ли мужчиной ведется диалог, поэтому он спросил:

— Кто такой этот Тони?

— Он из моего класса. Ты знаешь. Тони Метцер. — Слова мальчика подразумевали, что Грэм с Тони встречался, хотя тот, совершенно очевидно, никогда его не видел. — Мы с ним, типа, подсели на «Турбо планету». Он никак не может пройти шестой уровень, а я уже добрался до восьмого. Вот я ему и помогаю.

— Но уже поздно. На сегодня с компьютером пора заканчивать.

Джоуи невозмутимо продолжал свое занятие, и Грэм не мог понять, отказывается мальчишка подчиниться или просто прощается с приятелем. Неужели это перерастет в ссору? У него вспотели ладони. Ему приходилось увольнять вороватых служащих, он не побоялся вступить в схватку с грабителем, забравшимся однажды в его офис, и не раз разнимал рабочих, уже схватившихся за ножи. Но никогда прежде не нервничал, как сейчас.

Еще несколько быстрых ударов по клавишам, переписка была свернута, и мальчик поднял на него недовольный взгляд. Словно спрашивая: ну, что еще?

— Как твоя рука?

— Уже в полном порядке.

Парень теперь занялся игрой, но отчим заметил, что он забеспокоился.

Грэм подумал было, что надо хитростью выудить у мальчика признание по поводу фальтинга, но как раз это противоречило его инстинктивному чувству, о котором говорила Анна. Он вспомнил свои размышления за мытьем посуды — наладить диалог, а не вступать в препирательства.

Мальчик молчал. Единственными звуками в комнате были сейчас щелчки джойстика и электронный басовый ритм, сопровождавший игру,

мультяшный герой которой пробирался вдоль какой-то фантастической дороги.

«Хорошо, приступим».

— Джоуи, могу я узнать, почему ты сегодня прогулял уроки?

— Прогулял уроки?

— Да, почему? У тебя проблемы с учителями? Или конфликты с другими школьниками?

— Я не прогуливал.

— Мне сообщили из школы. Сегодня тебя на занятиях не было.

— Нет, я там был. — Сказано без отрыва от игры.

— А я думаю, что не был.

— Да был же! — Голос мальчика звучал уверенно. — Я не прогуливал.

Грэм понял, что совершил ошибку и начал разговор не с той стороны.

— И ты никогда не прогуливал? — спросил он.

— Ну. Не знаю. Один раз, типа того. Это когда я по дороге в школу плохо себя почувствовал и вернулся домой. Мама была на работе, и я до нее не дозвонился.

— Ты запросто мог позвонить мне. Офис моей компании в пяти минутах отсюда и в пятнадцати — от школы. Я бы приехал очень быстро.

— Но ты не можешь забрать меня из школы под расписку.

— Нет, могу. Я включен в список. Об этом позаботилась твоя мама. — Разве он не знал об этом? — Вот что я тебе скажу, Джоуи. Выключи-ка ты эту штуку.

— Выключить?

— Да, вырубай!

— Но я почти что...

— Никаких «но». Просто выключи, и все.

Парень, тем не менее, продолжал игру.

— Или я отключу компьютер сам. — Грэм протянул руку и взялся за провод питания.

Джоуи поднял на него протестующий взгляд:

— Нет! Игра не записана в память. Не делай этого! Дай мне сохранить ее.

Он продолжил играть еще немного — секунд двадцать, но полных скрытого напряжения. Потом нажал еще на пару клавиш, компьютер издал воющий звук, и изображение на экране застыло.

Грэм присел на край кровати рядом с мальчиком.

— Я знаю, что вы с мамой обсуждали сегодняшнее происшествие. Ты рассказал ей, что прогулял школу? — Грэму пришло в голову, что Бринн могла знать обо всем, но не поделиться с ним.

— Я не прогуливал.

— Мне звонил мистер Радитцки. Он утверждает, что ты подделал подпись своей матери.

— Он врет. — Но в глаза мальчишка уже не смотрел.

— С чего бы ему врать?

— Он меня не любит.

— Судя по тону, он очень за тебя беспокоится.

— Ты просто ничего не понимаешь! — И, по всей видимости, считая это неоспоримым доказательством своей невиновности, Джоуи снова обратил взгляд на монитор с поставленной на паузу игрой. На экране подпрыгивало некое существо. Бег на месте. Мальчик покосился на джойстик. Но не прикоснулся к нему.

— И еще, Джоуи. Кое-кто из школы видел, как ты занимался фальтингом на Элден-стрит.

Глаза мальчишки яростно сверкнули:

— Это тоже вранье. Это ведь был Рад, точно? Он все выдумал.

— Вряд ли такое можно выдумать, Джоуи. Тебя видели, когда ты на своей доске мчался на скорости под семьдесят миль в час за грузовиком и упал.

Парень опрокинулся рядом с Грэмом на кровать и достал с полки книгу.

— Значит, ты не рассказал маме ни про прогул, ни про фальтинг, верно?

— Я не занимался фальтингом. Просто катался на своем скейте и упал со ступенек к парковке.

— И это там с тобой сегодня приключилось несчастье?

Пауза.

— Ну, не совсем там. Но фальтингом я не занимался.

— Никогда?

— Никогда.

Грэм совершенно растерялся. Разговор явно зашел в тупик.

Инстинкты…

— Где твоя доска?

Джоуи бросил на Грэма взгляд, ничего не сказал и опять отвернулся к книге.

— Где она? — жестко повторил вопрос отчим.

— Понятия не имею.

Тогда Грэм открыл стенной шкаф, где скейтборд стоял поверх сваленной в кучу спортивной обуви.

— Никакого катания на месяц.

— Но мама сказала два дня!

Грэм помнил, что Бринн вела речь о трех днях.

— А я говорю — на месяц. И ты должен дать честное слово, что больше никакого фальтинга не будет.

— Я не занимаюсь фальтингом!

— Джоуи!

— Это все дерьмо собачье!

— И ругани чтобы я больше от тебя не слышал.

— Мама мне разрешает.

«Неужто правда?»

— Что ж, тогда придется запретить мне.

— Ты не можешь мне ничего запрещать. Ты мне не отец!

Грэму хотелось спорить с ним, убеждать. Объяснить кое-что об авторитете родителей, их главенстве в семье, о той роли, которую играет в ней каждый из них. Но он понимал, что в таком споре обречен на поражение.

«Следуй инстинкту», — напомнил он себе.

Ладно, просто посмотрим, что произойдет дальше.

— Так ты расскажешь мне правду?

— Я и говорю тебе правду. — Мальчишка откровенно злился, но вдруг заплакал.

У Грэма неистово колотилось сердце. А если он не врет? Это было так сложно понять. И он сказал, стараясь голосом не выдать своих эмоций:

— Джоуи, твоя мама и я, мы оба очень тебя любим. И потому так испугались, узнав, что с тобой случилось несчастье и ты пострадал.

— Не любите вы меня. Никто не любит! — Слезы испарились, словно их и не было. Он снова сделал вид, будто читает.

— Джоуи… — склонился к нему Грэм. — Я делаю все это только потому, что волнуюсь за тебя.

Он улыбнулся.

— Ну, же. Иди чистить зубы. Пора надеть пижаму — и спать.

Мальчик не двинулся с места. Его глаза бегали по строчкам книги, которых он даже не различал.

Грэм встал и вышел из его комнаты, прихватив с собой скейтборд. Он стал спускаться по лестнице и на каждой ступеньке боролся со жгучим желанием броситься назад, извиниться, умолять мальчишку успокоиться и простить его.

Но инстинкт в этот раз победил. Грэм спустился на первый этаж и положил доску на самую верхнюю полку в кладовке.

Анна наблюдала за ним. Кажется, она забавлялась увиденным. Грэм же не находил в ситуации ничего, достойного улыбки.

— Когда Бринн вернется домой? — спросила теща.

Он посмотрел на часы.

— Надеюсь, уже скоро. Она наверняка поужинает по дороге. Поест прямо в машине.

— Ни в коем случае нельзя этого делать. Есть ночью за рулем! Ты только отведешь на секунду взгляд, чтобы взять бутерброд, как перед твоей машиной окажется олень. Или даже медведь. Джейми Хендерсон чуть не сбил одного. И на том самом шоссе.

— Кажется, я что-то слышал об этом. Крупный был зверь?

— Достаточно большой. — Потом она подняла глаза к потолку. — Как все прошло?

— Не слишком удачно.

Анна продолжала смотреть на него с легкой улыбкой.

— Чему вы радуетесь? — спросил он раздраженно.

— Начало положено.

Грэм покачал головой:

— Я так не думаю.

— Верь мне. Иногда высказать свои соображения важнее всего. Важнее, чем сами твои мысли. Помни об этом.

Грэм взялся за мобильный телефон и снова набрал номер Бринн. Сразу включился автоответчик. Он бросил мобильник на стол и рассеянно уставился в экран телевизора. Мысли его вернулись к тем летучим созданиям в черно-желтую полоску: он катил в тачке большой ветвистый куст и даже не подозревал, что только что переехал их гнездо.

Не подозревал до тех пор, пока мелкие твари с острыми жалами не закружились вокруг него…

«Впрочем, какое это теперь имеет значение?» — подумал он.

Что сделано, то сделано.

Грэм потянулся за пультом телевизора. Наверху с грохотом захлопнулась дверь.

Бринн и Мишель с трудом пробирались сквозь густую чащу леса ярдах в трехстах к северу от дома Фельдманов. Здесь деревья росли плотнее, в основном сосны, пихты и ели. Озера отсюда не было видно.

Ошибка с сигнализацией могла обернуться для них катастрофой. Однако теперь Бринн уже смела надеяться, что ей удалось изменить положение вещей в свою пользу, заставив преступников думать, будто сигнализацию они включили нарочно, чтобы отвлечь их внимание, а сами поплыли на каноэ через озеро. На самом же деле они спустились по речке немного ниже и переправились на противоположный берег. Установленные внутри спасательные жилеты издали должны были выглядеть как две низко сидевшие в лодке фигуры. Они столкнули каноэ в самую стремнину, которая увлекла его дальше по поверхности озера.

Затем настолько быстро, насколько позволяла подвернутая лодыжка Мишель, они устремились прочь от дома, на север, в сторону заповедника Маркетт.

Когда раздались выстрелы, — а Бринн только этого и ждала, — она в подходящий момент издала громкий отчаянный крик. Потом резко оборвала его. Она знала, что мужчины будут оглушены стрельбой, а отраженное от скал эхо не позволит им точно определить, откуда исходил звук. Трюк не мог одурачить преследователей надолго, но Бринн не сомневалась: какое-то время выиграть ей удалось.

— Мы можем остановиться? — спросила вдруг Мишель.

— Зачем? У тебя болит нога?

— Болит, конечно. Но я подумала, что нам лучше просто спрятаться в этом месте. Они все равно скоро уйдут.

Мишель грызла свое печенье. Перехватив взгляд Бринн, она с явной неохотой поделилась с ней. Бринн с жадностью накинулась на еду.

— Нам нельзя останавливаться. Мы должны идти дальше.

— Куда?

— К северу.

— А что такое для нас этот твой «север»? Там есть какое-нибудь жилье или как? А может, телефон?

— Нам нужно максимально оторваться от них. Скрыться в заповеднике.

Мишель остановилась:

— Посмотри, куда мы лезем. Это же чащоба непроходимая, здесь все так заросло. Это… джунгли, да и только. Ни одной тропинки. И жутко холодно.

«Тебе ли жаловаться в твоей куртке за две тысячи долларов?» — Мысленно упрекнула ее Бринн.

— Здесь есть домик рейнджеров. Милях в четырех отсюда.

— В четырех милях!

— Тс-с-с…

— Но это же вздор. Нам не пройти четыре мили по этому лесу.

— Ты ведь в хорошей форме. Бегаешь по утрам, угадала?

— На тренажере в своем фитнес-клубе. Но не по таким же местам! И в какую сторону нам идти? Я уже заблудилась.

— Мне приблизительно известно направление.

— Через лес? Нет, я не способна на это.

— У нас просто нет выбора.

— Ты не понимаешь… Я панически боюсь змей.

— Поверь мне, они боятся тебя еще больше.

Мишель показала ей остатки печенья в пакете:

— Нам даже еды не хватит. Ты слышала о гипогликемии? Все думают, будто это так, мелочь. А я могу потерять сознание.

Бринн вложила в голос всю возможную твердость:

— Мишель, двое преступников преследуют нас, чтобы убить. Тебе не кажется, что змеи и содержание сахара в твоей крови на данный момент не самые большие наши проблемы?

— Но я не в состоянии этого сделать! — Молодая женщина напомнила Бринн сына, когда тому предстояло впервые пойти в начальную школу. Он сучил ножками и наотрез отказывался повиноваться. Чтобы уговорить его, ей пришлось потратить два дня. В лице Мишель Бринн видела абсолютно те же признаки истерики. Девушка с широко открытыми от страха глазами дрожащей рукой обвела окрестности:

— Я покупаю еду в «Здоровом питании», а кофе — в «Старбаксе». А вот это все не для меня. Это не мой мир. Я не выдержу!

— Мишель, — мягко обратилась к ней Бринн. — Все будет хорошо. Это всего лишь национальный парк. Тысячи людей бывают здесь каждым летом.

— Они ходят по аллеям и тропинкам.

— Мы тоже скоро выйдем на какую-нибудь тропу.

— И все равно люди сбиваются с дороги. Я смотрела передачу по телевизору про супружескую пару. Они заблудились и замерзли насмерть, а трупы их обглодали звери.

— Мишель...

— Нет, я никуда не хочу идти! Давай спрячемся здесь. Мы найдем место. Пожалуйста! — Она явно готовилась разреветься.

Бринн понимала, что на глазах этой несчастной женщины застрелили ее друзей, да и сама она едва не стала жертвой убийц. И потому старалась быть терпеливой.

— Нет, это невозможно. Тот человек, которого зовут Харт, уж точно отправится нас искать, как только обнаружит, что мы провели его с лодкой. Конечно, он не будет знать точно, в какую сторону мы пошли, но вполне может догадаться.

Мишель обернулась, ее взгляд панически метался, дыхание участилось.

— О'кей?

Мишель отправила в рот еще одну пригоршню печенья, на этот раз не предложив ничего Бринн, и сунула пачку в карман.

— Хорошо. Твоя взяла, — с гримасой отвращения сказала она.

Бросив последний взгляд назад, женщины снова отправились в путь, стараясь двигаться как можно быстрее, обходя самые густые заросли, прорубить дорогу через которые не помогло бы и мачете. Впрочем, время от времени им встречались сосновые боры, где кустарники расплодились не так обильно и потому не мешали.

И они шли и шли, все дальше удаляясь от домов, причем Мишель не отставала, но заметно прихрамывала. Бринн крепко сжимала свое «копье» — оружие хотя и придавало ей немного уверенности, все же выглядело в ее глазах нелепо.

Так они довольно резво преодолели первые пятьсот ярдов, потом еще около мили.

Внезапно Бринн вздрогнула и обернулась. Ей послышался голос.

Но это всего лишь Мишель бормотала что-то себе под нос — в голубоватом свете луны она походила на привидение. Бринн тоже имела привычку беседовать сама с собой. Болезнь отняла у нее отца, лучшая подруга по службе стала жертвой пьяного шофера. К тому же ей пришлось расстаться с Кейтом. И в дни печали она много говорила сама с собой вслух, моля, чтобы хватило сил пережить все это, или просто пытаясь отвлечься. По непонятным ей причинам слова имели болеутоляющий эффект. Да что там, она прибегла к этому средству не далее как нынешним днем, пока в больнице Джоуи делали рентгеновский снимок руки. Бринн, правда, совершенно не помнила, что твердила себе тогда.

Они то и дело огибали затянутые тиной пруды, едва видные сквозь кусты вахты и клюквы. К своему удивлению, Бринн заметила подсвеченную лунной иллюминацией семейку саррацений — плотоядных растений, о которых узнала опять-таки, помогая сыну с уроками. Лягушачьи трели стали как будто тревожнее, то и дело раздавались мрачные крики ночных птиц. К счастью, сезон комаров еще не наступил. Бринн притягивала их, как магнит железо, и летом чаще опрыскивалась репеллентом, чем духами.

Чтобы приободрить себя по примеру Мишель, Бринн принялась едва слышно шептать:

— Мне знаком этот заповедник. Я дважды участвовала здесь в спасательных операциях.

Она действительно в свое время добровольно вызвалась на те задания, чтобы практикой подкрепить знания, полученные на семинарах при полицейском управлении штата, где помимо прочего ей пришлось по собственному выбору пройти утомительный и временами трудный, хотя и укороченный курс выживания в условиях дикой природы.

Правда, одна из спасательных операций на деле вылилась в пренеприятную миссию — поиски трупа. Но Бринн сейчас старалась не вспоминать об этом.

— Не могу сказать, что знаю эти места как свои пять пальцев, но приблизительное представление у меня есть. Где-то здесь неподалеку проходит туристическая тропа под названием «Джолиет». До нее полторы-две мили. Ты слышала о ней?

Мишель отрицательно помотала головой, разглядывая кучу старых сосновых иголок под ногами. Она шмыгнула носом и утерла его рукавом.

— Тропа приведет нас прямиком к домику рейнджеров. Сейчас он наверняка пустует, но мы можем найти там телефон и даже ружье.

На этот домик Бринн рассчитывала в первую очередь. Но если они его не найдут или не смогут в него проникнуть, придется пройти дальше по «Джолиет», которая сворачивает к северо-востоку и пересекает речку Змейка.

— Вдоль реки мы направимся к востоку, в сторону Пойнт-оф-Рокса. Это достаточно большой населенный пункт по противоположную сторону заповедника. С магазинами — а стало быть, и телефонами — и подобием полицейского участка. Работают там скорее всего добровольцы на полставки, но мы все равно сможем к ним обратиться. Это довольно-таки далеко, миль пять, а то и шесть, но вдоль реки берег ровный, и идти будет легко. Есть и другой вариант. Добравшись до речки, мы можем свернуть на запад и взобраться на верх ущелья, по которому она протекает. Так мы попадем к скоростной магистрали у моста. Движение там довольно оживленное. Какой-нибудь грузовик или легковушка непременно остановится.

— Подниматься вверх по горам? — пробормотала Мишель. — Но я боюсь высоты.

Бринн тоже ее боялась (хотя это не помешало ей однажды преодолеть сложнейший подъем, чтобы добраться до ждавшего на вершине бочонка с пивом «Олд Милуоки» — традиция посвящения, которую проходили все выпускники полицейской академии штата). А подъем к вершине ущелья будет, несомненно, крутым и опасным. Мост возвышался над

рекой почти на сорок ярдов, а скалы по ее берегам местами почти отвесные. Именно здесь их спасательная группа и обнаружила тогда труп, который им поручили найти. Молодой человек оступился и упал. Высота падения вроде бы была небольшой — ярдов шесть, но, к своему несчастью, он напоролся на острую ветвь дерева. Судмедэксперт сказал, что смерть наступила только минут через двадцать после падения.

Увиденное тогда до сих пор посещало Бринн Маккензи в кошмарах.

Из сосняка они попали в старую часть леса, густую и темную. Бринн старалась прокладывать маршрут как можно менее обременительный для подвернутой ноги Мишель. Но все чаще на пути им попадались совершенно непроходимые сплетения веток подлеска, кустарников и вьющихся растений, которые приходилось обходить, делая круг. Через какие-то заросли все же удавалось с трудом пробираться напрямую.

В самую черноту они даже не совались, опасаясь попасть в болото или сорваться с незаметного во мраке обрыва.

И на всем пути им напоминали, что они здесь не одни. Мелькали летучие мыши, ухали филины. Бринн перепугалась насмерть, наступив на край оленьего ребра, которое под ее тяжестью резко выпрямилось и ударило по коленке. Она отшатнулась от обглоданной добела кости. Потрескавшийся череп животного валялся рядом.

Мишель уставилась на остатки оленьего скелета широко открытыми от страха глазами, но смолчала.

— Идем. Это всего лишь старые кости.

Они прошли через заросли еще ярдов сто. Внезапно Мишель оступилась, чтобы не упасть, ухватилась за какую-то ветку, но тут же вскрикнула от боли.

— Что случилось?

Девушка сорвала с руки тонкую перчатку и принялась разглядывать руку. Из ладони торчали два шипа, неглубоко проникшие под кожу. В глазах ее застыл немой ужас.

— Ничего страшного! Это всего-навсего ежевика. Они не причинят тебе вреда. Ну-ка, дай мне посмотреть!

— Нет! Не прикасайся!

Но Бринн уже взяла ее руку и включила свечную зажигалку, чтобы осмотреть ранки.

— Нужно просто вынуть колючки, чтобы не занести инфекцию. Через пять минут ты уже не почувствуешь ни малейшей боли.

Бринн легкими движениями вытащила шипы, но девушка все равно морщилась и постанывала, разглядывая два расплывшихся пятнышка крови. Бринн достала бутылочку со спиртом, смочила им краешек носка и стала обмывать ранки, обратив внимание на длинные, покрытые темным лаком ногти актрисы.

— Дай, я сама, — сказала Мишель, слегка прикоснувшись к коже. Она вернула Бринн носок, вытащила из кармана бумажный носовой платок и прижала к ранкам. А когда через минуту убрала его, от крови не осталось и следа.

— Ну как?

— Все в порядке, — ответила Мишель. — Ты права. Уже совсем не больно.

И они пошли дальше, следуя указанному Бринн направлению.

«Харт наверняка пустится в погоню, — размышляла она, — и нужно быть все время настороже». А с другой стороны, откуда ему знать, куда именно они ушли? Они могли выбрать любое направление, кроме одного — южного, в сторону шоссе, поскольку им надо будет незамеченными проскользнуть мимо своих преследователей.

С каждым пройденным ярдом Бринн чувствовала себя все уверенней. Она-то, по крайней мере, хоть что-то знала об этом лесе и о тропинке, проходившей впереди. Мужчинам все это было неведомо. И даже если Харт с напарником случайно угадают направление, они как пить дать через десять минут уже заплутают в лесу.

На берегу озера у дома Фельдманов Харт включил функцию джи-пи-эс на своем смартфоне «Блэкберри». Затем сверился с картой района, которую они привезли с собой.

— Тропа «Джолиет», — произнес он.

— Это что такое?

— Туда они пошли.

— А... — протянул Льюис. — Ты так думаешь?

— Да. — Он развернул карту. — Мы сейчас здесь.

Харт указал на точку, от которой провел пальцем вверх к северу.

— Эта коричневая линия и есть тропа. По ней они прямиком доберутся до поста рейнджеров, обозначенного вот здесь.

Но Льюис не мог сосредоточиться. Он продолжал смотреть в сторону озера.

— Надо признать, это лихо. То, что они придумали.

Харт не собирался оспаривать это утверждение. Подплыв на ялике к месту, где затонуло каноэ, они обнаружили, что женщины установили в него спасательные жилеты, имитируя присутствие людей, и вытолкнули лодку подальше от берега. Но самым гениальным был крик после одного из выстрелов. Кто из них кричал — Бринн или Мишель? Харт не сомневался, что это была Бринн.

Ему не часто доводилось оказываться в ситуации, где противника следовало перехитрить. Отчасти ему даже нравилась подобная новизна, но все же гораздо больше хотелось, по своему обыкновению, держать все под полным контролем. Естественно, он предпочитал вступать в схватку с четким пониманием, что исход ее неизбежно будет в его пользу. Это как работа с черным деревом: материал с норовом — одновременно очень прочный и хрупкий. Он легко раскалывался, и сотни долларов шли коту под хвост. Однако, если не торопиться и соблюдать осторожность, можно заранее предвидеть любую случайность, а конечный результат выходил просто на загляденье.

Так что за штучка эта Бринн Маккензи?

Запах аммиака.

Бах, бах, бах! — звуки выстрелов ее пистолета.

Да, эту женщину можно уподобить эбеновому дереву.

Боль в раненой руке переключила его мысли на другую беглянку: что собой представляет Мишель?

Это пока только предстояло выяснить.

— Значит, ты собираешься отправиться в погоню за ними? — спросил Льюис, выпуская облачко пара.

— Точно так.

— Знаешь что, Харт? Я планирую совсем другое.

Это еще мягко сказано.

Льюис продолжил:

— Все пошло наперекосяк. Эта сучка тебя подстрелила и хотела всадить пулю в меня. Помощница шерифа... Ловушка в ванной. Ты или я. Один из нас мог сейчас быть слепым. И тот выстрел по мне в спальне. Она промахнулась на какой-то дюйм.

«Я умею уклоняться от пуль».

Харт промолчал. В отличие от Льюиса он не обозлился на женщин, находя их поведение вполне естественным. Как повадки того зверька, что попался им здесь. Ясное дело, они и должны сопротивляться.

— Так вот о чем я сейчас думаю, — сказал Льюис. — Мое единственное желание — поскорее убраться отсюда к чертовой матери. Она из полиции, Харт. Живет поблизости. Ей эти места знакомы. Сейчас она уже на полпути к дому рейнджеров или чему-то еще, где в заповеднике установлены телефоны... А потому нам нужно уносить отсюда ноги. Назад в Милуоки. Кем бы ни была эта стерва, Мишель, хрен она пойдет нас опознавать. Она же не полная дура.

Он похлопал себя по карману, где лежала ее сумочка с полным именем и домашним адресом.

— А помощница шерифа и не могла разглядеть нас толком. Так что самое время возвращаться к первоначальному плану. Выходим на шоссе и тормозим машину. Что скажешь?

Харт скривился.

— Что ж, Льюис, — произнес он, — очень соблазнительный план. Так и хочется осуществить его, честное слово. Но только мы не можем сейчас этого сделать.

— Гм... У меня на этот счет другое мнение. — Льюис говорил теперь спокойнее, серьезнее, окончательно отбросив ухмылочки.

— Мы должны покончить с ними.

— Должны? Кому должны? Где это записано? Слушай, ты, вероятно, считаешь меня трусом? Так вот, я никого не боюсь. Ночью против двух баб? Для меня это — тьфу! Хочешь, расскажу тебе одну историю? Как я ограбил банк в Мэдисоне в прошлом году.

— Банк? Никогда этим не занимался.

— Мы взяли пятьдесят тысяч.

— Весьма впечатляет, — сказал Харт. В среднем по стране при ограблении банка добыча преступников составляла три тысячи восемьсот долларов. Но Харту была известна и другая статистика: девяносто семь процентов грабителей банков полицейские арестовывали в течение первой же недели после налета.

— Еще бы не впечатляло! Так вот. Там был охранник. Хотел стать героем. У него оказался запасной пистолет у лодыжки.

— Возможно, из бывших копов.

— И я так подумал. В самую точку. Он начал стрелять. Я огнем прикрыл своих ребят. Стоял совершенно открыто. И не давал ему шевельнуться. А сам даже не пригнулся. — Он засмеялся и помотал головой. — Один из нашей группы, водила, так пересрал, что уронил ключи от машины в снег. Ушло минуты две, чтобы их нашарить. Но я удерживал охранника на месте. Стоял во весь рост, даже когда перезаряжал ружье, а вдали уже завывали полицейские сирены. И мы благополучно смылись.

Он сделал паузу, словно давая Харту возможность переварить услышанное. Потом продолжил:

— По-моему, надо всегда делать только то, что имеет смысл… Ты бьешься до конца, если тебя вынуждают. А когда есть возможность, удираешь, как черт от ладана. Мы можем свести с ними счеты позже.

Льюис снова похлопал по сумочке Мишель.

— А сейчас из этой затеи ничего хорошего не выйдет. Все уже пошло не так, как надо, — повторил он.

Траурный звук пронизал сырой воздух. Крик какой-то птицы, понял Харт. Кто-то из водоплавающих или сова, а может, ястреб — в этом он совершенно не разбирался. Он присел на корточки, откинул со лба прядь волос и сказал:

— А по-моему, Льюис, ничего у нас не вышло неправильно, если по большому счету.

— Как же не вышло? С той минуты, когда она взяла тебя на мушку, все пошло вкривь и вкось. — Льюис кивнул в сторону дома и окинул Харта скептическим взглядом.

— Просто это дерьмо мы могли предвидеть. Обязаны были предвидеть. Пойми, когда ты делаешь выбор — берешься за такую работу,

например, — случается всякое, абсолютно все что угодно. Дело может обернуться так или эдак. Как нынешним вечером. Кому-то из нас могли запросто отстрелить яйца…

Или ранить в руку.

— Меня лично никто не заставлял жить такой жизнью. Как и тебя тоже. Мы сами пошли на это, а потому часть нашей профессии — все хорошенько продумать, предусмотреть любую случайность, составить подробный план. Каждый раз, отправляясь на дело, я тщательно его планирую, то есть до мельчайших деталей. Меня трудно застать врасплох. Поэтому сам процесс выполнения задания для меня довольно скучен, поскольку заранее я множество раз прокрутил его в голове.

«Семь раз отмерь, один раз отрежь».

— Ты спросишь, а как же нынешний вечер? Я сумел просчитать девяносто пять процентов того, что должно было случиться, и на этой основе составил план действий. Однако не побеспокоился об оставшихся пяти процентах — и именно в них, как оказалось, фигурировала эта Мишель, решившая потренироваться в стрельбе. А должен был предвидеть и это.

Узколицый покачивался, сидя на корточках.

— Это вроде как Ловкач.[13]

— Кто-кто?

— Моя бабка любила повторять: если у тебя что-то пошло не так, если случилось нечто неожиданное, то это работа Ловкача. Она его взяла из какой-то детской книжки, я уж и не помню какой. Ловкач вечно крутится рядом с тобой, высматривая, как бы навредить. Хочешь, считай это Судьбой или Богом, называй как угодно. Вот только Судьба преподносит тебе не одни лишь подлянки. Судьба может повернуть твои дела и в хорошую сторону. Подложит выигрышный лотерейный билет. Или заставит остановиться на желтый, хотя ты вроде собирался на него проскочить, и не даст какому-нибудь мусоровозу превратить тебя в сплющенный труп. Да и Бог справедлив и иногда воздает тебе по заслугам. Но не Ловкач! Он-то всегда приносит одни неприятности.

Льюис кивнул в сторону дома:

— Сегодня вечером он наведывался сюда.

— Ловкач… — с удовольствием повторил Харт.

— А иной раз просто сама жизнь такова, верно, Харт? Вот ты упустил эти свои пять процентов. И что? Все равно для нас сейчас лучше всего убираться отсюда подобру-поздорову, бежать и не оглядываться.

Харт встал и невольно поморщился от боли, случайно оперевшись на поврежденную руку, чтобы выпрямиться во весь рост. Глядя в сторону озера, он сказал:

— А теперь позволь мне, Льюис, рассказать тебе одну историю. О моем братишке… Моем младшем брате.

— У тебя есть брат? — Льюис отвернулся от дома. — У меня их двое.

— Наши родители умерли почти в одночасье. Мне тогда было двадцать пять, брату — двадцать два. Я стал для него чем-то вроде отца. Мы уже в то время занимались всякими делами, ну, ты понимаешь, о чем я. И вот однажды моему братишке дали поручение, нетрудное — подпольная лотерея. Он был там всего лишь курьером. Ему нужно было взять в одном месте деньги и доставить их в другое. Обычная работа. Я имею в виду, что тысячам парней приходится связываться с этим дерьмом каждый день, верно? И так по всему миру.

— Сущая правда. — Льюис внимательно слушал.

— Я тогда болтался без дела, вот и решил ему помочь. Мы взяли наличку…

— Это было в Милуоки?

— Нет. Мы выросли в Бостоне. Мы забрали деньги и собрались доставить по назначению. Но оказалось, что нас подставили. Крысеныш, руливший той операцией, решил нас прикончить и подсунуть копам наши трупы, кое-какие документы и чуток денег. Детективы были бы счастливы, что накрыли подпольный игорный притон.

— То есть из вас хотели сделать козлов отпущения?

— Именно. Мне чутье подсказало: что-то здесь не так. Мы сделали круг, тайком вернулись к месту, где нам вручили бабло, и подглядели, как они готовят расправу. Тогда мы с братом попросту сбежали. А через несколько дней я разыскал подонков, которых наняли, чтобы застрелить нас, и разделался с ними. Но их главарю удалось скрыться. Прошел слух, что он прячется в Мексике.

— Навел ты на него страху, — усмехнулся Льюис.

— Месяцев шесть я его искал, а потом бросил это дело. Но, как оказалось, он и не думал никуда уезжать и все это время сам разыскивал нас. В один прекрасный день он напал на моего брата и вышиб ему мозги.

— Ну, ни хрена себе!

Харт немного помолчал.

— Но, видишь ли, Льюис, это не он убил моего братишку. А я сам. Вернее, его убила моя лень.

— Твоя лень?

— Да, потому что через полгода я перестал искать эту мразь.

— Но шесть месяцев, Харт! Это ведь достаточно долго.

— А нужно было искать хоть шесть лет. Не в сроке дело. Необходимо либо завершать начатое на сто десять процентов, либо вообще не браться. — Харт покачал головой. — Ладно, какого черта, Льюис! Забудь. Позаботиться обо всем должен я. В конце концов, именно меня наняли на это дело. Тебя оно теперь не касается. Могу только сказать, что был бы рад, пойди ты со мной. Но раз тебе так не терпится вернуться в Милуоки, отправляйся прямо сейчас. Я на тебя зла не затаю.

Льюис продолжал раскачиваться на каблуках. Туда-сюда, туда-сюда.

— Можно задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Что сталось с тем гадом, который убил твоего брата?

— Он продолжал наслаждаться жизнью… Еще ровно три дня.

Льюис надолго задумался. Потом, всем своим видом говоря: где наша, черт возьми, не пропадала, со смехом произнес:

— Назови меня идиотом, Харт, но я с тобой.

— До конца?

— Можешь не сомневаться.

— Спасибо, дружище. Это много для меня значит. — Они обменялись рукопожатием.

Потом Харт вернулся к своему «Блэкберри». Перевел курсор на ближайшую к тропе «Джолиет» точку и нажал на кнопку «Указывать направление». На дисплее почти в ту же секунду появился сигнал.

— Что ж, отправляемся на охоту.

Субтильный мужчина лет за тридцать по имени Джеймс Джейсонс сидел за рулем своего серого «лексуса» — слегка помятого и уже не нового. Он остановился на парковке компании «Великие озера. Контейнерные перевозки» на берегу озера Мичиган. Джейсонс с интересом наблюдал, как портальные краны разгружают с судов контейнеры. Потрясающее зрелище! Машинисты обращались с тяжеленными металлическими коробками словно с детскими игрушками — снимали с борта корабля и точнехонько устанавливали на платформу грузовика. А ведь каждый контейнер тянул тонн на двадцать, если не больше.

Джейсонса всегда восхищали чужие таланты, в какой бы сфере они ни проявлялись. Вечерний воздух наполнился грохотом. Прозвучал гудок, и мимо проследовал товарняк «Канадиен пасифик».

Дверь старой кирпичной постройки открылась. Крепыш в мятых серых брюках, спортивной куртке и синей рубашке без галстука сбежал по ступеням наружной лестницы и стал пересекать стоянку для автомобилей. Джейсонса информировали, что глава юридического отдела компании Пол Морган имел обыкновение засиживаться на работе допоздна.

Морган шел прямиком к своему «мерседесу». Джейсонс выбрался из «лексуса», припаркованного через два стояночных места от него, и подошел к мужчине, расслабленно опустив руки.

— Мистер Морган?

Тот повернулся и оглядел Джейсонса, который был дюймов на десять ниже и фунтов на девяносто легче юриста.

— Да?

— Мы прежде не встречались, сэр. Я работаю со Стэнли Манкевицем. Меня зовут Джеймс Джейсонс. — Он протянул свою визитную карточку, на которую Морган лишь бегло глянул и сунул в карман, откуда ее легко было бы достать у первой же попавшейся урны для мусора. — Я знаю, что уже поздно. Но уделите мне всего минуту.

Морган оглядел просторную парковку. Взгляд его говорил: почему здесь и в такое время? Поздний вечер пятницы. Он нажал кнопку на брелоке для ключей, и дверцы «мерседеса» с щелчком разблокировались.

— А что, у Стэнли Манкевица кишка тонка, чтобы приехать самому? Впрочем, меня это не удивляет.

Морган взгромоздился на водительское сиденье, отчего машина заметно просела, но дверцу оставил открытой. Он снова оглядел Джейсонса с ног до головы — его тонкой кожи штиблеты, сорок второго размера костюм и тугой, как камень, узел на полосатом галстуке.

— Вы адвокат?

— Скажем так, я работаю по юридической части.

— Я сразу это понял по вашему виду, — сказал Морган. — Окончили факультет юриспруденции?

— Да.

— Где?

— В Йельском университете.

Морган скорчил гримасу. Он носил розовый перстень, свидетельствовавший скорее всего, что сам он окончил лишь Деполь.[14] Что ж, по крайней мере, не Джейсонс затронул тему их альма-матер.

— Хорошо, выкладывайте, что вашему достопочтенному боссу нужно, и валите отсюда.

— Разумеется, — отозвался Джейсонс с разлюбезнейшей из улыбок. — Мы обратили внимание, что ваша фирма не особенно поддержала мистера Манкевица и наш профсоюз в эти трудные времена.

— Ради бога! Речь ведь идет о федеральном расследовании. Какого ж хрена мне вас поддерживать?

— Но ваши рабочие — члены профсоюза.

— Это их личное дело.

— И, кстати, по поводу расследования… Вам должно быть прекрасно известно, что никаких обвинений выдвинуто не было. — На лице Джейсонса по-прежнему играла добродушная улыбка. — Просто несколько чиновников разбираются в неких клеветнических заявлениях.

— «Чиновников»?! Разве так теперь называются гребаные следователи из ФБР? Послушайте, я понятия не имею, что вам здесь понадобилось. Мы — солидная компания. — Он указал в сторону ярко подсвеченных в ночи подъемных кранов. — Наши клиенты и так знают — мы коллективный член профсоюза, руководитель которого Стэнли Манкевиц находится под следствием. И они обеспокоены, что и мы сами можем быть замешаны в чем-то противозаконном.

— Так скажите им правду. Что мистера Манкевица никто и ни в чем не обвиняет. И за всю историю нашей страны практически каждый профсоюз так или иначе приковывал к себе внимание следственных органов.

— И это многое говорит о наших профсоюзах, — пробормотал Морган.

— И не забудьте рассказать им о некоторых типах, которым не нравится, когда простой народ защищает свое право на достойную оплату тяжкого труда, — процедил Джейсонс, держась как можно ближе к собеседнику, несмотря на сильный запах чеснока, исходивший от Моргана. — И еще: даже если мистер Манкевиц окажется в чем-то виновен — хотя это крайне маловероятно, — я уверен, что ваши клиенты способны видеть разницу между отдельной личностью и организацией, которую он представляет. Даже в «Энроне»,[15] если на то пошло, девяносто девять процентов служащих были честными тружениками, не обязанными отвечать за кучку «паршивых овец».

— Опять эта демагогия о честных «тружениках»! Мистер Джейсон... Или Джейсонс? «С» на конце? Так вот, мистер Джейсонс, кажется, вы не совсем понимаете ситуацию. Вам приходилось слышать о Департаменте внутренней безопасности?[16] Наша компания занимается транспортировкой контейнеров. Любой намек, что мы связаны не с теми людьми, и пойдут обыски по всем нашим складам — будут искать порошок с сибирской язвой, атомную бомбу и бог знает что еще. И заказы на перевозки уйдут к конкурентам. В результате ваши так называемые простые труженики потеряют свою паршивую работу. А теперь я повторю свой вопрос. Какого лешего вам от нас нужно?

— Нам нужна только кое-какая информация. Ничего незаконного, ничего секретного, ничего особенного. Несколько чисто технических вещей. Я вот тут списочек составил.

В стянутой перчаткой руке Джейсонса появился листок бумаги, который он протянул Моргану.

— Ничего секретного или противозаконного, взгляните сами.

Но Морган листка не взял, позволив ему плавно опуститься на мокрый асфальт.

— Ой!

Морган пристальнее вгляделся в сухощавое улыбающееся лицо и громко расхохотался, пробежав пальцами по своей редеющей темной шевелюре.

— Это, значит, что-то в духе «Клана Сопрано»? Только вместо того, чтобы послать шантажировать меня кого-нибудь вроде Поли или Криса, Манкевиц нашел такого хилого недомерка, как ты. И каков же твой план? Будешь тут ныть, пока я не сдамся?

Он подался вперед и рассмеялся.

— Да я тебя в бараний рог согну одной левой. Я уже почти созрел для этого. Отправлю назад к твоему хозяину со свернутым набок носом.

Но лицо собеседника по-прежнему светилось улыбкой добряка.

— Глядя на вас, мистер Морган, легко поверить, что вы на это способны. Я не дрался уже лет двадцать. Последний раз — во дворе школы. И отделали меня тогда будь здоров.

— Ты не стоишь того, чтобы пачкать руки, — усмехнулся Морган. — Ну, и что дальше? Явятся бугаи с обрезками свинцовых труб? Думаешь, меня это испугает?

— Нет-нет, больше никто не придет. Приехал только я, и один-единственный раз. С просьбой помочь нам. Только однажды. Никто другой вас не побеспокоит.

— Так вот, я не собираюсь вам помогать. А теперь убирайся на хрен с нашей территории!

— Спасибо, что уделили мне время, мистер Морган. — Джейсонс уже направился прочь, но потом нахмурился, словно о чем-то вспомнив, и поднял вверх указательный палец в тот самый момент, когда юрист собирался захлопнуть дверцу «мерседеса».

— Ох, чуть не забыл предупредить. Просто хочу быть вам полезен. Вы уже слышали про завтрашнее утро?

— А что я должен был о нем слышать? — раздраженно спросил Пол Морган.

— Управление общественных работ начинает ремонт на Гановер-стрит. И это в субботу, хотите — верьте, хотите — нет. Да еще в восемь тридцать утра. Так что на вашем месте я бы заранее выбрал другой маршрут, если надеетесь успеть в школу к десяти.

— Что-что? — прошептал Морган, не сводя глаз с Джейсонса. Рука его застыла на полуоткрытой дверце машины.

— Успеть к концерту, — угодливо подсказал человечек. — Мне нравится, когда родители живо интересуются делами своих детишек. Далеко не все это делают. Но я уверен, что Пол-младший и Алисия ценят ваше внимание. Они так много репетировали. Особенно Алисия. Каждый день после занятий приходить в этот зал, практиковаться с трех до половины пятого… Впечатляющее усердие. Поэтому я и подумал, что вам следует знать про дорожные работы. Доброй ночи, мистер Морган.

Джейсонс повернулся и пошел к своему «лексусу», прикидывая, что шансов получить по башке у него сейчас примерно процентов десять. Он, однако, вполне благополучно уселся за руль машины и завел мотор.

Когда он бросил взгляд в зеркало заднего вида, «мерседес» уже исчез со стоянки.

Пропал и листок бумаги.

Первая из задач, поставленных перед ним на этот вечер, была выполнена. Пора переходить ко второй. В животе у него заурчало, но он решил, что лучше отправиться в путь немедля. Навигатор сообщил, что до озера Мондак ехать больше двух часов.

Почва под ногами Бринн и Мишель была сильно заболочена, и им приходилось проявлять осторожность, чтобы не наступить на груду листьев, с виду казавшуюся надежной опорой, но скрывавшую под собой глубокую трясину. Кваканье лягушек усилилось, что раздражало Бринн, поскольку за этими пронзительными звуками можно было не расслышать приближающиеся шаги.

Они шли уже минут двадцать в напряженном молчании, стараясь следовать наиболее проходимыми путями, и их все глубже поглощал пугающий лесной лабиринт. Потом Бринн и Мишель пришлось спуститься на дно оврага, поросшее ежевикой, триллиумом, диким луком и еще десятками незнакомых Бринн растений. Выбраться наверх по противоположному склону стоило немалых усилий.

И тут до Бринн внезапно дошло, что она потеряла направление. Другими словами, совершенно заблудилась.

Пока они находились на возвышенной местности, ощущение, где расположен север, а значит, и тропа «Джолиет», было более четким. Там Бринн ориентировалась по известным приметам — вершинам холмов в отдалении, течению ручья, расположению высоких деревьев в дубраве. Но постепенно рельеф заставлял их спускаться все ниже по склонам скал, поросших густыми колючими кустами. А там все ее «навигационные маячки» пропали из виду. Ей припомнились слова инструктора с курсов при управлении полиции штата, утверждавшего, что любой человек, помещенный в незнакомую местность без хорошо распознаваемых ориентиров, будет совершенно сбит с толку в течение тридцати пяти минут. Бринн, безусловно, поверила ему, но тогда она еще не знала, что слишком много ориентиров может быть гораздо более серьезной проблемой, чем их полное отсутствие.

— Ты когда-нибудь ходила в поход с друзьями в эту сторону?

— Я не хожу в походы, — раздраженно ответила Мишель. — Я вообще приезжала к ним сюда раньше только пару раз.

Бринн медленно обвела взглядом окрестности.

— А я-то думала, ты знаешь, где мы находимся, — пробормотала Мишель.

— Я тоже так думала, — сказала Бринн, в которой все больше закипала злость.

— Надо искать мох. Он всегда растет с северной стороны ствола. Это нам еще в начальной школе объясняли.

— На самом деле далеко не всегда, — возразила Бринн, по-прежнему оглядываясь по сторонам. — Мох растет там, где больше влаги, а она действительно часто скапливается именно с северной стороны деревьев и камней. Но только там, куда проникает солнце, чтобы высушить южную сторону. А в густой чаще мох будет расти по всей окружности ствола. Попробуем пойти в ту сторону, — махнула она рукой.

Мысленно Бринн задавалась вопросом: не потому ли выбрала именно это направление, что оно показалось менее труднопроходимым, а заросли не чересчур густыми? Мишель покорно поплелась следом, прихрамывая и опираясь на свой сработанный из палисандра «костыль».

Вскоре Бринн снова остановилась. Невероятно, но, кажется, она заблудилась еще более безнадежно, чем предполагала десять минут назад.

Так идти дальше решительно невозможно.

Однако ей пришла в голову идея, и она спросила:

— Мишель, у тебя случайно нет иголки?

— Чего?

— Швейной иглы, булавки, застежки какой-нибудь?

— Зачем тебе?

— Просто скажи — есть или нет?

Девушка похлопала по карманам жакета.

— Нет. Для чего она нам?

Ее жетон! Бринн тут же достала его из кармана. Хромированная бляха с надписью «Управление шерифа округа Кеноша». Желобки лучами солнца расходились из запечатленного в центре герба округа.

Она перевернула его и оглядела булавочную застежку.

Сработает ли?

— Пойдем! — Направившись к пробегавшему рядом ручью, она опустилась на колени и, расчищая толстый слой листьев, попросила: — Найди мне камней. Размером примерно с грейпфрут.

— Камней?

— Да, и побыстрее.

Молодая женщина скорчила недовольную гримасу, но пошла искать камни, пока Бринн продолжала расчищать берег ручья. От земли шел холод; вскоре колени болезненно заныли. Она извлекла из кармана прозрачную склянку со спиртом, стальной кухонный нож и зажигалку для свечей и разложила все это на земле рядом с полицейским жетоном.

Вернулась хромоножка-Мишель с пятью крупными камнями. Бринн требовалось только два, но она забыла сказать об этом.

— Зачем это все?

— Хочу сделать компас. — Описание такой самоделки содержалось в брошюре, полученной на курсах, хотя группа, куда входила Бринн, до изготовления ее на практике так и не дошла. Но она прочитала тот раздел и вроде бы помнила достаточно, чтобы попытаться.

— Разве такое возможно?

— Не уверена, что у меня получится. Но с теорией я знакома.

На первый взгляд все казалось достаточно простым. Нужно было постучать по иголке или булавке молотком, чтобы ее намагнитить. Потом игла клалась поверх кусочка пробки, плавающей в сосуде с водой, и должна была развернуться по оси север-юг. Проще некуда. Нет молотка? Сойдет и обратная сторона лезвия ножа — единственного металлического предмета, которым они располагали.

Стоя на коленях, Бринн поставила перед собой один из камней и попыталась выломать из жетона булавку, сгибая и разгибая ее. Но металл не поддавался. Булавка была достаточно большой.

— Дьявол!

— Попробуй срезать ее ножом, — предложила Мишель. — Бей по нему камнем.

Бринн открыла булавку как можно шире, положила на камень и установила лезвие ножа у самого ее основания. Держа левой рукой нож, правой она принялась колотить по нему другим камнем. На металле даже вмятинки не осталось.

— Нужно бить сильнее, — опять вмешалась Мишель, всерьез заинтересовавшаяся этим процессом.

Бринн обрушила камень еще раз. Лезвие поцарапало булавку, но тут же соскользнуло по хромированной поверхности. Она не могла держать нож и в то же время придерживать жетон.

Поэтому отдала камень Мишель со словами:

— Давай, бей сама. Держи его обеими руками.

Молодая женщина взяла «молоток», весивший не меньше тринадцати фунтов. Бринн левой рукой сжимала деревянную рукоятку ножа, ладонью правой фиксируя жетон на месте, а пальцами придерживая кончик лезвия.

— Я так не смогу, — сказала Мишель. — Твои руки мешают.

Ведь ей требовалось попасть в узкое лезвие всего в шесть дюймов длиной. Промахнись она, и пострадала бы одна из рук Бринн. А нож, сорвавшись, мог глубоко порезать ей пальцы.

— У нас нет выбора.

— Я боюсь покалечить тебе руку.

— Давай, бей. И не постукивай, а лупи со всей силы. Бей же!

Девушка глубоко вдохнула. Подняла камень. И с исказившимся от страха лицом на выдохе с силой обрушила его практически наугад.

Невозможно было предсказать, угодит орудие Бринн по руке или все-таки попадет по ножу, но у той на лице не дрогнул ни один мускул.

Хрясь!

Мишель ударила точно по ножу, и на этот раз лезвие разрубило металл, отхватив от булавки иглу сантиметров в пять длиной. Та взмыла в воздух и пропала в море палой листвы на берегу ручья.

— О, нет! — вскричала Мишель, подавшись вперед.

— Не двигайся, — шепотом остановила ее Бринн. С таким трудом добытый приз наверняка упал поверх листвы, но стоило сделать неверных полшага, и он закатился бы под листья, исчезнув навсегда. — Она не могла отлететь далеко.

— Слишком темно. Я ничего не вижу. Проклятие!

— Тс-с-с, — шикнула на нее Бринн. Приходилось все еще опасаться, что Харт с напарником идут следом.

— Придется воспользоваться зажигалкой.

Бринн наклонилась вперед. Мишель, конечно же, права. В этом темном месте, куда сквозь тысячи веток и оставшихся с осени листьев чуть проникал лунный свет, крохотный кусочек металла разглядеть невозможно. А свет зажигалки Харт заметит издалека, как сигнальный фонарь на крыше небоскреба.

Но ей снова пришли на ум слова, которые она столько уже раз повторяла той ночью: у них нет выбора.

— Возьми ее. — Бринн протянула зажигалку Мишель.

— Обойди листья, — показала она на противоположную сторону кучи. — Держи ее как можно ниже и води над поверхностью.

Мишель переместилась в указанное место и прошептала:

— Готова.

— Включай!

Щелчок, и расцвел язычок пламени. Свет оказался даже ярче, чем Бринн ожидала. Его наверняка можно было заметить ярдов за сто.

Бринн подалась вперед и осматривала листья, постепенно подбираясь все ближе.

Есть! Что-то блеснуло. Но что? Бринн осторожно протянула руку и подняла маленькую веточку с прилипшим птичьим пометом.

Второй обманный проблеск дала вкрапленная в камне слюда.

И все же в конце концов Бринн заметила серебристый отсвет в ночи, исходивший с полусвернувшегося дубового листа. Она аккуратно взяла иголку и сказала Мишель:

— Все, можно выключать.

Окрестности снова погрузились во мрак, ставший даже гуще, потому что глаза успели привыкнуть к свету. И Бринн еще острее почувствовала их уязвимость. Двое мужчин могли сейчас идти прямиком к ним, и она бы их не увидела. Только треск ветки под ногой или шуршание листьев способно выдать приближение врага.

Мишель склонилась к ней.

— Нужна моя помощь?

— Пока нет.

Девушка уселась на землю, скрестив ноги, и достала пакет с печеньем. Она предложила его и Бринн, которая съела несколько штук и принялась стучать обратной стороной лезвия по иголке. При этом она дважды угодила себе по пальцу, морщась от боли. Однако стучать не прекращала, и, как свет от зажигалки, звенящий звук — тин, тин, тин, — казалось, разносился на мили вокруг.

После бесконечных пяти минут она сказала:

— Давай теперь попробуем. Нужна какая-нибудь нитка. Желательно тонкая.

Им удалось вытащить шерстинку из лыжной куртки Бринн и примотать иголку к небольшой веточке.

Бринн вылила из пузырька остатки спирта, наполовину наполнила его водой и, запустив внутрь веточку с иголкой, положила его набок. Включив зажигалку, женщины напряженно всматривались внутрь бутылочки. Кусочек дерева медленно повернулся влево и замер.

— Действует! — радостно прошептала Мишель и, наверное, впервые за эту ночь улыбнулась.

Бринн посмотрела на нее и ответила на улыбку. «Черт побери! — подумала она. — А ведь действительно сработало».

— Да, но где север, а где юг?

— В этих местах возвышенности обычно располагаются с западной стороны. Значит, они должны быть слева от нас.

Они выключили зажигалку, и, когда глаза снова привыкли к темноте, Бринн указала на вершину высокого холма в отдалении.

— Следовательно, север там. Пошли в ту сторону.

Бринн закрутила пробку на пузырьке, сунула его в карман и подобрала свое «копье». Они снова двинулись в путь. Время от времени останавливались, вновь проверяя направление. Шагая на север, они рано или поздно выйдут к тропе «Джолиет».

«Даже странно, — размышляла про себя Бринн, — насколько увереннее она себя почувствовала, изготовив эту маленькую игрушку». Кристен Бринн Маккензи больше всего на свете боялась потерять контроль над ситуацией. В начале этой ночи ни о каком контроле не могло быть и речи. У нее не осталось ни телефона, ни оружия. И она, насквозь промокшая, замерзшая и беспомощная, с трудом выбралась из черной озерной воды. А сейчас с импровизированным копьем в руке и «компасом» в кармане она вдруг почувствовала себя такой же уверенной, как герои комиксов, которыми увлекался Джоуи.

Как какая-нибудь «королева джунглей».

«Танец».

Так называл это Харт.

Это было неотъемлемой частью профессии, и Харт не только привык «танцевать», но и достиг в этом деле изрядного мастерства. Умелец же, в конце-то концов.

Месяц назад Харт сидел в кофейне — он не проводил время в барах, вел трезвый образ жизни, — когда услышал голос и поднял взгляд.

— Привет, Харт! Как поживаешь?

Последовало крепкое рукопожатие.

— Отлично. А ты?

— Все о'кей. Послушай, мне нужен кто-то для одной работы. Тебя это не интересует?

— Не знаю. Может быть. Скажи, и давно ты знаешься с Гордоном Поттсом? Небось старые друзья?

— Не такие уж и старые.

— Как вы с ним повстречались?

— Через общего друга.

— Через кого бы это?

— Фредди Ланкастера.

— А, конечно, через Фредди. Как себя чувствует его женушка?

— Вряд ли теперь это узнаешь, Харт. Она ведь умерла два года назад.

— Ох, верно! Память стала ни к черту. Фредди нравится в Сент-Поле?

— В каком Сент-Поле? Он же живет в Милуоки.

— Да, память у меня просто никуда...

«Танец». Он продолжался и продолжался. Так и должно быть.

Только во время их третьей встречи доверие было окончательно установлено, риск подставы определен как минимальный, и тогда «танец» закончился. Они перешли к обсуждению деталей дела.

— Деньги действительно большие.

— Так и есть, Харт. Ну как, возьмешься?

— Рассказывай дальше.

— Вот карта той местности. Это частная дорога Лейк-Вью. А это национальный парк — вся остальная прилегающая территория. Людей там практически не встретишь. А вот план дома.

— О'кей... Дорога мощеная или проселок?

— Проселок... Слушай, Харт, мне говорили, ты хорош. Это верно? Тебя еще называют Умельцем.

— Кто называет?

— Люди.

— Что ж, все правильно. Я — умелец.

— Могу задать тебе вопрос?

— Валяй.

— Мне просто любопытно. Почему ты занялся такой работой?

— Она меня полностью устраивает, — просто ответил он.

— Действительно, похоже на то.

— Так. Какие возможны проблемы?

— Чего?

— Я спрашиваю, насколько рискованна работа? Много ли там будет народу, есть ли у них оружие, далеко ли до полицейского участка? Дом стоит у озера. А остальные дома? В них живут?

— Просто, как дважды два, Харт. Риска вообще никакого. Остальные дома пусты. Их там будет всего двое. И ни одного рейнджера из заповедника или полицейского на многие мили кругом.

— У них есть оружие?

— Смеешься? Оба — городские стиляги. Она юрист, а он соцработник.

— Значит, только Фельдманы и никого больше? Это очень важно.

— Так меня информировали. И источник надежный. Там будут только эти двое…

И вот теперь в самом сердце заповедника Маркетт Харт с Льюисом огибали опасный с виду колючий куст. Он выглядел, словно инопланетное растение из фантастического фильма.

Харт с горечью вспоминал тот разговор. Да, как же, «только двое». Боль в руке не позволяла забыть об этом.

Злился он на самого себя.

Сделал дело на девяносто пять процентов.

А должен был на сто десять.

По крайней мере, сейчас они уже знали, что идут по верному следу. С полмили назад они нашли бумажный платок фирмы «Клинекс» с пятнами крови. И пролежал он в том месте не более получаса. Харт остановился и осмотрелся по сторонам, обратив внимание на вершины нескольких холмов и узкий ручей.

— Все в порядке. Было бы намного труднее в безлунную ночь. Но мы на правильном пути. Видно, кто-то свыше заботится о нас.

Ловкач…

— Свыше?.. Ты действительно так думаешь? — спросил Льюис, словно сам в это верил.

Харт, само собой, не верил. Но времени на лекции по теологии не было.

— Нам надо двигаться немного быстрее. Добравшись до тропы, они могут перейти на бег. И нам придется сделать то же самое.

— Мы побежим?

— Непременно. Ровная поверхность даст нам преимущество. Мы можем бежать быстрее, чем они.

— То есть потому, что они — бабы?

— Да. К тому же у одной из них какое-то повреждение. Боль заставляет передвигаться медленнее.

Он примолк и бросил взгляд вправо. Потом склонился низко над картой и принялся сверяться с ней при свете фонарика, который приглушил, натянув поверх него подол майки.

Ткнул пальцем:

— Как думаешь, это наблюдательная вышка?

— Вышка? Для чего?

— Рейнджеры используют их, чтобы осматривать лес на предмет возгораний. Это одно из мест, куда, как мне кажется, она могла направиться.

— А где эта башня?

— Вот на той гряде.

Оба посмотрели на некое сооружение примерно в полумиле от них, действительно напоминавшее вышку, но сквозь деревья невозможно было определить точно — радиомачта то или же наблюдательный пункт с небольшой площадкой наверху.

— Может, ты и прав, — сказал Льюис.

— Ты видишь что-нибудь?

Их глаза уже привыкли к темноте, и ополовиненная луна давала достаточно света, однако глубокий овраг, отделявший мужчин от вышки рейнджеров, был скрыт во тьме, а обильная растительность на его дне могла служить превосходным укрытием.

Казалось, для женщин гораздо разумнее направиться к вышке, чем идти к тропе «Джолиет» и дальше к домику рейнджеров. На вышке вполне могли найтись рация или даже оружие. После недолгого раздумья Харт рискнул осмотреть землю с помощью фонарика. Даже если женщины где-то неподалеку, они движутся прочь от этого места и едва ли заметят свет.

Вдруг зашуршали листья, и они повернулись на звук, исходивший с юга.

Три пары горящих красных глаз уставились на них.

— Еноты, — рассмеялся Льюис.

Троица крупных зверей ощупывала лапами что-то лежавшее на земле, поблескивающее и хрустящее.

— Что там такое?

Льюис нашел камень и швырнул в енотов.

Со злобным шипением те разбежались.

Харт и Льюис подошли и поняли, что происходило — борьба за еду. Это были остатки печенья.

— Их?

Харт подобрал одно и разломил с легким хрустом. Свежее. Он внимательно осмотрел землю вокруг. Женщины явно делали здесь остановку — он сумел различить следы, оставленные коленями и ступнями. А потом они направились на север.

— Что значит слабый пол. Устроили себе привал с пикником.

Харт, однако, сомневался, что остановились они на отдых. Это же Бринн. Может, одной из них понадобилась медицинская помощь; ему показалось, что в воздухе попахивает растирочным спиртом. Но какой бы ни была причина этой остановки. Харт знал теперь гораздо более важную вещь: они пошли не к вышке, а прямиком к тропе.

Он сверился с джи-пи-эс и указал рукой вперед:

— Нам туда.

— Осторожнее, не задень вот это, — сказал Льюис.

Когда свет луны полностью скрывал ветви деревьев или наползало облачко, лес перед ними становился непроницаемо черным, и Харт не сразу смог разглядеть то, о чем предупреждал его Льюис.

— Что это?

— Ядовитый плющ. Страшная штука. Но действует не на всех. У индейцев против него иммунитет.

— То есть он для них не опасен?

— Совершенно. Кстати, иммунитет может быть и у тебя, но лучше не рисковать.

Харт слышал это впервые.

— Ты что, был бойскаутом?

Льюис рассмеялся.

— Забавно, что я даже не вспоминал об этом столько лет, но да, был. Хотя, на самом деле, в организацию не вступал. Так, сходил с ними пару раз в походы, а потом почему-то свалил. Но об этом плюще я знаю: братан как-то раз пихнул меня прямо на него. И досталось мне основательно. Никогда не забуду.

— Ты говорил, у тебя их двое. В смысле, братьев.

— Сделал это старший, само собой. Я — средний.

— Он знал, что плющ ядовитый?

— Надеюсь, что нет. Но иной раз я задумывался об этом.

— Все равно дерьмово он с тобой поступил, Льюис, — заметил Харт.

— Да уж… Кстати, друзья зовут меня Комп. Ты тоже мог бы звать меня по имени.

— Хорошо, Комп. А откуда у тебя такое имечко?

— Так назывался городишко, где жили мои предки, когда я родился. Комптон в штате Миннесота. Родители считали, что это имя звучит, ну, как бы это сказать, незаурядно, что ли, — усмехнулся он. — Можно подумать, в нашей семье хоть кто-то был незауряден. Курам на смех. Но отец старался выбиться в люди, надо отдать ему должное. А твои уже умерли? Твои родители?

— Да.

— Жаль.

— Это случилось довольно давно.

— Все равно жаль.

Они прошли через заросли в полном молчании, как им показалось, пару миль, хотя, скорее всего, преодолели лишь четверть этого расстояния. Харт взглянул на часы. «О'кей, — решил он. — Самое подходящее время».

Вынув из кармана мобильный телефон, Харт включил его и дождался, пока трубка проделает весь необходимый электронный ритуал, предписанный подобным устройствам в наши дни. Затем зашел в меню, включил вибрирующий режим звонка, отключив звук, и прошелся по

списку недавних вызовов. Самый последний был обозначен как «Дом». Он обратил внимание, что звонок длился восемнадцать секунд — хватило бы только на то, чтобы оставить сообщение.

Он размышлял, сколько еще времени пройдет, пока…

Именно в этот момент дисплей засветился, и телефон задрожал в его ладони.

Харт тронул Льюиса за руку, велев остановиться, и поднес к губам указательный палец.

Льюис кивнул в ответ.

И Харт ответил на звонок.

Грэм почувствовал, как от волнения стянуло кожу на голове, когда в телефоне Бринн наконец раздались гудки, а не включился сразу же автоответчик.

Затем раздался щелчок. Он услышал шум ветра, и кожа пришла в норму, зато сердце бешено заколотилось в груди.

— Бринн?

— Говорит офицер Биллингс, — прозвучал низкий мужской голос.

Грэм нахмурился и посмотрел на Анну.

— Вы меня слышите? — поинтересовался мужчина.

— Да. С вами говорит Грэм Бойд, муж Бринн Маккензи.

— Конечно, сэр. Муж заместителя шерифа Маккензи.

— С ней все в порядке? — поспешно спросил Грэм, преодолевая волнение.

— Так точно, сэр. Все хорошо. Просто она на время отдала мне свой телефон.

Чувство огромного облегчения охватило Грэма.

— Я пытаюсь ей дозвониться весь вечер.

— Здесь очень слабый сигнал. Появляется и пропадает. Честно говоря, удивлен, что ваш звонок прошел.

— Мы думали, что она давно уже дома.

— Вот как... — Мужчина казался сбитым с толку. — Она сказала, что звонила вам.

— Она действительно звонила и оставила сообщение, что едет прямо домой. Вызов оказался ложным или что-то в этом роде.

— А! Тогда она, видимо, собиралась позвонить вам еще раз, но не смогла дозвониться. Дело в том, что, как выяснилось, вызов на самом деле не был ложным. Семейная ссора, принявшая скверный оборот. Муж пытался скрыть это. Такое случается нередко. Помощник шерифа Маккензи как раз сейчас беседует с женой, пытается разобраться с фактами.

Облегчение было таким мощным, что Грэму даже показалось, будто он ощущает его на вкус. Он улыбнулся и кивнул Анне.

Биллингс продолжал:

— А телефон она мне отдала, чтобы ничто не отвлекало от работы. Ей удалось всех успокоить. Ситуация у нее под контролем. Она весьма профессиональна в таких делах. Потому-то наш капитан и попросил ее задержаться... Одну секунду, сэр... Эй, сержант! Где Ральф?.. А, о'кей...

«Полицейский» вернулся к прерванному разговору.

— Простите, сэр.

— Вы знаете, как долго ей еще работать?

— Мы должны дождаться группы из Управления защиты материнства и детства.

— На озере Мондак?

— Да, оно здесь рядом. На это может уйти несколько часов. Ребенок пострадал. Его отец проведет остаток ночи за решеткой. А быть может, и не одну эту ночь.

— Несколько часов?

— Так точно, сэр. Я попрошу ее связаться с вами, как только она освободится.

— О'кей, спасибо.

— Не за что.

— Доброй ночи! — И Грэм дал отбой.

— Что там такое? — спросила Анна, и он рассказал ей о происшедшем. — Домашнее насилие?

— Да, и случай, похоже, тяжелый. Мужа отправят в тюрьму. — Грэм вернулся на диван, глядя на экран телевизора. — Не пойму только, почему этим должна заниматься именно она?

Ответа он не особенно и ждал. Но заметил, что спицы в руках Анны замерли и она оторвала взгляд от шарфа, который вязала. Он был трех оттенков синего — красивое сочетание цветов.

— Грэм, тебе ведь известно, что у Бринн были проблемы с лицом?

— С подбородком? Конечно, я знаю о той автомобильной аварии...

Непонятно только, к чему она упомянула об этом.

Пожилая женщина не сводила с него своих серых глаз. Это была еще одна характерная черта Анны Маккензи. Какой бы робкой, вежливой и мягкой ни казалась, она всегда смотрела собеседнику прямо в глаза.

— Авария... — повторила она медленно. — Значит, ты не знаешь.

Осы, снова проклятые осы. Грэма охватило неприятное предчувствие.

— Продолжайте!

— Я всегда считала, что она тебе рассказала.

Теперь он был не только встревожен, но и уязвлен ложью, какой бы ни была правда. И при этом почему-то не слишком удивлен.

— Продолжайте!

— Это Кейт ударил ее и сломал челюсть.

— Что?!

— Ей три недели пришлось ходить с проволокой на лице.

— Боже, это было настолько серьезно?

— Кейт здоровенный мужчина... Не надо сильно обижаться на нее, Грэм, что она скрыла от тебя это. Ей было стыдно и неловко. Она не рассказывала практически никому.

— Она говорила мне, что он устраивал скандалы, но я не знал о побоях.

— Скандалы? Это тоже правда. Проблема заключалась в его характере. Некоторые пьют, другие играют в азартные игры. А он не умел держать себя в руках. Это страшно. Несколько раз происходило на моих глазах.

— Неконтролируемая ярость. А что случилось тогда?

— В тот вечер, когда он ее ударил? Уверена, что не понадобилось ничего серьезного, чтобы вывести его из себя. Это-то и было самым страшным. Он мог рассвирепеть, если в доме вдруг отключалось электричество перед началом матча или в магазине не оказывалось пива его любимой марки, а может, Бринн сказала ему тогда, что собирается вернуться к работе хотя бы на неполный день, как только Джоуи чуть повзрослеет. Что бы это ни было, он ударил ее ни за что ни про что.

— Я даже не предполагал такого.

— Поэтому тема домашнего насилия имеет для нее особое значение.

— Да, она часто берется за подобные дела, — согласился Грэм. — Я просто всегда думал, что то была инициатива Тома Даля. Ну, знаете, поручать эти случаи именно женщине.

— Нет, она сама вызывалась.

— И как она поступила? После того как Кейт ее ударил?

— Она не вызвала полицию, и он не попал под арест, если ты спрашиваешь об этом. Думаю, она не сделала этого ради Джоуи.

— Он когда-нибудь еще занимался рукоприкладством?

— Нет. По крайней мере, мне она ни о чем таком не рассказывала.

Бить человека, с которым тебя связывают брачные узы. Грэм просто вообразить себе такого не мог. Да, черт возьми, ударить даже постороннего, если только не в целях самообороны, — все это выходило за пределы его понимания.

Грэм невольно сопоставил новую информацию с некоторыми другими происшествиями из их прошлой жизни, припомнил какие-то фразы жены, ее поведение. Десятки раз он видел, как, проснувшись утром, она

первым делом прикасалась к подбородку. Ей снились кошмары, от которых она пробуждалась со стоном и в холодном поту. Перемены в ее настроении, ее постоянная готовность защищаться.

И стремление держать все под контролем…

Он вспомнил жест ее руки, касавшейся слегка искривленной линии нижней челюсти, когда они ужинали или смотрели телевизор, сидя рядом.

Однако потом, откинувшись на спинку дивана, он сказал:

— Но ведь она не знала, что происходит у озера Мондак, пока не добралась туда. Насилие в семье могло стать причиной ее задержки. Но вызвалась ехать она не поэтому. Почему? Вот что я хотел бы знать.

— Думаю, тебе известен ответ на этот вопрос, Грэм. — Спицы снова замелькали в руках Анны, вернувшейся к своему «шерстяному конвейеру».

Они остановились и сверились с «компасом», что делали примерно через каждые пятьсот ярдов.

При этом обе вставали на колени, устанавливали бутылочку на плоскую грань и заставляли намагниченный кораблик переместиться в центр этого крошечного океана, где он своим носом указывал им северное направление. Эта самоделка была сейчас поистине спасительной для них. Бринн сама поражалась, с какой легкостью могла бы пойти не в ту сторону, будучи при этом абсолютно уверенной, что они двигаются куда надо.

— Где ты научилась делать такие штуки? — поинтересовалась Мишель, указывая на бутылочку, которую Бринн убирала в карман. — У тебя есть дети? Помогала с домашним заданием по труду?

— Нет, на курсах при полицейском управлении штата. Но у меня действительно есть сын. — Она попыталась представить одержимого скейтбордом Джоуи, терпеливо корпящим над домашним заданием. Сама идея позабавила ее.

— А сколько ему лет? — спросила Мишель с неподдельным любопытством.

— Двенадцать.

— Обожаю детей, — улыбнулась девушка. — Как его зовут?

— Джозеф.

— Библейское имя.

— Да, так и есть, хотя назвали мы его в честь дяди его отца.

— Он хороший мальчик?

— Конечно, хороший. — Но после некоторого колебания добавила: — Хотя ему и случается попадать в неприятные ситуации.

Она рассказала Мишель о вчерашнем происшествии со скейтбордом и о стычках, случавшихся в школе. Молодая женщина слушала с интересом и сочувствием. Бринн спросила:

— А у вас с мужем есть дети?

Мишель взглянула на нее и ответила:

— Еще нет. Мы с ним довольно занятые люди.

— Ты говорила, что по профессии актриса?

Застенчивая улыбка.

— Пока только на второстепенных ролях. Снимаюсь в телевизионной рекламе, играю в самодеятельном театре. Но, знаешь, меня обещали принять в «Секонд сити»[17] на курс импровизации. А еще у меня скоро прослушивание в одной гастролирующей труппе, которая ставит «Ведьму».[18]

Бринн внимательно слушала рассказ молодой женщины о проектах, в которых та собиралась участвовать, и ролях, которые хотела сыграть. Но в ее восприятии все это звучало дилетантски. Мишель металась от одного к другому, словно все еще пыталась понять, в чем ее подлинный талант. Или искала, где ей будет легче. Она совсем не удивилась, когда Мишель сообщила, что пробовала писать пьесы, но теперь ей кажется более перспективным независимое кино. Сейчас она подумывала о переезде в Лос-Анджелес, чтобы познакомиться с нужными людьми из киноиндустрии.

Потом им пришлось какое-то время идти в гору, и они замолкли, чтобы, тяжело дыша, преодолеть еще пятьсот ярдов.

Бринн ожидала, что они вот-вот выйдут на тропу «Джолиет». Та не могла проходить очень уж далеко. Однако, почти непрерывно пробираясь сквозь заросли, она совершенно потеряла представление, насколько быстро они передвигаются. Это как идти по колено в воде — прилагаемые усилия совершенно непропорциональны пройденному расстоянию.

Минут через пятнадцать они снова остановились на небольшой поляне, окруженной кустами шиповника, чтобы еще раз взглянуть на показания «компаса». Вспыхнул огонек зажигалки, и Бринн убедилась, что они на верном пути.

— Все, можешь выключать, — сказала она.

Теперь они каждый раз пережидали немного с закрытыми глазами, чтобы помочь им быстрее привыкнуть к темноте.

Внезапно откуда-то сзади донесся резкий хруст.

И громкий.

Мишель еле слышно охнула.

Женщины настороженно поднялись с колен. Бринн убрала «компас» и взялась за «копье».

Снова послышались хруст и шуршание шагов.

Бринн всматривалась так пристально, что щеку пронизала острая боль. Но ничего не могла разглядеть.

Были это убийцы?

— Что это? Ты слы...

— Тс-с-с, — оборвала ее Бринн.

Кто-то двигался, огибая их по окружности. Остановился. Снова пошел.

Хруст...

Потом движение прекратилось.

Но буквально мгновение спустя уже где-то справа послышался новый хруст и шелест листьев. Они резко повернулись в том направлении. Бринн теперь смутно различала очертания темной фигуры, покачивающейся вперед-назад.

Это были не люди. Бринн видела животное размерами примерно с немецкую овчарку.

Ей показалось, что зверь пристально смотрит на них, напружинив лапы и вздыбив шерсть.

Мишель снова охнула и вцепилась Бринн в руку.

Горный леопард? Но, если верить публикациям, последнего в штате Висконсин подстрелили еще сто лет назад. Тем не менее чуть ли не ежегодно появлялись слухи, что одного из них снова заметили в этих краях. Водились здесь и койоты. Обычно их отличали трусливые повадки, но некоторые особи, впав в бешенство, могли забраться в палатку и напасть на ночующих в ней людей. Рыси тоже не были редкостью в здешних лесах.

Но этот зверь явно крупнее. Бринн решила, что это, скорее всего, волк, популяцию которых в заповедниках штата недавно вновь взяли под защиту. Она не знала, способен ли он напасть на людей, но злобный и пристальный взгляд — почти человеческий — таил угрозу.

Неужели Бринн и Мишель, сами того не ведая, оказались вблизи логова животного? А что, если там еще и щенки, которых нужно защищать? Обезумевшие самки наиболее опасны, говорил ей Кейт — заядлый охотник.

Гнев внезапно охватил Бринн. У них уже достаточно врагов этой ночью. Она еще крепче сжала «копье» и выпрямилась во весь рост. Потом сделала несколько шагов вперед, встав между зверем и Мишель.

— Куда ты? Не оставляй меня одну!

Но Бринн думала: «Не подавай виду, что испугана. Иди вперед».

Животное подняло голову, и в его глазах блеснул отраженный лунный свет.

Бринн продолжала идти, ускорив шаги и слегка наклонившись вперед.

Не отводя еще какое-то время взгляда, хищник попятился и растворился в ночи. Бринн остановилась, потом вернулась к своей спутнице.

— Боже милосердный! — потрясенно вымолвила Мишель.

— Теперь все о'кей.

Но девушка имела в виду не перепугавшее их животное.

— Ты сама-то в порядке? — неуверенно спросила она.

— Я? — удивилась помощник шерифа. — Конечно. А что?

— Ты… Ты издавала такие звуки. Мне показалось, ты задыхаешься или что-то в этом роде.

— Звуки? Какие звуки?

— Ты просто рычала. И это было страшно.

— Рычала? — Бринн помнила только, что тяжело дышала сквозь плотно стиснутые зубы. Она и не подозревала, что все это походило на рык.

Королева джунглей…

Она только усмехнулась, чувствуя себя неловко, и женщины пошли дальше. Теперь на их пути встретилась расщелина, камни и деревья по сторонам которой заросли вьющимися растениями, а дно покрывали ядовитый плющ и кусты барвинка. То там, то здесь попадались болотистые лужи, по окружности которых теснились грибы и цвела плесень. Пробраться через все это стоило немалых усилий. Особенно тяжело дался подъем на противоположную сторону, куда они взобрались, цепляясь за торчащие ветки и опираясь ногами на выступы в песчанике.

Зато наверху они почти сразу вышли на тропу.

Она оказалась не слишком широкой — меньше полутора метров — и основательно заросшей, поскольку в зимние месяцы ею никто не пользовался. Но идти по ней было райским наслаждением после всего, что им пришлось преодолеть на пути от дома Фельдманов.

— Это то, что мы искали? — спросила Мишель.

Ответ на ее вопрос обнаружился всего через тридцать ярдов в виде большого деревянного щита-указателя:

ПЕРКИНСТАУН — 64 мили

ДУЛУТ, штат Миннесота, — 187 миль

ПРОСЬБА СОБЛЮДАТЬ ОСТОРОЖНОСТЬ НА ПРИВАЛАХ ВДОЛЬ ТРОПЫ «ДЖОЛИЕТ».

ТОЛЬКО ВЫ САМИ МОЖЕТЕ ПРЕДОТВРАТИТЬ ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ!

— Надолго он купился на твой трюк, как думаешь? — спросил Льюис.

Он имел в виду телефонный разговор Харта с Грэмом Бойдом, мужем Бринн.

— Трудно сказать.

Они уже несколько миль продирались сквозь заросли подлеска, проверяя свой курс по навигатору джи-пи-эс, программе «Google Earth» и обычной карте, чтобы двигаться строго на север.

— Вот, значит, зачем ты включил ее телефон?

— Именно так. — Хотя, окончив разговор, он извлек из мобильника Бринн батарейку, чтобы полицейские не могли отследить его. — Я дожидался подходящего момента. Нужно было держать его в неведении как можно дольше. Теперь же он расслабился. Отправится спать и встревожится только часа в три или четыре утра, если проснется в постели один. Но к тому времени обе будут мертвы и похоронены.

— Он тебе поверил?

— Не сомневаюсь.

Они пошли дальше, и Хартом овладели мысли о ее муже, человеке, живущем с такой женщиной, как Бринн… Интересно, какой он? Голос низкий, — видно, что не из простаков, речь правильная, — и он не выпивал, по крайней мере сегодня. Харт задумался, нельзя ли извлечь из слов мужа некую информацию, которая поможет быстрее с ней разделаться?

Нет, едва ли.

Но он продолжал прокручивать в голове их разговор. Это было любопытно.

У них разные фамилии. Впрочем, Харта не удивило, что Бринн оставила за собой девичью.

Грэм… Мужчина, с которым она спала, с которым делила свою жизнь. Имя не слишком распространенное. Почему его так назвали? Он консерватор или либерал? Религиозен? Чем зарабатывает на жизнь? Харт обратил внимание на облегчение, прозвучавшее в его голосе. Здесь было что-то не до конца ему понятное. Харт не знал, какой вывод можно из этого сделать. Облегчение? Да, несомненно… Но присутствовало вкрапление еще какой-то эмоции.

Теперь он жалел, что не успел как следует рассмотреть ее у дома Фельдманов. Вполне симпатичная, припомнил он. Темно-русые волосы убраны назад. Хорошая фигура. Не дает себе распуститься. Харт попытался представить ее глаза, но вспомнил только взлет густых бровей, когда она заметила его появление из-за кустов.

Харт убил шестерых. Трое из них смотрели на него, когда он делал это. Их чувства не имели тогда для него ни малейшего значения. Ему не было бы легче, отведи они взгляд в сторону. И сам он не сводил с них глаз. Единственной, кто не плакал перед смертью, оказалась женщина, торговка наркотой.

«Эй, неужели ты это сделаешь?»

Он ничего не ответил.

«А ведь мы с тобой могли бы договориться».

Она украла чужие деньги, а быть может — нет. Утаила часть наркотиков или не делала этого. Все это Харта мало трогало. У него был контракт с человеком, желавшим, чтобы она умерла. А потому он, Умелец, свое обязательство выполнил, убил ее, глядя прямо в глаза, чтобы не дать шанса уклониться от пули или достать припрятанное оружие.

Вот и Бринн смотрела ему прямо в глаза, когда стреляла.

«Умелица»?

— Харт? — Голос Льюиса вывел его из раздумий. Он встрепенулся и огляделся по сторонам.

— Что?

— Ты — пацан из Милуоки. И я тоже. Почему же мы раньше никогда не работали вместе?

— Понятия не имею.

— Ты проводишь много операций в городе?

— Нет. Не много. Так безопаснее.

— Где ты живешь?

— В южной части.

— Где-то ближе к Кеноше?[19]

— Недалеко оттуда.

— Там сейчас много чего строят.

Внезапно Льюис замер на месте.

— Смотри, какой-то знак или указатель.

— Где?

— Вглядись. Там, справа.

Они осторожно приблизились. Не без сожалений Харт оставил мысли о Бринн и остановился перед стендом.

«Летом 1673 года Луис Джолиет, 27-летний философ, и отец Жак Маркетт, 35-летний иезуитский священник, пересекли штат Висконсин на пути к реке Миссисипи. Хотя тропа, на которой вы сейчас стоите, названа его именем, Джолиет проделал свой путь в 458 миль не по ней. Вместе с Маркеттом они совершили путешествие главным образом по воде. Тропу „Джолиет" проторили сначала торговцы мехами, а позднее, многие годы спустя, такие люди, как вы, — любители отдыха на природе».

Харт сверился с джи-пи-эс, потом с «Блэкберри» и картой.

— Как думаешь, в какую сторону они пошли?

— Скорее всего направо. Там пост рейнджеров в нескольких километрах отсюда.

Льюис обвел взглядом тропу — вперед и назад: пустующая в это время года, она основательно заросла, упрямые новые ростки пробивались сквозь плотный слой веток и опавшей листвы.

— Что тебе не нравится?

— Если честно, то это и не тропа вовсе. Здесь просто реже заросли.

Эта реплика вызвала у Харта усмешку. Глядя на него, Льюис тоже не сдержал улыбки.

Вот так они и брели, две женщины, целеустремленно одолевающие лесную тропу. Одна с тростью из палисандра, другая с «копьем» из той же ценной породы дерева. «Боло» и ножи по карманам, угрюмые лица.

Тропа напомнила Бринн о том времени, когда она в последний раз ездила верхом — весной несколько лет назад. Ей полюбилось ощущение скачки по неровной лесной дороге в окрестностях Гумбольдта. А задолго до этого — еще до службы помощником шерифа — она занималась любительским конкуром и обожала этот вид спорта. Так, кстати, она и попала на работу в правоохранительные органы — во время соревнований наблюдала показательные выступления конных полицейских из Милуоки. Восемнадцатилетняя девушка разговорилась тогда с одним офицером, по иронии судьбы пробудившим в ней интерес не столько к выездке, сколько к работе в полиции.

И уже через несколько лет служба приносила ей порой то же щекочущее нервы ощущение, какое она испытывала, заставляя животное в полтонны весом преодолевать препятствие.

Она неожиданно поняла, что соскучилась по верховой езде, и спрашивала себя, посидит ли еще когда-нибудь в седле.

Шагая по тропе, женщины то и дело натыкались на терзающие душу напоминания, что заповедник вообще-то совершенно не такое опасное место, каким представлялся этой ночью. Им попадались поставленные вдоль дороги щиты с исторической и общей информацией о национальном парке. Их предупреждали о возможных неприятностях, но это были в основном лесные пожары, слишком крутые спуски и угроза для экологии.

ПОМНИТЕ, ЧТО ИЗУМРУДНЫЙ ЖУК ОПАСЕН

Дрова для костров, приобретенные в Клосене, могут быть заражены изумрудным ясеневым точильщиком. Если вы купили древесное топливо марки «Хендерсон», огромная просьба сжечь его незамедлительно. Содержащиеся в нем вредители могут представлять опасность для лиственных деревьев нашего заповедника!

А еще было отдельно стоящее дерево — огромных размеров дуб, — удостоенное собственной таблички. Скорее всего потому, что являлось самым старым или самым большим (известно, как туристы падки на все самое-самое). Бринн же сейчас воспринимала этот дуб только как укрытие. В этих местах тропа проходила по протяженным участкам совершенно открытого пространства, где их издалека увидели бы преследователи. Они могли, конечно, сойти с тропы и двигаться вдоль леса под покровом кустарника, но это существенно сказалось бы на скорости.

Здесь в изобилии водились белки-летяги, беззвучно рассекали воздух летучие мыши, совы вели себя гораздо шумнее. Несколько раз слышали

они внезапный всплеск крыльев и последний писк жертвы хищной птицы, нанесшей смертельный удар.

Мишель держалась молодцом, но Бринн поглядывала на нее с возрастающей тревогой. Ее лодыжка была вовсе не в таком уж плохом состоянии: имея дело с многочисленными несчастьями Джоуи, Бринн прекрасно разбиралась в травмах и знала, нужно ли просто погладить по головке и утешить или обращаться к врачам. Гораздо больше ее волновало растущее безучастие молодой женщины. Она к тому же стала заметно отставать. А перед одним из крутых подъемов остановилась и скорчила недовольную гримасу.

— Идем же, — поторопила Бринн.

— Мне нужен отдых.

— Давай пройдем еще немного, — улыбнулась она. — Отдых нужно заслужить.

— Но я устала уже сейчас. Невероятно устала. И про содержание сахара в крови я тебе говорила. — Она вздрогнула, когда мимо пробежал какой-то мелкий зверек. — Боже, что это было?

— Полевка, обычная мышь, — сказала Бринн. — Совершенно безвредная.

— Она может забраться нам в брюки.

«Только не в твои», — подумала Бринн, разглядывая обтягивающие джинсы Мишель.

Прежняя бодрость молодой женщины совершенно улетучилась. Она походила сейчас на ребенка, лишенного традиционного дневного сна.

Бринн собрала все свое терпение.

— Пожалуйста, Мишель. Чем дальше мы идем, тем ближе к дому. Мы не можем остановиться здесь.

Они находились посреди поля и были хорошо видны издалека при свете луны.

Недовольно поджав губы, Мишель подчинилась, и они преодолели крутой подъем. У его вершины Бринн ударил в нос острый запах розмарина, и ей захотелось всплакнуть при воспоминании о пасхальном барашке, которого она всего несколько недель назад не без труда запекла для своей семьи.

Они прошли через рощицу голых, похожих на мертвецов деревьев, мрачную, словно кадр из «Властелина колец».

Бринн ощущала теперь пульсацию в лице при каждом шаге. Она прикоснулась к щеке и резко вдохнула, чувствуя, как боль пронизала голову и шею. Рана распухла еще больше. Только бы в нее не попала инфекция. Останется заметный шрам? Мысль о пластической хирургии заставила ее улыбнуться. «Ведешь себя, как глупенькая девочка. Сейчас важнее позаботиться о том, чтобы сохранить жизнь, а как ты будешь выглядеть на субботнем сеансе в кино, пусть тебя пока не волнует».

Грэм как-то поймал ее на привычке ощупывать неровную линию подбородка. Он вогнал ее тогда в краску, но улыбнулся и прошептал:

— Это даже сексуально. Не комплексуй.

Ее уже начали раздражать неотступные мысли о прошлом. О Кейте она вообще не вспоминала в последние годы. И ее постоянно беспокоили размышления о Грэме и Джоуи, хотя сейчас следовало целиком сосредоточиться на том, как выбраться из опасной ситуации, в которую она угодила.

Это напоминало старый штамп, что человек перед смертью вспоминает всю свою жизнь.

«Нет, черт возьми, держи себя в руках».

Дойдя до поворота тропы влево, Бринн оглянулась. Ей открылся панорамный вид на окрестности, ярдах в ста четко просматривав гребень пологого холма.

Там происходило какое-то движение, тени перемещались от дерева к дереву.

Она схватила Мишель за рукав.

— Что, что происходит?

Бринн показалось, что она видит человека, изготовившегося для выстрела.

— Пригнись, — скомандовала она.

Они приникли к земле. Бринн еще раз осмотрела тропу и вершину холма. На небе сейчас ни облачка, и света луны вполне хватило бы для прицельной стрельбы. С такого расстояния их не достанет дробь из

ружья, но у Харта был глок. Девятимиллиметровая пуля могла оказаться смертельной на этой дистанции, а он был явно неплохим снайпером.

Она еще раз вгляделась в гребень холма. И рассмеялась:

— Это всего лишь наш старый приятель. Или другой такой же.

Их преследователем вновь оказалось четвероногое существо, перебегавшее от дерева к дереву. Такой же волк, определила она. Они же обычно сбиваются в стаи, известный факт. Но ей показалось, что это то же самое животное. Почему он преследует их? Вероятно, ее рык не так уж и напугал его.

Но вдруг зверь замер на месте, оглянулся. И в долю секунды пропал из виду.

— Ты это видела? Исчез как не бывало… — Улыбка сошла с ее лица. — Нет… Только не они!

На некотором удалении двое мужчин быстро двигались по тропе «Джолиет», направляясь в их сторону. Ярдов восемьсот дистанции, движения целеустремленные. Никаких сомнений, что это Харт и его напарник — в руках одного из них можно было разглядеть дробовик. Потом они пропали из виду там, где тропа нырнула вниз, под сень деревьев.

— Нет!

— Но это же те двое, — прошептала Мишель. — Как они нас выследили?

— Выходит, нам не повезло. Мы могли предпочесть десяток других направлений. Им пришлось гадать, но они сделали правильный выбор. Вперед! Двигайся!

Женщины перешли на бег. Спотыкаясь и учащенно дыша, они спешили изо всех сил.

Беги, беги, беги…

— Я и не думала, что они в самом деле пойдут за нами, — жалобно выдохнула Мишель. — Зачем?

«Харт», — подумала Бринн. Именно в нем заключался ответ на этот вопрос.

Тропа вильнула вправо, к востоку, и вскоре они вышли из леса на пустое пространство, где под светом луны им открылась скалистая местность:

над тропой с одной стороны возвышались высокие утесы, а с другой мерещились глубокие расселины, уходившие на сотни ярдов вниз. Сквозь просветы в зарослях можно было различить изрезанную трещинами поверхность песчаника.

— Смотри. Что это там?

Это было скрещение лесных дорог. Другая тропа, более узкая, чем «Джолиет», отходила от нее влево и поднималась вверх по склону холма, ныряя затем в темноту долины. Бринн жестом поманила за собой свою спутницу. Мишель подчинилась, то и дело оглядываясь назад и держа руку в кармане куртки, где прятала стальной нож. Казалось, это простое оружие придавало ей уверенности.

На перекрестке они остановились. Здесь, на открытом месте для привала, стояла скамья, но телефона не было и в помине, что первым делом отметила про себя Бринн. Урна для мусора — совершенно пуста. Сюда давно никто не заглядывал — все-таки в штате Висконсин зимы долгие. Тропа «Джолиет» убегала дальше в темноту ночи, уходя вниз и вправо к северо-востоку. На второстепенной тропе стоял указатель:

ОЗЕРО АПЕКС — 1,1 мили

РОЩА ТРАППЕРОВ — 1,9 мили

ПОСТ РЕЙНДЖЕРОВ «АМСТЕД» — 2,2 мили

Бринн подошла к ограждению, отмечавшему край скалы, заглянула вниз, в долину, и указала влево:

— Посмотри-ка вон туда. Видишь? Тот домик. Это и есть пост рейнджеров.

— Ага. Там вдали? Но не заметно ни огонька.

— Их и не может быть. Я уверена, что сейчас пост закрыт.

По прямой до того места было чуть меньше мили, но это если через долину, по тропе же их путь стал бы намного длиннее, о чем и говорила надпись на указателе. Тропа, петляя, приведет их сначала к озеру, потом к роще и лишь затем — к посту.

Этот пост Бринн смутно помнила. Он послужил им ориентиром во время одной из спасательных операций, в которых она участвовала. Тогда он тоже был закрыт — дело происходило зимой, — но здание она себе представляла.

— Точно помню, что там есть телефоны. Но работают ли они сейчас, понятия не имею. Еще, по-моему, был оружейный сейф. Но мы не можем идти туда по тропе, — кивнула она в сторону знака. — Слишком долго. Не доберемся вовремя.

— Может, они не сообразят, что мы свернули, и пойдут дальше по «Джолиет».

Бринн обдумала это предположение и отвергла его:

— Скорее всего, они догадаются, что мы направились к посту. — Она продолжала всматриваться в темноту долины, пройдя дальше вдоль ограждения. У таблички «Опасно!» остановилась. И опять посмотрела вниз.

Сумеют они спуститься здесь или нет?

Так или иначе, а решать требовалось срочно. Преследователи могли появиться здесь через десять-пятнадцать минут.

— Скала совершенно отвесная? — спросила Мишель.

Пристальнее вглядевшись в смутные очертания, Бринн заметила узкий уступ ярдах в шести у себя под ногами. Потом опять следовал крутой откос ярдов на двенадцать или пятнадцать.

— Я думаю, что спуск возможен, — прошептала она. — Он трудный, но преодолимый.

Стоило им сойти в поросшую лесом долину, и перед ними открылся бы прямой и легкий доступ к посту.

А каковы шансы обнаружить там работающий телефон, оружие и боеприпасы?

Этого Бринн знать не могла. Хоть монетку подбрось.

Зато она не сомневалась, что проникнет внутрь без особых проблем. Если они доберутся до поста, ни один, даже самый крепкий замок в мире, не удержит ее.

— Ненавижу высоту, — прошептала Мишель.

«Знала бы ты, милочка, как ее ненавижу я...»

— Стало быть, мы попытаемся? — дрожащим голосом спросила девушка.

Бринн ухватилась за крепкую ветку березы и, держась за нее, наклонилась далеко вперед, внимательно изучая скалы внизу.

Им удавалось передвигаться быстрым шагом, временами переходя на бег.

Льюис остановился, ухватившись за бок. Прислонился к дереву.

— Что с тобой?

— Ничего. Я на прошлой неделе бросил курить. — Он дышал глубоко и часто. — Вообще-то бросил почти месяц назад, но выкурил одну на прошлой неделе. Теперь уж не буду курить никогда. Но пока прошлое курение сказывается. Ты сам-то дымишь?

— Нет, — ответил Харт, морщась от боли в руке и непрерывно осматриваясь по сторонам.

Теперь он уже был более или менее убежден, что оружие у женщин отсутствовало, но ему действовал на нервы зверь — крупная собака или волк, непрерывно рыскающий где-то рядом. Люди предсказуемы. Человеческую натуру ему доводилось постигать в самых крайних ее проявлениях, и с людьми он чувствовал себя комфортно, как ни опасны они порой бывали. Животные подчинялись своей, совершенно другой психологии. Ему снова припомнился след лапы у дома Фельдманов.

Это мой мир. Вы здесь чужие. Вам мерещится то, чего на самом деле нет, но вы не увидите происходящего у вас под носом.

Но он и сам глубоко вдохнул, прислонившись к соседнему дереву. Взгляды мужчин встретились, и они обменялись улыбками.

— Не приходилось так бегать уже много лет, — признался Харт. — А ведь думал, что держу себя в хорошей форме, поверишь, приятель?

— Ты ходишь в спортзал?

Он действительно посещал его регулярно, но для своей работы считал важными физическую силу и выносливость, игнорируя аэробику. Вот что сейчас пригодилось бы. Но в прошлом Харту никогда не доводилось гнаться за кем-то, и он не мог себе даже представить, что когда-нибудь придется спасаться бегством самому.

— Бег трусцой — не моя специальность, — признался он Льюису.

— Охотно верю. Честно говоря, все эти оздоровительные центры никогда не были в чести у семьи Льюисов. Но я успел поработать строителем. На небоскребе «Гастон» у озера.

— Не знаю, где это.

— Фирма «Гастон констракшн»? Огромное здание. По ту сторону главного городского хайвея. Сейчас уже все одето в стекло. Я нанялся к ним в паре с разнорабочим на заливку бетона. Работенка держит тебя в тонусе, доложу я тебе. Ты сам-то пробовал?

— Конечно, — ответил Харт. — Занимался сантехникой. На малярку терпения не хватило. А от электропроводки вообще стараюсь держаться подальше.

— И правильно.

— Люблю возиться с деревом.

— Типа, плотничаешь?

— Я больше по столярной части. Делаю мебель.

— Ты умеешь делать мебель?

— Так, самые простые вещи.

«Семь раз отмерь…»

— Вроде столов и стульев?

— Да. И даже бюро. Помогает расслабиться.

— А я однажды сработал кровать для своей бабульки, — сказал Льюис.

— Кровать? Пошли, нам пора двигаться. — Они снова отправились в путь. — Как получилось, что тебе пришлось делать кровать?

— С возрастом она это… Ну, начала выживать из ума, — пояснил Льюис. — Альцгеймер, кажется, это называется. Не знаю. Может, так со всеми стариками. Она бродила по комнатам и круглый год распевала рождественские псалмы. Без конца. Начинала украшать дом. Мамаша украшения снимала, но бабка вешала их опять.

Харт почувствовал, что снова входит в ритм движения.

— Короче, в уме она точно повредилась. И принялась везде искать кровать. Ту, в которой спала с моим дедом. Ее наверняка снесли на помойку много лет назад. Но бабка была уверена, что она по-прежнему где-то в доме. И все ходила, ходила и искала ее. Мне стало жалко ее. Так что я нашел старые фотки и по ним соорудил другую. Ничего хорошего у меня не получилось, но вышло достаточно похоже. Думаю, я дал ей пару месяцев спокойствия. Но точно не знаю.

— То есть ты сделал ей кровать, но без простыней и одеяла, — заметил на ходу Харт.

— Да, вообще-то так и вышло, — усмехнулся Льюис.

— Что тебя держит в нашем деле, Комп? Ты мог бы иметь нормальную работу, состоять в профсоюзе.

— Только деньги, если ты об этом. Разве можно прилично заработать честным трудом?

— А этим ты хорошо зарабатываешь?

— Уж точно лучше. Моя мать теперь тоже в богадельне. Каждый из братьев платит долю. И я должен вносить свою.

Харт почувствовал на себе взгляд Льюиса. Тот словно бы собирался спросить о его семье, но вспомнил, что брат и родители напарника уже мертвы.

— Да ладно! Я хорошо делаю свое дело. Что умею, то умею. Ты же знаешь, какой я. Наверняка наводил справки, верно? И сведущие ребята дали мне нужные рекомендации.

— Верно. Потому я и позвонил тебе.

— Я брал банки, кассиров с зарплатой. Доставка денег, охрана… У меня есть талант ко всему этому. Имею контакты по всему побережью. А вот как насчет тебя, Харт? Ты-то зачем ввязался в этот стремный бизнес?

Он передернул плечами:

— Я просто не терплю подчинения. И сидеть на одном месте не по мне. Я хорош только в действии. Наверное, в генах заложено.

«Меня она полностью устраивает…»

Льюис огляделся по сторонам.

— Думаешь, они прячутся от нас?

Харт ни в чем не был уверен. Но предполагал, что скорее всего нет. По его ощущениям, Бринн в чем-то походила на него самого. Уж он-то предпочел бы движение в любом случае. Идти вперед, даже если это сулит опасность. Все что угодно, только не прятаться. Но Льюису он преподнес это несколько иначе:

— Нет, не прячутся. Они продвигаются вперед. Могу тебе сказать, что только что видел их следы — на грязном участке тропы чуть сзади.

Льюис язвительно хохотнул. Еще не так давно подобные звуки раздражали Харта. Теперь же он не обращал на них особого внимания.

— Ты прямо как какой-то последний из могикан. Хороший был фильмец... Уверен, ты любишь охоту.

— Нет, — покачал головой Харт. — Никогда этим не занимался.

— Гонишь! Не может быть.

— Чистая правда. А ты?

Льюис сказал, что давно не ходил на добычу, но когда-то увлекался. По-настоящему. Ему это действительно было по душе.

— Уверен, ты бы тоже запал на охоту. Как я погляжу, ты здесь чувствуешь себя как дома.

— Это тебе не леса на Севере. Там все по-другому. Мы в Висконсине, и притом — в заповеднике. Здесь просто приходится полагаться на логику.

— Ну, ни фига себе! А я-то думал, ты тут в родной стихии.

Харт уже собирался спросить, о какой стихии идет речь. Но в ту же секунду замер на месте. До них донесся голос — женский крик, принесенный порывом ветра. Крик о помощи. Возглас постарались приглушить, но все же он прозвучал отчетливо: в нем была тревога, если не отчаяние. И, главное, где-то совсем близко — в полумиле, максимум чуть дальше по тропе «Джолиет», куда они и направлялись.

Потом второй возглас, слова неразличимы.

— Кричал один человек? — спросил Харт.

— Не могу точно определить.

— Тогда пошли, живее.

Пригибаясь к земле, они рванули вперед так быстро, как только осмеливались.

— Будь начеку. Я ей не верю ни на грош. Одна из них уже имитировала крик на озере, помнишь? Не исключено, они нас заманивают в ловушку, чтобы дать бой. Стрелкового оружия у них точно нет, но есть ножи.

Десять минут спустя мужчины, все еще в изрядном напряжении, оглядывая каждый куст по сторонам, сделали вынужденную остановку. Тропа впереди чуть расширялась, и от нее ответвлялась другая тропинка, уходившая влево. На перекрестке возвышался указатель, хорошо читаемый в свете луны. Стрелкой был отмечен путь, который Харт уже видел на своем джи-пи-эс. Он вел сначала к западу, потом к северу, огибая небольшое озерцо, и заканчивался у поста рейнджеров. А уже оттуда широкая дорога шла прямо к шоссе.

Харт жестом приказал Льюису встать рядом с собой в тени зарослей и осмотрел окрестности.

— Видишь что-нибудь?

— Ни черта.

Харт напряженно вслушивался. Больше ни вскриков, ни голосов. Только ветер посвистывал среди голых ветвей деревьев и гонял по земле сухие листья, словно маленьких крабиков.

Затем Льюис легко коснулся его руки, куда-то указывая.

Ярдах в пяти от скрещения троп виднелись темная изгородь, табличка с надписью «Опасно!» и полнейший мрак позади — место, где скала круто обрывалась в расщелину.

— Посмотри на то дерево, Харт.

— Которое?

Не сразу, но он разглядел его. У березы, стоявшей на самом краю скалы, была обломана ветка — белый слом свежей древесины среди потемневшей коры.

— Не знаю, может, это очередной трюк, — прошептал Харт. — Обойди-ка это место справа. Вон к тем кустам.

— Понял.

— Сам я пойду к краю и гляну вниз. Скрываться не стану, чтобы выманить их из засады.

— А я, как только их увижу, отстреляю одну за другой. Прицел повыше, прицел пониже, — усмехнулся Льюис. — И буду держать рот на замке.

Пожалуй, впервые за ночь Льюис выглядел полностью уверенным в себе. Харт тоже наконец расслабился, поняв, что может довериться партнеру.

— Вперед, и смотри под ноги, чтобы не шуршать листвой.

Пригнувшись, Льюис пересек тропинку и бесшумно скрылся за массивным кустом. Убедившись, что тот занял хорошую позицию, с которой простреливалась вся окрестность, Харт тоже начал двигаться, слегка наклонившись вперед. Глаза непрерывно сканировали пространство.

На некотором удалении в самом низу долины он сразу разглядел пост рейнджеров. Держа пистолет наизготовку, он подобрался к знаку. Осмотрел сломанную ветвь и перегнулся через край обрыва. Никого не было видно. Тогда он достал фонарик и направил луч вниз, во мрак ночи.

«Боже милосердный!»

Он распрямился, убрал пистолет и подозвал Льюиса.

— Что там такое?

— А ты глянь! Они пытались спуститься вниз. Но ничего не вышло.

Свесившись через край скалы, они в мягком свете луны отчетливо видели уступ в шести ярдах внизу. Одна из женщин, а может, и обе сразу упали на него. На уступе валялась полутораметровая ветка, отломившаяся от стоявшего рядом с мужчинами дерева. А от нее протянулась лужица крови, в которой отразился луч фонарика.

— Да, дружище, — заметил Льюис, — грохнулась она крепко.

Он перегнулся дальше, вглядываясь во мрак долины.

— Нога сломана напрочь, держу пари. Иначе не было бы столько кровищи.

— Они не могли там остаться. Им пришлось спускаться дальше несмотря на повреждения. Если только там, под уступом, нет пещеры, где можно спрятаться.

— Давай вниз за ними, — решительно сказал Льюис. — Как на охоте. Идешь по следу подранка, пока не найдешь его. И плевать на все. Хочешь, я спущусь первым?

Харт удивленно взглянул на него:

— Непростой спуск.

— Я же говорил тебе, что строил высотку на берегу озера. Тридцать этажей над землей, а я гуляю по стальной балке, что по твоему тротуару…

Нет. Что-то не так.

Грэм Бойд поднялся с дивана, миновал Анну, оставившую спицы для просмотра огромного вязального каталога — пожилой женщине доставляло огромное удовольствие конструировать одежду по своему вкусу, — и вошел в кухню. Его взгляд остановился на фото жены — совсем юная, она сидела верхом на коне, который помог ей выиграть молодежное первенство по конкуру Среднего Висконсина много лет назад. Она наклонилась вперед, прижавшись щекой к гриве, поощрительно похлопывая животное, хотя взгляд ее был устремлен на кого-то из участников соревнований.

Он достал телефонную книгу округа и посмотрел на карту. Ближайшими населенными пунктами к озеру Мондак были Клосен и Пойнт-оф-Рокс. В Клосене работала городская магистратура, в Пойнт-оф-Роксе действовал полноценный пост общественной безопасности. Сначала он набрал номер магистратуры. Никто не взял трубку, а звонивших перенаправляли в мэрию, где тоже включался автоответчик. И пост полиции в Пойнт-оф-Роксе тоже оказался закрыт, исходящее сообщение рекомендовало в случае крайней необходимости обращаться в управление шерифа графства или в полицейский департамент штата.

«Благодарим за ваш звонок, — договорил вежливый голос. — Хорошего вам дня».

Какого же лешего пост полиции под замком?

Он услышал, как дверь комнаты Джоуи открылась и закрылась опять. Спустили воду в туалете.

— Когда мама вернется? — прозвучало через мгновение.

Парень стоял на верхней площадке лестницы, все еще не в пижаме.

— Уже скоро.

— Ты звонил ей?

— Звонил. Она очень занята. Ее сейчас нельзя отвлекать. Надевай пижамку — и в постель. Выключай свет.

Мальчик повернулся. Дверь спальни закрылась.

Грэму показалось, что он снова слышит звуки видеоигры. Но уверен он в этом не был.

— Где же она? — спросила Анна. — Я очень волнуюсь, Грэм.

— Даже не знаю. Офицер, с которым я говорил, объяснил, что это ее обычная работа. Но кое-что показалось мне странным.

— Что именно?

— Телефон. Чтобы она отдала кому-то свой мобильник? Никогда в жизни. — С Анной он мог легко говорить о чем угодно, не опасаясь, что она начнет ему возражать. На серьезные темы труднее было общаться с Бринн и ее сыном — взять хотя бы сегодняшние разговоры, — а с тещей это получалось непринужденно. — С ее-то желанием все и всегда держать под контролем.

С языка, однако, не сорвалось обычное «с ее сумасшедшей одержимостью все контролировать».

Но на хмуром лице Анны мелькнула улыбка, словно она уловила, что он имел в виду.

— Да, такая уж у меня дочурка. Ты прав.

Грэм взялся за городской телефон. Набрал номер.

— Заместитель шерифа Мюнс слушает.

— Эрик, привет. Это Грэм.

— Привет! Как дела?

— Шериф на месте?

— В такое время? Нет. Он, как правило, отправляется домой в шесть, самое позднее — в семь.

— Послушай. Бринн отправилась на задание сегодня вечером. К озеру Мондак.

— Да, я знаю.

— Так вот, она до сих пор не вернулась.

Молчание.

— Не вернулась? Но туда от вашего дома минут сорок. Вы же на севере города. Сорок минут максимум. Я бы домчался за полчаса.

— Я позвонил. Ответил какой-то другой офицер. Сказал, что там насилие в семье и Бринн этим занимается. Что уже вызвали службу охраны детства или нечто в этом роде.

Пауза.

— Не слышал ни о чем подобном. С кем ты разговаривал?

— Точно не помню. По-моему, фамилия его Биллингс.

— В нашем офисе таких нет. Подожди, не вешай трубку... — Послышались звуки приглушенного разговора.

Грэм потер глаза. Бринн тем утром поднялась в пять. А сам он — в пять тридцать.

Помощник шерифа снова взял трубку:

— Грэм, мне сообщили, что парень, звонивший по девятьсот одиннадцать, потом извинился за ошибочный вызов. Бринн должна была развернуться и ехать назад. Это произошло в семь или в половине восьмого.

— Я знаю. Но тот офицер сказал, что на самом деле ошибки не было. Там разгорелся семейный скандал, и они попросили Бринн уладить его. Могла она там пересечься с людьми из полиции штата или городскими копами?

— Всякое бывает, но вообще-то такими случаями городские не занимаются.

Эти слова заставили Грэма похолодеть.

— Что-то здесь не так, Эрик.

— Позволь мне поговорить с шерифом. Он перезвонит тебе сам.

Грэм дал отбой. Обошел кухню. Оглядел участок новой плитки на полу. Поправил пачку счетов. Провел пальцем линию по пыльной поверхности маленького телевизора с комнатной антенной. Прислушался к звукам компьютерной игры наверху.

Черт побери! Почему мальчишка совершенно его не слушается? Он решил, что лишит Джоуи скейта до конца учебного года.

Злость это или инстинкт?

Зазвонил телефон.

— Да?

— Грэм? Это Том Даль. Эрик только что позвонил. Мы проверили в полиции штата. Никто не получал вызовов от озера Мондак. Ни в Клосене, ни в Пойнт-оф-Роксе, ни даже в Хендерсоне.

Грэм повторил свой рассказ Эрику, слегка раздраженный, что тот не посвятил шерифа в детали.

— Того офицера звали Биллингс, — закончил он.

На несколько мгновений на другом конце провода воцарилось молчание.

— «Биллингс» — это название шоссе между Клосеном и национальным парком.

То есть название, свежее в памяти у кого-то, вынужденного с ходу придумать себе фальшивое имя. У Грэма вспотели ладони.

— На ее телефоне снова включается автоответчик. Том, я сильно встревожен.

— Что-то произошло? — раздался вдруг голос Джоуи.

Грэм поднял голову. Мальчик стоял посреди лестницы и слышал разговор.

— Что-то плохое с мамой?

— Ничего страшного. Возвращайся в постель. Все будет хорошо.

— Нет, что-то не так.

— Джоуи! — прикрикнул Грэм. — Иди к себе, сейчас же!

Какое-то мгновение Джоуи смотрел на него, и от холода в его взгляде у Грэма дрожь прошла по спине, потом повернулся и затопал вверх.

В дверях появилась Анна, увидела лицо зятя и шепотом спросила:

— В чем дело?

В ответ тот помотал головой.

— Я разговариваю с шерифом. — И снова в трубку: — Что нам предпринять, Том?

— Мы отправим туда людей. Послушай, расслабься пока, а? Возможно, у нее сломалась машина, а у мобильного пропадает сигнал...

— Тогда кто такой Биллингс?

И после еще одной паузы шериф сказал:

— Мы выезжаем туда немедленно, Грэм.

Задыхаясь, с лицом, покрытым бисеринками холодного пота, Мишель склонилась, опершись на свой костыль из бильярдного кия. Бринн встала рядом. Они все еще находились на тропе «Джолиет», укрывшись в зарослях можжевельника и самшита, запах которого всегда напоминал Бринн мочу.

Они были уже почти в километре от развилки со знаком «Опасно!» и скамьей для отдыха, бежали из последних сил.

Сейчас в отдалении они видели направленный вниз луч фонарика, медленно обводящий уступ и скалу под ним, пока Харт с напарником обдумывали спуск. Потом женщины опять двинулись по тропе, перемещаясь с максимально доступной им скоростью.

Преступники снова попались на уловку, придуманную Бринн: крик, сломанную ветку, обильные следы крови — ее собственной — на уступе скалы. Теперь они спустятся в долину либо по скале, либо по тропинке вокруг озера Апекс, чтобы добраться до поста рейнджеров. Это даст Бринн и Мишель не меньше часа безопасности, пока Харт с партнером сообразят, что были введены в заблуждение.

В конце концов решающим фактором оказалась не боязнь высоты Мишель — или самой Бринн. Она просто поняла, что, даже если им удастся успешно спуститься по скале и двинуться по заросшей лесом долине, времени все равно не хватит. Мужчины перемещаются быстрее и настигнут их на полпути к посту. Зато скала позволяла сбить преследователей с толку. Бринн сломала ветвь дерева так, чтобы это выглядело несчастной случайностью. Затем аккуратно спустилась на уступ скалы. Там, глубоко вдохнув, разрезала кожу на голове кухонным ножом. За время работы в полиции она успела многое узнать о повреждениях черепа и знала, что рассечения кожи не слишком болезненны, но дают обильные кровотечения. (Всю эту информацию она почерпнула не только расследуя автоаварии, но и помогая Джоуи в его передрягах.) Накапав достаточное количество крови на камни, она взобралась наверх, и они с Мишель устремились дальше по тропе «Джолиет».

Теперь она еще раз посмотрела назад. Бегающий луч фонарика все еще виднелся сквозь деревья. Потом тропа сделала поворот, и убийцы пропали из виду.

— Как твоя рана? — спросила Мишель, кивком показав на голову Бринн. Она явно думала, что та решила не спускаться по скале из-за ее страха высоты и полнилась благодарностью. Бринн коротко ответила, что все в порядке.

На Мишель напала лихорадочная болтливость. Она пустилась в воспоминания, как однажды на игровой площадке ее ударила по голове другая школьница, и она залила кровью новенькое платье, что расстроило ее больше, чем сама стычка.

— Девчонки еще хуже парней.

Бринн не стала возражать. Ей приходилось разбираться с враждующими школьными группировками. Практически с бандами... И это в тихом Гумбольдте!

Она вдруг вспомнила Джоуи, перевозбужденного и окровавленного, после одной из драк в школе, но поспешила отогнать воспоминание.

Мишель продолжала нести сбивчивую чепуху, и Бринн просто перестала ее слушать. Она остановилась и огляделась по сторонам:

— Думаю, нам теперь нужно уходить с тропы и найти реку.

— Но почему? Мы вроде бы двигаемся в хорошем темпе.

Бринн пришлось объяснить, что тропа заведет их еще глубже в лес. До ближайшего поселка по ней пятнадцать миль.

— Мне нужно воспользоваться «компасом». — Она встала на колени у кромки тропы и положила бутылочку из-под спирта на землю. После нескольких постукиваний иголка показала, где север. — Нам надо идти туда. Это недалеко. По моим прикидкам, пара миль, а может, и того меньше.

Она убрала пузырек в карман.

Сейчас они стояли на возвышенном месте и, оглянувшись, все еще видели, как луч фонарика шарит в направлении тропинки, которая увела бы преступников в долину, а затем к посту рейнджеров. Они могли в результате сообразить, что женщины не пошли в ту сторону, но каждая минута, проведенная ими у края скалы, увеличивала шансы Бринн и Мишель спастись бегством.

Бринн разглядела участок леса, показавшийся не столь непроходимым, как остальные, и сошла с тропы. Помрачневшая опять Мишель осмотрела каменистую заболоченную почву впереди и побрела следом с тем брезгливым видом и неохотой, с какими девушка садится в задрипанную машину парня, назначившего ей свидание.

Они мчались на скорости под восемьдесят миль в час, не включив ни проблесковые маячки на крыше, ни мощную звуковую сигнализацию. Без надобности. В такой час на шоссе практически не было других машин. А на неразумное зверье полицейские атрибуты «доджа» все равно не возымели бы должного эффекта. Шериф Том Даль, например, был убежден, что олени поголовно рождаются без мозгов.

Он сидел на пассажирском сиденье, а вел патрульную машину один из молодых помощников Питер Гиббс. За ними следовала вторая машина, за рулем которой был Эрик Мюнс, а рядом с ним расположился Хоуи Прескотт — крепкого сложения бритоголовый мужчина, нагоняющий страх на нарушителей правил дорожного движения.

Обзвонив своих помощников. Даль не обнаружил недостатка в желающих поучаствовать в поисках их коллеги Бринн Маккензи. Помочь вызвались все, но он решил, что четверых будет вполне достаточно.

В данный момент Даль разговаривал по телефону с агентом ФБР из Милуоки по фамилии Бриндл, что, по мнению шерифа, смахивало на

название масти лошади или собаки.[20] Агент собирался ложиться спать, но тут же потерял это желание. Голос его звучал крайне озабоченно.

Речь шла о женщине-юристе Эмме Фельдман.

— Понимаете, шериф, она занималась вроде бы обычной корпоративной сделкой. Но человек она дотошный, вот и докопалась до того факта, что во многих компаниях, работающих на озере,[21] непропорционально большую долю в штатах составляют легально оформленные иммигранты. Потом СО сообщает нам… Кстати, СО — это…

— Неужели «секретный осведомитель»? — спросил Даль, но Бриндл не уловил иронии в его вопросе.

— Да. Он сообщил, что Стэнли Манкевиц — глава местного отделения одного из профсоюзов — вовсю продает нелегалам фальшивые «зеленые карты».

— И сколько он на этой торговле зарабатывал?

— Тут суть не в этом. С них он не брал ни цента. Зато они гарантировали ему, что устроятся на работу в фирму, где профсоюз еще отсутствует, и организуют рабочих в коллективного члена. Профсоюз разрастается, Манкевиц богатеет.

«Гм, неглупая схема», — подумал Даль.

— Вот это-то мы как раз сейчас и расследуем.

— И что Манкевиц? Вы уже приперли его к стенке?

— Все пока в подвешенном состоянии. Он хитер, человек старой закваски и нанимает только тех, кто умеет держать язык за зубами. Короче, гандон еще тот, извиняюсь за выражение. Несомненно, он виновен. Но улики против него слабоваты. И стоит хотя бы одному свидетелю попасть в автокатастрофу или погибнуть в процессе, скажем так, вооруженного ограбления, как все дело может рассыпаться.

— И вот тебе, пожалуйста, эта юристка отправляется в полную глушь. Там что угодно может случиться.

— Вот именно. Полицейское управление Милуоки должно было приставить к ней кого-то. Но они сваляли дурака.

«Это было произнесено чуть раньше, чем нужно, — подумал Даль. — Кажется, они уже ищут козлов отпущения». Работа в полиции мало чем отличалась, будь то в Милуоки, Вашингтоне или округе Кеноша.

— Прибавь-ка газу, — сказал Даль.

— Что? — спросил агент ФБР.

— Это я своему водителю... Когда муж моей заместительницы позвонил на ее мобильный, ответил мужчина, назвавшийся полицейским. Но, насколько мы знаем, в том районе сейчас и близко нет ни одного полицейского или помощника шерифа из соседних городков.

— Понятно, почему вы обеспокоены. Где все это происходит?

— У озера Мондак.

— Не знаю, где это.

— В национальном парке Маркетт.

— Я прикажу своему человеку, который занимается сетью СО, прощупать, не искал ли кто-нибудь в последнее время услуг профессионала. Я имею в виду наемного убийцы.

«Вот кого мы теперь называем профессионалами», — раздраженно подумал Даль, но вслух сказал:

— Мы были бы крайне признательны за это, агент Бриндл.

— Не хотите, чтобы мы прислали кого-то из наших людей на подмогу?

— Пока нет. Думаю, рано. Надо сначала разобраться, что там случилось.

— О'кей. Звоните в случае необходимости. Мы здесь будем в полной готовности, шериф. Этот Манкевиц! Он у нас доиграется со своими нелегалами. Департамент внутренней безопасности ему еще и терроризм пришьет.

«Где уж тут позаботиться о несчастной семье, подвергнутой такому риску», — подумал Даль. Но и этого не произнес вслух. Поблагодарил агента и отключил телефон.

— Долго еще? — ворчливо спросил он у своего молодого помощника.

— С полчаса...

— А не мог бы ты... — нетерпеливо начал Даль, потирая шрам на ноге.

— Понимаю, шериф, — сказал Гиббс, — но мы и так гоним под девяносто миль. Чуть быстрее, и нам хватит случайного оленя на дороге. И если он

нас не убьет, пробив лобовое стекло, то прикончит Эрик сзади. Этому парню пора бы научиться соблюдать дистанцию.

Они ушли в сторону от тропы «Джолиет» двадцать минут назад, и теперь Бринн вела Мишель по прямой, отклоняясь в сторону только для того, чтобы обойти особенно густые заросли, кусты ежевики и кучи старых листьев, под которыми могли таиться коварные ямы или трясина. Они шли вверх по склонам холмов, делавшимся все круче, и местами наклон становился таким опасным, что из-за одного неверного шага можно было скатиться на десятки ярдов вниз на камни и в колючие заросли.

Мужчины уже точно должны были завершить спуск по скале. Бринн надеялась, что, не обнаружив у подножия их тел, они все равно пойдут по долине к посту рейнджеров. Могло пройти минут сорок, а то и целый час, пока они обнаружат обман и вернутся к тропе «Джолиет», чтобы возобновить охоту.

Краткая остановка, чтобы свериться с «компасом». В целом они выдерживали верное направление и двигались к северу.

Впервые за эту ночь у Бринн появилась надежда, что они с Мишель сумеют выжить.

Скоро они выйдут к реке. А потом — либо вдоль берега на юг к Пойнт-оф-Роксу, либо более короткий, но трудный — и опасный — путь: подъем на вершину хребта. Из головы не шла та жуткая картина. Труп несчастного туриста, упавшего со скалы и напоровшегося на острую ветвь дерева.

Спасательной команде понадобилась бензопила, чтобы снять тело. А остальным пришлось более часа стоять там и ждать, пока вернется офицер, посланный за инструментом.

Бринн вскинула голову, заметив серебристый проблеск впереди. Неужели уже река?

Но нет, всего лишь стебель травы, отразивший лунный свет. В этом было что-то потустороннее. Она не представляла, как называется это растение. Грэм определил бы за секунду.

Но Бринн не хотела сейчас думать о Грэме.

Ее пробрала дрожь, когда сзади донесся вой. Потом словно бы лай. Неужели это волк, преследовавший их с тем же упорством, что и преступники?

Мишель тоже повернулась на звук. И словно окаменела. А потом закричала.

— Мишель, нет! — яростно прошептала Бринн. — Это всего лишь...

— Нет, это они! Они! — указывала в темноту молодая женщина.

Что? Что она там увидела? Бринн могла разглядеть только сплетение теней, неподвижных и колеблющихся. Прямых и изломанных.

— Да где же?

— Вон там! Это он!

Наконец и Бринн увидела: в ста ярдах от них за кустом стоял мужчина.

Только не это! Значит, они не поддались на их трюк у перекрестка. Бринн сжала свое «копье».

— Пригнись!

Но отчаяние, долго копившееся в душе молодой женщины, вырвалось наружу взрывом безрассудной ярости.

— Подонки! — кричала она. — Ненавижу вас!

— Нет, Мишель. Пожалуйста, успокойся. Нам надо бежать. Немедленно!

Но девушка уже пошла вразнос и не замечала Бринн, словно той и не было рядом. Она отбросила в сторону кий, на который опиралась, и достала из кармана «боло» с бильярдным шаром внутри.

Бринн попыталась ухватить Мишель за кожаную куртку. Но она с искаженным от ярости лицом отпихнула Бринн, и та упала, поскользнувшись на гнилых листьях.

С «боло» в одной руке и ножом в другой, Мишель быстро пошла прямо на мужчину, несмотря на хромоту.

— Ненавижу вас! Ненавижу! — кричала она.

— Нет, Мишель! Стой! Они же вооружены!

Но та осталась глуха к уговорам. Ярдах в десяти от мужчины она раскрутила «боло» и метнула снаряд, который, описав дугу, едва не угодил ему в голову. Он не шелохнулся, как и сама Бринн тогда, у дома Фельдманов.

Не обескураженная, Мишель продолжала свою атаку.

Бринн колебалась: «Последовать за ней? Но это же сама...»

Потом приняла решение: «А, к черту все!»

В отчаянии она поднялась на ноги и побежала вслед за девушкой, стараясь пригибаться ниже к земле.

— Мишель, остановись!

В любую секунду мужчина мог выстрелить. Наверняка это Харт. Он стоял совершенно неподвижно, дожидаясь момента, чтобы поразить цель наверняка.

Мишель неслась прямо на него.

Промахнуться по ней было бы невозможно.

Но выстрелов не последовало.

Бринн сначала замедлила бег, а потом остановилась. Это был вовсе не человек. Обезумевшая девушка нападала на ствол дерева, обломленный на высоте человеческого роста — ветви и кучка листьев дополняли иллюзию. Вблизи же все это походило на огородное пугало.

— Ненавижу вас! — Яростный крик молодой женщины эхом разнесся среди холмов.

— Мишель!

Только подбежав на расстояние вытянутой руки. Мишель поняла свою ошибку. Она остановилась, отчаянно хватая ртом воздух, и вперила взгляд в дерево. Потом рухнула на колени, поникла головой и, спрятав лицо в ладони, разрыдалась. Из груди ее вырвался пугающий стон, мрачный и безнадежный.

Весь ужас этой ночи выплеснулся наружу. Раньше она плакала от испуга или боли. Теперь же это было неподдельное горе.

Бринн подошла и остановилась рядом.

— Все в порядке, Мишель. Давай...

— Оставь меня! — Ее голос снова походил на вопль.

— Пожалуйста, тише, Мишель. Успокойся... Все о'кей.

— Нет, не все. Как раз наоборот.

— Давай забудем об этом. Идти осталось совсем недолго.

— Мне все равно. Ступай одна...

— Я тебя здесь не брошу, — сказала Бринн с легкой улыбкой.

Мишель обхватила себя за плечи и покачивалась взад-вперед. Бринн присела рядом. Молодую женщину явно мучило что-то еще.

— Что с тобой происходит?

Мишель рассеянно посмотрела на нож в своей руке и вернула его в картонные ножны.

— Я должна кое-что тебе сказать.

— Что?

— Это я виновата в их смерти, — горестно прошептала она. — Стива и Эммы. Это я виновата.

— Ты? Почему ты?

— Потому что я — как избалованная маленькая девчонка, — всхлипнула она. — О, боже...

Бринн оглянулась. Пара минут. Она чувствовала, что это важно для Мишель. Они могут позволить себе пару минут. Преследователи в нескольких милях, не меньше.

— Ну, расскажи мне обо всем.

— Мой муж... — Она откашлялась, прочистив горло. — У моего мужа есть другая женщина.

— Что?

Легкая, вымученная улыбка, и она смогла продолжить:

— Он мне изменяет. Я говорила тебе, что он в командировке. И он действительно уехал, но не один.

— Сочувствую.

— Моя подруга работает в агентстве путешествий, которым пользуется его компания. Я заставила ее мне признаться. Он уехал с кем-то еще.

— Может быть, это просто коллега.

— Нет. И в отеле они живут в одной комнате.

Ох...

— Я так разозлилась, мне было так больно. Я просто не могла оставаться одна в эти выходные! Это я уговорила Эмму и Стива поехать сюда и взять меня с собой. Хотела выплакаться им в жилетки. Хотела, чтобы они убедили меня в моей невиновности. Что это он мерзавец, что они останутся моими друзьями и после развода, а с ним перестанут общаться... И вот теперь они погибли, потому что я не смогла вести себя как взрослый человек.

— В этом нет ни капли твоей вины. — Бринн огляделась и не увидела преследователей. Как и ставшего их талисманом волка. Она обняла молодую женщину и помогла ей подняться. — Пошли. Доскажешь мне свою историю по пути.

Мишель подчинилась. Они подобрали ее кий-трость и зашагали в сторону реки.

— Давно вы женаты?

— Шесть лет. — Ее голос обрел твердость. — Майкл был для меня лучшим из друзей. Казалось, между нами все прекрасно. Он всегда такой спокойный, такой щедрый. Так хорошо обо мне заботился... Может, отсюда и возникла проблема. Я потеряла его, потому что он сделал из меня избалованную девчонку.

Она невесело усмехнулась.

— Он ведь банкир. И деньги для нас зарабатывал он. Когда мы поженились, я ушла с работы. Нет, Майкл меня не заставлял, ничего подобного. Я сама захотела. Вбила себе в голову, что должна пойти в театральную школу.

Мишель поморщилась от боли в лодыжке, неудачно ступив поврежденной ногой, и продолжила:

— Я сказала тебе, что я актриса... Чушь собачья. Я двадцатидевятилетняя ученица, к тому же не слишком прилежная. Снялась в массовках для двух рекламных роликов на местном телевидении. А в «Секонд сити» меня не взяли. Моя жизнь состоит из ленчей с подругами, тенниса, оздоровительного клуба и спа. Только одно я умею делать хорошо — тратить деньги в магазинах да на поддержание себя в форме.

«Точнее, в пределах стройненького шестого размера»,[22] — невольно отметила про себя Бринн.

— Я превратилась… в полное ничто. Майкл приходит домой, а я не могу рассказать ему даже об уборке — все делает прислуга. Я стала скучна. И он разлюбил меня.

Частью профессиональных навыков офицера правоохранительных органов является умение различать психологические нюансы в поведении людей, с которыми приходится сталкиваться по работе, — случайных зевак, свидетелей и жертв, не говоря уже о преступниках. В этом случае Бринн не могла сказать, что понимает все до конца, но она выдала Мишель свое честное личное мнение:

— В этом не было твоей вины. И быть не могло.

— Я полная неудачница…

— Ничего подобного.

Бринн действительно в это верила. Слегка избалованна, это правда, слишком высоко ценит деньги и красивую жизнь. По иронии судьбы, именно этой ночью она могла бы понять, что представляет собой нечто большее, чем просто богатенькую дилетантку.

Но есть и другая сторона дела, гораздо более важная. Бринн обняла Мишель за плечи и сказала:

— Ты должна понять только одно. Попросила ты их приехать сюда или нет, не имеет никакого значения. Человек, убивший Эмму и Стива, — профессионал, которого наняли, чтобы ее устранить. Если бы этого не случилось нынешним вечером, произошло бы на будущей неделе. Ты не имеешь к этому ни малейшего отношения.

— Ты так думаешь?

— Да, я так думаю.

Девушка все еще сомневалась. Бринн знала, как живуче чувство вины — порой не требуется слишком серьезных оснований, чтобы оно разъедало душу. И все-таки Мишель, похоже, несколько утешили слова Бринн.

— Как жаль, что нельзя повернуть время вспять, — сказала она.

«Не эту ли молитву мы произносим почти каждый день?» — подумала Бринн.

Мишель вздохнула.

— Прости, что я потеряла контроль над собой. Мне не следовало так кричать.

— Мне кажется, нам не о чем беспокоиться. Они в нескольких милях отсюда, в долине. И там не могли слышать ни звука.

Из тревожных размышлений о жене Грэма Бойда вывел звук двигателя его пикапа «Ф150», который кто-то завел.

— У нас пытаются угнать машину!

Он посмотрел на тещу, инстинктивно похлопал себя по карману брюк и убедился, что ключи при нем.

Что за ерунда! В старых сериалах, которые любила смотреть Анна, вроде «Мэтлока» или «Магнума, частного сыщика», машины заводили, замкнув проводку зажигания. Но Грэм не думал, что это возможно и в наши дни.

Однако он сразу все понял, заметив, что засов на кухонной двери открыт, а крюк, на котором висели запасные ключи, пуст.

«Боже, только не это! Только не сейчас!»

— Я позвоню шерифу, — сказала Анна.

— Нет, не надо! — крикнул Грэм, выбегая из дома.

Пикап сдавали назад к стене садового сарая, чтобы развернуть и капотом вперед выехать на улицу по узкой подъездной дорожке. Кузов с грохотом уперся в гофрированную металлическую стену. Впрочем, ни стена, ни машина при этом не пострадали. Водитель переключил передачу.

Жестикулируя, как дорожный полицейский, Грэм подошел к открытому окну со стороны пассажирского сиденья. Джоуи смотрел на него с яростной решимостью на лице.

— Заглуши мотор и выходи из пикапа, — сказал Грэм.

— Нет.

— Джоуи, делай, что тебе говорят. Сейчас же.

— Ты не можешь меня заставить. Я еду искать маму.

— Выходи из машины. Немедленно.

— Нет.

— Ее уже ищут. Том Даль и его помощники. С ней все будет в порядке.

— Ты только это и талдычишь! — закричал парень. — Но откуда тебе знать?

«А вот это верно», — подумал Грэм.

Он видел тревожные глаза мальчика, крепко сжатые на руле пальцы. Джоуи был достаточно высок для своего возраста — в конце концов, его отец вымахал под шесть с лишним футов, — но тощий, и потому казался маленьким на огромном сиденье.

— Я еду!

Он все равно не мог сразу вырулить на дорожку и потому тронул машину немного вперед, зацепив бак для мусора, потом снова сдал назад, на этот раз все рассчитав правильно — остановился, не ударив кузовом в стену сарая. Затем выкрутил колеса в сторону дорожки и включил переднюю передачу.

— Джоуи, не надо! Мы ведь даже не знаем, где она! — А вот этого говорить не следовало. Нелогично вступать в спор. Он ведь здесь главнокомандующий.

«Инстинкт, помни о нем».

— Она у озера Мондак.

— Глуши мотор. Вылезай из машины.

Быть может, потянуться и вынуть ключи из замка? Но что, если у парня нога соскользнет с педали тормоза? Один из рабочих Грэма тяжко пострадал, когда попытался остановить двигавшийся грузовик и дотянуться до рукоятки ручного тормоза, на который машину забыл поставить водитель. Что наши тела против двух тонн огнедышащего металла?

Его взгляд упал на пассажирское сиденье. Господи! У парня духовое ружье! Грэм сразу понял, что это мощная складная модель. С близкого расстояния из него можно стрелять так же точно, как из двадцать второго калибра. Белку или ондатру из такого убивали наповал.

«Бринн запретила ему иметь оружие. Где же он его взял? Уж не украл ли?» — размышлял Грэм.

— Джоуи, остановись немедленно! — повысил он голос. — Ты ничего не сможешь сделать. Твоя мама скоро вернется домой. И очень рассердится, если тебя здесь не будет.

Еще одна уступка в игре «Я родитель, и у меня все под контролем».

— Нет, не рассердится. Что-то не так. Я знаю, с ней случилась беда! — Мальчишка отпустил педаль, и машина покатилась вперед.

Даже не успев обдумать свои действия, Грэм обогнул пикап и уперся руками в капот.

— Грэм! — окликнула его Анна с порога дома. — Не надо. Не превращай все это в войну.

А он подумал: «Вот уж нет! Самое время кому-то начать настоящую войну».

— Вылезай из машины!

— Я поеду искать маму!

Грэм оставался в живых только благодаря не зашнурованной кроссовке на ноге двенадцатилетнего мальчишки, удерживавшей педаль тормозной системы, которую не проверяли уже много лет.

— Ты никуда не поедешь. Выключи двигатель, Джоуи. Я больше повторять не стану.

— Я еду!

Пикап немного подался вперед.

Грэм дрогнул, но не двинулся с места.

«Если отойдешь, проиграешь», — сказал он себе.

Но вместе с тем он невольно прикидывал, куда смог бы отскочить, нажми парень на педаль газа. И понимал, что сделать этого просто не успеет.

— Уйди с дороги! — злобно кричал мальчишка. — Убирайся!

Грэму хотелось сказать, что это не их дело — нужно предоставить все полиции, там работают специалисты. Но вместо этого он спокойно произнес:

— Вылезай из пикапа.

Теперь он ясно осознавал, что инстинкты могли в любой момент оборвать его жизнь.

— Так, может, ты поедешь ее искать? — Парень пробормотал что-то еще. Грэму послышалось в его тираде слово «трус».

— Джоуи!

— Уйди с дороги! — взвизгнул мальчишка. Глаза его сверкали бешенством.

На мгновение — мгновение, тянувшееся целую вечность, — Грэм поверил, что сейчас парень надавит на газ.

Но затем с недовольной гримасой Джоуи посмотрел на рукоятку коробки передач и перевел ее в парковочный режим. Он выбрался из машины и потянулся за ружьем.

— Нет! Оставь его.

Грэм подошел к мальчику, обнял его за плечи и сказал как можно мягче:

— Пойдем домой, Джоуи. Давай-ка по…

Но все еще вне себя от пережитого поражения тот сбросил его руку и убежал в дом, не обратив внимания на бабушку и не издав ни звука.

Вновь сверившись с «компасом», женщины продолжили свой путь по той части заповедника, где заросли кустов были не столь густыми, а земля покрыта более тонким слоем опавшей листвы, чем местность, оставшаяся возле озера Мондак. Теперь им попадались открытые пространства — травянистые поляны и луга. И все чаще — внушительные нагромождения огромных камней, принесенных сюда ледниками миллионы лет назад.

Какое-то время шли молча.

Преодолев примерно полмили после проверки направления, Бринн хотела спросить Мишель о ее лодыжке. А вместо этого вдруг сказала:

— Мой муж тоже...

Шокировав этим саму себя.

«Неужели я это произнесла? — подумала она. — Бог ты мой, неужели?»

Мишель окинула ее хмурым взглядом.

— Что твой муж?

— Как и твой. — Бринн глубоко вдохнула холодный пахучий воздух. — У моего Грэма тоже интрижка на стороне.

— О, господи! Мне очень жаль. Вы с ним разъехались? Собираетесь разводиться?

После паузы Бринн ответила:

— Нет. Он не подозревает, что я все знаю.

Она сразу же пожалела, что завела этот разговор. «Это совершенно абсурдно, — подумала Бринн. — Заткнись и топай дальше». И тем не менее ей хотелось рассказать свою историю. Хотелось отчаянно. Что было странно, поскольку прежде она не делилась этим ни с кем. Ни с матерью, ни с лучшей подругой Кэти из пожарного управления, ни с Ким из школьного родительского комитета.

Хотя, на самом деле, она осознавала, почему именно здесь, в столь экстремальных обстоятельствах и с абсолютно незнакомым человеком смогла заговорить о том, что мучило ее уже несколько месяцев. Отчасти она надеялась, что девушка отделается несколькими словами сочувствия, а потом они снова сменят тему, и их мысли вновь целиком сосредоточатся на том, как завершить скитания. Но Мишель проявила к ее личной жизни неподдельный интерес.

— Пожалуйста, рассказывай. Как все получилось?

Бринн собралась с мыслями и вернулась к своей истории:

— Я была замужем за офицером полицейского управления штата Кейтом Маршаллом.

Она бросила взгляд на Мишель, проверяя, говорит ли ей что-нибудь эта фамилия.

Было очевидно, что нет. И Бринн продолжила:

— Мы познакомились на учебном семинаре в Мэдисоне.

Она живо помнила рослого, широкоплечего мужчину, стоявшего у стола, который заменял им парты.

Кейт тогда достаточно долго смотрел на нее, чтобы показать, насколько она привлекла его внешне. Но по-настоящему она его заинтересовала после практических занятий по ведению переговоров с предполагаемыми преступниками, захватившими заложников, — проводивший их психолог назвал тогда ее работу блестящей. А окончательно завоевала она Кейта во время соревнований по разборке-сборке глока в полевых условиях. Она установила спусковой механизм и загнала предварительно снаряженную обойму в рукоятку пистолета, пока ее соперник все еще возился с кнопкой предохранителя.

— Очень романтично, — заметила Мишель.

Бринн тогда тоже так показалось.

По окончании занятий они встретились за чашкой кофе, обсуждая работу полицейских в маленьком городке и свидания там, где все друг друга знают. Однажды Кейт болезненно поморщился, и она спросила, все ли с ним в порядке. Он объяснил, что совсем недавно вернулся от врача — его ранили во время операции по освобождению заложников, которая, однако, закончилась благополучно для всех, кроме бандитов.

— Да, им маленько не повезло.

«Ах, так это была та самая операция!» — подумала она, вспомнив историю с ограблением банка, принявшую было дурной оборот — два обколотых метом вооруженных грабителя засели в местном отделении «Пайни гроув сейвингс», захватив клиентов и персонал. Слишком толстые оконные стекла не позволили работать снайперам, и тогда Кейт обогнул баррикаду и вошел внутрь через главный вход, держа оружие вдоль тела. Он даже не пригнулся, чтобы уменьшить риск, всадил заряд точно в голову одному из преступников, получил одну пулю в бок, другую в бронежилет от второго, но затем уложил и его, прострелив стенку кассовой стойки, за которой тот пытался укрыться.

«Да, им маленько не повезло».

От раны, оказавшейся несерьезной, Кейт оправился быстро. Ему, разумеется, вынесли выговор — так уж полагалось — за авантюру в духе героев Брюса Уиллиса или Клинта Иствуда. Однако начальство не отнеслось к его самоуправству серьезно, а репортеры, как известно, обожают такие истории, как котята молоко.

Бринн заставила его все ей рассказать в мельчайших подробностях. Она была восхищена. Чересчур восхищена, как поняла позже, и покорена этим сильным, невозмутимым мужчиной. При первом свидании они сходили на фильм ужасов, поели в мексиканском ресторане и долго обсуждали калибры оружия, бронежилеты и скоростные погони.

Через одиннадцать месяцев они поженились.

— Стало быть, ты вышла замуж за ковбоя?

Бринн кивнула.

— А я — за отца, как выражается мой психоаналитик, — сказала Мишель с забавной гримасой. — ...Ну, и что произошло у тебя дальше?

«Ох, что произошло...»

Бринн сдержалась и не дотронулась до своей деформированной нижней челюсти, но не смогла подавить внезапную вспышку в памяти: Кейт, ярость на лице которого мгновенно сменилась шоком, пятится от удара пули, поразившей его в грудь, а их ярко освещенная кухня наполняется едким запахом пороха, исходящим из ее служебного глока.

— Бринн! — повторила Мишель с мягкой настойчивостью. — Что произошло?

После долгой паузы она прошептала:

— Наша совместная жизнь попросту не сложилась... И я снова стала свободна. У меня были Джоуи и моя работа — мама тогда жила с нами, и мне не требовалась няня для ребенка. Я любила свою службу. Новое замужество не входило в мои планы. Но пару лет назад я познакомилась с Грэмом. Купила в его компании ландшафтного дизайна несколько растений. Они у меня не прижились, и я вернулась, чтобы купить другие. Он объяснил, что я сделала не так, а потом предложил поужинать. Я согласилась. Он был забавный, добрый. Хотел иметь детей, а его первая жена — нет. Некоторое время мы встречались. И я почувствовала, что мне с ним действительно комфортно. Он сделал мне предложение. Я его приняла.

— Комфорт — это очень хорошо.

— Более чем. Никаких ссор. Каждый вечер дома.

— Но?..

Бринн поймала себя на том, что все-таки ощупывает подбородок. И опустила руку. Потом сказала:

— Прошло какое-то время, и у меня прибавилось работы, я все дольше задерживалась, задания становились все труднее. Много занималась семейными конфликтами. А в свободное время старалась больше времени уделять Джоуи… У него возникали неприятности в школе. Это, кстати, настоящая беда. Не знаю, слышала ли ты об этом? О детях работников правоохранительных органов?

Мишель покачала головой.

— Статистика показывает, что у них больше проблем с поведением, менее устойчивая психика. Джоуи постоянно ввязывается в школьные свары. Гоняет на скейтборде, как сорвиголова. Так вот, я сконцентрировала свое внимание на работе и Джоуи, а потом вдруг узнала, что Грэм регулярно уезжает играть в покер.

— А на самом деле это вовсе не покер.

— Нет, иногда он действительно играл. Но бывали случаи, когда не оставался до конца игры или не появлялся там вовсе.

Но кое-чем она с Мишель не поделилась. Накануне вечером Том Даль попросил ее съездить к озеру Мондак, и первой ее мыслью было: «Если меня не будет дома, Грэм не сможет уехать сегодня. Не сможет встретиться с ней».

А теперь она вдруг вспомнила, что он не подошел к телефону, когда она звонила из машины; неужели все-таки уехал?

— Так ты уверена? — спросила Мишель.

— Вполне. Ведь есть свидетель. Видел их вместе.

— И ты этому свидетелю доверяешь?

— Еще бы! Ведь это я сама.

Картина до сих пор стояла у Бринн перед глазами. Окраина Гумбольдта. На машине коллеги-следователя они ехали на совещание по вопросам борьбы с изготовителями мета. И тут она увидела Грэма рядом с высокой блондинкой у входа в мотель «Албемарль». Девушка кивала и улыбалась. Улыбка у нее была довольно приятная. Грэм что-то говорил, склонив к ней голову, на пороге мотеля, а ведь Бринн он сказал, что у него заказ из Ланкастера, в восемнадцати милях от города. За ужином тем вечером он, честно глядя ей в глаза, рассказывал, как доехал до этого

идиллического курортного городка, как выполнил свою работу — и его, подобно всем лжецам, выдавала чрезмерная перегруженность повествования ненужными подробностями. Бринн все это было знакомо — она ведь частенько выслушивала вранье подвыпивших водителей.

Увидев их у мотеля, она потом невольно задавалась вопросом: они уже вышли тогда из номера или только собирались войти?

— И что ты ему сказала?

— Ничего.

— Но почему?

— Сама не знаю. Не хотела раскачивать лодку ради Джоуи. Рассталась с Кейтом. И теперь еще один развод. Не могу заставить его пройти через такое. И потом, он действительно хороший человек. Я имею в виду Грэма.

— Если не считать того, что обманщик, — мрачно сказала Мишель.

Бринн едва заметно улыбнулась. И повторила то, что уже говорила чуть раньше:

— Не он один во всем виноват. В самом деле… Я достаточно хороша как помощник шерифа. А вот в семейных делах, видимо, не очень.

— А по-моему, перед вступлением в брак людям мало одного анализа крови. Необходимо ввести специальный двухдневный экзамен. Что-то вроде проверки на совместимость.

Бринн почувствовала себя персонажем из кинофильма — комедии, в которой после долгой разлуки встречаются две сестры: одна в свое время уехала к городским радостям, другая прожила годы в провинциальной глуши. А потом они вдвоем отправляются путешествовать и убеждаются, что внутренне по-прежнему похожи друг на друга, как две капли воды.

Мишель остановилась и показала вперед и влево:

— Осторожно. В той стороне крутой обрыв.

Они двинулись дальше более безопасным путем. И Бринн заметила, что впервые за эту ночь Мишель повела ее за собой… Что ж, она была этому только рада.

— Вот они где!

Комптон Льюис дотронулся до здоровой руки Харта и указал на прогалину между деревьями. Ярдах в трехстах впереди они различили в слабом свете луны две фигуры, одетые в темное. Одна из них прихрамывала, используя в качестве трости нечто похожее на бильярдный кий.

Харт кивнул. У него участилось сердцебиение, когда он снова так четко увидел противника, пусть не на расстоянии выстрела, но достаточно близко. И противника, ничего не подозревающего.

Мужчины бросились в погоню.

И Ловкачу снова пора было приниматься за работу.

Когда они стояли там, на скале, разглядывая окровавленный уступ внизу, Харт лихорадочно размышлял: в самом ли деле женщины спустились здесь вниз и отправились к домику рейнджеров?

Или все же пошли дальше по тропе «Джолиет»?

В конце концов он пришел к выводу, что это трюк Бринн. Если бы одна из них действительно упала и сильно поранилась, она сделала бы все возможное, чтобы скрыть пятна крови, забросав их землей или глиной. Оставив же на виду, она явно пыталась одурачить его и направить в сторону поста.

И теперь у Харта появилась возможность использовать эту уловку против них же самих. Следовало показать Бринн, что ее фокус удался, а значит, можно идти не так быстро и ослабить бдительность. Он не был уверен, видна ли им скала издали, но на всякий случай решил пожертвовать одним из фонариков: привязал к веревке, на которую пошла майка Льюиса, и свесил с ветки дерева. Ветер колыхал его туда-сюда над уступом скалы, и создавалось впечатление, будто это они высматривают место, где было бы удобнее спуститься в лесистую долину и продолжать преследование в сторону поста.

Умелец осмотрел плоды своего труда и остался доволен.

А затем они с Льюисом быстрым шагом устремились по тропе.

Куда именно направлялись женщины, все еще оставалось загадкой. Если верить джи-пи-эс, тропа «Джолиет» ведет к северо-востоку и еще очень долго — почти шестнадцать миль — тянется через глухой лес. Едва ли они собирались проделать весь этот путь. Пройдя немного к северу, они встанут перед выбором. Можно сойти с тропы влево, к западу, обойти

пост рейнджеров с противоположной стороны и выйти на какую-нибудь дорожку, которая выведет их к шоссе. Или свернуть к северу, где протекает речка Змейка, и далее на запад, к оживленной автомагистрали, а на востоке находится городок Пойнт-оф-Рокс.

Но внезапные отчаянные вопли выдали женщин — они все-таки направились к реке. Крики, что они слышали раньше — от края скалы у скрещения троп или после стрельбы по каноэ, — были, конечно же, уловками. Но сейчас это не трюк, понял Харт. Ведь женщины думали, что они с Льюисом все еще в нескольких милях отсюда.

Они тоже сошли с тропы и двинулись на женские крики, перемещаясь медленно и осторожно, обходя шуршащие кучи листьев и валежника, сторонясь кустов с острыми, как бритвы, колючками и крутых расселин.

Верно ли они шли и где именно находились сейчас женщины среди лесной чащи к северу от тропы, Харт не знал, пока им не попался оброненный ими предмет. Это Льюис внезапно остановился и указал на что-то белое, валявшееся на земле. Предмет был небольшим, но отчетливо виднелся в окружающей черноте.

Они приблизились к нему очень медленно. Харт не думал, что это ловушка — просто не представлял себе, какой она могла бы быть, — но теперь не верил ничему, связанному с Бринн.

Ловкач...

— Прикрой меня. Я проверю, что это. Сам не стреляй, если только не увидишь, что собираются выстрелить по мне или ударить. Не хочу выдать наше присутствие.

Кивок в ответ.

Харт, пригнувшись, подобрался к предмету и остановился в ярде от него. Это был белый цилиндр дюймов шестнадцати длиной и около трех шириной. Один из концов заметно утолщен. Он потыкал в него веткой. Ничего не произошло. Харт оглянулся. Льюис, внимательно осматривавший окрестности, показал ему поднятый вверх большой палец.

Харт наклонился и подобрал предмет с земли. Льюис подошел к нему.

— Носок, а в нем бильярдный шар.

— Думаешь это их?

— Скорее всего. Он чистый и сухой.

— Черт! Собирались метнуть эту штуку в нас. Этим можно и череп проломить, скажу я тебе.

«Бринн», — подумал Харт.

— Что? — спросил Льюис.

Харт вскинул на него непонимающий взгляд.

— Ты что-то сказал, я не расслышал.

— Я? Ничего не говорил.

«Неужели я произнес ее имя вслух?» — подумал Харт.

И они двинулись по прямой почти строго на север, чтобы вскоре увидеть тех, на кого охотились.

Они находились теперь непосредственно позади женщин на относительно ровном участке леса — в основном дубов, кленов и берез, — примерно в пятистах ярдах переходившего в обширную поляну. Справа тянулась небольшая скалистая котловина, по дну которой проходило русло ручья, впадавшего в маленькое озеро, по берегам окруженное густым сосняком. По левую же сторону возвышалась череда холмов — на вершинах одних рос лес, другие покрывали заросли кустов, но попадались и совершенно голые.

Харт припал к земле, жестом пригласив Льюиса пристроиться рядом. Тот незамедлительно подчинился.

— Здесь нам нужно разделиться. Ты обходи слева вон по той гряде, видишь?

Утвердительный кивок.

— Там трава, и ты будешь двигаться быстрее. Потом сверни и сближайся с ними с левого фланга. Я же пойду прямо и догоню их сзади. Действуем, когда они доберутся вон до того местечка — видишь эту миленькую полянку?

— Да, понял.

— Я использую носок. — Он похлопал себя по карману, куда положил снаряд из бильярдного шара. — Ты выстрелишь. Это заставит их залечь. Тут я подскочу с тыла и прикончу обеих.

— А тела? — спросил Льюис. — Мы не можем их тут бросить. Животные растащат трупы по всему заповеднику. Останется слишком много улик.

— Мы их закопаем.

— Апрель был холодный. Земля все еще промерзшая. Да и чем мы будем копать? — Льюис огляделся по сторонам. Потом указал на небольшое озеро справа. — Вот что мы сделаем. Привяжем к телам камни и утопим. Вполне вероятно, туда вообще никто не заглянет. С виду довольно поганая лужа.

— Хорошая мысль, — одобрил Харт, окинув озерцо взглядом.

— Теперь вот еще что. Я поставлю дробовик на рассеянный огонь. Но если не смогу попасть в обеих сразу, вторая попытается скрыться. Нам придется гнаться за ней. Кого мне выцеливать в первую очередь? Мишель или полицейскую?

Харт смотрел, как женщины идут через лес, беззаботные, как обычные туристки.

— Ты завалишь Мишель. Я займусь Бринн.

— С превеликим удовольствием, — кивнул Льюис. Было видно, что на такой расклад он и рассчитывал.

Белый «Ф150» выехал за пределы Гумбольдта и помчался по шоссе.

Впрочем, скорость пикапа не превышала пока пятидесяти миль в час. Работавший на газе мотор разгонял машину не спеша.

За рулем сидел Грэм Бойд, а его единственными пассажирами были три куста азалии в кузове, которые он даже не позаботился выгрузить. Духовое ружье он запер в том же шкафу, куда прежде убрал скейт Джоуи.

После конфликта с пасынком он поднялся в комнату мальчика, чтобы поговорить с ним, но тот притворился спящим. Грэм дважды тихонько окликнул его по имени. И испытал облегчение, не услышав ответа. Он понятия не имел, что должен ему сказать. Просто было гадко на душе от того, что напряженная ситуация так и не разрядилась до конца.

Он подумал, не собрать ли диски с играми, компьютер и приставку, чтобы тоже положить под замок, но не стал этого делать. Когда заходит речь о наказании детей, лучше не принимать решения на горячую голову.

«Ты взрослый, а он — ребенок».

Поставим это в плюс своим инстинктам.

Он проверил через пять минут, но света в щели между полом и дверью спальни Джоуи по-прежнему не было.

— Я очень волнуюсь, Грэм, — сказала Анна.

Он снова посмотрел на фото жены в бархатном шлеме и костюме для верховой езды, потом вышел через заднюю дверь с бутылкой пива, такой холодной, что обжигала пальцы. Он стоял на небольшой приступке, которую сколотил сам, и смотрел вверх на ополовиненную луну.

Достал из кармана мобильный телефон, чтобы попробовать дозвониться до Бринн.

Но задумался. Что, если снова ответит тот же мужчина? Грэм не сможет говорить с ним спокойно. Если же даст понять, что мужчина вызвал подозрения и полиция уже в пути, тот может расправиться с Бринн и сбежать. Он убрал телефон, а пиво вылил в кучу перегноя, удобрявшего рождественскую азалию позади приступки.

Вернувшись в гостиную, он не смог сдержать удивления. Джоуи спустился вниз в пижаме, свернулся клубком на диване рядом с бабушкой и положил голову ей на колени.

Анна тихонько пела ему колыбельную.

Грэм встретился с тещей взглядом. Показал пальцем на себя, потом на входную дверь.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — чуть слышно спросила Анна.

«Нет», — подумал он. Но кивнул ей в ответ.

— Хорошо. Я буду держать оборону здесь. Только поосторожней. Пожалуйста, будь очень осторожен.

Он завел норовистый двигатель машины и выехал по дорожке на улицу. Пикап, взвизгнув шинами, выбросил из-под заднего колеса струю гравия.

Он снова взялся за телефон и начал набор — номера Сандры в памяти мобильника он, конечно же, не хранил. Однако передумал и решил не звонить ей. Сунул телефон в карман. Все равно порядок нарушен, час слишком поздний, к тому же он уже коротко созванивался с ней сегодня,

когда Анна была в ванной, чтобы сообщить, что не сможет приехать. И даже если бы она ответила, а это едва ли, что он мог ей сказать?

Вряд ли он сам это знал.

К тому же, решил он, лучше не отвлекаться за рулем. Он гнал теперь под семьдесят там, где скорость была ограничена сорока милями в час, рискуя быть остановленным первым же полицейским.

Что именно он предпримет, добравшись до озера Мондак?

Да и зачем он вообще это делал?

Лежать бы сейчас в постели, охваченным полудремой, приобняв женушку за животик, губами прижавшись к ее плечу. Немного поговорить о работе, послушать, как прошел ее день, обсудить меню пятничного семейного ужина, скобки на зубах их ребенка и его оценки в школе, изменения выплат по ипотеке — и так, пока они не заснули бы один за другим. Но разве это сулила ему судьба? Сбудется ли нечто подобное когда-нибудь? И когда? Завтра? Через год?

И окончательно презрев опасность встречи с полицией, он разогнал свой пикап до восьмидесяти; азалии отчаянно тряслись в кузове.

— Вот! — взволнованно прошептала Бринн. — Видишь это?

— Что? — Мишель посмотрела в направлении ее руки. Женщины на корточках сидели за голым еще кустом кизила, под ногами у них источали пряный запах прошлогодние побеги шафрана.

В отдалении блеснула узкая полоска.

— Это река. Змейка.

Их путь к спасению.

Они шли еще минут пять, но блеска воды уже не видели. Бринн в очередной раз огляделась вокруг, чтобы сориентироваться и убедиться, что они держатся верного направления. И вдруг она застыла на месте.

— О, господи! — Она пригнулась к земле, чувствуя, как страх обручем стягивает грудь.

Она заметила одного из преследователей — того, что был с дробовиком. Напарника Харта. Он находился не более чем в двухстах ярдах на гребне холма слева от них.

— Это все я виновата… — помрачнела Мишель. На ее лице вновь отразилось презрение к себе. — Эта моя чертова истерика! Они услышали мои вопли!

Избалованная маленькая девочка…

— Нет, — прошептала Бринн. — Они не могли оказаться здесь так скоро, если бы купились на наш трюк на той скале. Они что-то придумали с фонарем, чтобы нас одурачить. Это, конечно, проделки Харта.

«Я ведь тоже пыталась обмануть его. Но на этот раз сработала его уловка».

И где же он, Харт? Она вспомнила одно из последних тактических занятий на курсах. Инструктор объяснял им теорию ведения перекрестного огня. Никогда нельзя располагаться напротив друг друга — рискуешь попасть в своего. Значит, Харт будет подбираться к ним сзади, а не справа.

Видеть его она не могла, но знала — он где-то у них за спиной.

А значит, мужчины заметили их и теперь нагоняли, чтобы убить.

Они находились на плоском участке леса и приближались к открытому полю, куда Бринн и стремилась, — там можно было не продираться сквозь чащу, а легко идти по невысокой траве. Но сейчас она потащила Мишель за собой вправо к скалистому холму, протянувшемуся на пару сотен ярдов и заканчивающемуся крутым обрывом во впадину с руслом ручья на дне.

— Спускаемся туда, в эту расщелину. Двигайся как можно проворнее. Вперед. Быстро!

Они устремились вниз, стараясь держаться ближе к толстым стволам дубов или раскидистым кустам, чтобы не быть слишком легкой мишенью для стрелков. Они полускользили, полубежали по крутому и неровному склону — Мишель впереди, Бринн следом за ней.

Все шло хорошо, пока на середине склона Бринн не споткнулась, зацепившись ногой за ветку или корень дерева. Она с силой приземлилась на пятую точку и по скользкой листве поехала вперед, сбив с ног и Мишель. Оставшаяся часть спуска превратилась в

кошмарное, безостановочное скатывание, и Бринн отчаянно удерживала свое «копье», чтобы оно не поранило одну из них насмерть.

Так они и скатились на самое дно впадины.

Нож, лежавший в кармане Бринн, прорезал дыру в лыжной куртке, но лезвие не причинило ей вреда. Мишель, опрокинувшись на спину, отчаянно похлопывала себя ладонями по животу. Бринн с ужасом подумала, что молодая женщина могла получить глубокие порезы.

— Ты в порядке? — спросила она, стараясь восстановить дыхание.

Мишель нащупала нож в кармане куртки и, убедившись, что не поранилась, кивнула.

Бринн медленно села, опираясь на «копье». Она огляделась и заметила углубление в пересохшем русле ручья. Туда они и направились. Высокая трава и естественная стена из огромных валунов обеспечивали необходимое укрытие.

— Смотри! — прошептала Мишель.

Бринн увидела партнера Харта, который с ружьем, изготовленным для стрельбы, трусцой бежал теперь в восточном направлении, то есть прямиком на них. Ветер достаточно громко шуршал листвой, но мужчина явно что-то услышал. Он смотрел точно на то место, где они упали. Затем, оглядевшись по сторонам, исчез среди деревьев, росших севернее.

Бринн наблюдала за ним, крепко сжимая «копье». Потом спросила:

— Как твоя лодыжка?

— В порядке. Я упала на другую ногу.

Они вгляделись в гребень холма. Ни одного из мужчин не было видно.

Бринн прикинула расстояние до того места, где они только что видели человека с дробовиком, и гадала, куда он направился. Мишель прошептала что-то, но Бринн ее не слушала, полностью погрузившись в свои размышления. И приняла решение. Потом снова огляделась.

— О'кей. Теперь нам придется разделиться. Тебе нужно пойти вон туда, оставаясь в этой расщелине, и не высовываться. Видишь яму? Спустись в нее, ложись и прикрой себя сверху листьями.

— А что собираешься делать ты? — спросила Мишель, глядя на нее широко открытыми глазами.

— Так ты видишь ее? — упрямо повторила Бринн.

— Ты отправишься вслед за ним, ведь так?

Время убегать, время драться…

Бринн кивнула.

— Я хочу пойти с тобой. Я могла бы тебе помочь.

— Ты окажешь мне гораздо большую помощь, если просто спрячешься.

На какое-то мгновение Мишель помрачнела, но потом улыбнулась.

— Я не побоюсь сломать себе ноготь, если ты об этом.

Бринн улыбнулась в ответ.

— Это моя работа. Позволь мне заняться ею. А теперь иди туда и спрячься получше. Если они подойдут близко и тебе придется бежать… — Она посмотрела в дальний конец впадины и указала на озеро, больше напоминавшее небольшой пруд. — Там будет наш сборный пункт. У ближнего к нам берега, рядом со скалами.

— Сборный пункт. Откуда ты знаешь все эти термины?

— Это не из полицейского лексикона. Скорее, из армейского. Смотрела «Спасти рядового Райна»? Я почерпнула это оттуда.

Ее слова снова вызвали у Мишель улыбку.

Чарльз Гэнди — сухощавый бородатый мужчина чуть за тридцать, одетый в утепленную ветровку «Норт Фейс», стоял рядом с передвижным домиком фирмы «Уиннибаго», припаркованным среди леса на территории заповедника Маркетт рядом с постом рейнджеров, заброшенным много лет назад. Трейлер был помят и поцарапан, а его тыльную сторону украшали с полдюжины наклеек, пропагандировавших достоинства альтернативных источников энергии, катания на горных велосипедах через перевал Сноквалми и пеших походов по тропам Аппалачей.

— Ты что-то еще услышал, милый? — спросила Сьюзан, пышнотелая женщина с прямыми светло-русыми волосами. Она была на несколько лет старше Гэнди. Украшениями ей служили кулон в виде египетского креста «анка», два плетеных «браслета дружбы» и обручальное кольцо.

— Больше ничего.

— А что это было?

— Голоса, в этом я уверен. Впрочем, даже больше похожие на крики.

— Но ведь заповедник закрыт. И час уже поздний.

— Верно. Когда должен вернуться Руди?

— Жду его с минуты на минуту.

Муж всматривался в ночной мрак.

— Папочка?

Он обернулся и увидел в дверном проеме свою девятилетнюю приемную дочь в майке, джинсовой юбке и поношенных кроссовках.

— Эми, тебе давно пора спать.

— Я помогала маме. Она меня попросила.

— Хорошо. Маму надо слушаться, — рассеянно сказал Гэнди. — Но иди внутрь. На улице жуткий холод.

Девочка скрылась, взмахнув длинными светлыми волосами.

У трейлера были две двери — передняя и задняя. Гэнди пошел к задней, влез внутрь и разыскал старое охотничье ружье. Зарядил патрон.

— Что ты собираешься делать, милый?

— Нужно пойти посмотреть.

— Но рейнджеры...

— Здесь в такое время их и близко не бывает. Запрись на все замки, опусти жалюзи и не открывай никому, кроме меня и Руди.

— Конечно, милый. Будь осторожен.

Сьюзан поднялась по ступенькам внутрь, закрыла и заперла дверь. С опущенными жалюзи домик на колесах стал совершенно темным. Едва слышный звук работавшего генератора тонул в шуме ветра. Годится.

Застегнув молнию на куртке и натянув серую вязаную шапочку, подаренную Сьюзан на день рождения, Гэнди с ружьем в руке пустился в путь по узкой тропинке, заканчивавшейся у тропы «Джолиет».

Он пошел сначала к югу, а потом взял восточнее. Они расположились в этом месте четыре дня назад, и большую часть времени он бродил по окрестностям. Поэтому местность была ему знакома со всеми случайно протоптанными дорожками и олеными тропками, сломанными ветками, следами и пометом животных, как и признаками пребывания людей (все то же, но без дерьма).

Шел он медленно, с опаской. Он не боялся заблудиться, его пугали те, кого он мог повстречать.

«Был это действительно крик или нет?» — размышлял он.

И человек кричал или какой-нибудь зверь?

Пройдя ярдов двести в направлении вроде бы донесшихся звуков, Гэнди опустился на колени и стал всматриваться в подсвеченный луной лес. Он услышал какие-то потрескивания, пару раз как будто что-то хрустнуло — все где-то неподалеку. Может, просто ветки осыпались с деревьев. Или олень бродил. Или медведь.

«Или это лишь игра моего дурацкого воображения».

Но затем он вдруг напрягся.

Там, да... Теперь никаких сомнений. Он смотрел на человека, и это была, несомненно, женщина, пригнувшись перебегавшая от дерева к дереву. В ее руке что-то было. Нечто узкое. Ружье? Он крепче вцепился в свой «сэвидж 308».

Что же происходит? Крики и завывания в пустынном, официально закрытом национальном парке да еще глубокой ночью? У него беспокойно забилось сердце. Инстинкт призывал его немедленно вернуться к трейлеру и убраться отсюда подобру-поздорову. Однако шум дизельного двигателя мог только привлечь нежелательное внимание.

Он сидел, низко пригнувшись, наблюдал за ней и гадал, почему она ведет себя, как солдат в бою. Двигается осторожно, от укрытия к укрытию. Она не рейнджер — это ясно. На ней нет так хорошо известной

всем шляпы в стиле мультяшного медведя Смоки, как нет и мундира. Вместо него, кажется, обычная лыжная куртка с капюшоном.

Инстинкт подсказывал, что она опасна.

Женщина исчезла за огромным ежевичным кустом и совсем пропала из виду. Гэнди поднялся и, держа ружье наизготовку, пошел в ее сторону.

«Лучше уносить отсюда ноги, и побыстрее», — увещевал его внутренний голос.

Но, с другой стороны, нет. Нельзя. Слишком многое поставлено на карту. Двигай дальше.

Он замедлил движение у крутого спуска с холма к растущему внизу леску, осторожно преодолел его, ухватившись сначала за тонкий ствол березы, потом за дубовую ветку. Оказавшись снова на ровной поверхности, он повернул в сторону куста, за который зашла женщина.

Оглядел окрестности. Пусто.

И вдруг он заметил ее ярдах в десяти перед собой. Она находилась в тени, но он ясно различал ее: полускрытая кустом, с низко опущенной головой, она лежала, словно львица, выслеживающая антилопу.

Очень тихо он взвел курок своего «сэвиджа», дослал патрон в патронник и двинулся вперед, тщательно обходя ветки и кучи листьев, словно под ним было минное поле.

Теперь и он вел себя, как солдат. И нельзя сказать, что в этой роли чувствовал себя слишком комфортно.

Кристен Бринн Маккензи скрючилась позади корявого, но могучего дуба, крепко держа в руках свое «копье» из бильярдного кия и пытаясь отдышаться с широко открытым ртом, чтобы учащенное дыхание не было шумным. Она поднялась на вершину холма в той стороне, куда ушел мужчина с дробовиком.

Ладони ее вспотели, хотя она опять замерзла, потому что сняла с себя куртку и одни из тренировочных брюк. Одежда, набитая сухими листьями, лежала теперь, как поваленное пугало, под большим кустом ежевики и служила приманкой, на которую должен был клюнуть напарник Харта.

И, похоже, ее уловка срабатывала. Он осторожно приближался.

Харта по-прежнему не было видно.

«Вот и отлично, — подумала она. — Один на один я с тобой справлюсь».

Рискуя нарваться на его выстрел с дальней дистанции, она на секунду вышла под свет луны, чтобы он успел ее заметить, а потом скрылась за большим кустом ежевики, сняла одежду и изобразила из нее фигуру раненого или прячущегося человека.

Затем соскользнула по склону холма и сделала круг, спрятавшись за деревом.

Она молила Бога, чтобы он попался на ее уловку.

И он клюнул. Выставив вперед ружье, темный силуэт спустился с холма и двинулся в сторону чучела.

Бринн, полностью укрывшись за деревом, отслеживала его передвижения по шагам. Ее слух обострился до предела. Собственно, все ее органы чувств были напряжены до крайности. Острие «копья» — нож из чикагской стали — она держала вплотную к лицу в абсолютной тени, чтобы, случайно блеснув в свете луны, он не выдал ее засады. «Как странно, — подумала она, — что этот никогда прежде не использовавшийся нож впервые будет пущен в ход не для разделки говяжьей вырезки или курицы, а для убийства человека».

А еще она отметила, что ее это почему-то мало волновало.

Чуть слышный треск, хруст.

Затем порывы ветра усилились, и она перестала различать шаги за шумом, поднятым им в листве и ветвях деревьев.

«Где же он?» — в панике подумала она.

Но потом услышала его снова. Напарник по-прежнему медленно крался к наживке. Он не мог миновать дерева, за которым она укрылась.

Пять ярдов.

Три. Легкий хруст под его ногами.

Насколько это было возможно из засады, она оглядела окрестности, высматривая Харта. Его не было видно.

Два ярда, полтора...

И вот он поравнялся с дубом.

Вот он миновал его.

Бринн посмотрела ему в спину. Он сменил военный китель, в котором она видела его у Фельдманов, на теплую куртку «Норт Фейс», которую, скорее всего, стащил из дома номер два по Лейк-Вью. Кроме того, на нем теперь была шапочка, скрывавшая короткую светлую стрижку.

«Все, момент настал!» — сказала она себе.

Ее существо вдруг исполнилось почти эйфорического спокойствия. С ней это случалось и раньше, причем в самых неожиданных ситуациях. На конных соревнованиях, когда приходилось на своей гнедой кобыле брать сложнейшую комбинацию из трех барьеров кряду. Во время отчаянной погони за подпольным торговцем оружием на скорости под сто двадцать миль в час. Или тогда, в Билокси, где они с Кейтом проводили отпуск и ввязались в смертельную схватку с двумя отморозками.

Время драться…

План ее был таков: оглушить его с помощью «боло» и стремительно атаковать. Воткнуть «копье» в спину что есть силы. Отобрать ружье.

И подготовиться к встрече с Хартом. Потому что тот непременно появится, едва заслышав крики своего подельника.

Бринн вышла из-за дерева, оценила расстояние до цели, раскрутила «боло» и пустила в полет.

Шар описал дугу и ударил его в ухо. Он вскрикнул и выронил ружье.

Не обращая внимания на боль во всем теле, Бринн рванулась вперед.

В тот момент она не была помощником шерифа. Не была женой и матерью.

Она была волчицей, примитивным зверем, одержимым одним лишь желанием — выжить. И она бежала, бежала, отталкиваясь носками ботинок от твердой земли, «копье» в ее руках, блестевшее теперь холодным светом стали, было направлено точно в него. Ей с трудом удалось сдержать бешено рвавшийся наружу отчаянный боевой клич.

А теперь они вдруг пропали.

Дьявол! За десять минут Харт постепенно сокращал дистанцию между собой и женщинами, направлявшимися прямиком к поляне — зоне для стрельбы, как он окрестил ее для себя. Краем глаза он успевал следить за действиями Льюиса.

Его напарник что-то увидел или услышал справа от себя в восточном направлении и поспешно спустился с холма на равнину. Он огляделся по сторонам, но тревога, очевидно, оказалась ложной. И он снова поднялся на поросший лесом гребень по левую руку от Харта. Оба мужчины продолжили двигаться вперед, внимательно вглядываясь в окружавшую их местность, высматривая добычу, которая вдруг исчезла из виду.

Где же они?

Неужели заметили его или Льюиса?

И если так, могли ли где-нибудь скрыться? Поляна располагалась впереди, на севере, но, совершенно очевидно, их там нет. Льюис теперь опять находился на холме с западной стороны, а Харт развернулся к югу. У кромки поляны достаточно деревьев, чтобы женщины могли спрятаться среди них. А еще у них была возможность спуститься по крутому обрыву справа и отправиться на восток через самую чащу парка. Так они снова вернулись бы на тропу «Джолиет», но джи-пи-эс показывал, что до тропы теперь очень далеко — несколько миль по труднопроходимому лесу.

Как бы поступила Бринн?

Он решил, что, скорее всего, предпочла бы воспользоваться расщелиной, по дну которой проходило русло ручья, чтобы по-прежнему двигаться на север к Змейке, но избежать открытого пространства поляны. Маршрут более длинный и трудный, зато более безопасный.

Она напоминала ему животное с высокоразвитыми инстинктами выживания, каждый раз предугадывавшее его ходы.

Он посмотрел на гребень холма, где Льюис тоже остановился и оглядывался по сторонам. Потом он повернулся к Харту и развел руками. Значит, он их тоже не видел.

Харт показал пальцем сначала на себя, потом на Льюиса, который кивнул в ответ. И Харт начал подниматься на вершину холма, чтобы присоединиться к своему партнеру.

Где же она?

Где Мишель?

С ружьем «сэвидж» в одной руке и «копьем» в другой Бринн Маккензи остановилась и огляделась по сторонам. Она потеряла ориентацию. Полностью сосредоточившись, на партнере Харта, она не уделяла достаточно внимания тому пути, по которому двигалась, оставив молодую женщину в укрытии под одеялом из листвы.

Быть может, она отправилась к сборному пункту?

Бринн надеялась, что нет. Озерцо находилось дальше, чем она предполагала, и идти туда в обход было вовсе ни к чему. Она и так почти выбилась из сил.

Потом она заметила несколько деревьев, расположение которых показалось знакомым. Она оглянулась, не преследуют ли ее, и, никого не заметив, сбежала вниз по склону небольшого холма.

Завернув за крупный валун, Бринн внезапно замерла на месте.

Перепуганная насмерть Мишель уже доставала из кармана нож. Взгляд ее был диким, почти звериным. Бринн тоже вздрогнула от неожиданности. Девушка облегченно вздохнула.

— Боже, Бринн, как ты меня напугала!

— Тс-с-с... Они все еще где-то рядом.

— Что произошло? — шепотом спросила Мишель. — И где ты взяла вот это? — кивнула она на ружье.

— Идем, быстро. Я кое-кого ранила.

— Одного из них? — Глаза Мишель просияли.

— Нет, — ответила Бринн.

— А кого же тогда?

— Кого-то другого. Идем, нам сюда.

Они снова вскарабкались на холм к ежевичным кустам, где на земле сидел бородатый мужчина, потирая порванное ухо. Он поднял голову, чтобы посмотреть на Мишель, и часто заморгал. Потом кивнул и поморщился от боли.

Бринн рассказала, как попала в него бильярдным шаром и собиралась напасть с «копьем» сзади, но он вовремя оглянулся, заслышав ее приближение.

Она остановилась за мгновение до того, как пронзить его «копьем», увидев бороду на лице и поняв, что ошиблась. Не ожидая никого встретить в этих местах, вооруженная кипящим в крови адреналином, она не разглядела, что у него в руках охотничье ружье, а не дробовик, да и телосложением он мало походил на приятеля Харта.

Разумеется, Бринн рассыпалась в извинениях. И все же, оставаясь офицером правоохранительных органов, предъявила удостоверение и жетон, забрала ружье и потребовала у своей жертвы водительские права.

Его звали Чарльз Гэнди. Они вместе с женой и парой друзей приехали сюда на передвижном домике «Уиннибаго» и разбили лагерь неподалеку.

— Вы сможете идти? — спросила Бринн, которой не терпелось добраться до трейлера как можно скорее.

— Конечно. Я не так сильно ранен. — Он прижимал носок от «боло» к поврежденному уху. Кровотечение, казалось, уже полностью остановилось.

Это не означало, разумеется, что он не подаст иск против ее управления. Но Бринн это не тревожило. Она будет настаивать, чтобы ему выплатили любую затребованную им компенсацию. Невозможно описать словами, какую уверенность в себе она почувствовала, поняв, что теперь есть способ выбраться из заповедника и в руках у нее огнестрельное оружие.

Все под контролем…

Пока Бринн наблюдала за окрестностями, Мишель помогла Гэнди подняться.

— Вы тоже ранены? — кивнул он в сторону бильярдного кия.

— Ничего страшного, — рассеянно ответила Мишель, устало оглядывая заросли кустов и деревьев.

— Нам надо идти, — сказала Бринн. — Ведите нас за собой.

Как оказалось, Чарльз Гэнди прекрасно знал здешний лес. Он провел их мимо расщелины с руслом ручья и потом по тропинке, которую Бринн даже не заметила бы. И это было хорошо, поскольку позволило избежать трескучего валежника и шуршащих листьев, способных выдать их

местонахождение. Они двигались сначала под гору, затем он обвел их вокруг поляны, и тропинка пошла вверх. Шли они преимущественно в северном направлении.

Мишель следовала за ним настолько быстро, насколько позволяла ее хромота, используя «копье» как костыль.

Замыкала шествие сжимавшая ружье Бринн, которой приходилась чаще оглядываться назад, чем смотреть вперед.

Они остановились, укрывшись за трехъярдовыми обломками гранита. Гэнди тронул Бринн за рукав и на что-то показал.

Сердце словно подскочило в груди.

На противоположном конце длинной впадины протянулся совершенно лишенный растительности гребень холма. Там стояли Харт и его напарник с ружьем, всматриваясь в окрестности. В их повадках сквозила некоторая растерянность.

— Это те парни, о которых вы говорили? — чуть слышно спросил Гэнди.

Она кивнула.

И тут Мишель неожиданно прошептала:

— Стреляй по ним.

Бринн повернулась к ней.

— Давай же, стреляй по ним! — повторила молодая женщина с широко открытыми глазами.

Бринн взглянула на охотничье ружье в своих руках. Но промолчала и не двинулась с места.

Мишель бросила выразительный взгляд на Гэнди, но тот покачал головой:

— Эй, не смотрите на меня так. Я всего-навсего продавец из магазина экологически чистых продуктов.

— Тогда это сделаю я, — сказала Мишель. — Дай мне ружье.

— Нет. Ты частное лицо. Если застрелишь одного из них, это будет расценено как убийство. В суде тебя, скорее всего, оправдают, но разве тебе это нужно?

Потом Бринн оперлась на камень. Положила на него ружье стволом в сторону мужчин.

Дистанция до них ярдов сто, а «сэвидж» Гэнди не был снабжен оптическим прицелом. Однако Бринн хорошо разбиралась в оружии, почерпнув знания в основном на курсах. Ей случалось и охотиться, хотя она оставила это занятие много лет назад после одной поездки в Миннесоту. Кейт некстати принялся перезаряжать свое ружье в момент, когда на них набросился огромный дикий кабан. Бринн двумя быстрыми выстрелами уложила обезумевшее животное. Именно после этого она перестала охотиться. Не потому, что испугалась — напротив, втайне ей доставило удовольствие собственное хладнокровие в момент опасности, — а потому, что убила зверя, виноватого лишь в стремлении защитить свое обиталище от вторжения людей.

Всего несколько минут назад она была готова насадить на «копье» предполагаемого напарника Харта с дробовиком. Но застрелить человека снайперским выстрелом — это нечто совсем другое.

«Ну, что? Сделаешь ты это или нет?» — без излишних эмоций спросила себя Бринн. Если да, то самое время действовать. Они не будут торчать там вечно.

Бринн решила, что метиться надо дюйма на два выше, чтобы компенсировать дугу, которую опишет пуля на таком расстоянии. А ветер? Здесь трудно что-то предсказать, поскольку его порывы постоянно меняли направление.

Рассчитывать приходилось лишь на долю везения.

Бринн совместила прицел на тыльной части ствола с мушкой на конце.

Оба глаза она держала открытыми. Щелчком сняла ружье с предохранителя. И начала мягко давить на курок. Следовало выдерживать взятый прицел и увеличивать давление, чтобы ружье выстрелило. Резко спустить курок было бы ошибкой.

Но именно в этот момент мужчины отошли друг от друга. И единая цель сразу превратилась в две совершенно разные. Харт вроде бы что-то заметил и сделал несколько шагов вперед. Потом указал на это рукой.

— Вы уверены, что это необходимо? — спросил Гэнди. — Это действительно именно они?

— Да, это они, — шепотом, но резко подтвердила Мишель. — Стреляй!

«В которого из двоих? — раздумывала Бринн. — Исходя из того, что уцелевший успеет спрятаться, в кого мне метить?»

Выбирай. Немедленно!

Она прицелилась в напарника, мужчину с дробовиком. Снова сделала поправку траектории и начала плавно давить на спуск.

И тут мужчины внезапно стали спускаться на дно лощины, в одно мгновение из ясно различимых силуэтов превратившись в едва видимые темные пятна, двигавшиеся к зарослям.

— О, нет! — всхлипнула Мишель. — Стреляй все равно!

Но мишеней перед Бринн уже не было. Они полностью растворились в темноте.

Бринн поникла головой. «Почему я колебалась? — пытала она себя. — Почему?»

— Нам лучше уходить, — сказал Гэнди. — Они направились в нашу сторону.

Бринн не поднимала на Мишель глаз. Оказалось, что молодая и избалованная «принцесса», дилетантка, проявила больше мужества, чем она сама.

«Почему же я не выстрелила?»

Она поставила ружье на предохранитель и снова вгляделась в море черноты, куда нырнули Харт и его подельник. Потом повернулась и последовав за остальными.

— Наш передвижной домик здесь неподалеку, — сказал Гэнди. — Ярдов пятьсот. А у одного из моих друзей микроавтобус, и он уже должен вернуться. Ездил за едой и пивом. Мы все запрыгнем к нему и уедем отсюда.

— А сколько вас там? — спросила Мишель.

— Мои жена и приемная дочь да еще пара приятелей.

— Приемная дочь?

— Да. Эми. Ей девять лет. — Гэнди притронулся к уху и посмотрел на пальцы. Крови уже не было.

— И девочка с вами здесь нынешней ночью? — нахмурилась Бринн.

— У нее сейчас весенние каникулы. — Он заметил ее тревогу. — Что-то не так?

— Я не знала, что у вас ребенок, — тихо ответила она.

— Вы не причинили нам неприятностей, если именно это вас беспокоит. Представьте, что могло случиться, если бы я не встретился с вами. Если бы те двое нашли наш трейлер, они бы бог знает что там натворили.

— У вас есть телефон? — спросила Мишель.

Бринн первым делом спросила об этом Гэнди, едва убедившись, что его рана не опасна.

— Как я уже сказал вашей подруге, — ответил тот, — я не в восторге от микроволновки рядом с головным мозгом. Но в трейлере телефон есть.

Потом обратился к Бринн:

— Говорят, у шерифа свой вертолет? На нем ваши люди могли бы добраться сюда очень быстро.

— Есть, — кивнула Бринн, — но только для эвакуации раненых. В тактических целях его не используют.

Она размышляла о дочери и семье этого человека. Она, насколько могла, стремилась не вовлекать в этот ужас посторонних людей... И вот подвергает опасности семью с маленькой девочкой.

Они двигались быстро и тяжело дышали, поскольку путь большей частью вел в гору, и скоро оставили расщелину далеко позади. Бринн пристыженно окрестила ее «местом, где я облажалась». Она сердилась на себя за допущенную ошибку.

— Вы сказали, что эти двое преследуют вас, — обратился Гэнди к Бринн, — но не объяснили почему.

Хромая и морщась от боли, ответила Мишель:

— Они убили моих друзей. А я свидетель.

— Мой бог! Какой ужас!

— Они ограбили дом у озера Мондак, — пояснила Бринн.

— Как? Сегодня вечером?

Мишель кивнула.

— Примите мои соболезнования. Я… — Гэнди не находил больше слов. — А вы, значит, пытались арестовать их?

— Поступил звонок по девятьсот одиннадцать. Но мы не знали, что именно произошло. Я приехала туда и осталась без машины и своего оружия. Нам пришлось спасаться бегством.

— Озеро Мондак… Это где?

— Милях в пяти к югу отсюда. Мы шли к реке Змейке, когда они обнаружили нас. Пришлось сделать круг. Далеко еще до вашего трейлера?

— Нет, уже рядом.

Он остановился, поскольку небольшое облако закрыло луну, погрузив окрестности в совершенный мрак. Когда снова стало немного светлее, Гэнди взмахом руки указал вправо и повел их дальше через лес. Так они вышли к началу едва заметной тропки, а через несколько шагов он остановился и набросал поднятую с краю кучу листьев и валежника, маскируя начало тропинки.

Бринн помогла ему. Поучаствовала и Мишель. Потом оглядела плоды их совместного труда и осталась довольна.

— Превосходно. Им никогда ее не найти.

Бринн поежилась. Повышенный адреналин, согревавший ее со времени атаки на Гэнди и попытки выстрелить, пришел в норму. И хотя она снова надела лыжную куртку и вторую пару брюк, холод пробирал до костей.

— Вы остановились в кемпинге? — спросила она. Спасательные операции в заповеднике с ее участием ограничивались территорией между тропой «Джолиет» и долиной Змейки.

— Нет. Нашли старый пост рейнджеров с парковкой. Совершенно запущенный. Там все заросло сорняками. Похоже, туда годами никто не наведывался. Страшноватое местечко. Стивен Кинг мог бы описать его в какой-нибудь новой книге. И назвал бы ее, к примеру, «Рейнджеры-призраки».

— А далеко это место от дороги? — спросила Бринн.

Гэнди немного поразмыслил и ответил:

— Нужно проехать около мили по проселку. Он выводит на главную аллею заповедника. А затем еще четыре мили до выезда на шестьсот восемьдесят вторую трассу. Это самый короткий путь.

Он оглядел женщин.

— Можете успокоиться. Через двадцать минут мы будем уже на шоссе.

— Где они? — пробормотал Харт.

Мужчины шли по дну впадины вдоль русла пересохшего ручья, где их добыча пропала из виду.

— Глянь-ка, — тихо окликнул Харта Льюис, глядя вниз, на небольшой участок поверхности, покрытый слоем грязи.

— Что там? Ты видишь что-нибудь?

Льюис снял с себя китель и устроил из него подобие палатки. Потом достал зажигалку и, сунув ее внутрь, щелкнул кремнем. Опустившись рядом на колени, Харт разглядел несколько следов, впечатавшихся в грязь. Принадлежали они трем разным людям.

— Как думаешь, давно они здесь прошли?

— По-моему, следы свеженькие. Кто это еще с ними, черт побери? Не дай бог, коп с мобильником или рацией.

Зажигалка погасла. Мужчины поднялись и огляделись вокруг. Потом Льюис оделся, поднял с земли свой дробовик и покачал головой:

— Вряд ли здесь среди ночи шляются полицейские.

— Это верно.

— Но тогда кто же это?

— Туристов тоже не должно быть в это время года. Какой-нибудь рейнджер. Нам надо найти их как можно скорее.

Харт прошел еще немного вдоль русла. Потом наклонился и провел рукой по грязному пятну на земле.

— Они пошли туда, — показал он в сторону вершины холма. — Там есть тропинка?

— Похоже на то.

Поднимаясь, Харт оперся на ствол поваленного дерева. Тот оказался насквозь прогнившим, и кусок коры провалился внутрь под его нажимом.

В долю секунды прятавшаяся там гремучая змея дюймов в тридцать беззвучно метнулась и впилась в ладонь здоровой руки Харта, и, прежде чем он успел вскрикнуть от испуга, темная мускулистая молния, сверкнув, исчезла.

— Льюис!

Харт стянул перчатку и увидел два прокола в ладони ближе к запястью. Черт! Теперь он умрет? Один из ядовитых зубов пробил кровеносный сосуд. Почувствовав головокружение, он сел на землю.

Льюис, который все видел, щелкнул зажигалкой и осмотрел ранки.

— Может, мне отсосать яд? — спросил Харт. — Я видел по ящику, как это делали в каком-то фильме.

— С тобой все будет в порядке. А вот отсасывать ничего нельзя. Из-под языка яд попадет тебе в сердце быстрее, чем через вену.

Харт почувствовал, как дыхание участилось.

— Не паникуй. Чем спокойнее ты будешь, тем лучше. Дай еще раз посмотреть. — Льюис обследовал укус более тщательно.

— Ты хочешь его прижечь? — В глазах Харта плясали отблески пламени биковской зажигалки.

— Нет. Расслабься.

Льюис погасил зажигалку. Достал патрон для своего дробовика и складным ножом аккуратно вскрыл его, выбросив дробь и пластиковый пыж.

— Подставь левую руку, — приказал он.

Харт протянул ладонь, и напарник высыпал на нее порох — крошечные черные цилиндрики.

— Сплюнь туда. Давай!

— Плюнуть?

— Я знаю, что делаю. Давай.

Харт подчинился.

— Еще. Нужно, чтобы он намок.

— Хорошо.

Потом Льюис полез в карман, вытащил пачку сигарет «Кэмел» и улыбнулся с хитрецой школьника, укравшего печенье.

— А я ведь собирался бросать с прошлой недели. — Он распотрошил три сигареты и высыпал табак на ладонь Харту.

— Теперь перемешай хорошенько.

Харту все это казалось полным идиотизмом, но головокружение усилилось. Поэтому он сделал, что было велено. Льюис ножом отрезал подол от своей рубашки.

— Теперь положи это на рану, и я замотаю тебе руку.

Харт прижал черно-бурое месиво к следам от укуса, а Льюис обвязал рану и помог приятелю снова натянуть перчатку.

— Будет жечь. Но ты в полном порядке.

— В порядке? Меня же только что укусила гремучая змея.

— Укус был достаточно сухой.

— Какой-какой?

— Это была действительно гремучая змея, но масса-сауга. Они контролируют количество выпускаемого яда. По размерам они небольшие и яда вырабатывают немного, а потому его экономят. Расходуют в основном на охоте, чтобы было чем кормиться. При обороне впрыскивают мало. Лишь бы отпугнуть врага.

— Лично я перепугался насмерть. Я не слышал ее треска.

— Они издают эти звуки, только если замечают твое приближение. А ты появился для нее так же внезапно, как и она для тебя.

— Ну, не совсем, — пробормотал Харт. — Я чувствую слабость.

— Немного яда в тебя все же попало, и какое-то время сохранится это странное чувство. Но будь это мокрый укус, у тебя рука уже распухла бы вдвое, и ты бы орал как резаный. Или отключился в одну секунду. Я знаю, что нам надо идти, но тебе все же лучше посидеть минут пять-десять.

Харту доводилось участвовать в кулачных боях, он выходил с голыми руками против вооруженных людей и время от времени попадал в перестрелки. Но ничто не пугало его сильнее, чем эта змея.

«Это мой мир. Вам померещится то, чего на самом деле нет, но вы не увидите происходящего у вас под самым носом».

Харт глубоко вдохнул и медленно выпустил из легких воздух.

— Словно дозу принял. — Необычное ощущение почти доставляло удовольствие. Он посмотрел на свою руку, жжение в которой уже прекратилось. — Откуда ты знаешь все эти штуки, Комп?

— Ходил когда-то со своим папаней на охоту. И однажды с ним приключилось то же самое. Он тогда объяснил, что нужно делать. А потом надрал меня по голой заднице, чтобы в следующий раз смотрел, куда иду, и не наступал на змеиные гнезда.

Они немного посидели молча. Харт пожалел, что Льюис не прихватил с собой бутылку водки. Сейчас он не возражал бы хорошенько к ней приложиться.

Харт вспомнил, что мать Льюиса была в богадельне.

— А отец твой еще жив?

— Ага.

— Часто с ним видишься?

— Нет. Так бывает, знаешь ли. — Льюис криво усмехнулся и отвел взгляд в сторону. Он собирался добавить что-то к сказанному, но не стал. Они оглядывали окружавшую их глушь, ветер шуршал листьями, чуть слышно плескалась вода в озерце.

— Я тут подумал, Харт.

— О чем?

— Вот мы с ними разделаемся и вернемся домой. Ты и я, мы могли бы пойти на дело вместе. У меня есть связи, есть парни в моей банде да еще ты, ну, с твоим умением все спланировать и обдумать, — из нас получилась бы отличная бригада. Нынче ночью нам просто не повезло. Все произошло слишком быстро.

— Слишком быстро, — пробормотал Харт, подумав, что это еще мягко сказано.

— Я знаю кое-какой народ в Кеноше. Там есть хорошие деньги. В Иллинойсе, в Чикаго. Так как насчет дела? Ты и я?

— А подробнее?

— Я там положил глаз на одно местечко за городом. Фирма «Бентон пластикс». Слышал о них?

— Нет.

— Это на Хэвершем-роуд. Охренительно большой завод. Продают свое дерьмо по всему миру. В дни получки к ним приезжает здоровый инкассаторский грузовик. А охранник — ленивый мудила. Мы могли бы наскочить в одну из пятниц с утра пораньше и взять тысяч двадцать-тридцать. Как тебе, подходит?

Харт кивнул. А Льюис продолжил:

— Я соберу всю информацию. Типа, схожу на разведку. — Он похлопал себя по карману рубашки, проверив, на месте ли сигареты, но сделал это просто по привычке. Закуривать здесь он не собирался.

— Я умею выслушать человека. Со мной все хотят потрепаться о том о сем. Был случай, я с одним парнем чесал языками, и он, помимо прочей ерунды, назвал мне кличку своей собаки. И догадайся, что я сделал? Стащил его кредитную карту, а кличка собаки оказалась ПИН-кодом. Очистил его счет на раз. И все из-за какой-то болтовни.

— Это ты ловко проделал.

— Ну, так что скажешь?

— Знаешь, Комп? Мне твоя идея нравится.

— Правда?

— Рассмотрим все детали и составим четкий план. Чтобы в другой раз не опростоволоситься.

— На сто десять процентов.

— Именно, на все сто и еще десять. А теперь хватит отдыха. У нас есть кое-какие незавершенные дела. Наши подружки как раз сейчас могут вызывать подмогу.

— Ты-то хоть нормально себя чувствуешь? — поинтересовался Льюис.

— Никак нет, сэр, — прошептал Харт. — Я сегодня получил огнестрельное ранение. А только что меня укусила змея. И не забудем, что я еще мог оказаться под душем из аммиака. Нет, я совсем не чувствую себя нормально. Но это удел настоящего мужика.

Льюис взял свое ружье, и они двинулись в путь по вроде бы протоптанной тропинке.

Харт размял укушенную змеей руку. Никаких проблем не ощутил и спросил:

— Эта смесь пороха и табака — какое именно действие она оказывает?

— Если хочешь знать мое мнение, то ни черта она не действует. Нужна была, просто чтобы тебя успокоить.

Харт глубоко вдохнул.

— Нет ничего лучше лесного воздуха. Фортуна поворачивается к нам лицом, Комп. Идем туда. Мне кажется, я различаю тропу. По-моему, твой Ловкач — теперь наш союзник.

— А теперь спускаемся вниз, вон в ту лощинку.

Чарльз Гэнди вел их по едва различимой тропке в сторону трейлера. Передвижной дом оказался весьма внушительных размеров. Машина, на которой им предстояло бежать, длинный микроавтобус, с виду напоминавший «Эконолайн»,[23] был припаркован рядом.

Приятель Гэнди уже вернулся.

— Я так продрогла, — прошептана Мишель.

— Сядете прямо против печки в автобусе, если пожелаете, — улыбнулся Гэнди.

— Не откажусь. Последний раз мне было так холодно, когда я каталась на горных лыжах в Колорадо. Но там в любой момент можно было погреться в салоне. Здесь все иначе.

Они свернули на другую тропинку, круто уходившую вниз. Трейлер стоял на месте бывшей парковки. Полуразрушенный домик поблизости от него почти полностью поглотил лес.

Ярдах в пятнадцати от места назначения Бринн, глубоко втянув в себя воздух, вдруг остановилась. Она повернулась и оглядела тропинку, по которой они только что спустились. Потом приподняла ружье. Ее спутники тоже замерли на месте.

— Что такое, Бринн? — спросила Мишель.

Гэнди шагнул вперед, вглядываясь в лес.

— В чем дело? — прошептал он.

— Пригнитесь, — сказала Бринн, обращаясь к Гэнди. — Мне послышались странные звуки справа. Вы что-нибудь видите?

Мужчина припал к земле, всматриваясь в пространство между деревьями.

Бринн жестким нажимом руки заставила Мишель опуститься на корточки по другую сторону тропинки и склонилась как можно ближе к бриллиантовой серьге в ее ухе. В нос ударил сладкий аромат дорогих духов.

— Мы снова в беде, Мишель, — едва слышно прошептала она. — Не задавай вопросов и вообще молчи. Ты помнишь, где наш сборный пункт?

Молодая женщина вздрогнула, но кивнула.

— Когда я подам сигнал, беги отсюда. Беги что есть мочи. И прихвати это с собой. — Она посмотрела на «копье».

— Но…

Решительным жестом Бринн пресекла слова, готовые сорваться с языка озадаченной девушки, повернулась к Гэнди и тихо спросила:

— Заметили что-нибудь?

— Нет.

Бринн сняла охотничье ружье с предохранителя и направила ствол на Гэнди, которого передернуло от страха.

— Что вы делаете?

— Беги, Мишель! Беги скорее!

Мужчина сделал шаг назад, но замер, почувствовав, как напряглась Бринн.

— Беги! — крикнула та еще раз. — Встретимся, где я сказала.

Мишель колебалась не дольше секунды и бросилась вверх по тропинке. Ее почти тут же поглотила ночь.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил Гэнди, недоумевающе глядя на Бринн широко открытыми глазами.

— На колени! Руки за голову! — скомандовала она.

— Вы с ума сошли!

— А теперь расскажите-ка, кто… — Она не договорила, потому что чья-то рука ухватила ее сзади за воротник и с силой дернула. Потеряв равновесие, она повалилась на спину. Крупная женщина с прямыми волосами и бешенством в глазах возникла перед ней и ударила поперек живота дубинкой, какими глушат пойманную рыбу. Бринн перевалилась на колени, и ее вырвало. Ружье упало на землю, и женщина проворно завладела им.

— Это еще что за б…? — процедила она.

Гэнди подошел и рывком поднял Бринн на ноги. Он обыскал ее и вытащил из кармана куртки кухонный нож. Потом кулаком заехал ей по лицу; рана в щеке снова открылась. Она закричала от боли, оттолкнула Гэнди и попыталась отнять у толстухи ружье. Однако мужчина успел заломить ей руку за спину и «замком» обхватил вокруг шеи.

— Не вздумай даже пошевелиться, паскуда!

Бринн обмякла, сделав вид, что побеждена. Но стоило ему немного ослабить хватку, как она ударила его по ноге, заставив издать короткий вскрик.

— Ты, шлюха поганая!

Женщина направила на нее ружье, сказав хрипло:

— Все, хватит трепыхаться, дорогуша.

Бринн встретила взгляд ее маленьких, острых, как две булавки, глаз.

— Ты в порядке? — обратилась женщина к Гэнди.

— А похоже, что я в порядке? — сплюнул он и посмотрел на уходившую вверх тропинку. — Была еще одна. Ей удалось удрать.

— Кто такая? Они из банды Флетчера?

Гэнди вцепился Бринн в воротник и волосы.

— Как ты узнала? Откуда тебе все было известно?

Конечно, Бринн не стала сообщать ему, что во влажном лесном воздухе попросту вдруг учуяла запахи, характерные для приготовления метамфетамина, — пропана, хлора и аммиака.

Трейлер был передвижной нарколабораторией.

— Давай, тащи ее внутрь, — сказала женщина, оглядываясь по сторонам. — Нужно обо всем рассказать Руди. Ох, он и разозлится.

Гэнди толкнул Бринн вниз по тропе.

— Только крикни. Только открой рот, и ты — труп, — прорычал он.

— Пока здесь кричишь только ты, — не удержалась Бринн. Вознаграждением ей послужил еще один удар кулаком в лицо.

Внутри трейлера было невероятно грязно, повсюду валялись немытые тарелки, опорожненные пивные банки, мятая одежда и прочий мусор.

И еще — в нем царила жара. С полдюжины железных кастрюль стояли на газовых плитах. Канистры с ангидридом и аммиаком лежали вдоль одной из стен, а в углу располагался станок, на котором потрошили литиевые батарейки. Был здесь и целый склад упаковок со спичками.

Гэнди втолкнул Бринн через порог и бросил отнятый у нее нож на стол.

— Это еще кто такая? — спросил сухопарый, дерганый молодой человек в футболке группы «Аэросмит» и заношенных джинсах. Ему давно не мешало бы побриться и помыть голову. Бросалась в глаза грязь под

ногтями. Более крупный мужчина с вьющимися рыжими волосами, одетый в рабочую спецовку, тоже оглядел Бринн с ног до головы.

Толстая женщина, та самая, что ударила Бринн в живот, бросила косой взгляд на девочку лет девяти-десяти в грязной майке и запятнанной джинсовой юбочке, скомандовав:

— Давай, работай. Ты еще не закончила.

Эми, приемная дочь Гэнди, как поняла Бринн, посмотрела на вновь прибывшую, моргнула и продолжила наполнять большие целлофановые пакеты более мелкими, содержавшими готовую продукцию.

Сухопарый сказал:

— Гляньте на ее лицо. Все распухло. Что здесь вообще происхо…

— Тс-с-с, — вмешался здоровяк. — Не шуми, Генри. Рассказывайте, откуда она взялась.

— Она из людей шерифа, Руди, — ответил Гэнди.

— Чушь собачья. Посмотри, во что она одета. И ее кто-то хорошенько отделал. Взгляни-ка получше… Она из банды Флетчера, точно.

— Я видел ее «корочки».

Руди еще раз внимательно оглядел Бринн, мягко говоря, с неприязнью.

— Так… Чтоб я сдох. Значит, полиция? Спалить еще и эту точку? Вот уж чего я хочу меньше всего. После стольких усилий? Не-е-ет!

— Подкрепление уже в пути, — пробормотала Бринн.

— Заткнись, — прервал ее Гэнди, но без прежней агрессии, словно в нем уже не осталось энергии, чтобы врезать ей снова.

Худощавый, все еще заинтересованно оглядывая ее лицо, принялся ковырять следы от инъекций на своем предплечье. Из этого можно было заключить, что остальные — Гэнди, толстуха и Руди — не слишком злоупотребляли зельем собственного производства. Для Бринн в этом не было ничего хорошего. Это означало только, что они вполне способны мыслить рационально, защищая свой бизнес. Для чего нужно было убить ее, а потом найти Мишель и разделаться с ней тоже. Она вспомнила, как Гэнди без колебаний предъявил ей свои права — он уже тогда знал, что эта женщина скоро умрет.

— Мамочка…

Женщина дважды шлепнула себя по бедру. По всей видимости, это означало команду — замолчи! Эми тут же осеклась. Трудно описать, что при этом испытала Бринн — это ее рассердило, это буквально разрывало ей сердце.

Пальцы женщины покрывали желтые пятна. Это вовсе не означало, что она была законченной наркоманкой, но ей явно хотелось курить. А прикуривать сигарету здесь было опаснее, чем в загазованной угольной шахте.

— Она одна? — спросил Руди.

— Нет. Ее подружке удалось сбежать. Они утверждали, что какие-то двое парней охотятся за ними. Я их действительно видел. Но понятия не имею, что все это значит. Талдычили что-то про взлом дома на озере Мондак. Это милях в пяти…

— Я знаю, где это. — Руди приблизился к Бринн. Еще раз вгляделся в ее рану. Потом сделал свой вывод: — Она — подстава. Флетчер позвонил им. У него там свой человек, эта проститутка. Держу пари. Вонючка рыжеволосая. Тот сказал, где нас искать. У самого-то Флетчера кишка тонка действовать самому.

— А я не пойму, — возразил Гэнди. — Как, черт возьми, они нашли нас здесь? Мы ведь все следы замели.

В глазах Руди на мгновение вспыхнуло бешенство, и он склонился к лицу Бринн, излучая ярость:

— Говори, сучка. Говори со мной! Что происходит? Кто ты, б… такая?

Бринн уже приходилось иметь дело с эмоционально неустойчивыми типами. Руди совершенно потерял контроль над собой, им руководила одна лишь всепоглощающая злоба. Сердце ее колотилось от страха, вызванного и самой ситуацией, и внезапным воспоминанием о кулаке Кейта, сокрушившем ее подбородок.

Она промолчала, и Руди взвизгнул:

— Так кто ты такая?!

Потом из-под тугого ремня джинсов достал пистолет и приставил к ее шее.

— Не надо, — прошептала Бринн и отвернулась, словно избегая мутного взгляда взбесившейся собаки. Потом взяла себя в руки и размеренно произнесла: — Скоро это место окружат офицеры полиции штата, помощники шерифа и ребята из тактического подразделения.

— О, только не это… — Толстуха с грохотом обрушила дубинку на край стола.

И только Гэнди рассмеялся:

— Да она гонит! Все, что у нее было, — это дерьмовое «копье». Она сама спасалась бегством от каких-то придурков, вломившихся в один из тамошних домов. Она мне сказала истинную правду. Никаких людей шерифа, никакой полиции здесь не будет. Кстати, у окружного шерифа даже нет вертолета. В здешних краях они не используют его для тактических операций. Только в медицинских целях. Это-то и важно для нас. Кстати, спасибо за информацию, — подытожил он, осклабившись в сторону Бринн.

— Положим, это верно. — Она старалась говорить спокойно, хотя дышать после удара в живот было все еще трудновато. От боли нижняя челюсть неприятно подрагивала. — Мы не участвовали в антинаркотической операции. Но по установленным правилам, если один из заместителей шерифа не дает определенное время о себе знать, поиски начинаются автоматически.

Она выразительно посмотрела на Гэнди.

— И высылаются тактические подразделения.

Руди обдумывал ее слова, покусывая влажную нижнюю губу. Потом отложил пистолет в сторону.

— Если они еще не выехали сюда, — продолжала Бринн, — то скоро будут в пути. Не осложняйте своего положения. Я уже давно должна быть на связи.

— Это заповедник, — вмешалась женщина. — Здесь они искать не станут.

Руди только усмехнулся в ответ:

— Ну, и почему же они не станут искать здесь, а, Сьюзан? Назови мне хоть одну причину. Знаешь ее? Нет. То-то. Господи, не будь дурой… Мы тут хорошо устроились, но теперь дело пахнет керосином. Ты хоть понимаешь это? До тебя доходит, в какой мы оказались заднице?

— Само собой, я все понимаю, Руди. — Сьюзан отвела от него взгляд и потом сделала сердитый жест в сторону девочки, чтобы та наполняла пакеты быстрее.

— Нам нужно еще подумать о тех двоих, что их преследовали, — заметил Гэнди. — У одного из них ружье, я это сам видел. Вот они как раз могут быть парнями Флетчера.

Руди повернулся к Бринн.

— Эти двое... Один из них латинос, второй — черномазый, так?

Она молчала. Руди перевел взгляд на Гэнди, но тот помотал головой:

— Я видел их в темноте и ярдов за двести. Не смог разглядеть.

— У вас крупные неприятности, — сказала Бринн. — Мы могли бы...

— Заткнись... Ты веришь ей, что эти парни обычные взломщики?

— Не знаю, — ответил Гэнди. — Но если она врет, то очень умело.

— Ты сам-то видел, чтобы в нее кто-нибудь стрелял?

— Нет. Зато она хотела выстрелить по ним из моего сэвиджа... — И тут Гэнди наморщил лоб. — Но почему-то не стала. У нее была отличная возможность. Это показалось мне странным. Видимо, хотела запудрить мне мозги. Не знаю, что и думать.

— Ты отдал ей свое ружье?

— А что мне оставалось? Отказать, потому что моя семья варит дурь в трейлере? Я все равно мог отобрать его в любой момент.

— Но она не выстрелила?

— Нет. Передумала.

— Почему? — спросил Руди, опять надвигаясь на Бринн.

«Я сама не знаю», — подумала она, глядя в водянистые глаза толстяка.

В углу маленькая белокурая Эми запечатывала мешки с метом. Ребенок не спал в такой час и трудился не покладая рук.

Руди взял моток клейкой ленты, которой пользовалась девочка, крепко стянул ею руки Бринн за спиной и пихнул в сторону Гэнди.

— Мне сейчас не до этой… Мы заберем ее с собой. Вытаскивай ее отсюда. — Он бросил взгляд на кастрюли. — Охлаждайте их. Все до одной. Готовьтесь к переезду. Мать твою, сколько же товара мы теряем!

Женщина и сухопарый молодой человек принялись выключать плиты и заполнять пакеты готовым продуктом.

— Эми! — взвилась толстуха. — Пошевеливайся! Да что с тобой такое?

— Я спать хочу.

— Отоспишься по дороге. Это не оправдание.

— А где Честер? — спросила малышка.

— Это твоя кукла. Вот сама и ищи.

Руди взял охотничье ружье и передал его дерганому молодому мужчине.

— Прошвырнись-ка вверх по тропе, Генри. Стреляй, только если будешь уверен, что уберешь всех. Нам не нужно, чтобы кто-то навел сообщников. И вообще, лучше обойтись без стрельбы. Только по крайней необходимости. Если кого заметишь, просто тащи свою задницу сюда.

— Сделаю, Руди. Но ведь ты… Вы ведь не уедете отсюда, бросив меня одного?

Руди издал в ответ неопределенный гортанный звук, означавший, по всей видимости, что вопрос рассердил его.

— Давай, двигай!

Гэнди крепко схватил Бринн за руку. Прихрамывая, он вытолкнул ее из трейлера и пихнул к микроавтобусу, заставив забраться внутрь. Там тоже все было завалено кипами одежды, чемоданами, всевозможным мусором, старыми журналами, игрушками и сосудами из-под химикатов. Он продел веревку между ее связанными руками и узлом привязал к скобе.

— На дорогах будут дежурить патрули, — сказала Бринн. — А у полиции штата действительно есть вертолеты. Вам не прорваться. И не пытайтесь прикрыться мной как заложницей. Такие трюки не срабатывают. Они перестреляют вас до того, как вы прикончите меня, или после. Для них предпочтительнее первый вариант, но они пойдут и на второй. Так нас всех обучают.

— Этим ты меня не испугаешь, — рассмеялся он.

— Однако мы можем договориться. С тобой лично. Позвони в мое управление. Мы все уладим.

— Со мной лично, значит?

— Да, с тобой.

— А почему именно со мной? Потому что я один мою руки? У меня более правильный английский, чем у остальных? Или потому, что я наклеил на трейлер плакат в защиту окружающей среды? Это все означает, что я могу быть сговорчивым?

«Да, именно поэтому», — подумала она.

— А еще у тебя там маленькая девочка. Сделай это хотя бы ради нее.

— Я просто трахаю ее мамашу. Это не мой ребенок. — И он с грохотом задвинул дверь микроавтобуса.

Джеймсу Джейсонсу было еще ехать и ехать до озера Мондак, но он посчитал за благо уже сейчас отключить свой джи-пи-эс (это не так просто, как можно подумать, но он позаботился установить специальный выключатель). Эти спутниковые системы, компьютерные серверы… Кто знает, какую инкриминирующую информацию они могли накапливать?

Однако что хорошо для обеспечения безопасности, плохо для поисков придорожного ресторана. Но ему повезло — он издали увидел подсвеченную арку и свернул под нее. Даже не заходя внутрь, взял через окошко два обычных гамбургера, ломтики яблока и диетическую колу.

Затем снова выехал на шоссе, ведя машину быстро, но не слишком превышая ограничение скорости. С виду он производил впечатление преуспевающего, законопослушного бизнесмена. Но если тебя останавливал полицейский патруль — пусть даже для случайной проверки на алкоголь, а эти полицейские людей непьющих, вроде Джейсонса, отпускали немедленно, — твое имя и номер машины могли попасть в базу данных.

Но нынешним вечером он торопился и потому ехал быстрее, чем здесь разрешено. И, разумеется, был готов, что его могут тормознуть за превышение. Сейчас он слушал джаз, но, случись встреча с полицейским, он одним нажатием кнопки на рулевом колесе мог переключиться на вдохновенную христианскую проповедь. Вероятно, он успеет так же быстро поместить на приборную доску фигурку Иисуса на присоске и религиозного содержания наклейку.

От штрафа эти уловки не спасут, но могут избавить автомобиль от обыска.

А сегодня ночью Джеймс Джейсонс определенно не хотел, чтобы его машину обыскивали.

Поглощая купленную пищу, он гадал, как там развиваются события с фирмой «Великие озера. Контейнерные перевозки».

В девяносто девяти процентах подобных случаев требовалось всего лишь нащупать слабую точку и нажать на нее. И все! Не нужно никого бить и никакой поножовщины.

Чуть-чуть надавить.

«Только вместо того, чтобы послать шантажировать меня кого-нибудь вроде Поли или Криса, Манкевиц нашел такого хилого недомерка, как ты. И каков же твой план? Будешь тут ныть, пока я не сдамся?»

Джейсонс хихикнул. В этот момент защебетал его спутниковый телефон. Это была модель фирмы «Иридиум», но изготовленная по спецзаказу. Сигнал с него был защищен дважды — встроенной системой искажения звука и многолинейной программой переброса направления звонка, что делало его поиск и прослушку недоступными даже для таких суперпрограмм, как известный правительственный «Эшелон».

Он проглотил кусок гамбургера, который тщательно пережевывал, и ответил на вызов:

— Слушаю!

— Похоже, твоя встреча прошла успешно. — Манкевиц не представился. Имея дело с программами вроде «Эшелона», ключевым словом было «осторожность».

— Это хорошо.

— Уже появились первые признаки, что они будут сотрудничать.

Стало быть, Морган прочитал их бумагу и решил вести себя по-умному. Джейсонс не знал, насколько полезной будет информация, которую тот предоставит Манкевицу. Всегда существовала вероятность, что она окажется ненужной, а значит, рисковал он понапрасну. Но разве не вся наша жизнь такова?

— Теперь о другом деле, — сказал профсоюзный босс. — О твоей нынешней частной поездке.

— Да?

— Я разговаривал с нашим родственником.

Он имел в виду того пухлого, курчавого детектива из полицейского управления Милуоки, которого Джейсонс считал внешне очень привлекательным. Этот коп не просто брал взятки — он фактически был у них на зарплате.

— И?..

— Кажется, там намечается вечеринка.

Это была не слишком приятная новость.

— В самом деле? А он знает, кто на нее прибудет?

— Никого из наших приближенных. В основном местные, но могут явиться ребята с Восточного побережья. Они пока обсуждают, стоит ли ехать.

Это означало, что не будет полицейских из Милуоки, только местные офицеры, скорее всего, люди окружного шерифа, хотя не исключалось и присутствие ФБР — тех самых «ребят с Восточного побережья». Вот это-то и тревожило больше всего.

— Значит, народу соберется много?

— Похоже на то.

— А есть информация, что все-таки они будут праздновать?

— Нет.

«Что, черт возьми, они там затеяли?» — подумал Джейсонс, но вслух сказал:

— И все равно я думаю туда поехать.

Он произнес «думаю», но на самом деле имел в виду «хочу».

— Конечно, повеселись от души. У тебя был тяжелый день. Вечеринка пойдет тебе на пользу.

Что означало: да, мать твою, тащи туда свою задницу!

И исправь все, что там наломали, любой ценой.

— Тогда я еду, — без малейших колебаний сказал Джейсонс. — Интересно посмотреть на остальных гостей. И вообще я уже почти рядом.

— Хорошо тебе провести время. — Манкевиц произнес это тоном человека, взвалившего себе на плечи всю тяжесть земного шара.

Они разъединились.

Джейсонс отхлебнул колы, съел немного зеленых яблок, оказавшихся кислыми. Обычно их подслащивали подливкой из йогурта, но ему не понравились предложенные ароматы. Он раздумывал, почему Манкевиц всегда говорил с ним столь уважительно. Так, словно не знал, с какой планеты прибыл Джейсонс, и опасался его.

Стэн Манкевиц был одним из самых могущественных людей на озерном побережье от Миннесоты до Мичигана, но чувствовал себя не в своей тарелке в обществе хрупкого молодого человека, который весил, вероятно, в два раза меньше профсоюзного босса и не стирал с лица угодливой улыбочки. Отчасти это могло объясняться тем, что Джейсонс, строго говоря, не был подчиненным Манкевица, хотя действительно имел диплом Йеля и занимал кабинет в юридическом отделе профсоюза. «Специалист по трудовым отношениям», он являлся независимой единицей и обладал собственными властными полномочиями, имея свое, вполне автономное «королевство» — с отдельными правами и бюджетом, позволявшими нанимать людей по своему усмотрению. Кроме того, Джейсонс распоряжался деньгами, которые приносили пользу профсоюзу и лично Манкевицу, избегая при этом различных неудобных формальностей.

Другим фактором, конечно же, служило несовпадение их образа жизни. Манкевиц не был глупцом. Только Джейсонс осмеливался проворачивать дела так, чтобы шеф профсоюза не получал при этом подробного досье на данного человека — по крайней мере, в устной форме. Ему, разумеется, было известно, что Джейсонс живет один в роскошном особняке на берегу озера. А его матушка — в хорошей квартире, соединенной с домом сына. И что его любовнику Роберту вот уже несколько лет принадлежит потрясающий коттедж рядом с береговой линией. Ему, скорее всего, известно также, что Роберт — преуспевающий инженер и заядлый культурист — разделяет интересы Джейсонса к хоккею и вину и его музыкальные вкусы и что в будущем году пара собиралась оформить официальный брак и провести медовый месяц в Мексике.

Но Джейсонс был далек от того, чтобы осуждать Манкевица за сбор информации. Поскольку именно так добивался магических результатов он сам.

«Особенно Алисия. Каждый день после занятий приходить в этот репетиционный зал, практиковаться с трех до половины пятого... Впечатляющее усердие».

На самом деле Манкевицу плевать на частную жизнь Джейсонса. В чем заключалась определенная ирония, поскольку четыреста восьмое местное отделение профсоюза состояло преимущественно из мужчин, грубых работяг, многие из которых с удовольствием вышибли бы дух из таких, как Джеймс Джейсонс и Роберт, попадись они им после нескольких лишних бутылок пива.

Добро пожаловать в новое тысячелетие!

Последний ломтик яблока, подслащенный глотком диетической колы.

Второй гамбургер он убрал обратно в пакет, который аккуратно закрыл.

Он миновал дорожный указатель, сообщавший, что до Клосена осталось сорок восемь миль, а оттуда, насколько он знал, еще около восьми миль до поворота к озеру Мондак. Ему давненько не попадались другие машины, не говоря уже о полицейской засаде, и он увеличил скорость до семидесяти пяти.

Потом переключил проигрыватель компакт-дисков на христианскую проповедь. Просто так, хохмы ради.

Чувствуя тяжесть ружья, Генри направился по тропинке в том направлении, куда ему велел идти Руди. Он достал было пакет из фольги, трубку и зажигалку. Потом, поразмыслив, убрал все это в карман. Подул себе на ладони и двинулся дальше, почесывая шрамы на предплечье.

Он снова остановился там, где от малоприметной тропинки отходила в сторону более широкая тропа, идущая вниз, к озеру, служившему им источником воды. Генри постоял в этом месте минут пять, всматриваясь, прислушиваясь. Ни души. Он прислонил ружье к стволу дерева. Но когда снова полез в карман за пакетом с наркотиком и зажигалкой, из глубокой тени вышел человек и ударил его в лоб прикладом дробовика. И хотя торцевая сторона была снабжена резиновой прокладкой, силы удара оказалось достаточно, чтобы сбить Генри с ног. При падении его голова запрокинулась, и он перестал что-либо видеть. Из горла вырвался

булькающий звук, руки были беспомощно раскинуты, колени отчаянно дергались.

А потом приклад охотничьего ружья, уже без всяких прокладок, сокрушил ему гортань, и Генри перестал дергаться. Спустя минуту он уже не подавал признаков жизни.

Держа охотничье ружье наизготовку, Харт напрягся, заслышав чье-то приближение. Но это был всего лишь Льюис, который оглядел тело на земле, усмехнулся и поднял свой дробовик.

Харт наклонился и приложил пальцы внешней стороной к горлу худощавого мужчины.

— Мертв. А ты знаешь, что они умеют снимать отпечатки пальцев с кожи?

— Не знал. Неужели правда?

— Да. — Харт снова натянул перчатку. — Что там происходит?

— Шерифша Бринн в микроавтобусе, — сказал Льюис. — Я видел, как какой-то парень запихнул ее туда. Он замотал ей руки, то есть связал за спиной клейкой лентой, я имею в виду.

— Стало быть, наши девушки забрели прямо в распростертые объятия изготовителей мета. — Харт издал легкий смешок. — Как, однако, переменчива фортуна нынче ночью. Мы нарываемся на даму из полиции на озере Мондак, а они оказываются в трейлере, полном уголовничков. Она одна в автобусе?

— Я больше никого не разглядел. Было далековато.

— А где Мишель?

— Без понятия.

Харт открыл затвор охотничьего ружья, достал патрон и зашвырнул в кусты. Затем в противоположном направлении полетело само ружье. Он гораздо лучше стрелял из пистолетов, чем из длинноствольного оружия. К тому же, имея дело с затвором, можно было производить только один выстрел за несколько секунд. За это время он успел бы высадить все пятнадцать пуль из своего глока и уже наполовину перезарядить обойму.

Они молча пошли в сторону трейлера.

— Сколько всего людей там внутри? — шепотом спросил Харт.

— Мне не очень хорошо было видно. Точно еще один мужчина, ну, и тот парень, что посадил Бринн в микроавтобус. И с ними женщина.

Харт пристально оглядел Льюиса. Молодой человек не сводил взгляда с трейлера, поглаживая приклад дробовика. Он был явно сбит с толку.

— Комп?

— Что? — повернулся тот к Харту.

— Нам надо с ними разобраться.

— Конечно.

— Я догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь. Что эти люди вообще-то не причинили нам никакого вреда. Но они все равно не жильцы, Комп. Они варят мет. Ни один из них не протянет и года. Передоз или печь взорвется, они сгорят или их перестреляют другие такие же парни, защищая свою территорию. Так будет быстрее. Считай, мы оказываем им услугу. Схватим Бринн, найдем Мишель, покончим с ними, и все.

Льюис бросил взгляд на микроавтобус.

— Теперь о том, как нам провернуть это дело, — продолжал Харт. — Они профессионалы, а значит, имеют оружие. Вероятно, мы выиграли немного времени, когда я поговорил с мужем Бринн, но не знаю, поверил ли он мне, к тому же шериф может послать в заповедник патруль просто так, на всякий случай. Думаю, стоит предположить, что в доме уже работает полиция, а в такую тихую ночь звук разносится далеко. Они могут услышать стрельбу. Поэтому, как только начнется перестрелка, нужно завершить все быстро. Очень быстро.

— Само собой.

— Зажигалка по-прежнему при тебе?

— У меня она всегда при себе. На случай, если я в баре повстречаю дамочку, которой потребуется прикурить. — Интонация означала, что то была шутка.

— Очень галантно с твоей стороны, раз уж ты сам не куришь. — Харт улыбнулся, а Льюис коротко хохотнул. — Значит, так. Ты подберешься к трейлеру справа, где нет дверей. Собери кучку сухой листвы и постарайся найти кусок пластика или резины. Разведи под их домиком костерок. Небольшой такой. Нам не надо, чтобы пламя распространилось и

привлекло внимание. Просто немного дыма. У них там полно аммиака и пропана. Они перепугаются и бросятся, как черти от ладана, наружу — к автобусу. А когда они выскочат… Ты знаешь, что делать, верно?

Кивок в ответ.

— Я беру на себя переднюю дверь, а ты заднюю. У тебя все заряжено и готово?

— Да, порядок.

Харт проверил свой глок и убедился, что запасная обойма заправлена нижней стороной вверх справа под его ремнем, чтобы он мог легко ухватить ее левой рукой для перезарядки пистолета.

— Твой «ЗИГ» тоже может пригодиться.

Льюис достал хромированный автоматический пистолетик из кармана куртки и вставил себе за пояс.

Харт отметил, что его распоряжения не встречают больше саркастических замечаний и возражений.

С натянутой улыбкой Льюис сказал:

— Ну, чем мы с тобой не два суперстрелка?

— Подбирайся туда медленно и осторожно. Разведи костер. Потом возвращайся. Необходимо, чтобы они все до единого выскочили наружу, прежде чем ты начнешь пальбу. Последнее, что нам нужно, это штурмовать трейлер, чтобы добраться до кого-то, засевшего внутри. Ты насчитал троих, так?

— Да, но теперь я вспомнил, как толстуха повернулась и что-то сказала. И смотрела она не на тех двоих. Значит, там может быть кто-то еще.

— Хорошо, следовательно, будем иметь в виду четверых.

Веревка, которой Гэнди привязал ее к багажной скобе в задней части пятиярдового микроавтобуса, оказалась толстой и нейлоновой — она была крепкая, но хорошо скользила. Приложив некоторые усилия, Бринн сумела развязать узел. А вот обматывающая руки лента не поддавалась, зато теперь она смогла подняться на ноги. Кнопки запоров на задних дверях были вдавлены внутрь, и вытащить их не удалось. Бринн перебралась в переднюю часть автобуса, но зацепилась за

рукоятку переключения передач и ударилась головой о приборную доску. Несколько мгновений отходила от боли. Затем сумела перевернуться на сиденье так, чтобы бардачок оказался у нее под рукой. Но там были только документы на машину.

Она откинулась на спинку сиденья, переводя дух. Мышцы на животе пронзала острая боль от усилий, которые потребовались, чтобы перебраться к приборной доске, но еще больше от удара дубинкой, нанесенного ей женой Гэнди. Бринн попыталась открыть кнопку в подлокотнике двери, но связанными руками до нее не удалось дотянуться. Она осмотрела содержимое автобуса — мусор, коробки, пакеты из магазинов. Ни ножа, ни инструментов. Ни телефона. Она перевела тело в сидячее положение и в отчаянии закрыла глаза.

Затем откуда-то сзади донесся крик женщины.

— Мишель! — прошептала она. Неужели вернулась? Или это они разыскали ее у озера и приволокли сюда? Бринн оглянулась. В микроавтобусе, помимо окон в кабине, было еще два окна — в задних дверях. И оба густо забрызганы грязью.

Бринн посмотрела в боковое зеркало заднего вида. В ночном воздухе витали клубы дыма. Пожар в трейлере? Изготовители наркотиков нередко сгорали заживо.

«Но там же маленькая девочка!» — испугалась она.

Потом снова донесся женский голос:

— Нет! Умоляю, не надо! — Но кричала не Мишель. Это была мать Эми.

Выстрел из пистолета.

Бухнул дробовик.

Потом еще четыре или пять выстрелов. Пауза. Вероятно, для перезарядки. И новые звуки стрельбы.

Несколько секунд тишины. И опять голос, надрывный, писклявый крик страха или мольбы. Кто кричал — мужчина, женщина, ребенок?.. Бринн даже не разобрала.

Выстрел.

И снова тишина.

«Боже, прошу тебя, только бы с ней все обошлось! Пожалуйста…» У нее перед глазами стояло маленькое личико.

В зеркале отразилось какое-то движение. Человек с пистолетом шел вдоль домика на колесах, внимательно вглядываясь в него и окружающие заросли кустов.

Потом он повернулся в сторону микроавтобуса, где сидела Бринн.

Она лихорадочно огляделась в поисках хоть чего-нибудь, способного освободить ей руки. В конце концов перебросила их через рукоятку переключения передач и попыталась воспользоваться ею как пилой. Напрасный труд.

Она бросила взгляд в окно. Мужчина теперь в упор смотрел на микроавтобус.

Шериф Том Даль стоял над двумя трупами в кухне: деловая женщина лет за тридцать словно только что сбросила после работы туфли, счастливо предвкушая беззаботные выходные; вторым был крупный мужчина примерно того же возраста с густой копной давно нестриженых волос. Он выглядел простецким малым, каких немало собиралось за кружкой пива в «Корнер плейс» в Гумбольдте. По полу расплылись обширные лужи крови.

Как и у большинства полицейских, у Тома Даля с годами выработалось профессиональное отношение к подобным вещам, но это преступление повергло его в шок. В округе Кеноша люди погибали в основном в результате несчастных случаев, и смерть настигала их вне дома. Это были замерзшие бродяги, попавшие в аварии водители, рабочие, неосторожно обращавшиеся с инструментом, или туристы, побежденные непреодолимыми силами природы. А вот смотреть на этих несчастных, расстрелянных в мафиозном стиле в собственном доме, было тяжко.

Ему бросились в глаза их бледные ухоженные руки — у большинства погибших в здешних краях они были покрасневшими и мозолистыми.

И вдобавок ко всему его собственная помощница — в тайне от остальных офицеров управления любимица, дочка, о которой он мог только мечтать, — куда-то пропала из дома, изрешеченного пулями.

Он тяжело вздохнул.

Заслышав шаги вниз по лестнице, спросил:

— Ну, что там с подружкой семьи?

Вопрос был адресован Эрику Мюнсу, офицеру, которого он предпочел не отправлять сюда, остановив свой выбор на Бринн Маккензи. И какой бы оборот ни приняло дело, присутствие в управлении этого человека будет теперь для Тома Даля извечным напоминанием об этом решении.

— Там ее нет.

Уже легче. Он был почти убежден, что ее найдут наверху в спальне. Убитой, и, быть может, не сразу.

— Они могли забрать женщину с собой, — предположил Мюнс. — Или она прячется где-нибудь вместе с Бринн.

«Надо молить Бога, чтобы это так и было», — подумал Даль и действительно коротко помолился про себя.

Ему позвонили из ФБР, и следователь по особо важным делам Бриндл сообщил, что присылает нескольких своих агентов, поскольку погибшая Эмма Фельдман проходила свидетелем по делу Манкевица. Уже было известно, что начальник полиции штата направлялся сюда тоже, и появление фэбээровцев ему не понравится — он наверняка начнет мериться с ними полномочиями. Но Далю-то какое дело? Чем их тут больше, тем лучше. Еще ни один преступник не уходил от правосудия только потому, что по его следу шло слишком много талантливых сыщиков. Впрочем, наверное, такое случалось, но редко.

Должна была прибыть и спецгруппа экспертов-криминалистов из полицейского управления штата, поэтому Даль дал команду своим ребятам оставить улики на местах, но осмотреть все, что сочтут нужным, дабы разобраться в происшедшем и понять, где могли находиться Бринн и подружка Фельдманов.

Им не пришлось потратить слишком много времени на обнаружение важных элементов этой «мозаики»: были выстрелы через окна, стреляли как внутри дома, так и вне его, а следы ног свидетельствовали, что преступниками являлись, по всей вероятности, двое мужчин. В доме остались форменные «шерифские» ботинки Бринн, а подружка сбросила свои шикарные полусапожки рядом с «мерседесом» Фельдманов, и обе переобулись в практичные туристические башмаки. Одна из них была ранена; при ходьбе она использовала что-то вроде трости или костыля и приволакивала ногу.

«Мерседес» был припаркован возле гаража с двумя простреленными шинами, разбитым лобовым стеклом, задранным капотом и

болтающимся кабелем аккумулятора. Еще одна машина пожгла резину, если судить по следу на гравийной дорожке, спешно покидая двор дома. Третья укатила на спущенном заднем колесе, оставив за собой отчетливый след.

Но фрагменты не складывались в единую картину. И теперь, стоя перед источавшим запах прогоревших дров камином в гостиной. Даль подвел итог: полная неразбериха. И в этой неразберихе им требуется найти смысл.

И где же, черт возьми, Бринн?

«А Эрик?»

«Я бы не хотел поручать это ему. Ты же его знаешь».

Тут Даль заметил кое-что в деревянной обшивке.

— Кто-то захотел поиграть в криминалиста? — спросил он, угрюмо глядя на Мюнса.

Помощник посмотрел, на что указывал шеф. Было очевидно, что кто-то выковырял пулю из отверстия в облицовочной панели.

— Я здесь ни при чем.

Зачем кому-то понадобилось утруждать себя и доставать одну пулю, оставляя другие? Не потому ли, что на ней были следы его ДНК?

Скорее всего, именно здесь крылось объяснение, а это значило, что он ранен.

Но означало и другое — работал профессионал. Большинство преступлений в округе Кеноша совершали люди, не имевшие понятия о ДНК. Их не волновало, оставили они ее следы или нет.

Наемный убийца.

Так, думай. Двое преступников наняты, чтобы расправиться с Эммой Фельдман. Они выполнили задание, убив заодно и ее мужа. Затем, вероятно, их застигла врасплох подружка, приехавшая вместе с супругами. Она могла пойти на прогулку или принимать душ наверху, когда появились убийцы.

Или это Бринн стала для них неприятным сюрпризом.

Кто-то из женщин, возможно Бринн, выстрелила в одного из мужчин, ранив его. И тогда он выковырял из стены пулю со следами своей ДНК.

Но что произошло потом?

Они где-то спрятали свою машину и пересели на «хонду» Бринн? Захватили подругу Фельдманов и Бринн в заложницы? Или женщины сменили обувь на более подходящую и сумели сбежать в лес?

Или они уже мертвы?

Он вызвал по рации своего помощника Хоуи Прескотта. Здоровяк обследовал район у озера между вторым и третьим домами по Лейк-Вью, где были обнаружены следы чьих-то ног. Сейчас он искал тропинку, по которой кто-то мог уйти. В их управлении Прескотт имел репутацию лучшего охотника, хотя как мог человек, весивший под триста фунтов, преследовать добычу, оставалось тайной для всех.

— Что-нибудь есть, Хоуи?

— Никак нет, сэр. Но тут темно, словно в глухую ночь.

«Словно в глухую ночь», — повторил про себя Прескотт. Это и есть самая что ни на есть глухая ночь.

— Продолжай осмотр.

Потом Даль обратился к Эрику Мюнсу, который поигрывал рукояткой своего пистолета, как младенец погремушкой:

— Мне нужны люди для поиска тел… — Он осекся, поняв, что выбрал не те слова. — Мне как можно быстрее нужны поисковые группы. Чем больше, тем лучше. Но только вооруженные. Никаких добровольцев.

Мюнс поспешил к своей патрульной машине, чтобы вызвать поисковиков.

Даль вышел из дома и вгляделся в сторону озера. Низко опустившаяся луна почти не освещала его поверхность.

В его передатчике раздался треск.

— Это Пит.

— Слушаю тебя.

— Я у подъездной дорожки к дому номер один, — сказал тот, запыхавшись. — Я там еще не проверял, но хотел информировать, сэр. Мимо меня только что проследовал белый пикап. Двигается в вашем направлении.

Еще и пикап.

— Кто в нем?

— Не разглядел, сэр.

— О'кей, осмотри дом. Я хочу знать, что ты там найдешь.

— Будет исполнено.

— К нам кто-то едет в гости, — сказал шериф Мюнсу. Потом связался с Прескоттом и предупредил, чтобы тот присмотрел за прибывшей машиной.

Они наблюдали, как она медленно свернула на подъездную дорожку.

И Даль, и Мюнс приготовились достать оружие.

Однако вновь прибывший не представлял опасности.

Хотя предвещал лишние сложности.

Из кабины вышел Грэм Бойд и, не обращая внимания на три изрядно потрепанных куста азалии в кузове, направился прямиком к Далю.

— Ее здесь нет, Грэм. И мы не знаем, где она.

— Дайте мне самому посмотреть, — произнес Грэм дрогнувшим голосом и сделал движение в сторону дома.

— Я не могу разрешить тебе войти. Там трупы. Были убиты люди. Точнее — застрелены. Так что это место преступления.

— Тогда где она? — хрипло спросил Грэм.

Шериф обнял его за широкие плечи и отвел в сторону.

— Мы полагаем, что Бринн и гостье этих людей удалось сбежать.

— Сбежать? Куда?

— Наверняка нам пока ничего не известно. Мы уже вызвали сюда поисковые группы.

— Боже милостивый!

— Послушай, дай нам заниматься своей работой. Я знаю, тебе тяжело. Но все же прошу оказать нам услугу и отправиться домой. Пожалуйста!

Снова треск в радиопередатчике.

— Шериф? Это Хоуи. Я осматривал берег и кое-что обнаружил.

— Докладывай.

— Какая-то машина съехала с дороги. Похоже, упала в озеро.

— Похоже или упала? — рявкнул шериф.

После некоторой паузы:

— Да, определенно упала.

— Где?

— Видите свет фонарика? Я подаю вам сигналы.

Ярдах в трехстах от них желтая точка описывала полукруги в темноте.

— Там остались какие-то обломки? Какого цвета? — прокричал Грэм.

Заминка с ответом. Даль повторил вопрос по рации.

— Здесь валяется бампер. Темно-красный, — сказал Прескотт.

— О, дьявол! — воскликнул Грэм и бросился бежать.

— Будь оно все проклято! — сплюнул Даль. Они с Мюнсом сели в машину шерифа, Мюнс в кресло водителя. По пути они остановились, Грэм запрыгнул на заднее сиденье, и автомобиль устремился к берегу.

Следы шин, пыль от подушки безопасности, царапины на камнях, мелкие обломки — куски красного пластика от габаритных огней, осколки стекла, как и масляное пятно у самого берега, не оставляли сомнений. Машина съехала с проселка, свалилась на выступ скалы и упала в воду.

— Господи… — пробормотал Грэм.

Но что это добавляло к общей картине? Кто был в машине?

Или так: кто в ней до сих пор мог оставаться?

— Это не обязательно была именно ее машина, Грэм. Или она вела ее.

— Бринн! — в отчаянии крикнул Грэм. Его голос эхом отразили берега озера. Он рванулся вниз по скале.

— Нет! — попытался остановить его Даль. — Мы до сих пор не знаем, где убийцы.

Потом он повернулся к Мюнсу:

— Свяжись еще раз с полицией штата. Нам нужны аквалангист и грузовик с краном. Пусть приезжают на западный берег озера Мондак. Они выяснят, какая здесь глубина... Пойми, Грэм, это тоже место преступления. Мы не можем тебе позволить творить здесь, что вздумается.

Грэм что-то вытащил из воды и упал на колени, низко склонив голову. Даль хотел было прикрикнуть на него опять. Но передумал.

— Поднять его оттуда? — спросил Мюнс.

— Не надо. Оставь. — Даль сам спустился к краю воды, осторожно цепляясь за камни и преодолевая адскую боль в раненой ноге.

Грэм медленно поднялся и подал шерифу изданную «Хэнгстромом» карту округа. На насквозь промокшей обложке фломастером было выведено: «Зам. шерифа К. Б. Маккензи».

На мгновение Далю показалось, что Грэм собирается нырнуть. Он весь подобрался, чтобы помешать ему. Но здоровяк не сделал ничего подобного. С поникшими плечами он стоял и смотрел на темную воду озера.

Свист и треск в рации.

— Шериф, это Пит. Я у дома номер один по Лейк-Вью. Там никого, и заперто. Но за домом стоит брошенная машина.

— Что значит брошенная?

— Ее оставили здесь недавно. Я уже пробил ее. Угнана в Милуоки пару дней назад. Идентификационный номер совпадает. Номера того же года и от той же марки машины, но фальшивые. Два пулевых отверстия в борту и одно из задних колес тоже прострелено.

Наверняка именно эта машина уехала на трех колесах от дома Фельдманов.

Он подумал о Грэме. Лучше бы его здесь не было. Но и времени терять он не мог.

— Открой багажник. Глянь, что там внутри.

— Уже посмотрел, шериф. Пусто.

Еще раз, слава тебе, Господи!

— В дом кто-нибудь проникал?

— Нет. Я обошел его вокруг. Хотя они могли вскрыть замок, а потом снова закрыть его.

— Ладно, забудь об этом. Отправляйся теперь к дому номер два.

— Слушаюсь, сэр!

— Ты тоже иди туда, — велел Даль Прескотту.

Гигант-помощник кивнул и побрел вверх к проселку.

Последовало продолжительное молчание. Грэм потер глаза и снова стал вглядываться в воду.

— Не думаю, что здесь очень глубоко. Она могла выбраться на поверхность.

— Не сомневаюсь, что так и было.

— Ты ведь на самом деле в это не веришь, правда? Думаешь, она погибла. Так вот, она жива.

— Я вовсе не имел этого в виду, Грэм. Она очень крепкий человек. Одна из сильнейших.

— Вы должны прочесать всю округу.

— Мы это сделаем.

— Но это нужно сделать как можно скорее! Вызовите подкрепление из полиции штата.

— Они уже едут. Я им позвонил.

— И ФБР. Они же занимаются такими делами, правда?

— Да. Они тоже здесь будут.

Грэм обернулся и посмотрел в сторону дома номер два по Лейк-Вью. Патрульная машина Гиббса как раз подъезжала к нему.

У Даля голова шла кругом от обилия пищи для размышлений, но не настолько, чтобы не успеть молча помолиться: не дай Бринн и гостье Фельдманов оказаться в том доме. Мертвыми, как и сами Фельдманы.

— Езжай домой. Побудь с Джоуи. Ты нужен ему сейчас.

Вскоре снова включилась рация.

— Тут есть кое-что, шериф, — сообщил Пит Гиббс.

— Что именно?

— Следы взлома. И, по-моему, я вижу пулевые отверстия в окнах второго этажа.

— Ничего не предпринимай, дождись Эрика! — Кивок в сторону молодого любителя приключений, который тут же бросился ко второму дому.

— Кажется, никого нет, — сказал Гиббс.

— Оставайся пока на месте.

— Слушаюсь, сэр.

— Вместе с Эриком заходите внутрь. Но имейте в виду: они все еще могут быть там. И мы знаем, что у них есть оружие.

Грэм осматривал берег озера, стоя спиной к Далю, не сводившему глаз с дома. Шли минуты, казавшиеся вечностью, и Даль вдруг понял, что, затаив дыхание, ждет, не начнется ли перестрелка.

Рация издала характерный треск, но, словно издеваясь, замолчала.

Сам Даль выходить на связь не хотел — писк раций мог выдать их местонахождение.

Ничего.

Проклятие.

Наконец на связь вышел Эрик:

— Мы осмотрели дом, шеф. Они здесь побывали. Была стрельба, но трупов нет. Однако мы нашли нечто странное.

— Странное, Эрик? Я не понимаю слова «странное». Говори, что именно.

— В одной из спален наверху. Весь пол в ванной покрыт аммиаком. Воняет, как из корзины с использованными детскими подгузниками.

— Аммиак?

— И мы нашли мундир Бринн. Всю ее форменную одежду.

Грэм напрягся как струна.

— Одежда насквозь мокрая и грязная. А стенные шкафы и гардероб открыты. Я предполагаю, что она переоделась и ушла.

Даль бросил взгляд на Грэма, который от облегчения невольно зажмурился.

— Шериф, Хоуи вызывает. Я снаружи. Нашел следы. Судя по размерам — женские. Они ведут от дома в лес. Потом вдоль ручья в сторону дома Фельдманов. А потом я их потерял.

— Понял тебя.

Даль снова обнял Грэма за плечи и подвел к патрульной машине.

— Послушай, теперь мы точно знаем, что твоя жена сумела выбраться. Если кто-то и владеет навыками выживания, так это она. Кому это знать, как не мне, Грэм. Ведь именно я выписываю ей командировки на все эти тактические занятия и тренинги. Черт, она посещает их так часто, что за спиной ее у нас прозвали зубрилой. Только ей не говори, что я сказал тебе об этом. Брось, давай я отвезу тебя к твоему пикапу. Мы с тобой уже не в том возрасте, чтобы бегать туда-сюда.

Автоматические замки микроавтобуса с щелчком открылись.

Бринн повернулась в сторону раздвижной двери салона, когда та распахнулась.

Перед ней стоял Харт с пистолетом наготове, быстро осматриваясь, не угрожает ли ему кто-нибудь. Убедившись, что руки у нее связаны, а больше в автобусе никого нет, он забрался внутрь. Дверь снова с грохотом закрылась.

Он отложил пистолет в сторону и принялся рыться среди груд мусора на полу и позади передних сидений.

— Там в трейлере была девочка, — сказала Бринн. — Совсем маленькая девочка.

— Девочка? С ней все в порядке.

— Но был же пожар!

— Отвлекающий маневр. Трейлер не горел.

Бринн осмотрелась. Дым действительно уже рассеялся. Он говорил правду.

Харт нашел сосуд с отбеливателем и открыл его, чтобы отмыть свои перчатки и ключи от автобуса, покрытые кровью. Потом налил немного в прореху рукава своей кожаной куртки, проделанную пулей, которую выпустила Мишель, и от боли резко выдохнул.

Глаза защипало от паров хлора. Оба часто заморгали.

— Наркоманы... Предосторожность не бывает лишней в наши дни. — Он словно извинялся за причиненное неудобство. Пристально оглядев ее и задержав взгляд на сильно распухшей щеке, Харт нахмурился.

— Это правда? Она жива? — Бринн смотрела ему прямо в глаза. Он выдержал взгляд.

— Девочка? Да говорю же вам, она в порядке. Вот мамаша — если она была ее матерью — мертва. И остальные тоже... Чтоб вы знали, они бросили девчонку в трейлере, решив, что начался пожар. И выбежали наружу. Может, чтобы потушить огонь, но, скорее, просто оставили на верную смерть.

Теперь уже Бринн внимательнее присмотрелась к нему. Серьезное лицо, серые глаза, темные волосы, длинные и сухие. Кожа на лице бугристая. Школьницей ее мучили подростковые прыщи, но от них и следа не осталось, когда она пошла в колледж. Он не был хорош собой, определенно нет, но в нем было своеобразное обаяние уверенности и силы.

— Бринн, — задумчиво протянул он.

Откуда ему известно ее имя? Гэнди сообщил перед смертью? Едва ли. Но они побывали в спальне дома номер два по Лейк-Вью. Он прочитал его на табличке, пришпиленной к ее форменной сорочке.

— А вы — Харт.

Он кивнул с кривой усмешкой.

— Мой приятель слишком много чесал языком. И выболтал, как меня зовут.

— А как его имя, не напомните?

Еще одна улыбка вместо ответа.

— А где девочка сейчас? — спросила Бринн.

— В своем уголке в доме на колесах, — ответил Харт. — Она в постельке с куклой Честер. Мне пришлось поискать ее. Кажется, это кролик. Но могу ошибаться.

— И вы оставили ее там одну? — рассердилась Бринн. — А если она выглянет наружу и увидит тело своей матери?

— Не увидит. Мой друг уже перетаскивает трупы в лес. Девочке я велел оставаться на месте. Утром на квадратный ярд этого заповедника копов будет больше, чем в полицейской академии. Они позаботятся о ней.

— Она мертва, ведь так? Вы убили и ее тоже?

Он посуровел лицом, явно недовольный, что она усомнилась в его словах.

— Я не убивал ее. Она в постели со своим Честером, как я и сказал.

Бринн решила на этот раз ему поверить.

— Так что произошло? — спросил он. — Вы повстречали этого деятеля в лесу, и он предложил вам воспользоваться телефоном. А угодили вы прямиком в нарколабораторию.

— Я догадалась, куда мы попали, чуть раньше, но не успела что-то предпринять.

— Почувствовали запах, верно? Аммиака?

— Да. И хлора. И горящего пропана.

— Точно так же нашел их и я, — сказал Харт. — Еще внизу у озера учуял, чем попахивает.

— Видимо, изменилось направление ветра, — предположила она. — Мне этот запах ударил в нос, только когда мы уже подошли вплотную.

Харт потянулся.

— Ух! Ну и ночка! Держу пари, у вас такие выдаются не часто в этом вашем округе… Как бишь его?

— Кеноша.

Харт снова бросил взгляд на рану в ее щеке. Он наверняка заметил воспаление и теперь прикидывает, как долго она продержится, прежде чем выдаст местонахождение Мишель.

Хоть вечность.

Но сама сомневалась, сможет ли.

И, словно угадав ее мысли, он небрежно спросил:

— Кстати, а где ваша подружка Мишель?

— Это мне неизвестно.

Она помнила, что они нашли сумочку девушки и знали не только, кто она такая, но и где живет.

Харт слегка сменил позу и поморщился, вероятно, от боли в раненой руке.

— Что это за имя такое — Бринн?

— Норвежское.

Он задумчиво кивнул.

— А вот насчет Мишель вы лжете. Вам прекрасно известно, где она.

Он казался обиженным. Даже уязвленным. И после недолгой паузы произнес:

— Я тут, знаете ли, кое с кем побеседовал сегодня вечером. По телефону.

— С кем же?

— С вашим супругом.

Она промолчала. Подумала, что он блефует. Но потом вспомнила, что они завладели ее мобильным. Грэм мог позвонить, а Харт — ответить.

— Я притворился офицером полиции. Сказал ему, что вы задерживаетесь. И он купился. Я такие вещи чувствую. Никто не спешит к вам на выручку. И чтобы у вас не было лишних иллюзий, скажу сразу: я вынул из телефона аккумулятор. Его теперь не отследить. Так что говорите, где она? Где Мишель?

Они смотрели друг другу прямо в глаза. Ее поразило, как легко удалось выдержать его взгляд.

— Вы убили ее друзей. Так зачем мне помогать вам найти Мишель? Чтобы вы прикончили и ее тоже?

— Вот как, — покачал он головой. — Значит, Мишель была другом семьи? И потому оказалась замешана во все это. — И со странным смешком продолжил: — Вот что называется оказаться не в то время не в том месте. Нынче ночью это происходит постоянно.

— Нам надо обсудить сложившееся положение.

— Готов поспорить, у вас это впервые. Лично мне такое в новинку.

— Что именно?

— Игра, в которую мы играли сегодня. Это как покер. Блеф и тому подобное. Вы одурачили меня, я обманул вас.

Покер…

— Мой приятель поведал мне об одном персонаже. Его мать или бабка, я уже забыл, кто именно, рассказала ему о Ловкаче. Это что-то из мифологии или сказок. Он все время стремится тебе навредить. Так я называл всю нынешнюю ночь вас, Бринн.

«Ловкач», — повторила она про себя.

— Тот трюк с телевизором во втором доме по Лейк-Вью, когда вы включили его на канал для женщин. Это было ловко. И ведро с аммиаком над дверью… Но, знаете, как я теперь понимаю, ловушку вы не устанавливали. Побоялись, что какой-нибудь спасатель или один из ваших друзей копов окажется там раньше и лишится глаз. Забавно, но ваша неспособность на коварную затею… вызывает у меня симпатию, что ли?

Бринн сдержала улыбку и постаралась не показать, что ей польстили его слова.

— А потом это каноэ. И кровь на выступе скалы.

— И вы с вашим отъездом на трехколесной машине, — вставила она.

— Но на это-то вы не клюнули, верно?

— А что толку? В конце концов, вы здесь. Вы меня поймали.

Он оглядел ее снова.

— Кровь на выступе. Вам ведь пришлось себя порезать, чтобы оставить кровавое пятно?

— Кетчупа с собой не захватила.

Она откинула голову, чтобы он увидел полоску запекшейся крови у нее под волосами.

Потом призналась:

— Зато трюк с фонариком у скалы ввел меня в заблуждение. Что вы сделали? Свили веревку из футболки?

— Точно. Позаимствовал у своего дружка. Помимо воли насмотрелся на выставку татуировок на его торсе. А потом использовал ветку, чтобы луч бил в нужном направлении, и менял его на ветру.

— Но как вы нас нашли?

— «Блэкберри».

Она покачала головой с горькой усмешкой. «У него спутниковая техника, у меня игрушечный компас-самоделка... Впрочем, сработали-то они одинаково», — подумала Бринн.

— Управлению шерифа на это денег не выделяют.

— Я догадался, что вы пойдете по тропе «Джолиет», а потом свернете к северу. И будете добираться либо до магистрального шоссе, либо до Пойнт-оф-Рокса.

— Я собиралась выйти на шоссе. Там чертовски тяжелый подъем, но зато это ближе. К тому времени, когда мы достигли бы дороги, грузовики по ней шли бы уже косяком.

— Как вы вообще не заблудились?

— Я хорошо ориентируюсь на местности.

Она вгляделась в его лицо.

— Зачем вам это, Харт? — спросила она. — Дело-то безнадежное.

— Бросьте, Бринн, мы с вами слишком искушенные люди, чтобы вести переговоры об освобождении заложников с глазу на глаз.

Но она упрямо продолжала:

— Только двум процентам преступников убийства сходят с рук, и то в большинстве случаев среди наркоманов, где до жертвы никому нет дела, или там, где подозреваемых такое количество, что не стоит и браться за расследование. Но случившееся сегодня ночью… Они не остановятся, пока не доберутся до вас… Вы же не глупый человек, Харт.

И снова он как будто был уязвлен.

— Какая снисходительность… Не тратьте на меня эту дешевку. Я-то отнесся к вам с уважением.

И ведь он прав.

Он потянулся и потер раненую руку. Пулевое отверстие приходилось на край рукава куртки. Пуля не задела ни кость, ни жизненно важную артерию.

— Сумасшедшая у нас с вами работенка, а, Бринн? — заметил он.

— Ну, работа у нас с вами все-таки разная, — не удержавшись, съязвила она.

— Я бы так не сказал… Взять, к примеру, нынешнюю ночь. Мы оба явились сюда, чтобы сделать дело, на которое пошли добровольно. И цели у нас до сих пор одинаковые. Не дать другому выбраться живым из этой проклятой чащобы. Кто платит вам зарплату, а кто выписывает чек для меня — вопрос чисто технический. И не слишком важно, почему мы оказались здесь. Важно лишь, что оказались.

Она невольно рассмеялась.

Но он словно был уверен, что она уловила логику в его словах. И, оживившись, глядя ей в глаза, сказал:

— Подумайте сами — разве не это придает смысл всему? Даже несмотря на неприятности сегодняшней ночи, на все это дерьмо. Я всегда думал именно так. Не променял бы свою нынешнюю жизнь ни на что другое. Бросьте взгляд на остальной мир — это же ходячие мертвецы. Они же просто трупы, Бринн. Сидят, бубнят, сердятся на что-то, показанное по ящику, хотя лично к ним оно не имеет ни малейшего отношения. Ходят на службу, возвращаются домой, толкуют между собой о вещах, в которых ничего не понимают или на которые им плевать… Боже! Да от одной только скуки подохнуть можно! Я бы точно сдох. Мне нужно нечто большее, Бринн. А разве вам — нет?

Здоровой рукой он помассировал себе шею.

— Скажите мне, где она. Пожалуйста. Иначе будет плохо.

— Если скажу, оставите меня в живых?

Помолчав немного, он ответил:

— Нет. Этого я сделать не могу. Но мне известен ваш номер телефона. Я знаю, что у вас есть муж и, вероятно, дети. Если скажете, с ними ничего не случится.

— Назовите мне свое полное имя.

Он покачал головой и усмехнулся.

— Хорошо, пусть будет так. Господин Харт, независимо от того, имя это или фамилия, с настоящего момента вы находитесь под арестом.

И она объяснила ему его права от первого до последнего слова по правилу Миранды.[24] Она никогда не пользовалась закатанными в пластик карточками, как некоторые другие офицеры, — запомнила наизусть много лет назад.

— Вы меня арестовали?

— Вам понятны ваши права?

Повеселившись над ее словами, он сказал:

— Я уверен, вы знаете, где она. Вы ведь договорились о месте встречи, не так ли? Точно договорились. Потому что это в вашем стиле.

Последовало молчание, которое нарушил Харт:

— Жизнь — смешная штука, не правда ли? Кажется, все великолепно. Разработан план, изучено место, произведена разведка, учтены все детали. Ты мог даже принять во внимание такую странную штуку, как человеческий фактор. Путь чист, способ отхода ясен, ты отвлек внимание всех, кого нужно, и вдруг вмешивается какая-то мелочь. Слишком много красных сигналов на светофорах, прокол шины, дорога, перекрытая из-за аварии. Или какой-нибудь полудурок из охранников, которому только что выдали «дезерт игл 44»[25] и ему не терпится пустить его в ход, явится на работу десятью минутами раньше, потому что до звонка будильника его разбудил лай собаки, вспугнувшей белку в двух кварталах от дома…

Голос его постепенно слабел. Он сложил вместе кончики затянутых в перчатки пальцев, поморщившись от боли, когда потревожил при этом левую руку.

— И все твои планы летят к черту. Планы, обязанные сработать, не срабатывают. Именно это и произошло с нами сегодня, Бринн. И с вами, и со мной.

— Развяжите мне руки и сдайте оружие.

— Неужели вы серьезно думаете, будто сможете меня арестовать подобным образом?

— Вы кое-что пропустили. Я вас уже арестовала.

Харт снова потянулся.

— Жаль, я уже не так молод.

Он помассировал свою левую руку.

— Вы давно замужем?

Она не ответила, но невольно посмотрела на его руку в перчатке.

— Семейная жизнь не по мне. А вас она устраивает, Бринн?.. Бросьте, что такое для вас Мишель?

— Моя работа. Вот что она такое.

— И насколько важной может быть работа?

Бринн сдвинула брови, почувствовав при этом боль.

— Вам известен ответ на этот вопрос.

Он хотел что-то сказать, но передумал. Склонил голову, словно признавая ее правоту.

— Возможно, вы и говорили с моим мужем, но вы ведь его не знаете. Он наверняка уже поднял тревогу. Он не из тех, кто ложится спать после десятичасовых новостей.

И снова на его лице отразилось разочарование.

— Это ложь, Бринн.

Она тяжело вздохнула и признала:

— Может, и так. Хорошо. Договорились. Больше никакой лжи, Харт. Грэм действительно мог отправиться спать. Но в четыре утра он встанет, чтобы пойти в туалет. Он это делает каждую ночь в одно и то же время. И увидев, что меня до сих пор нет, позвонит моему шефу, а тот поднимет на ноги всю полицию штата. У вас есть время, но очень немного. И его точно не хватит, чтобы заставить меня сказать, где она. И вот это уже не ложь.

— О'кей, тогда мы могли бы... — начал Харт, но осекся.

Бринн рассмеялась.

— Собирались мне соврать?

— Собирался, — ухмыльнулся он.

— Хотели подкинуть надежду на спасение, верно?

— Да. Но понял, что номер не пройдет. — Он вытащил из кармана карту и расстелил ее между ними. Нашел тонкую ниточку, обозначавшую проселок, на котором они находились. Включил освещение салона.

— Где она, Бринн?

— Этого я вам не скажу, — ответила она.

Он покачал головой.

— Пытать я вас не буду. Это унизительно. И вашей семье ничто не угрожает.

— Я знаю.

Он достал пистолет. Посмотрел на него.

— Но… Вы же понимаете?

Она вдруг с удивлением осознала, что он не хочет в нее стрелять. И, тем не менее, выстрелит. Хотя у нее возникло странное чувство, что эту партию в их игре она выиграла. Но в то же время она с пронзительной душевной болью понимала, что потерпела поражение. Не потому, что должна умереть. А по множеству других причин, существовавших далеко от этого микроавтобуса, этого леса, этого заповедника.

Затянувшееся молчание становилось неловким, словно у молоденькой парочки к концу первого свидания.

— Харт, у вас есть последний шанс.

Он только рассмеялся.

— Позвоните девятьсот одиннадцать. Я ведь говорю серьезно. Я попрошу окружного прокурора проявить к вам снисхождение. Между нами не будет больше никакого вранья, Харт. Верьте мне.

Он сидел с опущенной головой, рассеянно поглаживая пальцами свой пистолет.

— Так вы сдадитесь или нет? — настаивала Бринн.

— Вы же понимаете, что я не могу этого сделать.

Они обменялись грустными улыбками.

Затем Харт посмотрел через лобовое стекло, и лицо его мгновенно изменилось.

— Что за…

Микроавтобус пришел в движение. Он катился вниз и быстро набирал скорость.

В тот момент, когда он только собирался забраться в фургон, Бринн связанными руками перевела коробку передач на «нейтралку», сняла ручной тормоз и откинулась назад, чтобы он не мог этого видеть. И весь их разговор она держала ногу на тормозной педали. Когда же стало окончательно ясно, что уговорить его сдаться невозможно, отпустила педаль. Автобус, стоявший под уклон, рванулся вперед. Легко перескочив через железнодорожную шпалу, обозначавшую границы парковки, он помчался вниз по крутому склону сквозь мелкие кусты и заросли травы.

— О, боже! — пробормотал Харт, хватаясь за руль и рычаг переключения передач, но Бринн резким движением плеча ударила его по раненой руке. Он закричал от боли. Неуправляемый микроавтобус влетел на камни и развернулся влево, потом все еще на приличной скорости опрокинулся набок, и стекла разбившегося окна со стороны пассажирского сиденья полетели внутрь. Бринн с силой швырнуло на грудь Харту, а машина продолжила головокружительное скольжение по бесконечному склону холма.

К тому времени, когда Том Даль подвез Грэма Бойда к дому Фельдманов, к нему уже сворачивали, сверкая проблесковыми маячками и поднимая тучи пыли, две патрульные машины полиции штата. Из них вышли шестеро офицеров.

Насупленный Грэм пожал Далю руку и побрел к своему пикапу, на ходу доставая из кармана телефон. А шериф подошел к командиру ночной смены полиции штата Висконсин Арлену Таннеру, крупному усачу. Они работали бок о бок многие годы. Даль посвятил его и остальных полицейских в детали дела.

— Эксперты-криминалисты будут здесь через полчаса, — сказал Таннер. — А для нас, значит, поисково-спасательная?

— Точно так, Арлен. Сюда уже направляются группы из Гумбольдта и человек шесть из Гарденера. Подъедут и из округа Барлоу.

— А я вытащил из постелей двух наших ныряльщиков. Они тоже в пути.

— Теперь я уже не уверен, что они нам так срочно нужны. По всей видимости, моя помощница сумела выбраться из затонувшей машины и сбежала вместе с подругой убитых. Они где-то в окрестных лесах. И все указывает на то, что двое вооруженных бандитов преследуют их.

У Даля зазвонил телефон. Судя по определителю, звонили из одного из районов Кеноши. Он нахмурился. Ответить или нет?

А, черт с ними! Лучше поговорить.

— Шериф Даль на связи.

— Здравствуйте, шериф. С вами говорит Эндрю Шеридан. — Сказано это было так, словно Далю имя должно быть знакомо.

— Слушаю вас, сэр, — отозвался шериф не слишком уверенно.

— Я работал с Эммой Фельдман. Мне только что сообщили.

Ах, вот это кто! Обнаружив тела погибших, Даль позвонил секретарю юридической фирмы и запросил имена партнеров, с которыми работала Эмма Фельдман. Он тяжело вздохнул и сообщил секретарю печальную новость. А в тех кругах все и всем становится известно очень быстро.

— Я сожалею, сэр. Примите искренние соболезнования в связи с вашей утратой.

— Благодарю вас.

И Даль посвятил собеседника в те немногие детали, которые мог не скрывать. А потом к делу перешел уже Шеридан.

— Это тяжкие времена для всех нас, шериф. Но я должен спросить вас кое о чем. Речь идет о бумагах Эммы. Она ведь привезла некоторые из них с собой, не так ли?

— Так точно, сэр. Привезла.

— И они будут приобщены к делу как улики?

— Да, их необходимо исследовать. Похоже, кто-то в них покопался.

— Что? Кто это мог быть?

Даль сделал извиняющийся жест в сторону Арлена Таннера.

— Прости, это на минутку, — прошептал он ему.

Потом в трубку телефона:

— Мы пока не знаем, сэр.

— То есть забрать их мы не можем?

— Нет. Пока нет.

— А когда примерно это станет возможным?

— На данный момент не готов вам этого сказать.

— Тогда могу я попросить вас обеспечить их сохранность?

— Как любые улики, они будут храниться под замком, сэр.

Последовала заминка.

— Там нет ничего особенного, но нас волнуют некоторые профессиональные секреты и все такое. Ну, вы же понимаете?

Шериф не понимал, но ответил:

— Не беспокойтесь, у нас они будут в безопасности.

— Что же, спасибо, шериф. Если я могу чем-то помочь, чем угодно, только позвоните.

«Можешь, если дашь мне спокойно работать».

Они разъединились. Даль раздражился, но ему трудно было винить собеседника. Его практичный подход к делу не означал, что он не скорбел по погибшей. Как и у Даля, у Шеридана были свои обязанности по работе.

Рация Даля опять издала треск, означавший вызов.

Его информировали:

— Тут еще кто-то едет, шериф.

— Группа спасателей или грузовик с краном?

— Нет, автомобиль частный.

— Номер разглядел?

— Только то, что он из Висконсина.

— Хорошо.

На проселке появился седан, притормозил и свернул к дому номер три по Лейк-Вью, сиявшему огнями, словно «Титаник» перед катастрофой — Даль с женой только что посмотрели фильм. Он лучом фонарика показал, где остановить машину, и попросил водителя выйти. Бизнесмен лет тридцати или чуть старше смотрел на происходящее в крайнем недоумении.

— Что случилось? Что здесь происходит? — спросил он, выбравшись из-за руля.

Таннер кивнул Далю, и тот сказал:

— Не могли бы вы предъявить документы, сэр? Как вас зовут?

— Ари Паскелл. — Он протянул свои права шефу полиции штата, а тот передал их своему подчиненному для проверки.

— Ради бога, объясните, что стряслось?

— Какие дела привели вас сюда?

— Дела? Да я просто приехал провести выходные с Эммой и Стивом! Что происходит? Я им весь вечер звоню, но никто не отвечает.

— Кем вы им приходитесь?

— Мы со Стивом друзья. Прежде работали вместе. Он и пригласил меня на уик-энд. С ними все в порядке?

Даль бросил взгляд на Грэма, смотревшего в сторону леса. «Как же я это ненавижу!» — подумал шериф. Потом повернулся в сторону патрульной машины, в которой сидел офицер полиции. Тот кивнул, а это означало, что водительское удостоверение и номера машины гостя оказались в порядке. Даль понизил голос:

— Мне очень жаль, что приходится сообщать вам такие новости, сэр, но здесь было совершено преступление. Супруги Фельдман сегодня вечером стали жертвами предумышленного убийства.

— О, боже мой, нет! Нет! Вы, должно быть, ошиблись... Я ведь говорил со Стивом сегодня после обеда.

— Боюсь, что ошибка исключена.

— Нет! — выдохнул мужчина. — Не может быть! Вы ошиблись.

От природы бледное, его лицо побелело еще больше.

Даль стал опасаться истерики, в которую при подобных обстоятельствах порой впадали самые крепкие с виду люди, а этот молодой еще человек явно не принадлежал к их числу.

— Мне искренне жаль.

— Но этого не может быть! — Глаза мужчины округлились, руки дрожали. — Я привез им их любимое пиво. И свежайшие свиные сардельки. Мы такие всегда жарили.

Он всхлипнул.

— Я купил их всего несколько часов назад. Специально заехал в...

Потом он поник головой и, словно принимая реальность, снова спросил:

— Так, значит, вы уверены?

— К моему величайшему сожалению, сэр.

Паскелл оперся о свою машину и застыл, не сводя глаз с дома. Должно быть, воспоминания проплывали перед его глазами, воспоминания о приятных событиях, которые уже не повторятся.

К ним подошел Мюнс.

— Как же такое могло случиться? — прошептал Паскелл. — Кто мог это сделать?

— Мы это выясняем. Скажите, мистер Паскелл...

— Но ведь они не были богаты. Кому пришло в голову их ограбить?

— Мистер Паскелл, вы знаете о других приглашенных? Нам известно только, что это была женщина из Чикаго, которая раньше работала с Эммой.

Он покачал головой.

— Нет. Они говорили, что будет еще кто-то, но я не знаю, кто именно.

— Думаю, вам следует отправиться домой, сэр. Или остановиться в мотеле, если вы слишком устали и расстроены, чтобы вести машину. Их несколько на выезде из Клосена по шестьсот восемьдесят второй дороге. Здесь вы уже ничем не сможете помочь.

Но гость словно его не слышал, размышляя о чем-то, наморщив лоб.

Даль обратил на это внимание, и, как всегда поступал со свидетелями, дал время, чтобы мысль оформилась в голове человека.

— Возможно, это дурацкое предположение... — Гость вскинул голову. — Но мне вспомнилось...

Обычно предположения в таких случаях как раз и бывали дурацкими. Но порой они приводили сыщиков прямиком к порогу убийцы. Поэтому Даль поощрил его:

— Продолжайте.

— Стивен как-то рассказывал мне… По-моему, это случилось прошлой осенью.

— Что именно, сэр?

— У него была стычка с одним парнем. У супермаркета. Здоровый бугай. Из местных, как говорил Стив. А все из-за какой-то глупости. Их машины чуть не столкнулись на парковке. Но тот мерзавец совсем озверел. Преследовал его до самого дома. Угрожал.

— Он сообщил вам еще какие-нибудь подробности?

— Нет. Только, что мужчина живет где-то рядом и настоящий здоровяк. Туша под триста фунтов.

Мюнс посмотрел на Даля и покачал головой.

— Не сходится, — сказал он. — В нашем случае преступников двое, и ни один из них не может быть таким тяжелым, если судить по следам. Он еще как-то описал его внешность?

— Нет. Стив рассказал это к случаю, мол, вот какая неприятность чуть со мной не случилась. Но он был напуган, это точно. Представьте, тот громила явился к нему домой. Если их сегодня было двое, так, может, он привез своих дружков, и они… Они убили Стива и Эмму, пока он сам ждал в машине?

Если бы Далю давали по доллару за каждый инцидент на стоянке, не переросший в драку, шериф был бы уже богатым человеком.

— Не могли бы вы оставить нам свой номер телефона, мистер Паскелл? — попросил он. — У нас еще могут быть к вам вопросы.

Паскелл смотрел на свою машину, в которой все еще лежали припасы, специально купленные для друзей. Наверняка он скоро от них избавится. От ярости и отчаяния швырнет в ближайший контейнер для мусора. Наметанным глазом Даль определил, что, несмотря на вполне кроткую внешность, этот человек способен по-настоящему разозлиться.

— Мистер Паскелл?

Тот все еще не слышал его. Шериф вновь повторил просьбу, и гость Фельдманов словно очнулся.

— Мой номер? Ах, да, конечно, конечно. — Он продиктовал его Далю.

Крепыш Таннер, поглаживая усы, смотрел на шерифа, и взгляд его ясно говорил: сколько ни сталкиваешься с этим, легче не становится, верно, дружище?

— Вы сможете вести машину? — спросил Даль.

— Через несколько минут. — Паскелл неотрывно смотрел на дом. — Дайте мне время прийти в себя.

— Разумеется. Мы вас не торопим.

И бизнесмен — его лицо представляло собой горестную маску — достал свой мобильный. Он в нерешительности тер его между пальцами, по-видимому, собираясь с духом, чтобы позвонить друзьям. Даль оставил его в покое, чтобы облегчить нелегкую задачу.

Прескотт и Гиббс обносили место преступления специальной желтой лентой. Мюнс доложил, что трое помощников шерифа обошли по периметру окрестный лес, но следы женщин затерялись.

— Что думаешь об этой истории с местным громилой? — поинтересовался Таннер мнением Даля.

— Лично меня не слишком впечатляет, но будем иметь ее в виду. Дайте мне карту. У кого-нибудь есть карта? И фонарик.

В картах местности недостатка не было, но фонарика ни у кого не нашлось, и они поднялись на террасу при входе в дом, над которой горел светильник, привлекая первых весенних насекомых. Один из помощников расстелил большую карту на деревянном кофейном столике, отодвинув в сторону кресла. Дома на ней не обозначались, только проселок Лейк-Вью вился тоненькой желтой линией. Озеро Мондак по одну сторону, а по другую — обширный массив зеленого цвета: Национальный парк Маркетт. Карта показывала возвышенные места и тропы, посты рейнджеров, автостоянки и несколько достопримечательностей — созданный природой мост, «Дьяволова впадина», долина реки Змейки.

Десятки тысяч гектаров.

Даль сверился со своими исцарапанными наручными часами «Таймекс».

— Предположим, со времени убийства прошло пять или шесть часов. Куда могли успеть добраться Бринн и та девушка? Сквозь эту чащу да среди ночи они вряд ли далеко ушли.

У него опять разболелась нога.

В этот момент появился Прескотт.

— Я тут кое-что нашел у гаража, шериф.

Офицеры полиции вытаращились на его огромный торс. Он же кивнул им с той мерой уверенности в себе, какую можно ожидать от двадцатисемилетнего человека.

— Что именно?

— Кусок брезента. Такими обычно накрывают каноэ. И след от лодки, которую тащили к тому ручью. А он впадает в озеро.

— А следы ног?

— Там не поймешь. Трава и гравий. Но след от волока похож на свежий. И я заглянул в гараж. Там только один спасательный жилет, а весел нет. Готов побиться об заклад, это они взяли лодку.

Даль снова вгляделся в карту.

— Ни ручья, ни речки, которые бы вытекали из озера. Они могли добраться на лодке только до противоположного берега, а там ее пришлось бы бросить.

— Они могли пойти дальше пешком, — заметил Мюнс. — Обувь у них для этого подходящая.

Даль обратил внимание, что Грэм все еще не уехал, а по-прежнему стоит поодаль, вглядываясь в лес.

— Грэм, нам нужна твоя помощь.

Он подошел, был представлен остальным и выслушал слова сочувствия во всевозможных вариантах, когда офицеры узнали, что одна из пропавших женщин — его жена.

Даль посвятил его в историю с каноэ. Но Грэм решительно помотал головой.

— Не думаю, что Бринн могла его взять.

— Почему?

— Она ненавидела лодки. Ненавидела быть на воде.

— Да, но в такой отчаянной ситуации она могла и смириться с необходимостью, — сказал Арлен Таннер.

— Только если не было других возможностей.

— Бринн хорошо знает заповедник? — спросил Даль.

— Отдельные его части. Я заметил, как, прежде чем уехать, она изучала в машине карту. Она всегда так делает. Готовится к заданию, я имею в виду. Со своим бывшим мужем они здесь несколько раз бывали, но никогда со мной.

Вмешался Мюнс:

— Однажды мы с Бринн участвовали тут в поисково-спасательной операции.

Он нахмурился, замялся, но наконец спросил о том, что, видимо, не давало ему покоя:

— Я кое-чего не могу понять, Том. Почему ты не послал сюда меня? Я был всего в восемнадцати милях.

— Я думал, ты занят. Тем делом об угоне.

— Но нет же! Разве ты не слышал? То был ошибочный вызов. Я вполне мог поехать.

Даль снова углубился в изучение карты.

— Нам известно, что она раздобыла сухую одежду и наткнулась на эту подружку Фельдманов. Они вместе здесь переобулись, а потом ушли. Вопрос — в каком направлении?

Вопреки возражениям Грэма, Таннеру нравилась версия с каноэ.

— Они могли переплыть озеро и теперь прячутся где-то на той стороне. А если не воспользовались лодкой, то отправились пешком туда, — указал он на крутой склон холма за домом, весь поросший лесом.

Вмешался один из офицеров:

— А я бы двинулся к шестьсот восемьдесят второй дороге. Простой план — тормознуть там легковушку или грузовик или же добраться до одного из тамошних придорожных домов. На это ушло бы пара часов или даже больше, но они вполне могли это сделать.

Даль придерживался того же мнения.

Но Грэм опять покачал головой.

— Ты не согласен? — спросил Даль.

— Не думаю, что она избрала этот путь, Том. Только не с преследователями на хвосте.

— Но шоссе для них — это кратчайшая дорога к безопасности, — сказал Даль. Он считал, что и преступники сейчас медленно продвигались лесом к шоссе.

— Бринн не приведет их к жилью. Только не в этой глухомани. Она никогда не подвергнет риску ничего не подозревающих людей. Она будет бежать от них, а прятаться не станет.

— Почему же? — спросил Таннер.

— Просто в силу своего характера.

— Ну, я не знаю, Грэм, — развел руками шериф. — Хорошо, к жилью она не пойдет, но ведь можно проголосовать и остановить машину на дороге.

— И сколько же машин ты насчитал на ней, пока сюда ехал? Лично я встретил сотню оленей и только один «шевроле». Она знает, как пустынно на шоссе в такой час.

— Ладно. Тогда как, по-твоему, она поступила, Грэм? — спросил Мюнс.

— Пошла внутрь заповедника. В самую сердцевину.

— Но ей же известно, что все посты рейнджеров еще закрыты.

— Зато там есть телефоны, верно?

— Телефоны на зиму отключают.

— Там должны быть обычные телефоны-автоматы.

— Возможно. Но я в этом не уверен.

Грэм постучал пальцем по одной из точек на карте.

— И потом, с чего мы взяли, что ей нужен пост рейнджеров? По-моему, она вполне могла взять курс на магистраль между штатами.

И он еще раз показал на ущелье, по которому протекала река Змейка.

Таннер внимательно посмотрел на карту и возразил:

— При всем моем уважении, мистер Бойд, этот путь слишком длинен и сложен. И как они будут ориентироваться? У нас в заповеднике люди, бывало, плутали почти неделю. Здесь тысячи и тысячи гектаров леса. А местность по большей части труднопроходимая. Провалы, обрывы, болота.

— Именно это ей и нужно, — ответил Грэм. — Чем труднее, тем лучше. Особенно если по следам идут убийцы. На такой местности она почувствует, что контролирует ситуацию.

— Это миль семь отсюда, — вмешался один из офицеров полиции штата, крупный и мускулистый, как бывший десантник. — И там нет почти ни одной тропы. А ущелье — одно из самых опасных мест во всем заповеднике.

— Я учел все мнения, — объявил Таннер, — но считаю, что они затаились где-то поблизости. Или же пошли в сторону шоссе. Это два наиболее логичных предположения.

— Не могу не согласиться с Арленом, Грэм, — сказал шериф. — Я тоже неплохо знаю Бринн, но никто не отправился бы в ту сторону. Она не нашла бы туда дороги даже при свете дня, имея при себе джи-пи-эс и карту. Думаю, сейчас мы должны сосредоточить свои поиски на здешней округе и шестьсот восемьдесят второй дороге.

— Но пошлите, по крайней мере, несколько человек через заповедник к долине Змейки, — настаивал Грэм.

— На это у нас просто не хватит людей. Я не могу мобилизовать гражданских добровольцев — там вооруженные бандиты. Мы способны противопоставить им только офицеров полиции штата и моих помощников, у которых тоже есть оружие. А теперь отправляйся-ка ты домой. Джоуи, должно быть, напуган. Ему будет лучше, если ты окажешься рядом. Я говорю с тобой сейчас не как коп, а как отец... Обещаю набрать твой номер первым, как только мы хоть что-то обнаружим.

Эрик Мюнс проводил Грэма до его пикапа.

Даль стоял на террасе и смотрел сверху на хаос, царивший во дворе перед домом: яркое теперь освещение, офицеры полиции, патрульные машины и скорая помощь, которая требовалась лишь для перевозки двух трупов. Друг четы Фельдманов Паскелл подошел к Грэму и Мюнсу. Они обменялись рукопожатиями, объединенные общим горем и тревогой.

Вернувшись к изучению карты, чтобы определить направления для поисковых групп, Даль про себя вознес краткую молитву, которая заканчивалась словами: «И прошу тебя, Господи, пусть Бринн вернется домой целой и невредимой».

Пар или дым, а может, и то и другое окутывали микроавтобус. Но даже в случае возгорания взорваться он не мог.

Автомобили никогда не взрываются.

Бринн Маккензи лежала на спине, тяжело дышала, старалась определить, какая часть ее тела болит сильнее остальных, и при этом думала: «В кино машины, попавшие в аварию, неизменно взрываются. В реальной жизни этого не происходит». Она расследовала добрую сотню автокатастроф. В четырех случаях машины сгорали дотла. И легковые автомобили, и грузовики часто охватывало пламя, но взрывов не происходило никогда.

Эти мысли не помешали ей как можно скорее выбраться из автобуса через разбитое лобовое стекло. Со связанными сзади руками ей приходилось ползти, как гусенице, передвигаясь с мучительной болью по траве и камням, чтобы между ней и разбившейся машиной образовалась наибольшая дистанция. Она задержалась лишь на мгновение, чтобы изловчиться, ухватить карту, которую прежде достал Харт, и скомкать ее.

Она находилась теперь уже ярдах в семи от микроавтобуса, лежавшего на боку у подножия крутого холма, по склону которого он соскользнул крышей вперед, что, скорее всего, и спасло ей жизнь. Если бы машина не перевернулась, а продолжала мчаться вниз, при первом же столкновении с валуном сработали бы подушки безопасности, а от конечного удара ее вышвырнуло бы через ветровое стекло под многотонную тяжесть автобуса.

По иронии судьбы, жизнь ей спас и Харт. Она вспомнила, что ее падение остановилось, когда она с силой врезалась ему в грудь, почувствовав запах лосьона после бритья, дыма и отбеливателя.

Боль пульсировала во всем теле, но, ощупав конечности, она поняла, что переломов нет. Впрочем, это было странное ощущение — оценивать повреждения со связанными руками. Самые большие страдания ей доставляли раненая щека и десна, откуда дробью выбило зуб.

Но где же Харт? Она его не видела.

Бринн посмотрела на вершину холма, казавшуюся теперь очень далекой. Там смутно мерцал свет из трейлера и раздавались крики окликавшего Харта партнера. Он наверняка слышал шум крушения, но не мог видеть микроавтобуса сквозь заросли кустов, которые тот проскочил на скорости.

К счастью, они не свалились на самое дно расщелины. Машина остановилась на относительно плоском участке ярдов в десять длиной, буквально на краю крутого обрыва. Чуть дальше — и они рухнули бы еще ярдов на десять к руслу стремительно несущегося водного потока.

«Ноги у тебя целы. Поднимайся».

Легче сказать, чем сделать. Со связанными-то руками. Она никак не могла нащупать точку опоры.

— Б...ь! — За всю свою жизнь Бринн в сердцах выругалась так всего несколько раз.

В конце концов, поджав колени, она ухитрилась перевалиться и встать на них, а потом выпрямилась, пошатываясь, во весь рост. Запихнув карту за пояс спортивных брюк, она быстро огляделась, высматривая Харта.

И, конечно, вот он! Его выбросило из машины, что на ее памяти всегда происходило с людьми, попавшими в аварию и не пристегнутыми ремнями безопасности, — дело порой кончалось смертельным ударом о дерево или столб дорожного знака. Харт лежал на спине по другую сторону микроавтобуса. Глаза его были закрыты, но он шевелил ногой и слегка поводил головой из стороны в сторону.

Его вороненый глок валялся ярдах в пяти от него.

Она подумала, что могла бы пнуть пистолет, как, бывало, футбольный мяч Джоуи, отбросить его на безопасное расстояние, встать на колени, подобрать оружие и снова подняться на ноги.

Однако едва собралась осуществить свой план, как услышала хныканье. Она развернулась и увидела Эми — маленькую светловолосую девочку в грязной футболке и джинсовой юбчонке, прижимавшую к груди свою игрушку. Охваченная страхом, та неслась вниз по холму. Вероятно, напарник Харта испугал ее, и она сбежала из домика на колесах.

Бринн находилась как раз между нею и Хартом, начавшим приходить в сознание. Глаза его по-прежнему были закрыты, но он сжимал и разжимал пальцы, постанывая.

Девочка приближалась к подножию холма — бежала вслепую и плакала. Еще десять секунд, и она свалится на дно расщелины.

— Эми! Стой!

Но она или не слышала ее крика, или не обратила на него внимания.

Бринн быстро оглянулась в сторону Харта. Тот пытался сесть и осматривался по сторонам, хотя Бринн пока не видел.

Пистолет? О, как же ей нужен был сейчас этот пистолет!

Но выбора не было. Бринн оставила мысли об оружии, устремилась к девочке и перехватила ее буквально на краю обрыва, рухнув на колени прямо перед ребенком и охнув от боли.

Эми вздрогнула от неожиданности, но сразу остановилась.

— Все хорошо, милая. Помнишь меня? Все в порядке. Будь осторожна. Смотри, не упади. Давай вернемся. Пойдем в ту сторону, за кусты.

— Где моя мамочка?

— Я не знаю, Эми. Но я же с тобой. Все будет хорошо.

— Я слышала...

— Пойдем со мной.

Бринн оглянулась. Харт с трудом старался подняться. Ее он по-прежнему не видел.

— Харт! — Окрик раздался с вершины скалы. Бринн разглядела силуэт напарника Харта.

— Пойдем туда, Эми. Мне не нравится этот обрыв.

— Где моя мамуля? — упрямо спросила девочка.

— Пойдем.

Бринн ненавидела себя за свои слова, но должна была это сказать:

— Я помогу тебе ее найти.

Истерику удалось предотвратить.

— Ладно, пойдем.

Бринн быстро повела ее к подножию скалы в густые заросли кустарника и высокой травы, где Харт не смог бы их разглядеть.

— Я помогу тебе найти твою маму, но мне будет трудно со связанными руками. Ты можешь помочь мне? Помнишь, как ты заклеивала пакеты?

Девочка кивнула.

— Мои руки связаны такой же лентой.

— Это сделал Руди.

— Верно. Это такая игра.

— Никакая это не игра. Он делает много плохого.

— Мне уже больно. Сумеешь развязать?

— Хорошо, развяжу. Мне не нравится Руди. Он иногда смотрит на меня, когда думает, что я сплю.

У Бринн тяжело забилось сердце.

— Ты можешь больше не бояться Руди. Я ведь из полиции.

— Правда? Как в «Ангелах Чарли»?[26]

— В точности так. Именно так, Эми.

— Но вы слишком старая для них.

Бринн усмехнулась.

Эми долго возилась в поисках кончика ленты.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — спросила она.

— Твой папа сказал.

— Он мне не отец.

— А еще мне сказал об этом Чарли.

Наконец, после нескольких неудачных попыток, Эми начала разматывать ленту.

— Зачем Руди это с тобой сделал?

— Он хотел причинить мне зло. Но давай не будем сейчас разговаривать. Эми. Поблизости есть еще люди. И я не хочу, чтобы они нас услышали.

— Я их видела. Мне кажется, один из них сделал больно моей маме.

— Не беспокойся. Я никому не позволю тебя обидеть. Только пока помолчи. Будем вести себя тихо. Ты и я.

— Хорошо.

Наконец Бринн смогла растереть руки. Она сильно ударилась локтем, но плотная лыжная куртка смягчила удар, и на теле ее не появилось новых ран из-за падения микроавтобуса к подножию холма. Она достала драгоценную карту и переложила в карман куртки.

— Спасибо, милая. А теперь мы должны все делать очень тихо.

Эми кивнула.

Низко пригнувшись, Бринн неслышно подвела ее к краю кустов, откуда был виден автобус, и внимательно вгляделась сквозь ветки.

Харт исчез.

И с ним его пистолет.

Грэм Бойд гнал пикап на высокой скорости, все больше удаляясь от того места, где в роскошном загородном доме нашли два мертвых тела, в другом обнаружили одежду его жены, а на дне черного озера — ее машину.

Он силился избавиться от мыслей об увиденном там, но не мог.

Этим вечером он планировал встретиться с Сандрой, потом пропустить стаканчик в баре «Джей-Джей», чтобы затем честно сообщить Бринн, что он там был и играл в покер.

Однако же вон как все оно обернулось... Никогда прежде не приходилось ему сталкиваться с чем-то подобным нынешней ночи.

Посмотрев в зеркало заднего вида, он увидел следовавшую за ним патрульную машину. Она приближалась, двигаясь очень быстро. Грэм посмотрел на свой спидометр. Он и сам шел под девяносто.

Проехав еще ярдов семьсот, Грэм остановился и склонил голову на руль, импульсивно вцепившись в пластик сильными руками.

Через пару минут у окна его пикапа со стороны водителя возникла фигура в форме полицейского. Грэм глубоко втянул в себя воздух и, выйдя из машины, подошел к офицеру и пожал Эрику Мюнсу руку.

— Спасибо. Я действительно очень ценю твою помощь. Я знал, что ты меня поймешь, а остальные — нет.

— Быть может, я поступаю не по инструкции, но я поверил твоей интуиции, Грэм.

Муж Бринн застегнул молнию на куртке. Из ящика с инструментами в кузове пикапа он достал фонарик и складной нож. Запирая ящик на замок, он сказал:

— Я не до конца уверен в своей правоте. Если честно, я в ней вообще не уверен. Но все, что я о ней знаю, подсказывает мне: она направилась именно сюда.

— А как же каноэ?

— Если она и использовала его, то как обманку. Чтобы одурачить тех двоих. Столкнула лодку в озеро и ушла пешком. Бринн ненавидит воду. Она никогда не поплывет через озеро, если имеется альтернатива.

Озера и океаны не ее стихия. Но вряд ли Грэм сумел бы объяснить Мюнсу стремление своей жены всегда контролировать ситуацию.

— От души надеюсь, что ты прав, Грэм… Как бы мне хотелось добраться до этих ублюдков! — В глазах помощника шерифа светилась решимость. У него было округлое лицо и короткие светлые волосы. Он больше напоминал морского пехотинца, чем полицейского. «Похоже, он служил в армии», — подумал Грэм и спросил его об этом.

— Так точно, сэр, служил, — ответил Мюнс, но затем признался: — Но только в Национальной гвардии, не более того. Настоящего пороха понюхать не довелось.

При этом он с небрежной ухмылкой передернул плечами и, в свою очередь, поинтересовался:

— А как насчет того поста рейнджеров, что мы видели на карте? У озера Апекс? Почему ты думаешь, что она не могла направиться туда?

— Могла, конечно. Я же не говорю, что уверен на все сто. Но, по-моему, Бринн избрала более трудный маршрут. Это их уравняет — женщин и бандитов, которые их преследуют. По тропе мужчины могут двигаться быстрее. В чаще леса преимущество будет на ее стороне. А Бринн никому не позволит одержать над собой верх.

— С этой женщиной, должно быть, нелегко играть в карты.

— Мы в карты не играем, — рассеянно произнес Грэм, изучая план местности.

Потом он вгляделся в темноту леса. Мимо промчалась машина. Но в основном даже на этом магистральном шоссе между штатами в такой час было пусто.

— Из тебя вышел бы отличный коп, Грэм.

— Из меня? — грустно улыбнулся он. — Я так не думаю. — И ткнул пальцем в план. — Вот тропа «Джолиет». Примерно здесь она бы с нее свернула. А потом вдоль Змейки пошла напрямую сюда, к хайвею.

Мюнс посмотрел вдоль круто уходившего вниз склона, терявшегося в покрывавшей его лесной чаше.

— Взобраться сюда нелегко. Ты когда-нибудь бывал в этих краях?

— В заповеднике? Да, конечно. Но не в этом месте. Любил пешие походы, когда был помоложе.

За последний год, вспомнил Грэм, он несколько раз предлагал Джоуи сходить на прогулку в заповедник. Но парень всякий раз отказывался с таким видом, словно хотел сказать: чего я там забыл, в твоем заповеднике? Грэм жалел, что не настоял на своем хотя бы однажды. Джоуи наверняка получил бы удовольствие от похода.

И подумал: «Следовало прислушаться к своим инстинктам».

А потом внутренне отмахнулся. Какой смысл рассуждать об этом сейчас?

Между тем Мюнс сообщил ему, что как раз ему этот район знаком. Они с Бринн однажды участвовали в поисково-спасательной операции, закончившейся примерно в миле отсюда.

Грэм помнил рассказ Бринн, что поиски тогда завершились обнаружением трупа. Так что слово «спасательная» к той миссии не очень-то подходило.

— Я помню некоторые тропинки, — продолжал помощник шерифа. — Их протоптали туристы и скалолазы. Там есть пологие участки, но то и дело попадаются почти отвесные скалы, некоторые до десятка ярдов в высоту. Есть и больше. Можно неожиданно выйти к обрыву. Поэтому смотри внимательно, куда шагаешь.

Грэм кивнул.

— По-моему, они будут держаться вдоль реки, чтобы по шуму воды определять направление. А это значит, им придется идти по пространству шириной от пятидесяти до ста ярдов у подножия хребта. Где-то там нам и нужно спуститься вниз. Мы не сможем громко окликать их, чтобы не выдать себя... Просто будем почаще делать остановки и оглядываться по сторонам. Все разговоры — шепотом. Шериф сказал, что за ними гонятся двое мужчин, так?

— Да. Если судить по следам.

Грэм бросил взгляд в сторону патрульной машины, где у переднего сиденья крепился в пазах дробовик.

— А я ведь не вооружен, Эрик.

— Не имею права, Грэм. За такие вещи схлопочу увольнение со службы.

— Жаль.

— Держись меня. На соревнованиях по стрельбе в управлении я занял второе место.

— Тогда, быть может, ты хотя бы возьмешь его сам?

Мюнс подумал над этим. Потом достал из машины ружье и положил в карман с полдюжины патронов. Запер автомобиль и вернулся к Грэму. Вместе они подошли к опушке леса и еще раз посмотрели на крутой склон, покрытый валунами и деревьями. Слева от них ярдах в сорока внизу грохотала в ущелье между отвесных скал река, разбиваясь о крупные камни, стволы деревьев и небольшую плотину, в нижней части которой было проделано отверстие, где в пенистом зловещем водовороте исчезали, недолго покружившись, листья и мелкие ветки.

— Похоже на ту реку, что течет прямиком в ад.

— Спасибо тебе еще раз за помощь, Эрик. У тебя будут неприятности?

— Шериф отправил всех нас на поиски. Я сказал, что проверю северное направление. Не уточнив, правда, как далеко на север собираюсь отправиться.

— Том — отличный малый, но, по-моему, на этот раз он ошибся. Я слишком хорошо знаю свою жену.

Первые несколько минут они с трудом продирались сквозь густые заросли кустов, потом ощутили под ногами приятную мягкость покрова из сосновых иголок, по которому идти было даже приятно после того, как их ноги буквально вязли в стелющихся по земле отростках мерзкой форситии, барвинка и других лианоподобных растений. Шум воды в Змейке становился все громче.

— Так, теперь пора браться за дело серьезно. — Мюнс поднял горсть земли, плюнул на нее и, растерев в грязную жижу, стал наносить на лицо и особенно густо на скулы. Грэм немного поколебался, чувствуя себя нелепо, но последовал его примеру.

— Хорошо. Можем двигаться дальше. — Мюнс взял дробовик, проверил предохранитель и пошел первым. Они стали спускаться сквозь казавшееся непроходимым сплетение деревьев и кустов, нагромождение камней, покрытых густым мраком.

— Эрик, можно спросить? — прошептал Грэм. — Это Бринн побила тебя?

— Как это, побила?

— На том соревновании по стрельбе, где ты занял второе место.

— А, нет, не она. Добби Мастерс. Этот парень словно родился с пистолетом в руке. Но вот что я тебе скажу: Бринн, быть может, и не самый лучший стрелок, но по скорости, с которой она высаживает обойму и перезаряжает, ей нет равных во всем управлении. А в перестрелке это куда важнее. Можешь мне поверить.

Джеймс Джейсонс умял свой второй гамбургер, который уже остыл, но он чувствовал потребность в калориях. Он вел машину по скоростной магистрали между штатами, поглядывая время от времени на дисплей небольшого электронного устройства, прикрепленного к приборной панели.

Индикатор показывал, что он находился примерно в мили от своей цели, которая перестала двигаться и припарковалась у дороги минут десять назад.

Джейсонс размышлял, насколько убедительно разыграл роль горюющего друга семьи Фельдманов Ари Паскелла — одной из его четырех личин, для которой у него имелись водительские права и соответствующие номера на автомобиль. Когда работаешь на человека вроде Стэнли Манкевица, твой бюджет не то чтобы не ограничен, но достаточно велик, чтобы позволить себе все необходимое снаряжение. Ведь любимое слово профсоюзного босса — «эффективность».

Торча перед домом Фельдманов и делая вид, будто приходит в себя от трагических известий, он успел многое узнать. Придуманная история со звонком от Стивена позволила ему выяснить, что известно полицейским: подозреваемых двое, и физически они не слишком сильны. Спасибо вам, заместитель шерифа Мюнс.

Другая его выдумка подкидывала им ложный след. Якобы убийство имело местные мотивы и никак не связано с Милуоки. Поверил в это шериф Даль или нет, неизвестно.

Он подслушал немало и другой полезной информации, получив более полную картину, когда притворился, что разговаривает по мобильному. Поразительно, но человек на мобильном телефоне становится как бы невидимым для окружающих — никто и не предполагал, что на самом деле он весь обратился в слух. От шерифа это напрочь ускользнуло, но Джейсонс вовсе не считал его провинциальным простаком. Самые умные люди обычно в первую очередь рассматривают простейшие и наиболее логичные версии, и именно такую предложил Далю Джейсонс: опечаленный друг семьи, надежные документы и подлинные номера на дорогой машине.

Важно было и быстро свалить оттуда, что ему было вежливо предложено. Иначе шерифу могло показаться подозрительным его затянувшееся присутствие.

Да ему и не было нужды там оставаться. Поскольку для его последующих действий ход полицейского расследования уже не имел значения. В центре его внимания был теперь муж помощницы шерифа, которая растворилась в лесу, спасаясь от убийц Эммы Фельдман. Обратив внимание на заговорщицкие перешептывания Грэма Бойда и Мюнса, Джейсонс сообразил, что они планируют собственную операцию, не вписывающуюся в схемы шерифа.

Как и все хорошие копы, Даль, разумеется, владел своей профессией, следовал логике, в общих чертах знал человеческую природу, но понятия не имел о вещах, ведомых лишь тем, кто делит с женщиной свою жизнь и каждую ночь ложится в общую постель. Чтобы оценить всю

справедливость этого умозаключения, Джейсонсу достаточно было подумать о своих отношениях с Робертом.

Потому он и сделал ставку на то, что именно муж и Эрик Мюнс приведут его к помощнице шерифа по имени Бринн и подружке Фельдманов, ставшей свидетельницей убийства.

Две женщины являлись сейчас целью для мужчин, жизни которых Джейсонсу необходимо было спасти нынешней ночью.

Он вспомнил, как рядом с домом у озера Мондак Грэм пожал «Паскеллу» руку и выразил соболезнования в связи с его утратой. Потом Джейсонс пожелал им удачи в поисках. Грэм отвернулся и окликнул Мюнса, упорно смотревшего в лесную чащу. Мюнс что-то сказал в ответ, и оба взглянули на часы.

Они не могли бы яснее обозначить свои намерения, даже если бы прокричали о них в мегафон.

Однако остальные занимались каждый своим делом, и этого диалога никто не заметил. Расспрашивая одного из офицеров об обратной дороге, Джейсонс прошел мимо пикапа Грэма и уронил в кузов между горшков с кустами небольшой предмет, с виду напоминавший кусочек дерева. Внутри него таился микрочип, подававший сигналы джи-пи-эс, — изначально он был разработан для охотников, чтобы те могли разыскать своих собак, увлекшихся гоном добычи и убежавших слишком далеко от хозяев.

У Джейсонса имелось немало оборудования из арсенала спецслужб, и некоторые приборы годились для супершпионских заданий. Но эти собачьи микрочипы, продававшиеся долларов по пятьсот за штуку, во многих отношениях превосходили аппаратуру, стоившую в десять раз больше (или, как выяснил он, еще дороже, если покупатель представлял одно из федеральных агентств).

Когда он приблизился к дорожному указателю, обозначавшему мост через реку Змейка, индикатор стал подавать настойчивые звуковые сигналы. Он тут же заметил белый пикап и патрульный автомобиль, припаркованные в стороне от дороги и полускрытые кустами приблизительно в двухстах ярдах от моста.

«Лексус» Джейсонса миновал машины.

Стало быть, по их мнению, именно сюда держали путь помощница шерифа Маккензи и двое убийц.

Джейсонс переехал через мост, под которым открывался залитый лунным светом впечатляющий вид на ущелье. Потом, убедившись, что хайвей пуст, развернулся через плоскую, засеянную травой разделительную полосу и пересек мост в обратном направлении. Он съехал с дороги и уткнулся капотом в заросли на обочине примерно в том же месте, где остановились те двое, но на противоположной стороне.

Выйдя из машины, он потянулся. Потом открыл багажник и сменил спортивную куртку на более теплую ветровку, а свои лакированные ботинки на туристические башмаки. Достал холщовую сумку и перебросил через плечо.

Переждав, пока проедет трактор-тягач, оставлявший за собой пыль и комья грязи, он пересек магистраль и растворился в лесу.

У озерца овальной формы, которое было гораздо меньше озера Мондак, но такое же темное и мрачное, Бринн приложила палец к губам и с улыбкой посмотрела на Эми.

Девчушка закивала в ответ. Поверх белой футболки на ней теперь была одна из темных рубашек Бринн. Без носочков или гольфов ее ноги совершенно побелели, но, казалось, она не чувствовала холода. Она уже перестала задавать вопросы о матери и покорно шла рядом с Бринн, держа в руках Честера — мягкую игрушку, изображавшую зверька непонятной породы.

Осматривая окрестности озера, их сборный пункт, Бринн припомнила, как обрадовалась совсем недавно, встретив Чарльза Гэнди. Союзник, оружие, транспорт, чтобы выбраться в безопасное место.

Контроль.

И все это обернулось жестокой насмешкой. Теперь у нее не было даже «копья». Она чувствовала полнейшую опустошенность. Притянув девочку ближе, она внимательно оглядывала берега озера.

Вдруг — движение. В кустах. Бринн напряглась, и Эми подняла на нее встревоженный взгляд.

Это Харт и его напарник?

Или волк, ставший их постоянным спутником?

Нет. Бринн облегченно вздохнула. Это была Мишель.

Молодая женщина притаилась, как охотница. «Копье» в одной руке и что-то еще в другой — скорее всего, нож. В ожидании убийц, озлобленная, подобравшись всем телом, она словно желала, чтобы они напали на нее.

Бринн и девочка направились в ее сторону.

— Мишель, это я, — шепотом позвала Бринн.

Девушка застыла на месте. Но затем Бринн сделала еще шаг и оказалась под бледно-лазурным светом луны.

— Бринн! — воскликнула Мишель, сунула нож в карман и бросилась к ней. Она остановилась, заметив Эми, испуганно прятавшуюся за спину Бринн.

Женщины обнялись, а потом Мишель, опустившись на колени, заключила в объятия малышку.

— А это кто у нас?

Эми поспешила вырваться из чересчур эмоциональных объятий.

— Это Эми. Она пойдет с нами. — Бринн тряхнула головой, отгоняя воспоминания о тех обстоятельствах, при которых обзавелась маленькой компаньонкой. А у Мишель хватило такта не задавать сейчас никаких вопросов.

— Ты просто красавица! А это кто такой?

— Честер.

— Он такой же хорошенький, как и ты.

Но с лица девочки не сходило тоскливое выражение, словно она ощущала всю трагичность ситуации, хотя и не понимала, какие именно события привели к ней. Если она не знала о судьбе своей матери, то, вероятно, не была и свидетельницей смерти остальных.

Луна опустилась немного ниже, мрак сгустился. Занятно, но, казалось, Эми единственная из них, кого это не пугало. Видимо, при таких родителях страх темноты отступает для маленького человечка на задний план перед другими кошмарами.

Эми вздрогнула, когда в воздухе мимо них пронеслась белка-летяга. Бринн надеялась, что занятный зверек вызовет улыбку или хоть

какую-то положительную эмоцию. Но нет. Лицо девочки застыло, как маска.

— Я слышала шум, — сказала Мишель, имея в виду звуки выстрелов. — Это наши дружки?

— Да, они все еще поблизости. Один из них вновь поранился, но вполне дееспособен.

— Значит, они могут направиться сюда?

— Да, нам надо уходить. К реке. Мы взберемся на хребет и выйдем на хайвей минут через сорок пять. Через час максимум.

— Ты говорила, есть более легкий путь.

— Он легче, но намного длиннее. И Харт считает, что мы пойдем именно туда.

Мишель изумленно посмотрела на нее.

— Ты с ним разговаривала?

— Да.

— Не может быть! — ошеломленно прошептала девушка. — Как это случилось?

Бринн коротко рассказала о своем пленении в микроавтобусе.

— О, господи. Он мог убить тебя!

«А могла я его», — подумала Бринн.

— И что он тебе сказал?

— Не много. Но я навела его на мысль, что мы пойдем к магистрали, и он наверняка решит, что на самом деле мы двинемся в сторону Пойнт-оф-Рокса.

— Как бы перевернутая психология. Да?

— Что-то в этом роде. — Бринн достала из кармана карту и развернула ее.

— А это ты где взяла?

— Украла. У нашего друга мистера Харта.

Мишель не смогла сдержать удивленного смеха.

Бринн сориентировалась и показала место, где они сейчас находились. Нет необходимости сверяться с «компасом». Карта оказалась подробной и по приметным деталям пейзажа легко позволяла проложить наилучший маршрут. Бринн пальцем показала, куда им следует идти.

— Я хочу к мамочке.

Глядя на Мишель, Бринн покачала головой, а девочке сказала:

— Милая, чтобы ее найти, нам нужно выбраться отсюда. Мы пойдем на прогулку. Ты ведь любишь гулять?

— Не знаю.

— И мы залезем на холм.

— Это как лазать по скалам? Рядом с моей школой есть специальная стена для скалолазов. Чарли обещал взять меня туда, да так и не взял.

— Это будет похоже. Только еще интереснее.

— Как в мультике «Дора-путешественница», — пояснила Мишель. — Или в «Бутс»...

На лице девочки ничего не отразилось, и Мишель добавила:

— Это такой сериал про обезьянку.

— Я знаю. Только я давно его не смотрела. Мама и Чарли любят другие передачи.

Не желая продолжать разговор о телевизионных пристрастиях в том доме, Бринн весело проговорила:

— Что ж, в путь!

Потом обратилась к Мишель:

— Оставь себе «копье». Можешь использовать его как костыль. А мне дай один из ножей.

Мишель достала нож из куртки и протянула Бринн.

Хоть какой-то контроль. Небольшой. Но лучше, чем ничего.

За спиной раздался легкий смешок. Бринн обернулась.

— Я выгляжу так же, как и ты? — спросила Мишель, разглядывая ее.

— Сомневаюсь. Я только что побывала во второй автокатастрофе за ночь. Тебе слабо? Но в целом да. Ты тоже не в лучшем виде. Я бы на твоем месте перед ужином привела себя в порядок.

Мишель сжала ее руку.

И они отправились в путь.

Река оказалась даже ближе, чем они прикидывали. Беглянки вышли к ней уже через полчаса, хотя передвигаться приходилось под прикрытием зарослей, постоянно останавливаясь, чтобы проверить, нет ли погони.

Все было спокойно. Это вселяло надежду, хотя Бринн не позволяла себе полностью увериться, что Харт попался на ее блеф и шел сейчас вдоль Змейки в противоположном направлении.

Они вышли к поляне, поросшей высокой травой, откуда берега реки далеко просматривались в обе стороны. Змейка в этом месте была широкой, но мелкой, ее русло усеивали валуны, стволы старых деревьев и островки.

Никого не было видно.

— Подождите здесь, — сказала Бринн и, сжимая рукоятку ножа, двинулась вперед. У кромки берега она встала на колени и погрузила лицо в ледяную воду. Холод не пугал ее, наоборот, помогал приглушить боль в щеке и шее. Потом она выпила не меньше пинты[27] воды. До той поры она и не ощущала, как ее организму не хватает жидкости.

Она вновь вгляделась в казавшийся неземным пейзаж, никого не заметила и знаком подозвала Мишель и Эми. Они тоже утолили жажду.

Потом Бринн посмотрела на вершину гряды, поверх которой проходила скоростная магистраль. До нее едва ли было больше мили.

Но это была миля сплошного подъема.

— Боже милостивый! — прошептала Мишель, проследив за взглядом подруги.

Уже в пятнадцати ярдах от них местность начинала круто уходить вверх под углом градусов в тридцать, а местами и сорок пять. Виднелись и совершенно отвесные скалы. Преодолеть их они, конечно же, не сумеют, но опыт спасательной операции подсказывал Бринн, что им и не придется этого делать. Если правильно выбрать маршрут, взобраться на

вершину можно, обходя непреодолимые препятствия. Кроме того, по пути им должно встретиться несколько широких плато, более или менее плоских и поросших кустарником, в котором легко спрятаться.

И вот они подошли к подножию хребта. Течение реки справа от них становилось все более бурным — Змейка прорывалась здесь сквозь теснину ущелья.

Оглянувшись, Бринн указала на оставшийся позади берег.

— Постойте, там же наши следы.

— Но их почти не видно.

— С фонариком будет видно отлично.

— Да, ты права.

Мишель побежала назад, туда, где они только что пили воду, и, наломав веток с какого-то вечнозеленого куста, принялась этим импровизированным веником яростно заметать отпечатки в грязи. Бринн слышала, как тяжело она дышит. Мишель словно забыла о поврежденной лодыжке, хотя та, несомненно, причиняла ей немалую боль.

Сейчас Бринн видела совсем другую девушку, абсолютно не похожую на ту, какой она была лишь несколько часов назад — богатую дилетантку с мечтой о звездной карьере, жалобами на чужую обувь и колючки в кустах. Бринн знавала людей, ломавшихся от малейшего стресса, как и тех, кто в трудную минуту неожиданно совершал, казалось бы, невозможное. Совсем недавно Бринн была убеждена, что Мишель принадлежит к категории слабаков.

Она ошиблась.

И теперь у нее есть надежная союзница.

Молодая женщина присоединилась к ним.

— Я устала, — всхлипнула Эми и зевнула.

— Я знаю, солнышко, — сказала Мишель. — Ты скоро сможешь поспать. Давай, я положу Честера к себе в карман.

— А ты застегнешь карман на молнию, чтобы не потерять его?

— Конечно.

— Только не застегивай до конца. Ему же надо дышать.

«Девочка значительно отстает в развитии от своих ровесниц», — с грустью отметила Бринн.

Мишель убрала игрушку в куртку, и они начали подъем. Высоко наверху послышался резкий скрип тормозов большого грузовика, и звук был как нельзя кстати. Он указывал направление и подгонял вперед.

Грэм и Мюнс осторожно спускались по склону от автомагистрали.

Сзади донесся грохот грузовика, и хотя он был теперь несколько приглушен, они слышали, как водитель перешел на пониженную передачу, а потом вновь раздался треск мотора, похожий на пулеметную очередь.

Вскоре они уже преодолели некоторое расстояние. Оба тяжело дышали, потому что удерживать тело в вертикальном положении и не свалиться было так же трудно, как, вероятно, и подниматься по этой круче. До них по-прежнему доносился шум реки из теснины ущелья в тридцати ярдах внизу.

Грэм зарабатывал деньги на флоре и остро чувствовал, насколько растительность вокруг него отличается от той, которую он привык видеть на складе своей компании, где каждый кустик покорно сидел в отведенном ему керамическом горшке или лежал с корнями, обмотанными пленкой. Годами он изменял ландшафты у частных домов и офисов, сажая камелии и рододендроны в заранее вырытые ямки, сдобренные богатой известняком почвой, а сверху добавлял органические удобрения. Здесь же растения не служили украшениями пейзажа, составляя самую суть, свое сообщество, если угодно. И держали все под своим контролем. Они с Мюнсом не значили в этом мире ничего, были даже меньше, чем ничто, как и все прочие животные, обитавшие тут. Грэму даже казалось, что лесные звуки — скрипы, писки, крики — это отчаянный зов о помощи, который деревья и прочие растения оставляли без внимания. Полностью равнодушные ко всему.

И готовые предать в любой момент. Однажды им пришлось, опасно балансируя, перейти по бревну прогалину, густо заросшую ядовитым плющом, на который у Грэма была аллергия. Легкого прикосновения к лицу оказалось бы достаточно, чтобы появилась сыпь и даже слепота. Опасность представляли и мертвые побеги. Мюнс наступил на выступ, покрытый сухими прошлогодними листьями, и те поехали у него под ногами, вызвав небольшую лавину песка, комков глины и камней. От

падения с семиярдовой высоты на груду валунов он спасся только потому, что в последний момент успел ухватиться за случайно подвернувшуюся под руку крепкую ветку.

По мере того как они спускались все ниже, выискивая наиболее безопасные пути, Грэм не мог избавиться от мысли, что любой шум, который они поднимали, то наступая на трескучий валежник, то шурша листьями, могли услышать убийцы.

Порой им попадались тропинки, протоптанные летом туристами, но пролегали они бессистемно и скоро обрывались. Поэтому им волей-неволей приходилось прокладывать маршрут по нехоженым местам. Иной раз тропа подводила их к краю скалы, и тогда нужно было спускаться на два-три ярда вниз по отвесной стене. Сталкиваясь с подобной необходимостью, Мюнс каждый раз ставил ружье на предохранитель, отдавал его Грэму и шел первым, после чего тот с сожалением возвращал оружие помощнику шерифа.

Они находились уже ярдах в ста от хайвея. Где-то совсем рядом от них тянулся край пропасти, по дну которой протекала река.

Чтобы сохранять тишину, Мюнс командовал жестами: остановись, поверни направо или налево, обрати внимание на то или на это. Грэму все это казалось глупым, как и боевая раскраска лиц, но ведь он сам втянул Мюнса в этот поход, и если тому хотелось поиграть в солдата, возражать не приходилось.

Они стояли на краю крутого склона. Чтобы спуститься с него, требовалось использовать как опору любой кустик или деревце. Собравшись с духом, Мюнс уже хотел было ухватиться за что-то, когда Грэм остановил его встревоженным шепотом:

— Нет, Эрик! Нет!

Помощник шерифа резко обернулся, нащупывая свой пистолет, глаза его расширились от страха. При этом он поскользнулся на склоне и головой вперед покатился по ковру из скользких, как лед, сосновых иголок. Однако Грэм метнулся вперед и успел ухватить его за рукав.

— Боже! Что это было? — Помощник шерифа вцепился в Грэма, и вместе они сумели встать на более или менее ровную площадку. — Ты что-то заметил?

— Извини, — сказал Грэм. — Но глянь-ка сюда.

Эрик нахмурился, не понимая, что его товарищ имеет в виду. И вдруг увидел, что тот указывает на тонкий ствол, за который он собирался ухватиться, весь покрытый острыми как иглы шипами длиной в два дюйма.

— Это колючая гледичия. Самое опасное из лесных деревьев. Во многих местах их уничтожают. Такая игла легко проколола бы тебе руку насквозь. А занесенная инфекция многим людям стоила жизни.

— О, господи, а я даже не посмотрел. И много здесь подобных растений?

— Хватает. Коли есть такое, значит, встречаются и другие. Вон там еще одно. Видишь? — Грэм указал на кряжистый ствол. — Аралия. Ее еще называют «геркулесовой булавой». В темноте не заметишь, но она тоже вся покрыта шипами. Дальше идет редколесье, куда проникает больше солнца. Такие места любят ежевика и шиповник. Ежевичные шипы обламываются под кожей, и если их сразу не извлечь, начинается воспаление. Пренеприятное, скажу я тебе.

— Как на чертовом минном поле, — пробормотал Мюнс и вдруг застыл на месте, начисто забыв о своей ручной сигнализации.

— Там, внизу, — прошептал он. — Какая-то вспышка. Видишь что-нибудь?

Грэм кивнул — он тоже заметил точку голубоватого света. Луч фонарика или отсвет луны в куске то ли металла, то ли стекла. Примерно в полумиле от них.

Сжимая рукоятку пистолета, Мюнс жестом велел Грэму идти следом.

Харт изучал дисплей системы навигации, пережившего крушение микроавтобуса значительно благополучнее, чем он сам. Нет, он ничего себе не сломал, но болело практически все тело, а пулевая рана на руке открылась и снова кровоточила.

Спасибо тебе, Мишель.

Спасибо большое, Бринн.

Его душил гнев, и на мгновение он почувствовал, что плевать хотел на все свои навыки умельца — лишь бы свести с ними счеты. Расквитаться как следует. Это должна быть сладкая, кровавая месть...

Быть может, Комптон Льюис попал в точку, говоря об этом прежде.

Они стояли на берегу Змейки, которая текла с востока из более или менее ровной местности, поросшей лесом, а на западе уносила свои воды в узкое скалистое ущелье.

Харт лишился карты, но они дошли сюда, ориентируясь по джи-пи-эс, информация с которого не была столь подробной, но и ее оказалось достаточно.

— По моим прикидкам… — начал Харт, но осекся, взглянув на партнера. — С тобой все в порядке?

— Да.

Льюис стоял, опустив руки по швам и держа в одной из них дробовик. Если бы не поникший вид, он напоминал бы солдата в карауле.

— Переживаешь из-за той убитой женщины, так, что ли?

— Не ожидал, что буду. Но… Знаешь, когда увидел ее глаза…

— Да, это нелегко, — сказал Харт, а сам подумал: «Должно быть, ему это впервой. Потом-то делаешь это походя».

Он прокрутил в памяти сцену у трейлера. Льюис развел под ним костерок и перешел на противоположную сторону. Двое мужчин выбежали из передней двери — тот, что потолще, и сухопарый с бородой, тащивший огнетушитель. Из задней двери с криками выскочила наружу женщина с вытаращенными глазами. Харт застрелил обоих мужчин моментально — здоровяк даже не успел достать пистолет. Льюис стоял ближе к задней части фургона с дробовиком, нацеленным на женщину. Но поначалу выстрелить не решился.

Харт уже собирался оказать приятелю услугу и лично всадить в нее пулю, когда дробовик с грохотом разрядился, словно сам по себе. По крайней мере, Льюис казался удивленным. Толстуху отбросило назад, ее грудь и шея были сплошь посечены дробью и обильно кровоточили. Тем не менее она сумела встать на колени и поползла к Льюису. Во второй раз он уже без колебаний прицелился и выстрелил. Она опрокинулась навзничь, несколько раз дернулась и испустила дух.

— Да, момент не из приятных, — заметил Харт.

Льюис кивнул.

— Но я же объяснял тебе — они так и так были конченными людьми. Наверняка потребляли собственный продукт. Никто не варит мет, чтобы

не подсесть на него. Может, не сразу, но у людей вырабатывается зависимость. И выедает их души.

— Верно, — тихо сказал Льюис. Спокойствие возвращалось к нему. Это было видно по его глазам.

И Харт продолжил:

— Так вот к какому выводу я пришел.

Он показал Льюису экран джи-пи-эс на своем «Блэкберри».

— Если идти вверх по течению, до Пойнт-оф-Рокса примерно шесть миль.

Он указал вправо и взглянул на гряду слева.

— Этим путем, вверх по склону, они могли бы добраться до магистрального шоссе между штатами минут за сорок, за час. И именно туда они направились.

— Ты уверен?

— Вполне. Она сама мне об этом сказала, когда мы беседовали в автобусе. Но она — Ловкач, не забыл? Знала, что я, скорее всего, не погибну при крушении. И ей требовалось дать мне информацию, которая увела бы меня в другую сторону. Она говорила о хайвее, рассчитывая, что я ей не поверю и решу продолжать преследование до Пойнт-оф-Рокса.

— То есть, ты считаешь, она опять решила поиграть с нами?

Харт убрал «Блэкберри» и прошелся вдоль берега.

— Смотри-ка, Льюис, что это такое, по-твоему? — И он посветил фонариком себе под ноги.

— Похоже… Я, конечно, не знаю наверняка, но выглядит так, будто кто-то пытался замести следы.

— Точно. Именно так оно и выглядит.

Он подошел к подножию первого из холмов.

— О'кей. Сюда-то нам и нужно. — Харт подобрал с земли обломанную ветку. — А вот и остатки ее веника. Они на самом деле пошли туда. И это тоже интересно…

Он указал на отпечаток крошечной туфельки.

— Это та малышка из трейлера. Должно быть, сбежала оттуда.

Льюис снова затих и машинально потер свою татуировку в виде креста на шее.

— Я не собираюсь убивать ребенка, — тут же заверил Харт. — Мы разберемся с женщинами, а девочку не тронем.

Занятно, но на этот раз Льюис ощущал дискомфорт совсем по другому поводу.

— Я хочу кое в чем тебе признаться. Должен был раньше. Но…

— Давай, выкладывай, Комп.

— Это про то ограбление, о котором я рассказывал.

— Ограбление?

— Ну, про банк.

Ключи в снегу, вспомнил Харт. Когда Льюис вступил в перестрелку с охранником из бывших копов.

— И что?

— Я был не до конца честен с тобой.

— В чем же?

— Мне от этого как-то неуютно, Харт.

Он больше не произносил своего саркастического «приятель». И так было уже несколько часов.

— Продолжай, Комп, — сказал Харт. — Что тебя гложет?

— По правде говоря… Мы тогда взяли не пятьдесят штук. Или сколько я там тебе сказал. Нам досталось гораздо меньше… Если начистоту, то всего три. То есть две и еще какая-то мелочь. И в действительности это был не банк. Тот охранник перезаряжал уличный банкомат… И стрелял я, только чтобы напугать его. Он выронил свой пистолет. И нассал в портки, как мне показалось. Но никакого запасного оружия при нем не было… Я люблю иногда присочинить. Преувеличить, знаешь ли. Эта привычка у меня из-за старшего брата. Приходилось привирать, пока рос

рядом с ним… А то он меня ни в грош не ставил. Вот. Теперь ты все знаешь.

— И в этом ты хотел исповедаться?

— Вот именно.

— Черт, Комп, думаешь, я стал бы работать с человеком без здоровых амбиций? Можно ведь взглянуть на вещи иначе. Ты взял две тысячи баксов всего минуты за две, так?

— Примерно.

— По такому раскладу это шестьдесят штук в час. И он обделался? Да только ради этого стоило посмотреть на такое, — засмеялся Харт.

— И ты все еще согласен пойти на тот налет вместе — ты и я? — неуверенно спросил Льюис.

— Не сомневайся. Чем скорее мы закончим здесь, тем раньше начнем планировать дело, где все пройдет без осечек и накладок. Дело верное на сто десять процентов.

Сдержав удовлетворенную улыбку, Льюис еще раз похлопал себя по карману с пачкой сигарет — для него это было как перекреститься для добропорядочного католика.

Она предполагала, что путь будет нелегким, но не представляла насколько.

Склон холма местами оказался таким крутым, что подниматься по нему не было никакой возможности, тем более вместе с девятилетней девочкой. Бринн то и дело приходилось выискивать альтернативные пути.

— А если туда?

Бринн посмотрела в сторону, указанную Мишель. Там протянулся относительно гладкий участок тропы, проходившей между уступом скалы и густыми лесными зарослями. Бринн поразмыслила и поняла, что на той тропе они будут издалека видны снизу, а пути для отступления уже не останется. Они обошли крутой склон с другой стороны, теряя драгоценные минуты. Бринн не была до конца уверена, что Харт купился на ее блеф с Пойнт-оф-Роксом. У нее даже шею заломило от предчувствия, что преследователи их настигают.

Женщины упрямо двигались вверх, обходя огромную и совершенно вертикальную известняковую стену ярдов семи в высоту. Бринн заметила, что ее уже облюбовали скалолазы. Металлические скобы до сих пор торчали из трещин в камне. Этой ночью подобное хобби казалось ей чистейшим безумием, которое, однако, непременно увлекло бы Джоуи. Но она постаралась отогнать мысли о сыне.

«Сосредоточься!» — скомандовала себе Бринн.

Они чуть передохнули, попав на сравнительно ровный отрезок тропы. А потом — снова в гору.

По мере подъема шум Змейки в ущелье становился тише. По расчетам Бринн, они уже находились ярдах в двадцати над рекой.

— О, только не это, — прошептала Мишель. Бринн тоже остановилась. Тропа, по которой они с трудом продвигались вперед, уперлась в высокую скалу, и это был тупик. Справа от них протянулся смертельно опасный обрыв в ущелье реки. Бринн медленно подошла к нему. С ее боязнью высоты голова сразу закружилась, и, даже не приблизившись к краю, она вернулась.

— Там пути для нас нет.

Какое горькое разочарование. До хайвея оставалось ярдов семьсот-восемьсот, не больше, но путь туда занимал целую вечность. Если бы они вернулись, чтобы обойти скалу, то потеряли бы еще как минимум десять минут.

Бринн посмотрела назад, потом внимательно изучила стену перед ними. Ярдов шесть в высоту и не совсем вертикальная. Склон уходил вверх под углом примерно в семьдесят градусов, и всю его поверхность покрывали трещины и выступы.

— Сможешь подняться? — спросила она Мишель.

— Уверена, что смогу.

Бринн посмотрела на Эми и улыбнулась.

— Помнишь, как ты была маленькой? Мы с тобой полезем вверх вместе, как будто ты катаешься на лошадке.

— Помню. Руди иногда возил меня на себе. Но мне не нравилось. От него плохо пахло.

Бринн посмотрела на Мишель, скривившуюся от отвращения. Но к Эми Бринн снова обратилась с улыбкой:

— Знаешь, от меня, наверное, сейчас тоже пахнет не очень хорошо. Но зато будет весело. Давай. Забирайся! — И повернулась к девочке спиной.

— Я пойду первой, — шепнула она Мишель. — Если что-то случится и я уроню ее, постарайся не дать ей упасть. За меня не волнуйся.

Мишель кивнула и подсадила Эми, прошептав:

— Сумеешь удержать ее?

— Другого выхода нет, — ответила Бринн.

Эти слова становились лейтмотивом всей ночи.

Впрочем, груз за спиной оказался не так уж тяжел. Бринн подумала о судьбе-злодейке, которая привела малышку в такое состояние.

И они начали подниматься по скале, преодолевая с каждым шагом не больше двенадцати дюймов. Сердце колотилось в груди, ступни горели. Ярдах в пяти над землей мышцы ног Бринн начали подрагивать. Больше от страха, чем от прилагаемых усилий. Как же она ненавидела высоту… Ей приходилось делать частые остановки.

Эми сцепила ручонки вокруг шеи Бринн и держалась так крепко, что было трудно дышать, но лишь бы она не ослабляла хватки.

На подгибающихся ногах Бринн поднялась еще на полтора ярда, потом на три. Она охватывала выступы намного крепче, чем требовалось, до боли в ладонях. Даже пальцы ног в ботинках невольно поджимались, словно она лезла по скале босиком.

Наконец, после казавшегося вечным подъема, ее голова поднялась над кромкой скалы, и перед ней открылась небольшая равнина. Прямо напротив рос огромный куст форситии. Не осмеливаясь даже взглянуть вниз, она до предела вытянула правую руку и ухватилась за ее вьющиеся стебли, проверила их на прочность, а потом, глубоко выдохнув, оторвала ноги от опоры в скале. Наполовину перевалившись через край, она сказала:

— Эми, перебирайся через мою голову. Упрись коленками мне в плечи и поднимайся. Когда окажешься наверху, остановись. Просто стой и жди.

Бринн хотела добавить еще какие-то ободряющие слова, но девочка просто шепнула:

— Ладно.

И уже через несколько мгновений неподвижно замерла наверху, вся внимание.

У этого ребенка выработалась привычка в точности исполнять любые команды.

Затем Бринн выбралась на вершину и села, чтобы отдышаться. Она посмотрела через край скалы вниз. К ее разочарованию, с этой точки подъем не казался таким уж трудным и опасным, и это словно обесценивало все только что приложенные усилия и пережитые страхи. Она рукой поманила Мишель. Девушка карабкалась вверх быстро и ловко, несмотря на больную лодыжку, — должно быть, благодаря не только молодости, но и упражнениям в своем оздоровительном центре. Бринн подала ей руку, и все трое уселись в кружок, все еще тяжело дыша.

Бринн огляделась вокруг, чтобы сориентироваться, и обнаружила тропинку, вроде бы ведущую дальше наверх. Они снова двинулись в путь.

— Что станет с этой малышкой? — тихо спросила Мишель.

— Если не найдут родственников, попадет в приют.

— Как это печально. Ей нужна нормальная семья.

— У нас в округе эта система неплохо работает. Ей подыщут хороший вариант.

— Хочется, чтобы она попала к людям, которым будет действительно нужна. Я бы так ее любила.

Вероятно, одной из проблем в жизни Мишель и ее мужа являлись именно дети. Скорее всего, это он не хотел их иметь.

— Удочерение вполне реально. Я, правда, не знаю всех формальностей. — Бринн прикоснулась к щеке. Боль была почти непереносимой. Она заметила, что Мишель не сводит глаз с Эми.

— Вижу, ты хотела бы ребенка.

— О, дети — лучшее, что есть на свете. Я обожаю детей. Ты должна готовить их к жизни, всему учить. Они всегда требуют полной отдачи. Но и делают тебя… Я не знаю, более цельной натурой, что ли. Без них нельзя считать себя состоявшейся личностью.

— Ты явно знаешь, о чем говоришь. Из тебя получится хорошая мать.

— Я очень хочу ею стать, — рассмеялась Мишель.

Пусть ненадолго, но мысли о неверном муже и рухнувшем браке отступили, и молодая женщина увидела в своем будущем проблеск надежды.

«А что же я?» — подумала Бринн.

«Иди вперед, — сказала она себе. — Шагай!»

Привязав к дробовику кусок веревки, Льюис перебросил его за спину. Они двигались вверх по склону, стараясь идти как можно быстрее. Харт не сомневался, что женщинам придется выбирать самые легкие тропы, поскольку с ними была теперь маленькая девочка.

Харту приходилось наблюдать, как люди хорошо оплачиваемых профессий вместе с детьми занимались скалолазанием в парках и спортивных центрах поблизости от его жилища. Иногда он размышлял, есть ли среди этих родителей те, кому подобные навыки пригодились бы в работе. Ответ он знал — конечно же, таких нет. Это были бумажные душонки, зарабатывавшие в десять раз больше, чем он, никогда не подвергая свою жизнь ни малейшей опасности. Им вовек не познать боли, которую ощущал сейчас Харт. И все же он ни за какие деньги не поменялся бы с ними местами.

«Они же просто трупы, Бринн. Сидят, бубнят, сердятся на что-то, показанное по ящику, хотя лично к ним оно не имеет ни малейшего отношения. Ходят на службу, возвращаются домой, толкуют между собой о вещах, в которых ничего не понимают или на которые им плевать...»

Мужчины вышли на плоский участок тропы и остановились, внимательно оглядываясь по сторонам. Харт ни на минуту не забывал, что обе женщины пытались их сегодня убить, и нет оснований думать, будто они не повторят своих попыток. Разумеется, их первейшее желание — сбежать. Но у него не шли из головы глаза Бринн сначала перед домом Фельдманов, а потом в микроавтобусе за секунду до того, как она сняла ногу с педали тормоза, рискуя своей жизнью — лишь бы остановить его.

«Вы имеете право хранить молчание. Вы имеете право на помощь адвоката...»

Харт не сдержал улыбки.

В этот момент легкий вскрик прозвучал где-то впереди по ходу их движения. Тонкий, как писк.

— Что за дьявольщина? — встревожился Льюис. — Похоже на страшилку «Ведьма из Блэр».[28]

Харт рассмеялся в ответ.

— Это девочка. Это наша малютка.

— Тогда она даже лучше твоего джи-пи-эс, Харт.

И они побежали вперед.

— Какой-то зверек? — шепотом спросил Мюнс.

Грэм вскинул голову, вслушиваясь в пронзительный крик, раздававшийся где-то поблизости слева от них, если только его не вводил в заблуждение ветер. Он уже раньше заметил зверя — то ли койота, то ли бродячую собаку или даже волка, — стоявшего на гребне хребта, глядя в их сторону. Это он издавал такие звуки? Грэм разбирался в растениях и многое знал о почвах, иле и минералах. Но животные и их повадки были ему совершенно неведомы.

— Вероятно. Я пока не понял.

Это не был крик женщины. Гораздо больше похоже на голос ребенка. Но такого просто не могло быть.

— А если всего лишь завывание ветра? — предположил Мюнс.

Однако в крике Грэму послышались человеческие эмоции — тревога и безысходность. Скорее страх, чем боль.

Снова наступила тишина.

«Ветер, птица, зверь… Пожалуйста, пусть это будет нечто подобное!»

— Где-то прямо под нами, — сказал Мюнс.

Грэм мрачно смотрел в бесконечную гущу леса, тянувшуюся вниз на их пути. Они прошли всего ярдов пятьсот, медленно огибая непроходимые участки. Спуск оказался труднее, чем им представлялось, поскольку приходилось часто менять направление, натыкаясь то на густые кусты, то на отвесные скалы, сойти к подножию которых было невозможно без

альпинистского снаряжения — причем если Мюнс сожалел о его отсутствии, то Грэм был этому только рад.

Они возобновили спуск, по-прежнему используя для опоры стволы деревьев, и потом вышли к месту, означавшему новые сложности — узкому проходу между скал.

— Думаю, надо спускаться здесь, другого пути нет, — сказал Мюнс, указывая на уходивший вниз под углом в сорок пять градусов скалистый желоб шириной не более двух ярдов. Дно покрывали слои сланцевой глины, гравия и обычной грязи, что делало его скользким, как лед. Стоило там оступиться, и это превратилось бы в неуправляемый полет в неизвестность. Видимость составляла ярдов пятнадцать, не больше. Что там дальше, они не представляли.

— Или давай возвращаться и искать обход.

И снова ночь наполнил визгливый звук. Мужчины испуганно посмотрели друг на друга.

Теперь не могло быть сомнений — это голос человека.

— Пошли, — сказал Грэм, которого одолевали два чувства — лихорадочное желание узнать, кто кричит, и страх, что падение в желобе закончится либо на дне пропасти, либо в сплетении стеблей смертельной для него гледичии.

— Где моя мамочка? — снова взвизгнула Эми.

— Пожалуйста, милая, — умоляюще посмотрела на нее Бринн и приложила палец к губам. — Пожалуйста, веди себя тише.

Но переутомленная, эмоционально взвинченная девочка потеряла контроль над собой.

— Нет! — выкрикнула она. Ее лицо покраснело, из глаз и носа текло. — Не-е-ет!

— Те двое мужчин хотят сделать нам плохо, Эми. Нужно вести себя как можно тише.

— Мамочка!

Они находились на относительно ровном участке местности, густо поросшем лесом, где деревья стояли в ярде-полутора друг от друга. Они шли достаточно быстро, когда у Эми внезапно началась истерика.

— Где моя мама? Я хочу к мамочке!

С трудом заставив себя улыбнуться, Бринн опустилась на колени и взяла ребенка за плечи.

— Пожалуйста, деточка, тише. Мы же играем, помнишь? Мы не должны громко разговаривать.

— Я не хочу играть! Я хочу вернуться! Я хочу к мамуле!

Девочке было почти десять, но Бринн снова подумала, что ведет она себя как пяти-шестилетняя. Может, то была реакция на ужасные события ночи, но, скорее, результат отсталости в общем развитии.

— Пожалуйста!

— Не-е-е-ет! — Ее крик казался просто оглушительным.

— Дай мне попробовать. — Мишель присела перед Эми, отложив в сторону «копье», и протянула девочке игрушку. Эми отшвырнула ее прочь.

— Я проверю, что творится у нас за спиной, — сказала Бринн. — Если они где-то недалеко, то наверняка ее слышали.

Она пробежалась немного в обратную сторону, взобралась на небольшой холмик и стала вглядываться в окрестности.

Крики девочки звучали в ночи, как сирена.

Бринн внимательно всматривалась во мрак.

— О, нет...

Она была напугана, но не удивлена, заметив в двухстах ярдах от себя двоих мужчин, двигавшихся в их направлении. Они тоже остановились и вслушивались, пытаясь определить, откуда исходит шум.

Можно было только благодарить Бога, что именно в этот момент Эми затихла.

Мужчины еще некоторое время продолжали крутить головами, потом снова пошли и спустя мгновение скрылись за скалой.

Бринн вернулась к Мишель и Эми. Малышка, хотя и выглядела по-прежнему несчастной, перестала плакать и снова прижимала к груди своего плюшевого зверька.

— Как тебе это удалось?

Мишель пожала плечами и шепнула:

— Сказала ей, что мы идем искать ее маму. Больше ничего не пришло в голову.

Впрочем, какое это имело значение? Рано или поздно девочка узнает правду, но вот позволить ей сейчас кричать никак нельзя.

— Они идут за нами, — прошептала Бринн.

— Кто? Харт и его напарник?

Кивок в ответ.

— Но как же так вышло?

Это, конечно же, Харт.

— Логика, вывернутая наизнанку, — сказала Бринн. — Они всего в двухстах ярдах позади. Нужно идти дальше.

Они двинулись сначала в сторону хребта, пока поверхность была достаточно ровной, а потом снова взяли севернее к автомагистрали. Направление было нетрудно определить по шуму воды в реке справа, но, поднимаясь, они оказывались на все более открытой местности и потому стали перемешаться зигзагами, выискивая то дерево, то куст для укрытия. Все это отнимало слишком много времени, понимала Бринн, кожей ощущая, что Харт подбирается все ближе.

Она повела Мишель и Эми в более густой лес, продолжая идти на север. Внезапно вверху промелькнула полоса света — легковушка или грузовик на хайвее. Ярдов семьсот или того меньше. Бринн и Мишель обменялись улыбками и устремились вперед.

Вдруг до них донесся хруст чьих-то шагов слева, из густого соснового бора. Звук был очень близким. Бринн бросила взгляд на девочку, опасаясь нового приступа истерики.

Снова хруст. Еще ближе. И определенно звук шагов.

Харт с приятелем двигались быстрее, чем ожидала Бринн, и сократили отставание в двести ярдов всего за пятнадцать минут. Вероятно, им удалось обнаружить прямую тропу, которую женщины не заметили.

Бринн жестом указала вниз. И все трое вжались в землю позади поваленного ствола. Эми начала было плакать, но Мишель прижала ее к себе и опять магическим образом сумела успокоить. Бринн набрала охапку листьев и, стараясь не шуметь, присыпала ими Мишель и Эми. Потом тоже легла и замаскировалась.

Шаги приближались, но их заглушил усилившийся ветер.

Бринн беззвучно охнула. Ей показалось, что кто-то прошептал ее имя.

Игра воображения, не более того. Это всего-навсего ветер, задувавший теперь равномерно, шурша листьями и посвистывая в ветвях деревьев.

Но потом она снова услышала тихий шепот:

— Бринн!

Подбородок ее задрожал от ужаса. Харт!

Жутко было сознавать, что он неким шестым чувством ощущал ее присутствие рядом.

И снова тихий оклик, хотя имя на этот раз прозвучало неразборчиво, теряясь среди лесных шумов.

От переутомления и боли у нее даже возникла секундная иллюзия, что зовет ее Грэм. Но это, разумеется, совершенно исключено. Ее муж сейчас дома и крепко спит.

А быть может, вовсе не дома и не спит.

— Бринн...

Она прижала палец к губам. Мишель кивнула и полезла в карман куртки за ножом.

Шаги раздались снова совсем рядом и приблизились к дереву, за которым они укрылись.

Время драться и время убегать.

Но и время, чтобы прятаться тоже.

При мысли об этих двух мужчинах с их громыхающим оружием другое воспоминание нахлынуло на нее: ее первый муж с округлившимися от страха и боли глазами падает навзничь, сраженный выпушенной почти в упор пулей, а ее служебный пистолет со стуком падает на кухонный пол.

Уж не свершается ли здесь некий акт правосудия — божественной или духовной расплаты?

Ждет ли ее судьба, постигшая Кейта?

Шаги все приближались.

И Бринн закрыла глаза, как маленький Джоуи, веривший, будто, зажмурившись, ты делаешься невидимым.

— Бринн! — снова позвал Грэм так громко, насколько мог осмелиться, но все равно шепотом.

Вслушался. Ничего.

Когда они вошли в этот лес, крики прекратились. И никого не было видно. Но по мере их продвижения Грэму почудились женский шепот и шуршание листьев где-то совсем рядом. Определить, откуда доносились звуки, он, однако, не смог и рискнул окликнуть жену по имени.

Ответа не последовало, но они услышали новые звуки и двинулись на них, Мюнс с пистолетом наготове.

— Бринн?

Мужчины стояли рядом с огромным стволом поваленного дуба и оглядывались по сторонам. Грэм нахмурился и прикоснулся к уху. Мюнс помотал головой.

И в это мгновение помощник шерифа замер и указал на поле, покрытое валунами и зарослями кустов. Грэм тоже успел заметить в ста ярдах от них фигуру человека, державшего ружье или дробовик.

Убийцы. Они были здесь!

Грэм ткнул пальцем в отключенную рацию помощника шерифа. Но Мюнс в ответ покачал головой и в свою очередь коснулся уха, поясняя, что им сейчас не нужен предательский треск в эфире.

Мюнс устремился вниз по тропе, которую Грэм не сумел разглядеть. Он догадался, что помощник шерифа хочет обойти вооруженного мужчину с фланга.

«Какого лешего я здесь делаю?» — невольно подумал Грэм.

А потом, уже ни о чем не размышляя, присоединился к этой безумной затее.

Звук шагов стал удаляться от ствола дуба.

И Бринн с крайней осторожностью решилась поднять голову, обеспокоенная шуршанием листвы.

Выглянув поверх дерева, она увидела два темных силуэта, удалявшихся от них в тумане наступавшего раннего утра.

Мужчины стояли буквально в полутора ярдах от их укрытия. Стоило Эми хныкнуть, и все они были бы сейчас мертвы. У Бринн дрожали руки.

Стена из деревьев скрыла мужчин из виду.

— Вставайте, — прошептала она. — Они уходят от нас в сторону. Похоже, решили спуститься ниже по склону. Давайте двигаться быстро. Мы уже совсем рядом с хайвеем.

Они поднялись, стряхнули остатки листьев и снова пустились в путь наверх.

— Вот это называется — пронесло, — сказала Мишель. — Почему они прошли мимо?

— Вероятно, что-то услышали. Оленя, например.

«Но не тот ли волк, что был до сих пор нашим ангелом-хранителем, отвлек убийц?» — гадала про себя Бринн.

Она посмотрела на Эми.

— Я горжусь тобой, солнышко. Ты вела себя тихо-тихо.

Но Эми только молча прижимала к себе Честера. Лицо ее оставалось мрачным, глазенки покраснели. Впрочем, это полностью отражало настроение самой Бринн.

Петляя, они одолели еще несколько длинных склонов. Мишель улыбнулась и указала в сторону горизонта. Бринн увидела, как впереди снова промелькнули фары автомобиля.

Как райское сияние.

Она оценила последнее из возникших перед ними препятствий: высокий скалистый холм, справа от которого тянулась пропасть ущелья — в этом месте уже более тридцати ярдов глубиной. Слева все заросло кустами ежевики вплоть до следующей скалы, еще более высокой.

О том, чтобы взобраться на холм, нечего было и думать — почти отвесная стена возвышалась над ними ярдов на двенадцать или даже пятнадцать. Однако слева от нее через кусты тянулся узкий выступ, уходивший вверх сначала в поле и дальше — к хайвею. Выступ был крутым, но по нему все же можно было подняться. Это место тоже манило к себе скалолазов — стену покрывали скобы для крепления альпинистских карабинов.

Подъем по выступу казался Бринн опасным по двум причинам. Отправившись по нему вверх, они минут на пять окажутся на виду. Кроме того, там очень узко. Значит, идти предстояло гуськом, а падение, пусть и с небольшой высоты, закончилось бы в густых кустах ежевики и барбариса. Последний она хорошо запомнила в оранжерее Грэма. Он был популярен среди клиентов из-за вкусных ягод и необыкновенной красоты осенних листьев, но природа наделила эту красоту тонкими и острыми шипами. За зиму листва с кустов облетела, и обнажившиеся шипы угрожающе торчали с каждой ветки.

И все же она сочла риск оправданным. У них попросту не оставалось времени на поиски другого маршрута.

Кроме того, напомнила она себе, подойдя так близко к ним у ствола поваленного дуба, Харт с напарником направились затем в противоположную сторону, вниз по склону.

— Нам пора домой, — пробормотала Бринн, и они начали подъем.

Грэм и Мюнс осторожно и в полном молчании приближались к тому месту, где замеченный ими мужчина с ружьем исчез среди кустов.

Мюнс жестом показал, что нужно остановиться. Заместитель шерифа изучал окрестности, и дуло дробовика поворачивалось вслед за его взглядом.

Грэм уже жалел, что не был достаточно настойчив, требуя дать ему огнестрельное оружие. Складной нож, лежавший у него в кармане, казался совершенно бесполезным. Он решил попросить у Мюнса пистолет, но сейчас не осмеливался издать ни звука. Буквально в десяти ярдах раздавался треск валежника и шелест листьев под ногами человека, пробиравшегося через заросли.

Вот что-то хрустнуло у него под башмаком. Потом еще раз.

Сердце Грэма бешено колотилось. Он старался сдерживать дыхание, казавшееся ему слишком громким. Губы подрагивали. В отличие от него, Мюнс, похоже, полностью владел собой. Его движения были уверенными и экономными. Словно ему уже случалось попадать в такие ситуации тысячи раз. Он пригнулся и указал на выступ большой скалы. Жди там, понял этот жест Грэм и кивнул в ответ. Помощник шерифа тронул свой пистолет, словно хотел убедиться, что он под рукой, а потом, сжимая дробовик, медленно пошел вперед, по-прежнему высоко держа голову и осматриваясь, но в то же время ловко обходя валявшиеся на земле ветки и кучи листвы.

По ту сторону кустов снова послышались шаги. Грэм напрягал зрение, но ничего не видел. Звуки, однако, доносились отчетливо: мужчина ломился через чащу, порой ненадолго останавливаясь.

Мюнс сближался с убийцей, не поднимая шума.

Он замер в пяти ярдах от зарослей и склонил голову набок, прислушиваясь.

Листва вновь зашуршала — преступники даже не старались скрыть своего присутствия; не подозревая, что из охотников сами теперь превратились в добычу.

Все так же молча Мюнс сделал еще шаг вперед.

И в этот момент мужчина с дробовиком вышел из-за дерева всего в двух ярдах позади Мюнса и выстрелил тому в спину.

Помощник шерифа, вскрикнув, повалился ничком, выронив ружье.

Грэм с вытаращенными от ужаса глазами беззвучно охнул. «Боже!.. О, боже!»

Нападавший не произнес ни слова. Ни предупреждения, ни команды бросить оружие, ни приказа сдаться.

Просто возник ниоткуда и спустил курок.

Эрик Мюнс лежал лицом вниз, нижняя часть его спины, искромсанная дробью, почернела от крови. Ноги едва заметно подергивались, он шевелил рукой, сжимая и разжимая пальцы.

— Я завалил его, Харт, — шепотом сказал стрелок кому-то другому.

Второй мужчина выскочил из-за кустов, тяжело дыша и с пистолетом наготове. Он посмотрел на помощника шерифа, уже потерявшего сознание, и перевернул его на спину. Грэм понял теперь, что этот человек по имени Харт нарочно шумел в зарослях, чтобы заманить Мюнса в ловушку.

В совершеннейшем шоке Грэм вжался в базальтовую нишу. Он находился всего в шести-семи ярдах от убийц, его убежище прикрывали лишь несколько веток и пучок иссохших стеблей прошлогоднего папоротника. Сквозь них Грэм осмелился выглянуть и посмотреть, что происходит.

— Черт возьми, Харт, это еще один коп. — Льюис озирался по сторонам. — Должны быть другие поблизости.

— Ты кого-нибудь видишь?

— Нет. Но мы можем допросить его. Я целился пониже. Мог убить наповал, но стрелял так, чтобы он остался жив.

— Это умное решение, Комп.

Харт опустился на колени рядом с Мюнсом.

— Где остальные?

Грэм снова вжался в скалу с такой силой, словно хотел полностью с ней слиться. Руки его отчаянно тряслись, и, как ни старался, он не мог контролировать свое дыхание. Тошнота подступила к самому горлу.

— Где другие?.. Что? — Харт склонился ниже. — Не слышу тебя. Говори громче. Если все нам расскажешь, сохраним тебе жизнь.

— Что он сказал, Харт?

— Сказал, что больше здесь никого нет. Он пришел сюда один. Искал двух женщин, сбежавших от грабителей.

— Думаешь, не врет?

— Не знаю… Постой-ка, он хочет сообщить что-то еще.

Харт вслушался, потом поднялся и без малейших эмоций сказал:

— Просто послал нас, чтобы мы себя поимели.

— Похоже, это вас здесь поимели, сэр, — злорадно обратился к Мюнсу тот, кого звали Комп.

Харт немного помедлил и снова склонился к Мюнсу.

— Он мертв.

Грэм не сводил затуманенных слезами глаз с распластанного тела помощника шерифа.

Потом всего в трех ярдах от себя заметил дробовик Мюнса, отлетевший в сторону, когда тот падал на землю после выстрела. Ружье было наполовину присыпано листвой.

«Пожалуйста, не смотрите туда. Оставьте его. Мне так нужно оружие. Как же мне оно нужно!» — думал Грэм.

Он вдруг понял, сколь легко мог бы сейчас убить. Всадить заряды в спины обоим. И не дать им ни шанса, как не дали они его Мюнсу.

«Пожалуйста...»

Пока мужчина, убивший Мюнса, стоял на страже с дробовиком наперевес, Харт бегло обыскал помощника шерифа и, отстегнув с его ремня рацию., включил ее. До Грэма донеслись звуки трескучего радиообмена.

— Они организовали поисковые группы, но все сосредоточены на шестьсот восемьдесят второй дороге и в районе озера Мондак, — сообщил Харт Компу. — Вероятно, этот парень сказал правду. Скорее всего, его одного привела сюда интуиция.

Харт направил фонарик на мундир помощника шерифа, прочитал имя на табличке, прикрепленной к нагрудному карману, потом выпрямился и включился в переговоры по рации.

— Это Эрик, прием.

Из-за шума помех Грэм не расслышал ответа.

— Здесь очень слабый сигнал, прием.

Снова сплошной треск в эфире.

— Очень плохой сигнал. В моем районе никого нет. Как слышите? Прием.

— Повтори, Эрик. Где ты находишься? — На этот раз Грэм ясно услышал голос.

— Повторяю, плохой сигнал. Здесь никаких следов. Прием.

— Где ты?

Харт передернул плечами.

— Я к северу от вас. В этом месте никого нет. Как дела у озера?

— Тоже пока ничего нового. Мы продолжаем поиски. Аквалангисты тел на дне не обнаружили.

— Это хорошо. Я дам вам знать, если найду что-то. Конец передачи.

— Конец передачи.

Грэм гипнотизировал взглядом дробовик, словно усилием воли мог сделать его невидимым.

— Если честно, я не понимаю, почему он здесь один, — заметил Харт.

— Они не так умны, как ты. Вот и вся причина.

— Нам лучше поспешить. Забери у него глок и запасные обоймы.

Грэм снова вжался в скалистую нишу.

«Оставьте дробовик. Пожалуйста, оставьте его».

По опавшей листве зашуршали шаги.

Неужели они идут в его направлении?

Затем мужчины остановились. Очень близко.

— Тебе нужен дробовик этого копа? — спросил Харт.

— Не-а. Зачем мне два?

— Не хочу, чтобы его кто-нибудь нашел. Зашвырнешь его в реку?

— Само собой, сделаю.

«Нет!»

Шаги раздались снова. Потом послышался шумный выдох человека, кидавшего тяжелый предмет.

— Вот и все дела!

После небольшой паузы до Грэма донесся стук падения.

Мужчины снова тронулись в путь, приближаясь к скале, за которой скрючился Грэм. У них не было шансов его заметить, обойди они ее слева. Но вздумай пойти вправо, и он оказался бы прямо перед ними.

Грэм достал нож и открыл лезвие. Ему вспомнилось, что в последний раз он им пользовался, когда делал прививку кусту роз.

Услышав звук выстрела неподалеку, Мишель охнула и непроизвольно отпустила руку Эми.

Охваченная паникой девочка побежала вниз по уступу, громко плача.

— Эми, нет! — крикнула Бринн. — Эми!

Она протиснулась мимо Мишель, опасливо поглядывая на колючие кусты внизу, и кинулась вслед за ребенком. Но Эми заметила ее, и когда Бринн приблизилась, упала на узкий выступ, стараясь увернуться.

— Не трогай меня! — визжала она. Честер выпал из ее рук. Потянувшись за игрушкой, Эми свесилась через край в опасной близости от ветвей барбариса. Бринн успела ухватить ее за рубашку. Хорошо, что она лежала лицом вниз, иначе худышка могла выскользнуть из слишком просторной для нее одежды и свалиться в самую гущу колючек.

Девочка вопила от страха, боли и обиды из-за потерянной игрушки.

— Тише! Пожалуйста, тише, — увещевала ее Бринн.

Сзади подбежала Мишель, ухватила Эми за ногу, и вдвоем они вернули сопротивлявшегося ребенка на уступ.

Эми готовилась издать новый крик, но Мишель склонилась к ее ушку и что-то прошептала, погладив по голове. Девочка сразу же замолчала.

«Почему у меня это не получается?» — недоумевала Бринн.

— Я обещала ей вернуться за Честером, — шепнула Мишель, когда они снова двинулись вверх по выступу.

— Черт меня возьми! Если мы выберемся отсюда, я лично вырублю эти дьявольские колючки и найду его, — сказала Бринн. — Спасибо.

Им оставалось пройти до вершины каких-то шестьдесят ярдов.

«Пожалуйста, пусть на хайвее появится какой-нибудь грузовик! Я остановлю его, даже если для этого мне придется раздеться донага».

— Что это был за выстрел? — спросила Мишель. — Кто мог?..

— О, только не это! — пробормотала Бринн, оглянувшись.

Харт с напарником вышли из тех же кустов, где пять минут назад Бринн стояла, обдумывая возможность подъема по выступу скалы.

Они тоже остановились. Харт поднял голову и встретился взглядом с Бринн. Он схватил приятеля за рукав и указал ему на женщин, все еще находившихся на подъеме.

Напарник вставил в дробовик новый патрон, и оба кинулись вперед.

— Стреляй ты, — велел Харт Льюису.

Оба задохнулись от бега и жадно ловили воздух. Сердце Харта колотилось слишком сильно, чтобы прицелиться из пистолета, а вот пучок дроби способен был настигнуть ту, что шла последней, — Мишель.

— Отличная позиция! Убей эту сучку!

Льюис остановился, глубоко вдохнул и выстрелил.

Он почти попал — об этом свидетельствовало облако крошки, выбитой из скалистой почвы, — однако дробь прошла мимо.

И почти тут же все трое пропали из виду, оказавшись наверху, где протянулся ровный участок зелени.

— Теперь они направятся прямо к магистрали — через поле и лесополосу. Но с ними ребенок. Мы догоним их, если поторопимся.

Они еще нуждались в передышке. Но Льюис азартно кивнул, и мужчины пустились вверх по уступу скалы.

Грэм Бойд вздрогнул всем телом, когда прозвучал еще один выстрел всего в пятистах ярдах от него.

Сам он в этот момент находился в довольно-таки опасном положении, свесившись через край известняковой скалы, у подножия которой в тридцати ярдах ниже бурлила Змейка. Он внимательно вглядывался и в тусклом свете вроде бы видел ружье Эрика Мюнса, которое его убийца выбросил в реку. Дробовик до воды не долетел, приземлившись на скалистый утес ярдах в шести от вершины ущелья.

О, как же ему хотелось добраться до оружия!

Двое мужчин обошли камень, за которым он прятался, не заметив его, и скрылись в чаше леса. Когда их шаги окончательно затихли, Грэм поднялся и, пригибаясь как можно ниже, подбежал к краю пропасти.

Сможет ли он спуститься к тому утесу и взять ружье?

Неизвестно, но, черт возьми, он не собирался уходить, даже не попытавшись! Он весь пылал яростью. Никогда в жизни не хотел он ничего больше, чем завладеть сейчас этим дробовиком.

Он еще раз оглядел поверхность скалы и, как ему показалось, обнаружил достаточно выступов и трещин, способных послужить ему опорой для спуска на уступ, откуда можно было дотянуться до дробовика.

Поторопись. Действуй.

Тяжело дыша, он повернулся спиной к ущелью и, нащупывая ногами опору, стал потихоньку опускаться. Полтора ярда, два с половиной, три. Он двигался так быстро, насколько мог осмелиться. В случае падения он ударился бы о выступающий край скалы, и уже ничто не могло бы остановить полета на самое дно, где пенистые буруны реки свидетельствовали о нагромождении валунов.

Четыре ярда.

Он посмотрел вниз.

Да, это определенно дробовик, балансировавший на самом краю выступа. Грэма охватило лихорадочное желание ухватить ружье, прежде чем случайный порыв ветра окончательно снесет его за пределы досягаемости. Он продолжил спускаться, стараясь максимально приблизиться к утесу. И вот наконец очутился на одном с ним уровне, хотя ружье все еще располагалось примерно в полутора ярдах справа.

Грэм выискивал способ переместиться в ту сторону, но то, что в полутьме он принял за выступ, куда можно было поставить ногу, оказалось просто темным пятном на поверхности скалы.

Глубоко втягивая воздух, Грэм прижался щекой к холодной, гладкой поверхности камня. «Ну, давай же, завершай начатое, — подумал он, злясь на себя. — Ты уже зашел слишком далеко».

Ухватившись за тонкую ветку, росшую из трещины в скале, он потянулся за ружьем. Ему не хватило каких-нибудь восьми дюймов — черное отверстие в стволе смотрело прямо на него.

Внизу бурлила вода.

Грэм разочарованно вздохнул. Всего несколько дюймов. Пошел!

Он перехватил ветку повыше и снова качнулся вправо, на этот раз значительно резче. И снова не дотянулся — до дробовика оставалась пара дюймов.

Вытянув руку как можно дальше, он сделал третью попытку.

И это была удача! Он сумел обхватить ствол пальцами.

Теперь ему оставалось только…

Под тяжестью его тела ветка неожиданно поддалась, его качнуло в противоположную сторону на добрые двадцать дюймов, и держался он теперь только на ненадежном отростке, покрытом скользкой корой. Издав крик, Грэм постарался удержать ружье, но ствол выскользнул из его потных пальцев, отлетел вниз, ударился об еще один выступ скалы ярдах в трех ниже и, вращаясь вокруг своей оси, рухнул на дно ущелья.

— Нет! — Он в отчаянии смотрел, как оружие тонет в черной речной воде.

Но времени оплакивать потерю не оставалось. Ветка перестала держать его, и Грэму пришлось ухватиться за выступ скалы, хотя это помогло ему на каких-нибудь десять секунд, потом пальцы соскользнули с камня, и он полетел вниз, почти в точности повторяя траекторию ружья, завладеть которым так страстно желал.

Им не добраться до магистрали, поняла Бринн.

Ее охватило смятение. После выстрела из дробовика они перевалились через гребень холма и оказались у кромки просторного поля. И Бринн тут же поняла, что совершенно неверно оценивала его протяженность. До лесополосы, тянувшейся вдоль хайвея, было ярдов триста, если не больше. Местность — абсолютно плоская и открытая, поросшая желтой травой и вереском, среди которых торчало несколько кустиков и пней. А ведь еще пять лет назад здесь тоже был лес.

Им понадобится не менее десяти минут, чтобы пересечь это пространство, а мужчины поднимутся сюда гораздо быстрее — они уже наверняка начали подъем.

Бринн посмотрела на Эми — ее перепачканное лицо покраснело от слез.

«Что же нам делать?»

Ответ она получила от Мишель, которая стояла рядом, тяжело дыша и опираясь на «копье»:

— Хватит убегать. Пора дать им бой.

Бринн посмотрела ей в глаза.

— Но они вооружены, а мы нет.

— Мне все равно.

— Ты хоть понимаешь, как мало у нас шансов?

— До сих пор моя жизнь текла совершенно размеренно. Тренажерные залы, ленчи в «Рице», маникюрные салоны. Меня уже тошнило от всего этого.

Они улыбнулись друг другу. Оглядевшись вокруг, Бринн заметила, что, если подняться на возвышение у вершины холма, они окажутся сверху и прямо над выступом, на котором уже должны были находиться преследователи.

— Все туда. Бегом!

Бринн бежала впереди, Эми и Мишель следом за ней. Взглянув вниз, они увидели мужчин, осторожно взбиравшихся по выступу и проделавших уже почти греть пути. Харт шел первым.

Они оценили имевшийся в их распоряжении жалкий арсенал, состоявший из «копья» и ножа. Но Бринн хотела приберечь это на самый последний момент. Она жестом указала на обломки камней,

покрывавших верхушку скалы. Некоторые из них оказались слишком велики и тяжелы, но другие, пусть и не без труда, можно было катить или поднять. Помимо того здесь хватало бревен и обломанных толстых ветвей.

— Сбросим гадов в колючки! — прорычала Бринн.

Мишель кивнула в ответ.

И тут Бринн осенило. Она достала бутылочку-«компас» из кармана. Ножом отрезала полосу ткани от своей лыжной куртки, обмотала ею горлышко и приготовила свечную зажигалку.

— Но там же обычная вода, — сказала Мишель.

— А им-то откуда это знать? Для них это бутылка, полная спирта. Она их задержит и даст нам время подготовить камни, чтобы обрушить им на головы.

Бринн выглянула через край. Мужчины находились почти под ними.

— Ты готова? — шепотом спросила она Мишель.

— Готова.

Бринн подожгла полоску ткани — нейлон горел ярко и немного искрил. Склонившись через край скалы, она оценила расстояние и выпустила бутылочку из рук. Та приземлилась ярдах в полутора от Харта и, покачавшись, остановилась.

— Что за… — Харт вздрогнул от неожиданности.

— Черт! Это спирт! Сейчас рванет, отходи.

— Но где они?

— Где-то наверху, над нами.

Раздался выстрел, и пучок дроби ударил в скалу перед женщинами. Эми, сжавшись в комочек поблизости, снова закричала. Но для Бринн это теперь не имело значения. Наоборот, крики и вопли казались сейчас как нельзя более кстати. Они не были больше помощником шерифа и актрисой-дилетанткой. Но воительницами. Королевами джунглей. Ей самой хотелось сейчас завыть по-волчьи.

Вдвоем они подкатили к краю скалы камень весом фунтов в сорок пять. Напрягая мышцы, Бринн нацелила его и перевалила через гребень.

Направление она выбрала верно, но вмешалась случайность. Поверхность скалы не была идеально ровной; их снаряд угодил на выступ, подскочил на нем и пронесся в нескольких дюймах от головы Харта. Однако камень при ударе раздробил выступ, осыпав мужчин осколками. Они вынуждены были отступить ярда на три. Напарник снова пальнул из ружья, но дробь просвистела много выше цели.

— Нам нельзя останавливаться, — судорожно зашептала Бринн. — Швыряй в них все, что попадется под руку.

Они скинули вниз бревно, два крупных валуна и несколько камней помельче.

— Моя рука, Харт! — послышался крик. — Эти шлюхи сломали мне руку!

Бринн рискнула выглянуть через край. Льюис уронил свой дробовик в колючие кусты.

«Вот тебе!»

Харт смотрел вверх. Заметив Бринн, он дважды выстрелил по ней из глока. Одна из пуль попала в скалу совсем рядом, но она успела отскочить, прежде чем каменная крошка задела ее.

— Комп, фитиль догорел, — послышался голос Харта. — Видишь, он погас? Убери весь этот мусор с дороги. Скинь его вниз.

— Дьявол, Харт! Они же нам черепа проломят.

— Давай, действуй. Я тебя прикрою.

Бринн между тем выбрала еще одно бревно — ярда полтора длиной и дюймов двенадцати в диаметре, все покрытое острыми сучками.

— То, что нужно.

— Точно! — улыбнулась Мишель. Опустившись на колени, женщины подпихнули бревно параллельно к краю скалы, но все еще на некотором удалении от него. Сил на это ушло немало, и обе припали к нему, чтобы отдышаться.

Бринн предупреждающе подняла палец.

— По моему сигналу брось камень им за спины.

Мишель кивнула.

Бринн подобрала с земли «копье».

Она думала о Джоуи, она думала о Грэме.

По неясной причине даже образ первого мужа промелькнул перед ее мысленным взором.

Потом она кивнула Мишель, и та кинула камень через гребень скалы.

Бринн поднялась во весь рост. Она увидела, что Харт оглянулся на звук упавшего камня, и, издав дикий крик, метнула «копье» в спину напарника, который как раз нагнулся, чтобы сдвинуть с уступа большой валун.

— Комп! — воскликнул Харт, успевший вовремя обернуться.

Льюис крутанулся на месте и сумел уклониться от «копья», которое миновало его в считаных дюймах и врезалось в камень у его ног, выбив сноп искр. Он оступился и сорвался с выступа. Окончательного падения вниз он избежал, успев схватиться левой рукой за трещину в скале. Его ноги болтались над верхушками колючих кустов.

Поспешив ему на помощь, Харт бросил взгляд вверх и выстрелил. Но Бринн была вне пределов досягаемости для его пули, потому что уже помогала Мишель пододвинуть смертоносное бревно к самому гребню.

Бринн снова выглянула, чтобы посмотреть вниз. Харт стоял к ней спиной. Наклонившись, он ухватил напарника за френч и изо всех сил тянул обратно на выступ. Они сейчас располагались в девяти ярдах под ними и на прямой траектории, а скала была в этом месте совершенно ровной. Пущенное с такой высоты тяжелое бревно должно переломать им кости, если не убить наповал. В самом крайнем случае один из них наверняка слетел бы в море колючек.

Теперь действовать без малейших колебаний!

Бринн ухватила бревно с одного конца, Мишель — с противоположного.

— Толкай! — прошептала Бринн.

Ствол сдвинулся с места и был уже в десяти дюймах от края.

— Еще!

Шесть дюймов.

Но в этот момент что-то с резким стуком ударило о край скалы всего в двадцати дюймах от Бринн и Мишель, подняв в рассветный воздух фонтанчик осколков и пыли. Мгновением позже издали донесся звук выстрела.

Женщины мгновенно распластались на земле. Бринн подползла к Эми и прикрыла бившуюся в истерике девочку своим телом.

Еще выстрел. И снова разлет каменной крошки.

— Кто это? — испуганно спросила Мишель. — Это ведь не они. Там есть кто-то еще, и он стреляет по нам.

Бринн всмотрелась в отдаленную полосу леса.

Вспышка еще одного выстрела была видна издалека.

— Пригнитесь!

И она откатилась в сторону в тот самый момент, когда винтовочная пуля на огромной скорости врезалось в бревно, которое только что толкали женщины.

Бринн осмелилась выглянуть через край скалы. Харт сумел-таки вытащить приятеля на уступ, но они тоже низко пригнулись, не понимая, что происходит. Ей казалось, что неизвестный стрелок метит в нее и Мишель, но, похоже, мужчины тоже опасались стать его мишенями. Укрыться им было совершенно негде, и они решили отступить вниз по уступу.

— Они уходят. Нам тоже надо выбираться отсюда, — сказала Бринн.

— Кто же это, черт побери? — пробормотала Мишель. — Мы ведь почти разделались с ними.

— Пошли. Поторопись.

Они теперь не могли идти через поле, где таинственный снайпер без труда мог перестрелять их. Поэтому переползли правее в сторону ущелья, чтобы удалиться от позиции стрелка. Вскоре они оказались в безопасности по другую сторону холма, хотя и совсем рядом с пропастью. Бринн с опаской покосилась на нее, стараясь держаться как можно дальше от края.

— Скажи мне, милая, — обратилась она к Эми, — Руди и твою маму навещали друзья? Кто-нибудь, кого не было сегодня ночью в трейлере?

— Иногда.

Так вот, значит, что. Это, наверное, один из подельников Руди и Гэнди, который узнал о бойне и каким-то образом выследил их.

Тишину нарушил взревевший мотор тягача, водитель которого включил пониженную передачу на подъезде к мосту. Бринн всмотрелась в край тянувшейся пропасти. Вдоль нее они вполне могли выбраться на автомагистраль, находясь все время под надежным прикрытием леса.

Между тем небо светлело, наступал рассвет, и им теперь было проще выбирать кратчайший путь к хайвею. Бринн обняла Мишель за плечи.

— А ведь мы почти прикончили их.

— В другой раз прикончим, — ответила Мишель без тени улыбки.

Бринн немного помедлила:

— Надеюсь, другого раза уже не будет.

Но по злобному лицу молодой женщины поняла, что та ее надежды совсем не разделяет.

— Еще один коп? — спросил Льюис, имея в виду неизвестного стрелка.

Он разминал руку. Сломана она не была, но камень крепко зашиб ему большой палец. Однако гораздо больше Льюиса расстроила потеря дробовика, и его ненависть к женщинам достигла точки кипения.

Пока они прятались за большим камнем у подножия уступа, Харт слушал рацию убитого помощника шерифа. Это был обычный обмен сообщениями о ходе поисков. Никто, казалось, даже не слышал выстрелов. И о присутствии в этом месте других полицейских тоже не было речи.

— Держу пари, это еще один из банды наркоделов. Напоролся на нас, когда шел к трейлеру.

Харт включил джи-пи-эс, едва сдерживая гнев. Они так близко подобрались к добыче. Но теперь преследовать ее невозможно. Единственным прямым путем наверх оставался выступ скалы, но там их могли перестрелять, как куропаток.

— Придется сделать обходной маневр влево через лес. Это более длинный путь, зато до самой автотрассы нас скроют кусты.

— Который теперь час? — спросил Льюис.

— Тебе-то какая разница?

— Просто хотел узнать, сколько мы уже занимаемся всем этим дерьмом.

— Долго. Слишком долго, — сказал Харт.

Сжимая в руках винтовку «бушмастер 223», Джеймс Джейсонс всматривался в поверхность скалы, по которой только что выпустил несколько пуль. Он сделал все возможное, учитывая, что света почти не было, а он находился более чем в двухстах ярдах от цели.

Он подождал еще немного, изучая окрестности в инфракрасный бинокль, но не видел больше никаких признаков присутствия ни мужчин, ни женщин. Кому порассказать: битва из пещерных времен — двое мужиков отбиваются от атакующих камнями и бревнами женщин!

Он осматривал поле и окружающие леса еще минут десять.

Куда все они делись?

Мужчины отступили вниз по выступу скалы. Не имея своего транспорта, они, скорее всего, направятся на магистраль между штатами, чтобы поймать попутку. Но туда можно добираться несколькими путями. Существовала вероятность, что они пойдут прямиком, то есть как раз мимо него. Заросли здесь густые, но, пожалуй, Джейсонс сумел бы перехватить их. Нельзя также исключать возможности, что они попытаются выбраться по дальней стороне холма, на котором видели женщин. Там очень крутой подъем и совершенно негде укрыться, но кто знает? Вероятно, нападение привело их в такую ярость, что теперь они попытаются добраться до своей добычи любой ценой.

Но Джейсонс не хотел торопить события и вглядывался в кусты через бинокль ночного видения. Растения колыхались то там, то здесь, но эти движения вызывал ветер, а не идущие сквозь них люди.

Внезапно совсем рядом он заметил еще какое-то шевеление. Сфокусировав бинокль, Джейсонс слегка вздрогнул. Прямо на него смотрел дикий зверь — койот или волк. Инфракрасная система придавала шерсти призрачный зеленовато-серый оттенок. Узкая мордочка, белые ровные клыки, хорошо заметные в ощеренной пасти. К

счастью, животное находилось на достаточно большом удалении, красивое, но опасное.

Зверь задрал голову, принюхался и в одно мгновение пропал из виду.

«Как же далеко я забрался от дома», — подумал Джеймс Джейсонс. Роберту он расскажет смягченную версию ночного происшествия, в которой будет фигурировать волк, но не стрельба.

Он продолжил сканировать поле и опушки прилегавших к нему лесов, но не обнаружил никаких признаков убийц Эммы Фельдман. Те вполне могли находиться в двух шагах от него, но густые заросли не позволяли ничего толком разглядеть.

Кстати, а что случилось с Грэмом и помощником шерифа?

Выстрел, донесшийся до него чуть раньше, и двое преступников, появившихся у подножия скалы, давали ему некоторое представление о вероятном развитии событий. Плохо. Но что поделать — нельзя прыгнуть выше своей головы. Просто невозможно.

Джейсонс выждал еще десять минут и решил, что пора и ему выбираться назад на хайвей. Он закинул сумку за спину и, не разбирая винтовку на части, вернулся в лесные заросли.

Они продолжали двигаться вдоль кромки ущелья в сторону автомагистрали; внизу шумела, разбиваясь о камни, Змейка.

Бринн даже не осмеливалась смотреть вправо, где в трех ярдах от нее кончалась, отвесно обрываясь, земля. Она держала Эми за руку и внимательно смотрела под ноги.

В какой-то момент ей пришлось остановиться, чтобы взглянуть назад. Мишель хромала вслед достаточно проворно, хотя и была заметно утомлена. Маленькая девочка, казалось, впала в ступор.

В этот ранний час машин на хайвее, судя по звукам, было немного. Но то и дело раздавался шум грузовика или легкового автомобиля. А им и нужна-то была всего одна.

Внезапно справа от них выступил из полумрака силуэт моста. Они миновали еще одну рощицу и оказались на поросшей высокой травой поляне. А дальше уже тянулись обочина дороги и показавшаяся им сейчас такой прекрасной серая полоса асфальта.

Однако Бринн жестом приказала им оставаться на месте. Сейчас на магистрали не было видно ни одного автомобиля, а они проделали слишком тяжкий путь, чтобы ошибиться в самый последний момент.

Они притаились среди травы, как робкие студенты, путешествующие автостопом. Бринн заметила, что ее немного покачивает. Вероятно, ощущение возникло от того, что впервые за девять с лишним часов она ощутила под собой ровную поверхность, и ее вестибулярный аппарат с трудом перестраивался.

Затем она посмотрела на хайвей и радостно рассмеялась.

Из-за поворота к ним приближалась машина, двигавшаяся вдоль обочины. Это был патрульный автомобиль управления шерифа округа Кеноша. Он ехал медленно с включенным проблесковым маячком на крыше. Значит, какой-то водитель услышал выстрелы и позвонил девятьсот одиннадцать или в семьдесят седьмой полицейский участок штата.

Бринн призывно вытянула руку, размышляя, что нужно немедленно сообщить о загадочном стрелке в лесу.

Машина окончательно замедлила ход и встала на обочине между Бринн и шоссе.

Двери открылись.

Со стороны водителя из автомобиля вышел Харт, с противоположной — его напарник.

— Нет! — в отчаянии вскрикнула Мишель.

Бринн глубоко вздохнула, не в силах скрыть разочарования. Она еще раз посмотрела на машину. Это был автомобиль Эрика Мюнса. Глаза ее округлились от страха.

— Да, бедняга не выжил, — сообщил партнер Харта, человек, которого она чуть не уложила выстрелом в спину в столовой дома Фельдманов. — Попался на старую как мир уловку.

В ужасе она на мгновение прикрыла глаза. Эрик Мюнс... Этот ковбой один отправился спасать ее. И расплатился жизнью, обведенный вокруг пальца бандитами.

Харт молчал, сжимая пистолет и разглядывая пленниц.

Но его напарник не унимался:

— Ну, и как мы себя чувствуем, Мишель? — Он сделал особое ударение на имени. Достал из кармана сумочку девушки, потом снова спрятал. — Приятно свести с вами знакомство.

Мишель молча обхватила руками Эми и притянула к себе, словно стремясь защитить.

— Вы, леди, совершили сегодня ночью приятную прогулку по лесу, не так ли? Интересная была беседа? Может, устроили небольшой пикничок?

Харт, не сводя глаз с Бринн, кивнул ей. Потом ненадолго опустил пистолет, потому что по противоположной полосе проехала машина. Водитель даже не притормозил. В бледном свете наступавшего утра, вероятно, невозможно было понять, какая драма разворачивалась сейчас у обочины по другую сторону дороги. Через несколько секунд автомобиль скрылся из виду, и хайвей снова оказался пуст.

— Комп! — обратился Харт к приятелю, но по-прежнему глядя на Бринн.

Сухопарый оглянулся, подергивая себя за мочку уха.

— Да?

— Стой прямо перед ними.

— Здесь?

— Здесь.

— Без проблем, — ответил тот. — Хочешь, чтобы я держал их на мушке?

И он полез в карман своего френча за серебристым автоматическим пистолетом.

— Не надо. В этом нет нужды.

Харт обошел машину и встал напротив напарника, глядя ему в глаза.

Комп натужно улыбнулся.

— В чем дело, Харт?

После секундной паузы Харт поднял свой глок, целясь ему в голову.

Все еще с растерянной улыбкой, Комп нервным жестом прикоснулся сначала к сине-красной татуировке в виде креста на своей шее, потом снова к мочке уха.

— Эй, что ты собираешься?..

Харт выстрелил ему в лоб дважды. Напарник завалился на спину, выставив вверх левое колено.

Эми закричала. А Бринн могла лишь наблюдать, как Харт повернулся и, направив пистолет в сторону женщин, подошел к трупу своего бывшего приятеля.

В глазах Мишель блеснул холод.

Харт склонился, достал принадлежавший Компу девятимиллиметровый «ЗИГ-Зауэр» и стал вкладывать его в покорные пальцы мертвого напарника.

Так вот каков был план, поняла теперь Бринн. Харт собирался застрелить женщин из «ЗИГа» в руке трупа, оставив на коже того уличающие следы пороха. Затем он проделает ту же операцию над телом Бринн, вложив другой пистолет ей в руку — вероятно, «глок» Мюнса — и пальнув из него пару раз по кустам.

Полиция рассудит, что это напарник убил всех троих, а Бринн перед смертью успела всадить в него две пули.

Харт же исчезнет навсегда.

Она испытывала странные ощущения, зная, что жить ей осталось считанные секунды. Нет, вся ее жизнь не пробегала перед мысленным взором. Ею овладело сожаление. Она смотрела на деревья и кусты, срезанные ровной линией при прокладке хайвея. Ей даже подумалось, что сейчас оттуда покажется голова их друга-волка, который посмотрит на них в последний раз и снова растворится в чаще.

Харт стал приподнимать руку мертвого напарника вверх и левее, направляя «ЗИГ-Зауэр» сначала на Бринн.

Мишель прижала Эми к себе еще крепче и полезла в карман куртки. Вероятно, за последним оставшимся у нее ножом, чтобы метнуть его в Харта.

Жест крайнего отчаяния. И, конечно же, совершенно бессмысленный.

«Джоуи! — подумала Бринн. — Я...»

Раздавшийся крик заставил вздрогнуть их всех.

— Ни с места! Бросай оружие!

Задыхаясь и хромая, из леса за спиной Харта вывалился Грэм Бойд. В руке он держал небольшой револьвер.

— Грэм! — воскликнула Бринн в совершеннейшем изумлении. — Боже мой!

— Бросай! Сейчас же! Положи пистолет на землю!

Бринн заметила, что одежда мужа покрыта грязью и пятнами крови, а в нескольких местах порвалась. Его лицо, тоже грязное и исцарапанное, напоминало маску, но глаза светились чистейшей злобой. Она никогда прежде не видела его таким.

Харт все еще не подчинялся. Тогда Грэм выпустил пулю прямо ему под ноги. Убийца дернулся, вздохнул и положил пистолет.

Бринн узнала револьвер. Это было запасное оружие Эрика Мюнса, которое тот носил, прикрепив к лодыжке. Она помнила, как рассказывала Грэму об этом. Многое оставалось для нее загадкой, но в тот момент Бринн было не до расспросов, как ее муж и Эрик Мюнс оказались в долине реки. Она шагнула вперед, забрала у Грэма револьвер, проверила, заряжен ли он, и жестом приказала Харту выйти из травы на обочину, где могла лучше его видеть. И где в него было легче попасть.

Контроль...

— На колени. Руки за голову. Если только посмеешь дернуться, умрешь на месте.

— Я все понял, Бринн, — покорно отозвался Харт.

Теперь по магистрали то и дело проносились машины. Их водители возвращались с ночной смены или спешили к утренней. Кто-то, возможно, заметил странную сцену на обочине, но ни один не остановился.

— Грэм, забери у него глок и второй пистолет тоже, — сказала она, указывая на пижонский серебристый «ЗИГ-Зауэр», все еще остававшийся в руке Компа. — Кроме того, есть еще один пистолет, местонахождение которого неизвестно. «Глок» Эрика. Обыщи этого типа.

Это была школа Кейта. Именно он научил ее тщательно подсчитывать количество единиц оружия на месте преступления.

Грэм ощупал Харта и нашел служебный пистолет Мюнса. Вороненый «глок» Харта и серебристый «ЗИГ» Компа он положил на землю рядом с Бринн.

А вот оружие Мюнса оставил себе. Он внимательно разглядывал его. На глоках предохранители не предусмотрены. Просто наводишь на цель и стреляешь. Грэму это было прекрасно известно. Бринн научила его и Джоуи обращаться с пистолетом. Так, на всякий случай. Грэм выстрелил в землю явно для того, чтобы убедиться: оружие заряжено и готово к работе.

— Грэм!

Но тот не обращал на жену внимания. Низким, исполненным угрозы голосом он обратился к Харту:

— С кем я разговаривал, когда звонил? С этим мертвецом или с тобой?

— Это был я, — ответил Харт.

Грэм навел прямоугольный ствол автоматического пистолета на Харта, смотрящего куда-то мимо дула, взгляд его серых глаз оставался бесстрастным.

— Грэм, — прошептала Бринн. — Теперь все будет в порядке. Просто помоги мне, дорогой. Мне нужны пластиковые наручники. Посмотри в бардачке.

Ее муж продолжал смотреть в глаза Харту, направив пистолет ему в голову. Спусковой крючок у глока очень податливый. Легкое нажатие — и выстрел.

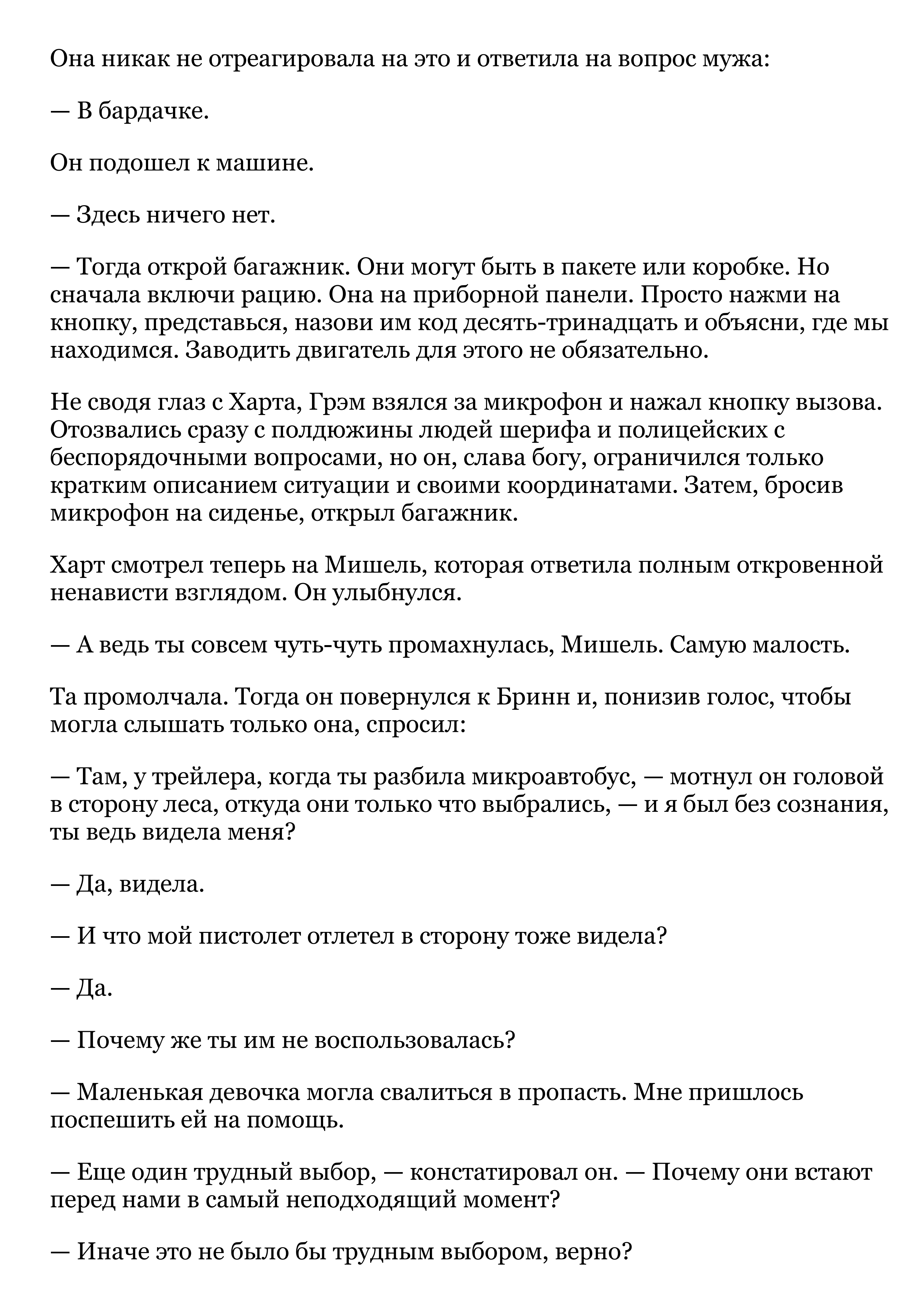
— Грэм? Милый!.. Пожалуйста! — В ее голосе звучало отчаяние. Если Грэм выстрелит, это сочтут убийством. — Очень тебя прошу.

Здоровяк глубоко вдохнул. Потом опустил пистолет и спросил:

— Где они? Где эти твои пластиковые наручники?

— Грэм, пожалуйста, отдай мне пистолет.

— Так где они? — рявкнул он зло и пистолета не отдал. Бринн заметила, что Харт ей улыбнулся.

Она никак не отреагировала на это и ответила на вопрос мужа:

— В бардачке.

Он подошел к машине.

— Здесь ничего нет.

— Тогда открой багажник. Они могут быть в пакете или коробке. Но сначала включи рацию. Она на приборной панели. Просто нажми на кнопку, представься, назови им код десять-тринадцать и объясни, где мы находимся. Заводить двигатель для этого не обязательно.

Не сводя глаз с Харта, Грэм взялся за микрофон и нажал кнопку вызова. Отозвались сразу с полдюжины людей шерифа и полицейских с беспорядочными вопросами, но он, слава богу, ограничился только кратким описанием ситуации и своими координатами. Затем, бросив микрофон на сиденье, открыл багажник.

Харт смотрел теперь на Мишель, которая ответила полным откровенной ненависти взглядом. Он улыбнулся.

— А ведь ты совсем чуть-чуть промахнулась, Мишель. Самую малость.

Та промолчала. Тогда он повернулся к Бринн и, понизив голос, чтобы могла слышать только она, спросил:

— Там, у трейлера, когда ты разбила микроавтобус, — мотнул он головой в сторону леса, откуда они только что выбрались, — и я был без сознания, ты ведь видела меня?

— Да, видела.

— И что мой пистолет отлетел в сторону тоже видела?

— Да.

— Почему же ты им не воспользовалась?

— Маленькая девочка могла свалиться в пропасть. Мне пришлось поспешить ей на помощь.

— Еще один трудный выбор, — констатировал он. — Почему они встают перед нами в самый неподходящий момент?

— Иначе это не было бы трудным выбором, верно?

В ответ он невольно издал чуть слышный смешок.

— Хорошо. Предположим, там не было бы никакой девочки. Ты взяла бы тогда пистолет и убила меня? Застрелила, пока я был в отключке? — Он приподнял голову и сказал чуть слышно: — Я хочу знать правду… Между нами не должно быть лжи, Бринн. Никакой лжи. Ты бы меня убила?

Она медлила с ответом.

— Ты думала об этом, так? — снова улыбнулся он.

— Да, я об этом думала.

— Ты и должна была. Ты должна была убить меня. Я на твоем месте сделал бы это. А ведь ты и я… мы очень похожи.

Бринн посмотрела в сторону Грэма, который не мог слышать их разговора.

— Однако же между нами есть существенные различия, Харт.

— Возможно, но только не в этом… Ты говоришь, что хотела всего лишь арестовать меня?

— Опять тебя подводит память. Я уже это сделала.

Еще одна улыбка — в уголках рта и в глазах.

Мимо прогрохотал грузовик. Проехала очередная легковушка.

Потом донесся голос Грэма:

— Я их нашел.

Как оказалось, Харт только и ждал подобного момента. Стоило Бринн отвести глаза в сторону, как он вскочил на ноги. Он был недостаточно близко, чтобы напасть на нее — об этом Бринн заранее позаботилась. Но он и не собирался этого делать. Харт перепрыгнул через распластанное тело своего напарника и стремительно побежал к центру автомагистрали. Когда он уже удалился ярдов на семь, Бринн выстрелила, но ее пуля прошла в полудюйме от его спины. Выстрелить снова она не решилась — навстречу шли машины. Абсолютно вслепую Харт выскочил на шоссе — акт чистейшего фатализма. В любой момент его могли сбить насмерть.

Он выбежал на середину, замер и отскочил в сторону, когда оторопевшему от неожиданности водителю внедорожника «тойота»

пришлось резко вывернуть руль. Машина опрокинулась на левую сторону, посыпались осколки стекла, и автомобиль заскользил на боку со страшным скрежетом. Его вынесло на обочину, причем женщин и ребенка он миновал буквально в двадцати дюймах. Все трое инстинктивно бросились на землю.

Разбрасывая вокруг себя обломки пластика, стекла и металла, джип в конце концов замер на месте, пыль от сработавших подушек безопасности поднималась из разбитых окон.

С десяток других легковых машин и грузовиков, визжа тормозами, тоже вынуждены были остановиться. И прежде чем Бринн смогла снова прицелиться в Харта, тот перебежал в крайний левый ряд, перепрыгнул через капот притормозившего седана, вышвырнул из-за руля водителя — солидного мужчину в деловом костюме — и забрался внутрь. Сразу же набрав приличную скорость, он проехал по разделительной полосе между замершими на месте машинами и вновь вернулся на дорогу. Бринн вела за ним ствол револьвера Мюнса, но в момент, когда она уже готовилась нажать на спуск, из своих автомобилей вылезли двое зевак, и она не рискнула стрелять, боясь попасть в одного из них.

Она убрала оружие и бросилась к «тойоте», чтобы помочь находившимся в ней людям.

Наблюдая за всем этим хаосом, Джеймс Джейсонс притаился среди ароматных ягодных кустов ярдах в ста от опрокинутого внедорожника.

В отдалении послышались звуки сирен.

Он видел Грэма Бойда, оказывавшего помощь пострадавшим. Зато отсутствие помощника шерифа Мюнса подсказало Джейсонсу, что за выстрел он слышал в чаще леса.

Оборудованные сиренами машины приближались, пока он разбирал винтовку и прятал ее части в холщовую сумку. Движение по ближним к нему полосам хайвея было полностью парализовано. В противоположном направлении транспорт двигался, хотя и медленно, потому что водители снижали скорость, разглядывая дорожное происшествие.

Как будто в этой странной цепи событий можно было хоть что-то понять.

Один из преступников был мертв — его тело прикрыли куском брезента. Другой сумел сбежать. Кажется, никто больше не был даже серьезно ранен.

Миссия Джейсонса, пусть и не до конца, оказалось успешной. Ему больше нечего было здесь делать.

Надвинув на глаза козырек кепки, он пробрался через строй остановившихся машин и вышел на разделительную полосу. Здесь ему пришлось чуть задержаться, но в конце концов зеваки-водители позволили ему пересечь все три ряда. Оказавшись на противоположной стороне, он убедился, что никто из полицейских за ним не наблюдает, и, поспешно углубившись в лес, опрометью бросился к своему «лексусу».

Джейсонс завел двигатель, осторожно выехал на обочину и влился в поток машин. Из сумки, лежавшей теперь на сиденье рядом с ним, он достал спутниковый телефон и стал перебирать имена в списке быстрого вызова. Пропустив имя своего любовника, потом матери, он остановился на третьем.

И хотя утро еще только наступало, Стэнли Манкевиц снял трубку уже после второго гудка.

— Никакого удостоверения личности.

Бринн подняла голову, сидя позади машины «скорой помощи» рядом с Грэмом.

Том Даль говорил о Компе, человеке, застреленном Хартом. Его напарнике. Из всех ужасов, которых она навидалась за эту ночь, едва ли не самым страшным было осознание предательства, отразившееся на лице этого молодого еще мужчины за секунду до того, как Харт спустил курок.

— Мы нашли деньги, пару коробок с патронами, сигареты, перчатки и часы «Сейко». Это все.

Обнаружили они и сумочку Мишель, на которой могли остаться отпечатки пальцев преступников. Даль отправил помощников, чтобы те отыскали среди колючих кустов дробовик Компа, а другую группу — за ружьем Эрика Мюнса, которое, по словам Грэма, упало в реку.

Муж Бринн рассказал, как пытался достать его, но дело закончилось падением. Он свалился на выступ скалы весь в синяках и ушибах, однако без серьезных повреждений. Ему удалось выбраться на поверхность, и,

проходя мимо тела Эрика Мюнса, он вдруг вспомнил, что помощник шерифа всегда носил на лодыжке кобуру с запасным револьвером. Достав его, он бросился в ту сторону, откуда доносились выстрелы.

— Как его звали? — спросил шериф, разглядывая лежавший в стороне труп мужчины, накрытый зеленым брезентом.

— Комп, или что-то в этом роде, — ответила Бринн.

Между тем медик из бригады скорой помощи намазал ей щеку коричневым бетадином, добавил ланокаин и стал накладывать плотную повязку. Сказал, что нужно зашить рану, но она отказалась. Иголка и нитка оставят куда более заметный шрам, а два лицевых дефекта — это уже слишком, решила Бринн.

Закончив с перевязкой, он посоветовал ей сегодня же обратиться к врачу.

— И к стоматологу тоже. Этот выбитый зуб скоро начнет причинять вам сильную боль.

«Как, только начнет?»

Но она пообещала выполнить его рекомендации.

Бринн посмотрела на труп Компа. Непостижимо, как Харт с такой легкостью убил его. Ведь спасая этого человека, он каких-нибудь полчаса назад рисковал собой, мог попасть под смертоносный удар бревна, но все-таки вытянул напарника на уступ.

А потом велел стоять по стойке смирно и застрелил без малейших колебаний.

Она оглядела происходящее вокруг — цирковое сверкание огней, крики, потрескивание раций.

Помимо Даля, здесь были его помощники из управления шерифа округа Кеноша и чертова дюжина офицеров полиции штата. Присутствовали и два сотрудника ФБР, которые, скинув пиджаки, изо всех сил старались помочь, не гнушаясь такой простой работой, как обнесение места преступления специальной лентой. На время людской эгоизм был отброшен. Но позже он проявится в полной мере.

Мишель сидела в стороне, прислонившись к дереву и низко опустив голову. На ее руках спала Эми. Обеих закутали в одеяла. Медики уже осмотрели их и не обнаружили ничего серьезного. Проблема с лодыжкой Мишель оказалась всего лишь растяжением.

С мрачным лицом Мишель крепко прижимала к себе девочку, и, как показалось Бринн, скорбела сейчас по ним обеим — двум людям, чьи близкие умерли насильственной смертью в эту ночь, а иллюзии остались вместе с погибшими там, в глухой чаще леса.

Бринн встала с откидной ступеньки «скорой» и на негнущихся ногах подошла к Мишель.

— Ты дозвонилась?

Мишель собиралась связаться с братом и его женой, живущим к северу от Чикаго, чтобы они за ней приехали.

— Они уже в пути. — Голос ее потускнел, и она грустно улыбнулась. — А от мужа — ни весточки.

— Ты ему звонила?

Она покачала головой, всем своим видом показывая, что хочет побыть одна. Она нежно погладила Эми по светлым волосенкам. Ребенок чуть слышно посапывал.

Бринн ощупала рану на лице, поморщилась, хотя обезболивающая мазь должна была уже подействовать, и присоединилась к Далю и агентам ФБР. Борясь с лихорадочной путаницей в мыслях, а с окончанием смертельной гонки наступила некоторая умственная дезориентация, быстро заполнившая собой образовавшийся вакуум, она коротко рассказала им обо всем, что произошло с момента ее приезда к озеру Мондак: об их бегстве, о передвижной наркотической лаборатории, о таинственном стрелке, открывшем по ним огонь, когда они находились на краю скалы.

— Думаете, это был один из людей Руди Хэмилтона? — спросил агент ФБР, выслушав мнение Бринн о том загадочном снайпере. — Ну, не знаю, не знаю...

В его голосе прозвучало сомнение.

— Руди упоминал еще о каком-то Флетчере, который мог находиться поблизости.

Агент кивнул.

— Кевин Флетчер. Крупный торговец метом и кокаином. Но у нас нет никаких оснований полагать, что он действует в этом районе. Его банда орудует в Грин Бэе и окрестностях. Они там производят раз в десять

больше, чем местные. Нет, готов держать пари, ваш стрелок был подослан Стэнли Манкевицем.

— Примчался сюда, чтобы прикрыть отход их наемных убийц?

— Это пока только предположение, — вмешался второй агент.

Понятное дело, они с радостью повесили бы на Манкевица любое преступление, разве что не убийство президента Кеннеди. И ведь стрелок действительно спас Харта и Компа от смерти под градом камней или падения на не менее опасные колючки кустарника.

— Вы видели стрелка хотя бы издали?

— Нет. Мы даже не знаем точно, где он располагался.

Агент вгляделся в чащу леса:

— Да, не самое простое для расследования место преступления.

Но тут все разом замолкли, потому что поисковая группа вынесла к шоссе тело Эрика Мюнса в темно-зеленом мешке. Сначала офицеры хотели пристроить его рядом с трупом преступника, но потом из чувства уважения переместили подальше на траву, а не на обочину, где лежал Комп.

— Я столько раз видела эти мешки, — тихо сказала Бринн Далю, — но никогда с одним из наших внутри.

Ошеломленные водитель внедорожника и его подруга сидели прямо на земле рядом с машиной скорой помощи. Благодаря ремням безопасности оба отделались синяками. Мужчина, которого Харт выкинул из его автомобиля, остался невредимым, но то ли пережитый страх, то ли уязвленное самолюбие побуждали его угрожать полиции судом, пока кто-то не подкинул ему мысль продать свою историю в журналы «Пипл» или «Ас». Сарказм имел целью заставить его заткнуться, но идея неожиданно пришлась ему по душе, и он в самом деле перестал причитать.

Бринн вернулась к мужу, обнявшему ее за плечи.

— А как быть с женой Эрика? — спросила она Даля.

Тот тяжко вздохнул:

— Поеду к ней прямо сейчас. Сам. Никаких звонков по телефону.

Грэм посмотрел на мешок с телом помощника шерифа.

— Что ж, — только и вымолвил он, словно ему перехватило дыхание. Бринн опустила голову ему на плечо. Она все еще не могла прийти в себя от изумления, что он проделал весь этот путь, чтобы отыскать ее. Даль, разумеется, был недоволен, что Грэм и Мюнс самовольно отправились на поиски и кончилось это смертью его помощника. Но, с другой стороны, не сделай они этого, и сейчас были бы мертвы Бринн, Мишель и Эми. И перед ними не лежал бы труп, по крайней мере, одного из преступников, не говоря уже о собранных уликах, способных навести на след Харта, а потом и того, кто его нанял.

Из лесу вышли запыхавшиеся Пит Гиббс и здоровяк Хоуи Прескотт в компании нескольких офицеров из полиции штата. Они несли прозрачные пакеты со стреляными гильзами и патронами.

Точно так же уложили и личные вещи Компа. Сумочку Мишель и карту местности, принадлежавшую Харту, упаковали отдельно.

Бринн смотрела на улики и думала: «Кто же ты, черт тебя побери, Харт?»

— Том, криминалисты уже проверили на отпечатки дом на озере Мондак?

— Само собой. Их там сотен пять. Но в основном это отпечатки самих Фельдманов. А проверка остальных ничего не дала. В угнанном «форде» их тоже штук шестьдесят, но ни одного из базы данных. Эти парни все время орудовали в перчатках. Они уж точно поумнее наших местных правонарушителей.

— А как насчет стреляных гильз и ружейных патронов?

— Нашли добрую тонну. И твоих в том числе. Прошлись по всей округе с металлодетектором. Несколько выудили даже из ручья за гаражом. Но ни на одном нет отпечатков пальцев.

— Ни на одном? — с тревогой переспросила Бринн. — Так они и патроны снаряжали в перчатках?

— Похоже на то.

«Что и говорить, умнее наших местных...»

Потом она указала на пакеты с уликами.

— И все же у нас должен быть шанс, Том. Может, на гильзах отпечатков и нет — Харт предвидел, что нельзя их оставлять. Но ведь он разбирал и

собирал свой пистолет, когда чистил. Гарантирую, что на одной из его частей что-нибудь обнаружим. Или на карте. Еще они возились с сумочкой Мишель. Наверняка открывали ее. Я сама отвезу все это лаборантам в Гарденер.

— Ты? — удивился Даль. — Не сходи с ума, Бринн. Офицеры из полиции штата вполне могут этим заняться. Ты нуждаешься в отдыхе.

— Посплю в машине по дороге домой. Потом приму душ и отправлюсь туда.

Даль мотнул головой в сторону полицейских.

— Половина из этих молодцов базируются в Гарденере. Им не составит труда завезти улики в лабораторию.

— И они будут собирать там на полках пыль недели две. — Бринн перешла на шепот. — Я так хочу добраться до этого мерзавца.

Она показала в ту сторону хайвея, где поверх мушки револьвера видела, как Харт скрывается из виду на угнанной машине.

— Я буду торчать над душой у лаборантов, как учительница над двоечниками, пока они не дадут мне какие-то имена из своих поисковых систем. Ты не представляешь, до какой степени я хочу взять его!

Даль посмотрел на ее исполненное страстной решимости лицо.

— Хорошо.

Бринн заперла пакеты с уликами в бардачок пикапа Грэма, припаркованного в двухстах ярдах вдоль шоссе. И не могла не обратить внимания на кусты азалии в кузове. На них только-только появились бутоны — розовые и белые.

Она снова положила голову на плечо мужа.

— Боже, дорогой! Что за ночь выдалась! — Он поднял на нее взгляд. — А ты приехал. Ты искал меня.

— Да, приехал, — ответил он с растерянной улыбкой. У него явно еще не прошел шок — и кто мог винить его в этом? — от всего увиденного и пережитого этой ночью.

— Поехали домой. Я уже позвонил Анне, но им не терпится с тобой увидеться. Похоже, Джоуи сильно переживает из-за тебя.

Он хотел что-то добавить, почувствовала Бринн, но не стал.

Подъехала еще одна патрульная машина, из которой вышли полицейский и невысокая латиноамериканка в штатском. Она представляла службу охраны материнства и детства.

Бринн подошла к ним, представилась и объяснила, что произошло. Офицер, с виду крепкий мужчина с квадратной челюстью, похожий на бывшего военного, не мог скрыть эмоций, выслушав историю Эми. Зато социальный работник осталась совершенно спокойной и собранной — ей явно приходилось сталкиваться с подобными ситуациями и прежде. Она деловито кивала и что-то писала в блокноте.

— Мы уже нашли супружескую пару, готовую стать приемными родителями. Они славные люди. Я знаю их очень хорошо. Мы только заедем к доктору, он осмотрит девочку, а потом я сразу отвезу ее в новый дом.

— Только вообразите, — прошептала Бринн. — Ее родители изготавливали наркотики и заставляли девочку помогать. И посмотрите на ее шею.

Она сама только что заметила кроваво-красные синяки, оставленные матерью, Гэнди или этим негодяем Руди на шее Эми в знак угрозы или наказания. Повреждения не были серьезными, но Бринн передернуло от гнева. И с тревогой за себя она на миг ощутила жутковатое удовлетворение, что Харт всех их поубивал.

Они подошли к Мишель, лицо которой было бледнее покрытого облаками рассветного неба над их головами. Она крепко держала Эми, явно не желая с ней расставаться. Девочка уже проснулась.

Социальная служащая кивнула Мишель и присела на корточки.

— Привет, Эми! Меня зовут Консуэла, Но ты можешь звать меня Конни, если так тебе больше нравится.

Девочка только хлопала ресницами.

— Мы сейчас поедем с тобой кататься, а потом я познакомлю тебя с очень хорошими людьми.

— А где моя мамочка?

— Это действительно очень хорошие люди. Они тебе понравятся.

— Мне не нравятся мамины друзья.

— Нет, они вовсе не друзья твоей мамы.

— Где Честер?

— Мы вернем Честера, — вмешалась Бринн. — Я тебе обещаю.

Консуэла обняла Эми, помогла ей подняться и плотнее обернула одеялом.

— Поедем покатаемся.

Девчушка оглянулась на Мишель и с отсутствующим видом кивнула ей.

Молодая женщина смотрела вслед уходящей Эми с такой нежностью, словно была ее матерью.

Какое-то время они молчали. Потом Бринн обратилась к Мишель:

— Я понимаю, через что тебе пришлось пройти. Но хочу задать вопрос.

Мишель посмотрела на нее.

— Ведь твоему брату ехать сюда еще больше двух часов, так?

— Примерно.

— Я знаю, как это тяжело. Понимаю, что ты, наверное, не захочешь. Но, может, ненадолго заедешь ко мне домой? Мы живем недалеко отсюда. Я дам тебе чистую одежду, ты поешь и выпьешь чего-нибудь.

— Бринн, — вмешался Грэм, качая головой. — Это не очень хорошая мысль.

Она взглянула на него и продолжила, обращаясь к девушке:

— Нужно, чтобы ты рассказала мне все, что помнишь о Харте. Любую мелочь, которую он мог упомянуть, любой характерный для него жест, который бросился тебе в глаза. И то, что Эмма говорила о своих делах. Пока подробности еще свежи в твоей памяти.

— Я это сделаю.

— Но Мишель нужен прежде всего отдых, — сказал Грэм.

— Ей все равно придется где-то ждать.

— Ничего страшного, правда, — заверила Мишель Грэма. — Я не хочу, чтобы он убил кого-нибудь еще. Не знаю, насколько окажусь полезна, но постараюсь помочь.

Это было сказано уверенным тоном.

Уехал микроавтобус судмедэксперта, увозя два трупа. Бринн заметила, что из них троих именно на ее мужа произвел самое гнетущее впечатление отъезд этого похожего на тошнотворную желто-зеленую коробку транспортного средства. Небо уже окончательно просветлело, приобретя оттенок разбавленного яичного желтка, а поток машин на магистрали становился все гуще. Только одна из полос была открыта для движения, и проезжавшие мимо водители с любопытством разглядывали опрокинутый внедорожник и темные пятна на асфальте.

Бринн объяснила Тому Далю свое желание побеседовать с Мишель.

— Брата она может дождаться у меня дома. А когда я уеду в судебную лабораторию штата, о ней позаботится Анна.

Шериф кивнул. Потом сказал:

— А нам надо снять твои показания, Грэм, о том, что произошло с Эриком. Ты можешь поехать в управление?

Грэм посмотрел на часы.

— Мне нужно отвезти Джоуи к преподавателю английского.

— Сегодня пусть посидит дома, — предложила Бринн. — Мы оба будем слишком заняты.

— Ему лучше было бы все-таки поехать.

— Не сегодня, — возразила Бринн.

Грэм пожал плечами, повернулся к шерифу, и они договорились, что тот позвонит и назначит время для беседы.

Даль протянул ей руку. Она не ожидала столь демонстративно торжественного жеста и неловко пожала ее.

— Я должен тебе больше, чем полдня отгула, Бринн. Гораздо, гораздо больше.

— Это точно.

Она взяла Мишель под руку, и они направились к пикапу Грэма.

— Мама, ну где же ты была, типа, так долго? Вот дерьмо! Что у тебя с лицом?

— Попала в небольшую переделку. И не распускай свой язык.

— О, боже милостивый! — воскликнула Анна.

— Да все в порядке.

— Нет, совсем не в порядке. У тебя там все почернело и посинело. И даже пожелтело. Представляю, что творится под повязкой.

Бринн вспомнила, что надо записаться на прием к дантисту из-за выбитого зуба, и тронула это место языком. Боль почти ушла. Просто во рту все распухло.

— Что случилось, мам? — Джоуи по-прежнему смотрел на нее широко распахнутыми глазами.

— Я упала, — ответила Бринн, обнимая сына. — Споткнулась. Ты же знаешь, какая я неуклюжая.

Ее мать не сводила взгляда с перевязки, но больше ничего не говорила.

В гостиную вошла Мишель. Фиксирующий пластырь на лодыжке и болеутоляющие таблетки сделали свое дело. Она уже не хромала.

— Мама, познакомься, это Мишель, — сказала Бринн.

— Здравствуйте, дорогая моя.

Девушка вежливо кивнула ей в ответ.

— Иди наверх, Джоуи. Я позвоню твоему учителю. У нас с Грэмом сегодня много дел. Ты останешься дома.

— Но у меня хватит времени, чтобы подвезти его, правда, — возразил Грэм.

— Пожалуйста, милый, так будет лучше.

— На вас обоих страшно смотреть, — заметила Анна. — Что все-таки произошло?

Бринн бросила взгляд в сторону выключенного телевизора. Рано или поздно мать обо всем узнает, но сейчас она была только рада, что никто не смотрит выпуск местных новостей.

— Я расскажу тебе, но потом. Ты уже завтракал, Джоуи?

— Ага.

— Тогда — марш наверх. Займись своим заданием по истории.

— Ладно.

Мальчик затопал вверх по лестнице, бегло оглянувшись в сторону Мишель. Грэм пошел в кухню.

Тоном помощника шерифа, совершенно спокойно Бринн сообщила:

— Мама, друзья Мишель были убиты. Этим делом я и занималась прошедшей ночью.

— О, нет! — Потрясенная Анна подошла ближе и взяла Мишель за руку. — Мои соболезнования, милая.

— Спасибо.

— За ней уже едет брат. Она побудет у нас какое-то время, пока он не доберется.

— Идите сюда и присядьте. — Анна указала на зеленый диванчик в гостиной, где обычно сидели Грэм и Бринн, если по телевизору было что-то интересное. Он стоял перпендикулярно креслу-качалке Анны.

— Если можно, я предпочла бы сразу принять душ, — сказала Мишель.

— Конечно. Ванная дальше по коридору, — кивнула Бринн. — Я принесу тебе какую-нибудь одежду. Хотя, может, ты и не захочешь переодеться...

Она вспомнила, с какой неохотой девушка воспользовалась ботинками Эммы Фельдман.

Мишель улыбнулась.

— Сменить одежду мне не помешает, спасибо. Принеси любую, какая есть.

— Я повешу ее на дверь. — Бринн подумала, что наконец-то найдет применение своим узеньким джинсам, которые не могла носить уже года два, но никак не решалась выбросить.

— Банные полотенца в стенном шкафу, — объяснила Анна. — Я уже сварила кофе. Или вы предпочитаете чай? Приготовлю что-нибудь поесть.

— Спасибо. Если только вам нетрудно.

Бринн отметила, что уже давненько не слышала жалоб Мишель на содержание сахара в крови.

Анна отвела девушку к ванной комнате и вернулась.

— В подробностях я все расскажу тебе как-нибудь потом, мама. Ее тоже пытались убить. Она и обнаружила тела.

— Господи! — Анна непроизвольно прикрыла рот ладонью. — Разве такое возможно? И как бедняжка справится со всем этим? Может, мне позвонить преподобному Джеку? Он будет здесь уже через десять минут.

— Давай сначала спросим у нее. Вероятно, это неплохая идея. Но я не уверена. На нее слишком много всего свалилось. И еще — убит один из наших помощников шерифа.

— Не может быть! Кто?

— Эрик.

— Тот симпатичный мальчик? У него жена брюнетка?

Бринн со вздохом кивнула.

Жена-брюнетка и маленький ребенок.

— Тебя подстрелили? — резко спросила Анна.

— Пустяковая рана. Как от рикошета.

— Но в тебя попали?

Она снова кивнула.

— Что же такое могло произойти?

Спокойствие Бринн дало трещину, как весенний лед на поверхности пруда.

— Произошло нечто ужасное, мамочка.

Анна обняла ее, и Бринн почувствовала дрожь ее хрупкого тела и трепет своего собственного.

— Мне так жаль, милая, так жаль. Но теперь-то все придет в норму. — Мать поспешно отвернулась, чтобы смахнуть навернувшиеся слезы. — Мне лучше заняться завтраком. Вам нужно подкрепиться.

Улыбка.

Бринн посмотрела ей вслед и окликнула в кухне:

— Грэм с тобой?

— Был здесь. А сейчас — не знаю. Должно быть, на заднем дворе.

Из ванной донесся шум воды. Трубы загудели.

Бринн поднялась наверх, чтобы взять для Мишель одежду. В спальне она увидела свои спутанные волосы, порезы и синяки, белый бинт в ореоле желтого и пурпурного.

Она вспомнила, как жутко умирал Комп, как он смотрел на Харта, понимая, что его цинично предали.

Потом возникло лицо Харта, оглянувшегося в набиравшем скорость угнанном седане — этот образ словно застыл поверх мушки револьвера, который она в тот момент крепко сжимала в руках.

«Ты должна была убить меня…»

Ей отчаянно хотелось принять душ, но сначала нужно было подобрать одежду для Мишель. Она побеседует с девушкой, а потом позвонит Тому Далю, в полицию штата и ФБР, чтобы сообщить им любую ценную информацию об Эмме Фельдман, Харте и его напарнике, какую только сможет припомнить Мишель — что-то наверняка даст им ниточку, ведущую к Манкевицу. Затем она поспешит в Гарденер и заставит лабораторию обработать улики как можно быстрее.

Бринн достала из шкафа футболку, свитер, джинсы, носки и пару кроссовок. Нужно еще приготовить пакет, чтобы сложить грязные вещи Мишель. Скорее всего, дорогие дизайнерские тряпки отправятся в сухую

химчистку. Она принюхалась, ощутив терпкий запах собственного пота. И запекшейся крови пополам с антисептиком.

Из кухни донесся свисток чайника и замолк.

Вслушиваясь в гул водопроводных труб на первом этаже, Бринн прислонилась лбом к холодному стеклу окна, глядя на пикап Грэма. Она размышляла об уликах, лежавших в бардачке, гадая, сколько времени понадобится, чтобы получить данные из криминалистической лаборатории полиции штата в Гарденере. С отпечатками пальцев сейчас должны были разобраться быстро, благодаря внедренной ФБР единой системе идентификации. Баллистическая экспертиза сложнее, но в штате Висконсин существовала своя обширная база данных, способная обнаружить по царапинам на пулях, что пистолеты Харта или Компа уже оставили где-то след при совершении других преступлений. А это, в свою очередь, поможет установлению личности… Или, по крайней мере, наведет на кого-то, кто под давлением сдаст Харта с потрохами.

Ни одного отпечатка пальца на патронах… Она вздохнула, покачав головой.

Внезапно у нее родилась идея. Она присела на край постели, рассеянно потирая живот — одна из устойчивых привычек, — и позвонила Тому Далю.

— Как ты там? — спросил он. — Должно быть, измождена до крайности.

— Еще нет. Жду, что усталость свалит с ног. А пока у меня к тебе вопрос.

— Нет проблем. Какой?

— По поводу места преступления на озере Мондак.

— Что тебя интересует?

— Ты говорил, ребята из экспертной группы Арлена прочесали весь дом с металлоискателем, но обнаружили только стреляные гильзы, верно?

— Да. У них приборы что надо. Это не то, с чем туристы ищут в земле наконечники стрел.

— И никакого оружия?

— Только гильзы и ружейные патроны.

— Ты упомянул, что они облазили и ручей?

— Да. Там тоже было полно гильз. Они повсюду. Как на стрельбище.

«А то я не знаю».

— Так вот. Мишель сказала, что подобрала один из пистолетов. Из него она ранила Харта. Потом прострелила колеса, а когда патроны кончились, выбросила в ручей.

— Тогда странно, что его не нашли. Может, она кинула его в залив?

— Мне бы очень хотелось на него посмотреть… И вообще, я не люблю, когда остается оружие, местонахождение которого неизвестно. У дома еще кто-нибудь работает?

— Там остались Пит Гиббс и пара ребят из команды Арлена. Возможно, задержался и кто-то из экспертов-криминалистов.

— Спасибо, Том.

— Желаю тебе хорошенько отдохнуть.

— Всему свое время.

Она дала отбой и натянула свитер. Потом набрала номер Гиббса.

— Пит? Это я.

— А, привет Бринн! Как ты там?

— Не очень.

— Слышно по голосу.

Она спросила, остались ли еще на месте люди из группы криминалистов.

— Да. Двое пока тут.

— Сделай мне одолжение. Спроси, не находил ли кто пистолета.

— Сейчас. Подожди на телефоне.

Вскоре он сообщил, что за последнее время обнаружили еще несколько пуль, не замеченных ранее, но никакого оружия.

Бринн опять вздохнула.

— Спасибо. Ты-то сам как?

Его голос звучал удрученно. Она предположила, что причиной послужила смерть Мюнса, но, как оказалось, была еще одна.

— Мне тут пришлось справляться с одной неприятной обязанностью, — объяснил он уныло. — Нужно было сообщить о смерти Фельдманов одной их подруге. Она еще ничего не слышала. До чего же я ненавижу такие вещи, доложу я тебе. Она впала в такую истерику! Просто с ума сходила.

— Подруга?

— Да. Я потратил битый час, успокаивая ее. Хотя на самом-то деле ей дико повезло. Прошлым вечером она должна была приехать на озеро вместе с ними, но у нее что-то стряслось на работе. Она сумела выбраться только сегодня утром. Представь, что бы было, не задержись она в городе!

— Откуда она приехала?

— Из Чикаго.

— У тебя есть номер ее телефона?

— Нет. А что, надо было записать?

— Я перезвоню.

Бринн откинулась на кровать, обдумывая услышанное.

Значит, предполагалось, что вчера вечером к Фельдманам собиралась еще одна гостья? И тоже из Чикаго?

Что ж, вполне возможно. Но почему Мишель даже не упомянула о ней? И почему женщины не договорились приехать вместе?

В ее голове стала складываться абсурдная на первый взгляд картина…

Совершенно абсурдная.

Но Бринн не так-то легко было отделаться от этих мыслей. Хорошо, всю прошлую ночь она исходила из того, что Мишель была гостьей в доме Фельдманов. Но сейчас, припоминая детали заново, она вдруг поняла, что тому не существовало ни малейшего подтверждения.

«А если она совершенно посторонний человек и лишь хотела притвориться, будто знает их? — думала Бринн. — Я ведь сама дала ей всю информацию, необходимую, чтобы сыграть эту роль. „Вы их подруга

из Чикаго? — спросила я. — Как вас зовут?“ И она поняла, что мне ничего о ней неизвестно. „Вы работали юристом вместе с Эммой?“

„Я актриса“.

Нет, это какое-то безумие. Зачем ей было лгать?»

И тут Бринн тихо охнула, потому что еще одна пришедшая ей в голову мысль давала ответ на этот вопрос с ужасающей ясностью. На хайвее — у моста через Змейку — она собрала пистолеты преступников: глок Харта и «ЗИГ-Зауэр» Компа. Если Мишель, как она говорила, подобрала в доме Фельдманов еще один пистолет, это означало, что двое мужчин имели при себе три пистолета и дробовик.

Многовато даже для профессиональных наемных убийц.

И почему бригада криминалистов с помощью металлодетектора собрала целую кучу патронов, но не обнаружила пропавшее оружие?

Мой бог! А если этот пистолет принадлежал не Харту или Компу, а самой Мишель?

Да, но для чего она привезла его с собой?

Ответ мог быть только один: это ее Стэнли Манкевиц нанял для убийства Эммы Фельдман, а она взяла с собой Харта и Компа, чтобы расправиться с ними на месте преступления.

И бросить там их тела — трупы козлов отпущения.

Потом Бринн вспомнила, как на автостраде Мишель полезла в карман. Она хотела достать не нож; в кармане у нее был пистолет, который она носила при себе всю ночь.

А значит, он все еще у нее.

На первом этаже шум в трубах стих. Мишель закрыла кран.

Зная, что ее сейф для пистолета пуст, Бринн выскочила в коридор, поспешно вошла в комнату Джоуи и схватила его за плечи.

— Что опять случилось, мама? — испуганно спросил мальчик.

— Слушай меня внимательно, дорогой. У нас возникла проблема. Ты помнишь, я не велела тебе запираться в своей спальне?

— Ну?

— Так вот. Сейчас ситуация изменилась. Я хочу, чтобы ты заперся на замок и никому не открывал дверь. Только мне, отчиму или бабушке.

— Мам, у тебя странный вид. Мне страшно.

— Обо мне не волнуйся. Просто сделай, о чем я прошу.

— Конечно. А что?..

— Просто сделай это!

Бринн закрыла дверь и, стараясь ступать как можно мягче, сбежала вниз по лестнице. Ей нужно было добраться до единственного оружия, которое находилось поблизости: пистолетов в пикапе Грэма, запечатанных в пакетах для улик.

В двух ступеньках от конца лестницы она замерла. Дверь ванной открыта. Мишель нигде не видно.

Так попробовать добраться до пикапа или нет?

— Чай будет накрыт через минуту, — донесся голос Анны.

Бринн вышла в холл первого этажа.

И в этот момент в дверном проеме всего в двух ярдах от нее появилась Мишель, сжимая рукоятку маленького черного автоматического пистолета, известного в просторечии как «глок-малыш».

Их взгляды встретились.

Убийца рванулась к ней, но Бринн сорвала со стены фотографию в тяжелой рамке — большой семейный портрет — и швырнула в Мишель. Та уклонилась, но Бринн воспользовалась этим моментом, чтобы наброситься на нее. Женщины сшиблись телами, издав хриплые крики. Бринн отчаянно вцепилась в правое запястье Мишель, стараясь вонзить короткие ногти в кожу молодой женщины как можно сильнее.

Мишель вскрикнула и свободной рукой ударила Бринн по голове.

Пистолет выстрелил, и Мишель, силясь направить его на Бринн, выпустила еще три заряда. Все пули прошли мимо.

В кухне закричала Анна и стала звать Грэма.

Бринн кулаком угодила Мишель в лицо. Та охнула от боли и сплюнула. Сдвинув брови, плотно сжав губы, Мишель коленом попыталась ударить Бринн между ног, а локтем метила в живот. Но Бринн не отпускала руку с пистолетом — ничто не могло бы заставить ее сейчас ослабить хватку. Злоба подогревалась не только событиями прошедшей ночи, но и этим предательством вкупе с чувством вины за собственную доверчивость. Она извивалась, била и рычала, как на того волка, что приблизился к ним в лесу.

Женщины продолжали схватку, опрокидывая мебель. Мишель тоже сражалась неистово — это уже не была неженка-дилетантка в тысячедолларовых сапожках. Она просто обезумела, охваченная единственным желанием — выжить.

Пистолет снова выстрелил. Затем еще и еще — несколько раз. Бринн успевала считать — миниатюрная версия глока была десятизарядной.

Еще один сухой треск — и патронов больше не осталось, замок в рукоятке автоматически открылся, ожидая новой обоймы. Женщины повалились на пол, Бринн била девушку по голове, стараясь вцепиться ей в глотку. Мишель отвечала столь же свирепыми ударами, движимая чистейшим отчаянием. Ее мышцы, если хотя бы эта часть истории была правдивой, находились в хорошем тонусе благодаря тренажерам в фитнес-центре.

И все же Бринн ни секунды не сомневалась, что сможет остановить эту женщину, убьет ее, если придется, не колеблясь. Она пускала в ход руки, зубы, ноги… Она ощущала поистине звериную злобу.

«Ты должна была меня убить…»

Что ж, на этот раз своей ошибки она не повторит.

Ее пальцы нащупали горло Мишель.

— Господи, Бринн… — Через дверь вбежал мужчина; на долю секунды Бринн показалось, что это Харт. И мгновенной потери концентрации оказалось достаточно. Мишель вырвалась и дулом пистолета ткнула Бринн в раненую щеку. Боль оказалась столь непереносимой, что перед глазами все поплыло и закружилась голова.

Мишель щелчком закрыла замок в рукоятке пистолета. Теперь, хотя патронов в нем не было, он выглядел заряженным и готовым выстрелить. Она направила его на Грэма:

— Ключи от пикапа! Быстро!

— Что такое? Что вы де…

— Постой! Постой! — бормотала Бринн, держась одной рукой за лицо, а второй безуспешно пытаясь вцепиться в Мишель.

— Я убью ее, — сказала та, направив дуло в шею Бринн. — Давай чертовы ключи!

— Нет, не надо! Вот они, возьмите. Только уезжайте.

— Постой!

Мишель схватила ключи и выбежала из дома.

Грэм упал на колени, достал свой сотовый телефон и набрал девятьсот одиннадцать. Потом он попытался обнять Бринн, но она, оттолкнув его, поднялась на ноги. Перед глазами опять потемнело, и, покачнувшись, она упала у подножия лестницы.

— Постой...

— Почему «постой»? Чего мне было ждать?

Она собрала все силы, чтобы через боль ясно произнести то, что хотела сказать.

— Пустой. Пистолет не был заряжен.

— О, дьявол! — Грэм бросился было к двери, но пикап уже вырулил на улицу и скрылся из виду.

Бринн встала и услышала рядом чуть слышный голос:

— Не мог бы кто-нибудь...

Грэм и Бринн повернулись в сторону кухонной двери, в проеме которой стояла Анна с руками, покрытыми кровью.

— Пожалуйста, не мог бы кто-то... Посмотрите, посмотрите...

И она рухнула на пол.

Ряды оранжевых пластмассовых кресел в углу ярко освещенной комнаты. Обшарпанная плитка на стенах.

Грэм сидел напротив Бринн — их колени почти соприкасались. Они упорно разглядывали узор на линолеуме и поднимали глаза, лишь когда

открывались сдвоенные раздвижные двери. Но врачи и прочий персонал больницы проходили мимо, спеша по делам, никак не связанным с жизнью Анны Маккензи.

Сложив кончики пальцев, Бринн смотрела на свой кофе, к которому даже не притронулась.

Она была измучена страхом и совсем обессилела.

Ее телефон начал вибрировать. Бринн взглянула на дисплей и отключила звонок. Просто не хотела отвечать, и вывеска на стене «Пользоваться сотовыми телефонами запрещено» была здесь совершенно ни при чем.

Из приемного покоя в зал ожидания вошел пациент и тоже сел. Тронул свою руку и поморщился. Взглянув на Бринн, он погрузился в ступор молчаливого ожидания.

— Уже час прошел, — сказал Грэм.

— Почти.

— Долго. Но это еще не значит, что нас ждут плохие новости.

— Верно.

Снова воцарилось молчание, ненадолго прерванное невразумительным объявлением по больничной радиосети. Потом телефон Бринн вновь завибрировал. На этот раз она ответила.

— Слушаю, Том.

— Как там с твоей матушкой?

— Пока не знаем. А у тебя что?

— Мишель каким-то образом удалось миновать пикеты, выставленные на дорогах. Пикап Грэма пока не обнаружен.

Бринн качнулась вперед и тронула перевязанную щеку, словно болью могла расплатиться за свою недогадливость.

— Ты оказалась права, — продолжал Даль. — Мы допросили подругу Фельдманов, которая приехала из Чикаго нынче утром. Они пригласили только ее одну. Значит, Мишель и была наемником… Или, вернее, наемницей.

— А заказ поступил от Манкевица или одного из его подручных.

— Да, это наиболее вероятная версия, — сказал Даль.

— Стало быть, Харту и Компу предназначалась роль брошенных тел.

— Что ты имеешь в виду?

— Брошенные тела… Ложный след для нас. Она хотела представить дело так, будто они и были убийцами, а разделавшись с Фельдманами, повздорили между собой. Чтобы нам и в голову не пришло искать кого-то еще. Но все пошло не так. Либо Харт среагировал слишком быстро, либо ее пистолет заклинило, кто теперь знает? Ей пришлось бежать. А потом в лесу ее встретила я.

Бринн ущипнула себя за переносицу и с горечью рассмеялась.

— И спасла ее.

Еще один врач вошел через раздвижные двери. Бринн отвлеклась от разговора. Но доктор в синем халате миновал их с Грэмом.

В памяти всплыли взгляды, которыми обменялись у хайвея Харт и молодая женщина.

«А ведь ты совсем чуть-чуть промахнулась, Мишель. Самую малость».

Теперь, когда Бринн знала правду, эта фраза приобрела для нее совсем иной смысл.

И еще: она вспомнила, как испугалась Мишель, когда Бринн рассказала ей о своем разговоре с Хартом в микроавтобусе возле трейлера наркоторговцев. Ведь Харт мог упомянуть, кто такая Мишель на самом деле.

— А потом человек Манкевица приехал, чтобы забрать ее, когда все кончится. Черт, это ведь наверняка он стрелял по нам, когда мы были на вершине скалы.

Бринн понимала, с каким изумлением слушал Грэм ее разговор с шерифом, но продолжала:

— Ей нужно было завладеть уликами, которые я забрала с собой, — пистолетами, обоймами, картами, коробками с патронами. И к тому же ее сумочка. Вот почему она так легко согласилась поехать к нам домой. На чем-то из этих вещей могли остаться ее пальчики или нечто другое, способное изобличить. Поначалу-то она собиралась прибрать за собой

еще у озера Мондак, разделавшись с Хартом и его приятелем... Подожди-ка, Том. А что с ее обувью? Во дворе дома Фельдманов остались женские полусапожки. На них есть отпечатки пальцев?

— Сапожки мы нашли. Но никаких отпечатков.

— Как, вообще?

— Похоже, их тщательно протерли, как и все в «форде». Стеклоочистителем «Уиндекс».

Бринн чуть слышно рассмеялась.

— Она сделала это, пока я ходила за каноэ... Да, скажу я тебе, обвела она меня вокруг пальца.

Бринн потерла небольшую припухлость на своем восстановленном подбородке, что часто делала в задумчивости или расстройстве. Предательство глубоко уязвило ее.

— А ведь я тоже должна была стать одним из них, — тихо сказала она.

— Кем?

— Брошенным телом. Мишель использовала меня как наживку. Не было у нее никакого повреждения лодыжки. Она нарочно двигалась медленно, чтобы мужчины не слишком от нас отставали. И всю ночь подсказывала им, в каком направлении мы двигаемся. Разбила стекло в «мерседесе» и включила сигнализацию, когда Харт с напарником уже шли, должно быть, в сторону шоссе. И упрямо не хотела переобуваться в ботинки Эммы, устроив из этого целую сцену. Она тянула время. Давала преследователям приблизиться к нам. И, кто знает, что еще? У нее была пачка печенья. Уверена, она сорила им почем зря.

Бринн снова невесело рассмеялась и помотала головой.

— А один раз с ней якобы случилась истерика. Она орала, словно ее режут. И все для того, чтобы показать, где мы находимся. Но стоило им нас догнать, и она застрелила бы их в том лесу. И меня тоже.

— Но тогда почему же она не убила тебя сразу? — спросил Даль.

— Я ей требовалась, скорее всего, для страховки. К тому же я помогла бы ей разделаться с ними и выбраться из леса.

Все это время, как заметила Бринн, Грэм сидел молча, стиснув зубы и крепко сцепив свои крупные ладони.

Она сказала Тому, что ей нужно идти, и попросила перезвонить, если обнаружится что-то еще.

Закончив разговор, она повернулась к мужу, чтобы пересказать ему подробности случившегося. Но тот закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Не надо, — прервал он ее. — Мне хватило услышанного.

Она положила руку ему на колено. Он никак не прореагировал на это. Спустя пару минут она убрала руку и позвонила соседям, у которых оставила Джоуи. Она поговорила с сыном, честно признавшись, что пока не известно, насколько серьезно ранение его бабушки. Он в ответ взахлеб рассказал ей о видеоигре, которой был в тот момент увлечен. Бринн сказала, что любит его, и разъединилась.

Потом они сидели в молчании. Бринн только однажды подняла взгляд на мужа и снова уставилась в пол. Прошло немало времени, прежде чем теперь уже он положил ладонь на ее колено. А через несколько минут в дверях показался врач. Он взглянул на мужчину с больной рукой и направился прямо к Бринн и Грэму.

Харт избавился от машины, которую угнал на хайвее.

И сделал это самым эффективным из известных ему способов: припарковал ее в районе Уэст-авеню на окраине Милуоки, захлопнув дверцы, но оставив ключ в замке зажигания. Кто-то из местных подростков этого даже не заметит, другие увидят и сочтут подставой, но какой-нибудь обитатель этих новых кварталов многоквартирных домов сделает свое дело и передаст информацию кому надо.

Как бы то ни было, уже через час машины на этом месте не окажется. А еще за полдня ее уже разберут на запчасти.

Опустив голову, борясь с адской болью раны и прочих полученных за ночь травм, Харт поспешил прочь от автомобиля. Утро выдалось прохладным при абсолютно ясном небе. Дым от сжигаемого на стройплощадках мусора раздражал ноздри. Хартом по-прежнему управляли инстинкты, призывающие его залечь на дно, и чем быстрее, тем лучше.

В безлюдном месте он обнаружил отель «Брюлайн», хотя улица с тем же названием находилась далековато отсюда. В этом заведении сдавали номера на час. Останавливались здесь и на неделю, но мало кто на день.

Харт заплатил за неделю вперед, причем номер с ванной обошелся ему дороже, после чего получил пульт от телевизора и набор постельного белья. Толстуха за стойкой регистрации не обратила ни малейшего внимания ни на его потрепанный вид, ни на отсутствие какого-либо багажа. По двум лестничным пролетам он поднялся к номеру двести тридцать восемь. Запер дверь, разделся и бросил одежду на пол грязной кучей, напоминавшей ему промокшую насквозь форму Бринн Маккензи на полу спальни в доме номер два по Лейк-Вью.

Воображение нарисовало ему картину, как она раздевается донага.

Этот образ даже возбудил его на пару минут, но пульсирующая рана в руке сменила настроение.

Теперь он смог рассмотреть ее внимательно. Харт посещал курсы оказания первой помощи, раз уж его профессия связана с риском физических повреждений. Обследование показало, что во врачебной помощи он не нуждается. Он, конечно же, знал нескольких лекарей, лишенных права практиковать, которые за тысячу баксов заштопали бы его, не задавая лишних вопросов и не сообщая об огнестрельном ранении куда следует. Однако кровотечение остановилось, кость осталась цела, и, хотя опухоль выглядела достаточно большой, риск инфекции был минимальным. Чуть позже он начнет пить антибиотики, и все дела.

Харт принял душ, то усиливая, то ослабляя поток воды и стараясь не намочить раненую руку.

Обнаженный, он вернулся в комнату и улегся на кровать. Ему хотелось обдумать события ночи, извлечь смысл из всего произошедшего. Сначала он мысленно вернулся на несколько недель назад в кафе «Старбакс» в Кеноше, где встретил парня, вместе с которым несколько раз работал в Висконсине. Гордон Поттс был крупным и с виду неуклюжим, не великого ума, но вменяемый — главное, что ему можно было доверять. И у него всегда находилось надежное дельце, когда ты нуждался в нем. Поттс сказал, что с ним на связь вышла женщина из Милуоки, описав ее как умную, жесткую и привлекательную. Он готов был за нее поручиться. (Как теперь догадывался Харт, Мишель добилась таких рекомендаций, взяв у Поттса раз-другой в рот.)

Харта предложение заинтересовало. У него не было на тот момент работы, и он скучал. Намечалось задание в Чикаго, но только в середине мая. А ему хотелось чего-то немедленно, хотелось действия, игры адреналина в крови. Точно так же, как тому подонку, которого он застрелил в городском парке прошлым вечером, необходимо было продавать мет.

Кроме того, по словам Поттса, работа яйца выеденного не стоила.

Через несколько дней Поттс познакомил его с Брендой — вымышленное имя, которым воспользовалась Мишель, — в кофейне в районе Бродвея в Грин Бэй.

— Привет, Харт! Как поживаешь? — поздоровалась она.

Последовало крепкое рукопожатие.

— Отлично. А ты?

— Все о'кей. Послушай, мне нужно нанять кого-то для одной работы. Ты заинтересован?

— Не знаю. Может быть. Скажи, давно ты знаешься с Гордоном Поттсом? Небось старые друзья?

— Не такие уж и старые.

— Как вы с ним повстречались?

— Через общего друга.

— Через кого же это?

— Фредди Ланкастера.

— А, конечно, через Фредди. Как себя чувствует его женушка?

Мишель рассмеялась.

— Теперь это нелегко узнать, Харт. Она ведь умерла два года назад.

Харт тоже рассмеялся.

— Ох, верно! Память стала ни к черту. Фредди нравится в Сент-Поле?

— В каком Сент-Поле? Он же живет в Милуоки.

— Да, память у меня просто никуда...

«Танец»...

После первой встречи с Брендой-Мишель Харт позвонил и Гордону Поттсу, и Фредди Ланкастеру, чтобы проверить время, даты и места действия до десятых долей. Потом понадобилась еще добрая дюжина звонков, чтобы убедиться — полицейскими стукачами здесь и не пахнет.

Бренда Дженнингс оказалась мелкой воровкой, которая, однако, никогда не сдавала своих сообщников. Знал Харт и о том, что его заказчица всего лишь воспользовалась чужой личиной.

Потом он назначил еще одну встречу, чтобы выяснить суть предстоящего дела.

Мишель рассказала, что слышала, как Стивен Фельдман интересовался, нельзя ли обменять старые бумажные деньги и серебряные сертификаты на новые банкноты федерального банка. Она стала изучать ситуацию и узнала про некоего торговца мясом, спрятавшего кучу наличных в своем загородном доме в пятидесятых годах прошлого века. Миллион долларов. Она поведала Харту, при каких обстоятельствах это произошло.

— Деньги действительно большие.

— Так и есть, Харт. Ну как, возьмешься?

— Рассказывай дальше.

— Вот карта той местности. Это частная дорога Лейк-Вью. А это национальный парк — прилегающая территория. Людей там практически не встретишь. А вот план дома.

— О'кей... Дорога мощеная или проселок?

— Проселок... Слушай, Харт, мне отлично тебя характеризовали. Это верно? Тебя еще называют Умельцем.

Изучая карту, он рассеянно поинтересовался:

— Кто называет?

— Люди.

— Что ж, все верно. Я — умелец.

Харт ощущал на себе ее изучающий взгляд. Он тоже посмотрел ей в глаза. Она спросила:

— Могу задать тебе вопрос?

— Валяй, — сказал он, удивленно вскинув брови.

— Мне просто любопытно. Почему ты занялся такой работой?

— Она меня полностью устраивает, — просто ответил он.

Харт принадлежал к числу людей, которые не верят в психоанализ и не слишком стараются заглянуть себе в душу. Ты либо чувствуешь гармонию в своей жизни, либо нет, а потерю этого ощущения он считал самой большой из возможных ошибок.

«Боже! Да от одной только скуки подохнуть можно! Я бы точно сдох от нее. Мне нужно нечто большее, Бринн. А разве вам — нет?»

Мишель кивнула, словно в точности поняла, что он имел в виду, и другого ответа не ожидала.

— Действительно похоже на то, — сказала она.

К тому времени ему уже наскучило говорить о себе самом.

— Так. Какие возможны проблемы?

— В смысле?

— Я спрашиваю, насколько рискованна работа? Сколько там будет народу, есть ли у них оружие, далеко ли до полицейского участка? Дом стоит у озера. А остальные дома? В них живут?

— Это просто, как дважды два, Харт. Риска вообще никакого. Остальные дома пусты. Их там будет всего двое. И ни одного рейнджера из заповедника или полицейского на многие мили кругом.

— У них есть оружие?

— Смеешься? Они городские стиляги. Она юрист, а он соцработник.

— Значит, только Фельдманы, и никого больше? Это очень важно.

— Так меня информировали. И источник надежный. Только они двое...

— И никто не пострадает?

— Ни в коем случае, — подтвердила она. — Будь хоть малейший шанс пострадать, и я никогда не пошла бы на это.

И Бренда-Мишель ободряюще ему улыбнулась.

Огромные деньжищи, никто не пострадает. Звучало заманчиво. И все же он тогда сказал:

— Я дам тебе знать.

Харт отправился домой и тщательно проверил информацию, полученную от нее. Сидя за компьютером, он громко хохотал. Как и следовало ожидать, все подтверждалось. И он не мог себе представить, чтобы во всем мире нашелся полицейский, сумевший бы придумать такую ловушку. Они подбрасывали наркотики, предлагали сбыть краденое или обменять фальшивые деньги, но им бы и в голову не пришел сюжет, достойный триллера с Николасом Кейджем в главной роли.

Затем наступил «Большой день». Все вместе на угнанном «форде» они поехали к озеру Мондак. Он сам, Комптон Льюис и Мишель. Мужчины вломились в дом, и пока они держали Фельдманов на мушке, Мишель должна была зайти в кухню, связать им руки и допросить о спрятанных деньгах. Но вместо мотка клейкой ленты в ее руке оказался девятимиллиметровый компактный глок. Она прошла мимо Харта и хладнокровно застрелила супругов.

Среди наступившей затем звенящей тишины она как ни в чем не бывало вернулась в гостиную.

Харт изумленно смотрел на нее, стараясь осознать, что произошло.

— Какого хрена ты творишь? — испуганно спросил Льюис, который все это время рылся в холодильнике вместо того, чтобы исполнять порученное ему задание, — наблюдать за подъездом к дому.

— Не волнуйтесь, я знаю, что делаю. — И она вытряхнула на пол содержимое дипломата и рюкзака.

Мужчины в шоке не сводили глаз с трупов, решив, что она ищет ключи от потайной комнаты, сейфа или чего-то в этом роде. Харт же лихорадочно прикидывал, сколько статей уголовного кодекса им пришьют за только что содеянное. Предумышленное убийство шло под номером один.

А потом он заметил ее отражение — она приближалась к нему сзади, поднимая пистолет.

И инстинктивно отпрыгнул в сторону.

Бах!

Ему обожгло руку.

И он начат стрелять, но Мишель успела скрыться.

И только сейчас, лежа на волглых простынях, Харт до конца понял, что произошло на самом деле. Не было никаких спрятанных сокровищ. Мишель наняли, чтобы убить Фельдманов — странно, но Бринн, по-видимому, это даже не приходило в голову, судя по разговору в микроавтобусе.

По плану Мишель трупы Харта и Льюиса должны были остаться в доме у озера — тела двух козлов отпущения.

Харт не в силах был сдержать усмешки. Он привлек к делу Комптона Льюиса, чтобы тот сыграл роль, которую Мишель предназначала ему самому: роль страхового полиса, человека, принявшего на себя вину. Если бы ограбление переросло в перестрелку и кто-то в ней погиб, Харт пристрелил бы Льюиса и подставил его полиции как единственного грабителя. Именно поэтому он и остановил свой выбор на неудачнике, с которым прежде его ничто не связывало. И почти осуществил этот сценарий на автомагистрали. Собрав вместе Мишель, Бринн и девчонку, имея патрульную машину, чтобы сбежать, он готовился достойно завершить ночные приключения. Убил Льюиса и собирался пристрелить остальных из его «ЗИГа», когда ему помешали. И кто! Муженек Бринн!

«У меня есть связи, есть парни в моей банде да еще ты, ну, с твоим умением все спланировать и обдумать — из нас получилась бы отличная бригада».

«Эх, ты, недоумок несчастный, — думал Харт. — Ты и в самом деле поверил в это? А ведь ты был уже наполовину мертв, когда мы только в первый раз встретились — все тискал свою зеленую сережку да спрашивал, почему мы сидим в таком никудышном месте, где подают только кофе, а не в настоящем баре».

Уже засыпая, он снова подумал о Мишель. Из всех, на кого или против кого ему доводилось работать — а среди них были и жестокие наркобароны с Ямайки, и саутсайдские бандиты, и боссы организованной преступности по всему Среднему Западу, — эта хрупкая с виду, молодая рыжая девица оказалась самой опасной.

Оболочка женственности, оболочка беспомощности, оболочка безвредности — в этом коконе таился настоящий скорпион.

Его интересовали взаимоотношения двух женщин минувшей ночью. О чем такие разные люди могли говорить между собой? Бринн Маккензи явно не из тех, кого легко обмануть, но Мишель была прирожденной актрисой. Он вспомнил те, по меньшей мере странные минуты, которые провел в микроавтобусе вместе с Бринн.

«Значит, Мишель была другом семьи? И потому оказалась замешана во все это.

Вот что называется оказаться не в то время не в том месте. Нынче ночью это происходит постоянно».

Ловкач.

В доме Фельдманов Харт успел быстро открыть сумочку и прочитать имя на кредитной карточке. Мишель С. Кеплер, если он запомнил его верно. Возможно, инициал был другой: Мишель А. Там же могли лежать и водительские права, но тогда он не посчитал нужным взглянуть на них. Теперь следует разыскать ее, и, естественно, раньше, чем это сделает полиция. Она сдаст им его со всеми потрохами в одну минуту. Значит, в ближайшие несколько дней придется хорошенько поработать.

Но потом, подобно Комптону Льюису, Мишель померкла в его мыслях, и засыпал он с одним лишь образом перед глазами: он снова видел спокойный и уверенный взгляд помощника шерифа Бринн Маккензи, сидевшей перед ним на переднем сиденье микроавтобуса.

«Вы имеете право хранить молчание...»

Они вернулись из больницы в восемь вечера, предварительно заехав к соседям, чтобы забрать Джоуи. Бринн выбралась из машины первой и прямиком направилась к помощнику шерифа Джимми Барнсу, отмечавшему накануне свой день рождения. Лысеющий, краснолицый мужчина припарковал патрульный автомобиль на обочине напротив их дома. Он был задумчив и мрачен, как и все сотрудники управления шерифа округа Кеноша, — смерть Мюнса тому причиной.

Впрочем, это настроение разделяли многие обитатели Гумбольдта.

— К дому никто не приближался, Бринн, — сказал Барнс, приветственно помахав рукой Грэму. — Я на всякий случай сделал несколько кругов по окрестностям.

— Спасибо.

Бринн подозревала, что Мишель, кем бы она ни была на самом деле, уже далеко от их городка, но кто знает, как велика ее одержимость?

И могла ли она забыть, что Харту известна ее фамилия?

— Криминалисты обследовали ваш дом и собрали все необходимое. Я запер за ними.

— Они что-нибудь сказали?

— Нет. Ты же знаешь этих парней из полиции штата.

Если бы гильзы и пули, собранные в ее доме, не совпали с найденными у озера Мондак, это противоречило бы основным законам природы.

— Она ведь не была другом семьи? Солгала, верно? — спросил Барнс.

— Верно.

— А как твоя мама? Я слышал, с ней все будет в порядке?

— Ее жизнь вне опасности.

— Куда угодила пуля?

— В ногу. Останется в больнице еще на день-два. Ее там подлечат. Обычная терапия.

— Жаль, что так вышло.

Бринн пожала плечами.

— А сколько людей не доживают до терапии.

— Да, ей все-таки повезло.

«Если твоя дочь приводит в дом вооруженного убийцу, можно ли считать это везением?» — подумала Бринн.

— Ну, тогда спокойной ночи. Кто-то из наших будет время от времени проезжать мимо.

— Спасибо, Джимми. Завтра увидимся.

— Ты придешь на работу?

— Обязательно. Тебе не передавали для меня посылку?

— Ах, да, конечно! — Барнс потянулся назад и вручил ей тяжелый бумажный пакет.

Она заглянула внутрь — видавший виды служебный глок, две запасных обоймы и коробка винчестеровских девятимиллиметровых патронов.

Потом он подал ей официальную форму, и Бринн расписалась в получении оружия.

— Обойма полностью заряжена. Все тринадцать. Но ни одного в патроннике.

— Спасибо.

— Отдохни как следует, Бринн.

— Спокойной ночи. И с днем рождения!

Когда он уехал, она все же проверила обойму и дослала пулю в патронник.

Они вошли в дом.

Поднявшись наверх, Бринн заперла пистолет в сейф и вернулась в кухню.

Джоуи уже поел — соседи накормили его пиццей. Он шатался по комнатам, разглядывая отверстия, оставленные пулями, пока Бринн не остановила его.

Потом она долго стояла под душем, под самой горячей водой, какую только могла вытерпеть, и, просушив волосы полотенцем, завязала их сзади. Шуметь феном ей не хотелось. Она сменила бинт на лице, надела свитер и спустилась вниз, где Грэм разогревал оставшиеся с вечера спагетти. Голода Бринн не чувствовала, но понимала, до какой степени за последние двадцать четыре часа истощила свой организм. Он мог попросту взбунтоваться, если не дать ему пищи, и как можно скорее.

Они перешли в столовую и некоторое время ели молча. Потом она откинулась на спинку стула и посмотрела на этикетку своей пивной бутылки, вдруг заинтересовавшись, как в природе выглядит хмель.

Потом обратилась к Грэму:

— О чем ты думал?

— В смысле?

— Мне показалось, в больнице ты хотел что-то сказать.

— Уже не помню.

— Уверен? А, по-моему, должен помнить.

— Может, что-то и хотел. Но давай не будем сейчас. Уже поздно.

— Мне кажется, время самое подходящее. — Она словно бы шутила, но говорила вполне серьезно.

Джоуи спустился вниз и переключал телевизор с канат на канал, сидя на зеленом диване в гостиной.

Грэм выглянул в дверной проем.

— Джоуи, отправляйся наверх читать. Никакого телевизора.

— Всего десять ми…

Бринн хотела вмешаться, но Грэм уже вышел в гостиную. Она не расслышала, что он сказал.

Телевизор выключили, и Бринн краем глаза увидела, как ее недовольный сын поднимается по лестнице.

«Что за дела?»

Ее муж снова уселся за стол.

— Давай же, Грэм, выкладывай. — Они редко обращались друг к другу по именам. — Что случилось. Скажи наконец.

Грэм подался вперед. Он явно мучительно обдумывал что-то и в конце концов спросил:

— Ты знаешь, как именно поранился вчера Джоуи?

— Ты про скейтборд? У школы?

— Это произошло не у школы. И упал он не с трех ступенек возле стоянки. Он занимался фальтингом. Тебе известно, что это такое?

— Разумеется, я знаю. Но Джоуи никогда не стал бы…

— А почему? Почему ты в этом так уверена? Ты же ни о чем понятия не имеешь.

В ее глазах читалось удивление.

— Так вот, он занимался фальтингом. Мчался на скорости в шестьдесят или семьдесят миль, прицепившись к грузовику на Элден-стрит.

— Как, на шоссе?!

— Вот именно. И этому занятию посвятил весь день.

— Но это же невозможно.

— Какие у тебя основания так говорить? Его там видели. Звонил мистер Радитцки. Джоуи прогулял школу. И подделал твою подпись на записке.

Теперь, когда ужасы прошлой ночи уже не переживались так остро, эти новости по-настоящему шокировали Бринн.

— Подделал подпись?

— Забежал с утра в школу. А потом сразу ушел и уже не возвращался.

Неужели это правда? Она подняла взгляд к потолку. В самом углу чернело оставленное пулей отверстие. Маленькое, словно муха. Пуля прошла там насквозь.

— Я даже не могла себе представить. Придется поговорить с ним.

— Я пытался. Он ничего не хочет слушать.

— Иногда он бывает таким.

— Но он не должен быть таким, — хрипло сказал Грэм. — Это не оправдание. Он продолжал упорно мне врать, и я запретил ему кататься на доске целый месяц.

— Ты так уверен… — Ее первой реакцией было защитить сына, поставить под сомнение объективность мистера Радитцки, выяснить, кто был свидетелем, устроить расследование… Но она просто замолчала.

Грэм заметно напрягся и ссутулил плечи.

Он еще не закончил.

И он не собирался щадить ее. Она сама напросилась на это.

— И еще та драка, Бринн. Помнишь, в прошлом году? Ты сказала мне, что парни просто немного потолкались, и все. Но мистер Радитцки говорит, все было иначе.

— Тот мальчишка — настоящий хулиган. Он…

— …Всего-навсего дразнил Джоуи. Может, и обидел его, но словесно. А Джоуи избил парня очень сильно. На нас собирались подавать в суд. Об этом ты умолчала.

Она снова прикусила язык. Потом произнесла:

— Я просто не хотела, чтобы узнал весь город. Пришлось кое на кого надавить. Конечно, это не очень-то красиво с моей стороны. Но я не могла поступить иначе. Я хотела защитить его.

— Он уже не маленький, Бринн. Ты слишком избаловала Джоуи. Его спальня — просто выставка дорогих вещей.

— За все, что ему куплено, я платила сама. — Она тут же пожалела об этих злых словах, заметив, как расстроился Грэм. Деньги, конечно же, здесь ни при чем.

— Я считаю, что вседозволенность дурно влияет на него. Тебе ни к чему проявлять излишнюю строгость. Но иногда следует сказать ему «нет». И наказать, если он тебя не слушается.

— Я наказываю его.

— Нет, не наказываешь. Это выглядит так, словно ты ему чем-то обязана, будто чувствуешь какую-то вину перед ним и расплачиваешься за нее. Почему так происходит, Бринн?

— Ты делаешь из мухи слона. Честное слово. — Она улыбнулась, хотя сердце обдало тем же мертвящим холодом, который сковал ее, когда темная, ледяная вода озера Мондак наполнила машину. — Его школьная драка — это… В этом мы можем разобраться сами. Джоуи и я.

— Вот Бринн! В том-то и проблема. Разве ты не понимаешь? Все дело как раз в этом. Ничто не касается всех нас. Всегда только тебя и Джоуи, а я остаюсь в стороне.

— Это неправда.

— Неужели? Тогда что такое вот это все? — Он жестом обвел их дом. — Это для нас троих, для всей нашей семьи? Или только для тебя? Тебя и твоего сына?

— Конечно, для всех нас, Грэм. — Она старалась смотреть ему в глаза и не могла.

«Больше никакой лжи между нами, Бринн…»

Но так было с Хартом. Так было с Кейтом… А ведь Грэм — другой. «Это же неправильно, — подумала она. — Быть до конца честной с негодяями, а хорошим людям лгать и пренебрегать ими».

Он потянулся. Она заметила, что бутылки с пивом остались на три четверти нетронутыми.

— Ладно, забудь об этом, — сказал Грэм. — Пойдем спать. Нам обоим нужен отдых.

— Когда? — вдруг спросила она.

— Что «когда»?

— Когда ты уйдешь от меня?

— Бринн, на сегодня достаточно, — рассмеялся он. — Мы вообще не разговариваем. По крайней мере, о серьезных вещах. А теперь вдруг не можем остановиться. И почему-то именно после такой ночи. Мы оба выбились из сил. Давай отдохнем и придем в себя.

— Когда? — повторила она вопрос.

Грэм потер глаза. Сначала один, потом оба. Опустил руки, разглядывая глубокую царапину, полученную этой ночью в лесу. Кожу, ободранную о колючку или острый камень. Он казался удивленным.

— Не знаю, — наконец ответил он. — Через месяц, через неделю. Не знаю.

— Я чувствовала, что к этому идет, — вздохнула она.

— Чувствовала? — Его удивление, казалось, возросло многократно. — Как ты могла что-то чувствовать? Я сам впервые подумал об этом только прошлым вечером.

Бринн не поняла, что он имеет в виду, и прямо спросила:

— Кто она?

— О ком ты?

— Ты знаешь, о ком. О той женщине, с которой у тебя роман.

— У меня нет никакого романа. — Голос звучат обиженно, словно ему нанесли совершенно незаслуженное оскорбление.

Несколько секунд она колебалась, но затем решила продолжить и резко сказала:

— Как насчет игры в покер в баре «Джей-Джей»? Иногда ты действительно там бываешь, но не всегда.

— Так ты шпионила за мной?

— Ты лгал мне. Я это чувствовала. Мне за такие вещи платят, если ты забыл.

Врать он не умел совершенно.

«В отличие от меня».

Теперь он злился, но ее больше встревожили нотки презрения, прозвучавшие в его голосе.

— Так что ты сделала? Установила жучок в мою машину? Попросила коллег проследить за мной?

— Я увидела вас однажды. Совершенно случайно. У входа в мотель «Албемарль». А потом, да, проследила за тобой. Ты сказал, что едешь играть, а сам отправился туда снова…

Она всхлипнула.

— Какого черта ты смеешься, Грэм? Ты разбил мне сердце!

— Чтобы разбить кому-то сердце, надо для начала хотя бы завладеть его кусочком. А у меня ничего нет, Бринн. Ты не дала мне ни грана. За все это время.

— Это неправда. И тем более не оправдание для измены.

Он медленно покачал головой.

— Ах, вот ты о чем… Измена… А ты хоть раз пыталась поговорить со мной? Присесть рядом и сказать: «Дорогой, по-моему, у нас возникла проблема. Я волнуюсь. Давай обсудим ее. Может, нам вместе удастся найти решение?»

— Я…

— Ты еще не знаешь, но твоя матушка рассказала мне, что натворил Кейт. Что он сделал с твоим лицом. Боже! Насколько же многое это объясняет, была моя первая мысль. Как мог я сердиться на тебя? Но потом понял, что имел на это полное право. Более того, обязан был на тебя злиться. Потому что рассказать обо всем должна была ты сама. Я заслужил твое доверие.

Бринн много раз готовилась сказать ему правду. Но вместо этого придумала ерундовую версию об автомобильной аварии. «Но как я могла ему все это преподнести? — подумала она. — Что некто пришел в ярость и избил меня? А я месяцами ревела после этого в подушку? И меня передергивало при звуке его голоса? Что я была беспомощна, как малолетний ребенок. Стыдилась своего страха уйти от него — просто взять Джоуи в охапку и выйти за порог навсегда».

Что мне было страшно. Что я проявила слабость.

И моя нерешительность повлекла за собой гораздо более страшные последствия.

Кейт…

Но даже сейчас ей было бы трудно в точности описать ему, что произошло. И именно в этом, понимала Бринн, таился ключ к преступлению, которое она совершила по отношении к Грэму, к ним обоим: в ее молчании, в этой неспособности все высказать. Однако в то же время она сознавала: даже если ключ найден и теперь она отыщет нужные слова, время упущено. Это как обнаружить решающие улики в деле об убийстве и узнать, что преступник успел умереть своей смертью.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Но все же ты…

Бринн замолкла, увидев, что он достал из кармана брюк бумажник и роется в нем. Она наблюдала за ним, с преувеличенной тщательностью ощупывая бинт на щеке.

Господи, неужели он сейчас достанет фото своей любовницы?

Но он подал ей лишь маленький белый прямоугольник бумаги.

Бринн поневоле скосила взгляд — повязка мешала читать правым глазом, которым она видела лучше.

Рельефными буквами на карточке значилось:

«Сандра Уэйнштейн, доктор медицины. Частная практика. Авеню Албемарль, дом 2942, кабинет 302, Гумбольдт, штат Висконсин».

Ниже от руки было приписано: «Пятница, 17 апреля, 19 час. 30 мин».

— Так она… — начала Бринн.

— Психоаналитик. Терапевт… Проще говоря, мозгоправ.

— И, стало быть…

— Ты видела нас около мотеля, Бринн, а не внутри. Она работает в офисном здании, расположенном рядом. Обычно по вечерам я бываю ее последним пациентом. Поэтому иногда мы выходим на улицу вместе. В один из таких моментов ты нас и заметила.

Карточка хрустнула в пальцах Бринн.

— Позвони ей. Сходи на прием. Я позволю ей рассказать тебе обо всем. Пожалуйста, поговори с ней. Помоги мне понять, почему ты любишь свою работу больше, чем меня. Почему тебе приятнее проводить время в патрульной машине, а не дома. Помоги мне стать хорошим отцом для твоего сына, к которому ты меня не подпускаешь. И зачем ты вообще вышла за меня замуж? Быть может, вдвоем вы сумеете в этом разобраться. Я, как ни стараюсь, не могу.

Бринн сбивчиво попыталась защититься:

— Но почему же ты ничего не сказал мне? Почему не попросил сходить с тобой? Я бы согласилась!

Она верила, что говорит правду.

Грэм поник головой, и Бринн поняла, что задела его больное место — так кончик ее языка бередил десну выбитого дробью зуба.

— Я и должен был это сделать. Сандра постоянно предлагает. Я собирался несколько раз, но не смог себя заставить.

— Но почему?

— Меня пугала твоя возможная реакция. Ты могла решить, будто наша семья не состоялась и я слишком многого от тебя требую, боялся, что уйдешь. Или, по своему обыкновению, возьмешь все под контроль, и я перестану понимать, на каком я свете… И мне самому начнет казаться, что никакой проблемы не существует, — пожал он плечами. — Да, я должен был тебе рассказать об этом. И не мог. Но послушай, Бринн, время упущено. Ты — это ты, а я — это я. Яблоко и апельсин. Мы слишком разные. Так что расстаться лучше для нас обоих.

— Но ведь на самом деле еще не поздно. Не суди по последней ночи… Это был… Это был просто кошмарный сон.

Неожиданно для нее Грэм вспылил. Отшвырнул свое кресло и поднялся. Пивная бутылка упала, залив пеной тарелку. Добряком по натуре овладел гнев. Бринн внутренне сжалась, вспоминая вечера с Кейтом. Ее

ладонь дернулась к подбородку, хотя она знала, что Грэм никогда не поднимет на нее руку. Жест самозащиты вышел непроизвольным. Она не сводила с него глаз, словно вновь видела перед собой волка, таившегося в заповеднике.

Она понимала, что злость его обращена не на нее. А только на самого себя.

— Но мне приходится судить именно по прошлой ночи. Она и стала решающей, Бринн. Прошлой ночью я…

«Не это ли он сказал чуть раньше? Что не думал об уходе до прошлой ночи. Как это понимать?»

— Что ты имеешь в виду?

— Эрик… — Он словно выдохнул это имя.

— Эрик Мюнс?

— Он погиб из-за меня.

— Из-за тебя? Нет-нет, это не так. Мы все знали, как он беспечен. Что бы с ним ни случилось, ты не имел к этому никакого отношения.

— Вот именно, что имел! Я и был единственной причиной его смерти.

— О чем ты?

— Я использовал его… — Четко обрисованный подбородок Грэма задрожал. — Я знаю, вы все считали Мюнса безответственным ковбоем. Прошлой ночью никто не хотел отправиться на поиски в сторону хайвея. Но я-то чувствовал, что именно туда ты и пойдешь. И тогда я сказал Эрику, что, если он хочет настоящего дела, ему следует поехать со мной. Потому что преступники выйдут туда же.

Грэм помотал головой.

— Я словно бросил охотничьей собаке ее любимую кость… И вот теперь он мертв по моей вине. Потому что я полез туда, куда не следовало. И как мне жить с этим бременем на душе?

Бринн потянулась к нему, но он отстранился от ее руки. Тогда она откинулась на спинку кресла и спросила:

— Тогда почему, Грэм? Почему ты приехал туда?

Он холодно усмехнулся в ответ.

— Ты же знаешь, Бринн. Я зарабатываю на жизнь, сажая кустики и цветочки. Ты ходишь при оружии и участвуешь в бешеных погонях. Я вечером хочу сидеть у телевизора — ты же предпочтешь этому изучение какого-нибудь новейшего детектора наркотиков. Я не могу состязаться с твоей полной приключений жизнью. И уж точно не в глазах Джоуи… А прошлой ночью я сам не понял, какой дьявол обуял меня. Быть может, где-то в глубине моего естества тоже сидит эдакий лихой стрелок. Я хотел доказать себе, что тоже что-то могу. Но все обернулось фарсом. Все, чего я добился, это послать на смерть другого человека… Мне нечего было там вчера делать. Да и здесь мне делать нечего. Ты не любишь меня, Бринн. И уж точно во мне не нуждаешься.

— Нет, милый, это не так…

— Это так, — прошептал он и поднял ладонь вверх. Жест означал: довольно, разговор окончен.

Он взял ее руку и мягко стиснул.

— Нам надо поспать.

Когда Грэм ушел наверх, Бринн в рассеянности принялась промокать разлитое пиво бумажной салфеткой, пока та не распалась на мокрые комки. Тогда она взяла кухонное полотенце и завершила начатое, другим краем смахивая набежавшие слезы.

Затем она услышала, как он снова спускается. Подушка и одеяло в руках. Даже не взглянув в ее сторону, он постелил себе на зеленом диване и закрыл дверь гостиной.

— Все сделано, мэм.

Маляр жестом обвел приведенные в порядок стены и потолок в гостиной.

— Сколько я вам должна? — Бринн осмотрелась по сторонам, словно ее чековая книжка витала в воздухе где-то рядом.

— Сэм вышлет счет. Вы человек надежный. Мы вам доверяем. — Он указал на ее мундир помощника шерифа, улыбнулся, но потом лицо его стало серьезным.

— Похороны назначены на завтра? Я имею в виду помощника Мюнса?

— Да, на завтра.

— Сожалею о постигшей его кончине. Мой сын отделывал ему гараж. Говорит, Мюнс был с ним очень обходителен. Не все клиенты такие. Он угостил его холодным чаем… Очень жаль.

Она только кивнула в ответ.

Когда мастер уехал, она еще какое-то время продолжала оглядывать ровные стены. От следов девятимиллиметровых пуль ничего не осталось. Надо бы развесить по местам фотографии, но сейчас у нее на это не хватит энергии. В доме царила совершеннейшая тишина.

Она просмотрела список предстоящих дел — кому-то следует перезвонить, проверить кое-какие догадки, с кем-то побеседовать. Дважды звонил некто Эндрю Шеридан. По работе он был связан с Эммой Фельдман, и его крайне волновала судьба документов, найденных в ее доме на озере Мондак. «Интересно, что за документы?» — подумала она. Был звонок из офиса прокурора штата, куда обратилась пара из перевернувшейся на магистрали «тойоты», собиравшаяся судиться. Поступила жалоба и от владельца дома номер два по Лейк-Вью. На аммиак, бесповоротно погубивший пол в ванной комнате, и, конечно, на многочисленные пулевые отверстия. С нее требовали рапорт о том, что произошло. С этим она протянет как можно дольше.

С наружных ступенек донеслись чьи-то шаги.

Грэм?

Стук в дверной косяк. Она поднялась, чтобы открыть.

— Вижу, звонок у тебя не работает. — Это был Том Даль.

— Эй, привет! Милости просим.

Шериф зашел в дом. Он заметил только что обновленные стены, но ничего не сказал.

— Как чувствует себя твоя мама?

— С ней все в порядке. Немного раздражительна, знаешь ли. — Бринн мотнула головой в сторону соседней комнаты. — Мы устроили ей спальню на первом этаже. Сейчас она как раз спит.

— А! Тогда мне не стоит орать так громко.

— Ей прописали такие пилюли, что с ними она проспала бы и шумную вечеринку.

Шериф сел и потер ногу.

— Знаешь, мне понравилось, как ты это сформулировала. О двух убийцах: «брошенные тела». Прекрасно описывает ситуацию.

— Есть хоть какие-то новости, Том?

— Должен признать, новостей немного. Застреленного преступника звали Комптон Льюис. Жил в Милуоки.

— Что за имя такое, Комптон?

— Об этом лучше спросить его родителей. Парень был всего лишь прохвостом, но с преступными замашками. Работал на стройках вдоль озера и участвовал в мелких ограблениях — бензозаправки, магазина-самообслуживания. Самым громким делом, которое за ним числилось, была прошлогодняя попытка напасть на инкассатора, перезаряжавшего банкомат на окраине Мэдисона. Льюис — водитель у той банды — должен был обеспечить отход, но уронил ключи от машины в снег. Сообщники разбежались, а сам он попался. Отсидел шесть месяцев.

Даль покачал головой.

— Мне удалось отыскать только одного его родственника — старшего брата. Он, единственный, еще живет в этом штате. Новость стала для него ударом, скажу я тебе. Зарыдал, как дитя. Извинился, повесил трубку и перезвонил через полчаса... Сказать ему было особо нечего, но вот тебе номер его телефона, если захочешь поговорить.

Даль протянул ей бумажку.

— А что насчет Харта?

Она уже проверила базы данных полиции пяти штатов, включая клички и разные варианты фамилии: Харт, Хартман, Хартинг, Хартвел... Ничего.

— К нему ни одной ниточки. Этот Харт... Он свое дело знает. Одни только отпечатки пальцев чего стоят. Он не оставил ни единого. И даже вынул пулю со своей ДНК из стены. Учел все.

— А Мишель? Харту и Льюису она наверняка назвалась вымышленным именем, но, как мне кажется, Мишель — ее настоящее. Харт и Льюис

нашли ее сумочку и порылись в ней. И ей не было смысла лгать мне — поскольку к утру я была бы уже мертва.

— Да, вот ею занимаются вплотную. В ФБР убеждены, что ее нанял Манкевиц, и сейчас всеми силами пытаются выяснить, сделал он это лично или кто-то из его подчиненных. Но концы с концами у них пока не сходятся. Ничего конкретного.

— Они показывали фоторобот, составленный с моих слов, в театральных школах и оздоровительных центрах?

Бринн понимала, что большую часть своего жизнеописания той ночью Мишель выдумала, но некоторые детали прозвучали настолько правдоподобно, что заслуживали проверки.

— Как мне показалось, они сразу попытались взять быка за рога и начали с ее предполагаемой связи с Манкевицем.

Потом Даль рассказал, что открыл уголовные дела по четырем изготовителям мета, убитым Хартом и Льюисом. Наркодельцы ни малейших симпатий не вызывали, но и убивать их безнаказанно тоже нельзя.

Что до таинственного снайпера, открывшего стрельбу в заповеднике Маркетт ранним утром восемнадцатого апреля, то его связь с наркомафией Висконсина или со Стэном Манкевицем установить тоже не удалось. Офицеры полиции штата обнаружили вероятное место, откуда он вел огонь, но там не осталось ни единой улики. Он собрал стреляные гильзы и тщательно затер следы своих ног.

— Чертовы профессионалы теперь повсюду, — проворчал Даль и спросил: — Как дела у той малышки, что была с вами?

— У Эми? К сожалению, служба материнства не нашла других ее родственников.

— Печально.

— Не скажи, Том. По крайней мере, теперь у нее появится шанс достойно прожить свою жизнь. С Гэнди и его женой она была обречена… И должна тебе сказать, выглядит девочка вполне нормальным, даже счастливым ребенком.

— Ты с ней виделась?

— Нынче утром. Купила ей нового Честера и завезла.

— Нового кого?

— Это такая игрушка. Даже не знаю, что за зверь. То ли заяц, то ли ослик. Вообще-то я хотела вернуться в заповедник и найти оригинал, но не хватило духу.

— А вот это было бы действительно неразумно, Бринн. Физически она в порядке?

— Не лучше и не хуже остальных.

— Что ж, и на том спасибо.

— Но вот отметины у нее на шее, помнишь? — Лицо Бринн помрачнело. — Врач, осматривавший ее утром, сказал, что их нанесли всего несколько часов назад.

— Несколько часов. Думаешь, это работа Мишель?

— Именно так, — вздохнула Бринн. — Эми начала шуметь, а Харт и Льюис были поблизости. Мишель отвела ее в сторону, якобы поговорить. И девочка вдруг замолкла. Еще бы — ее, бедняжку, почти задушили.

— Боже мой, ну и гадина!

— И Эми казалась перепуганной весь остаток ночи. А я и представить не могла, с чего бы это.

Потом Бринн спросила:

— Сотрудник ФБР, который занимается проверкой Манкевица, хотя бы свяжется с нами? Или они там считают нас никчемной деревенщиной?

— Кто это так нас называет?

Бринн удивленно вскинула брови.

— Ладно, ты права. Они действительно считают нас деревенщиной, но обещали держать в курсе, — сказал Даль.

— Все равно дай-ка мне его номер. Позвоню сама.

Усмехнувшись, Даль порылся в бумажнике и, достав визитку, показал ее Бринн, переписавшую себе в блокнот всю необходимую информацию.

— У тебя утомленный вид. Я задолжал тебе хороший отдых и прослежу, чтобы ты этой возможностью воспользовалась. Это приказ начальника.

Отвлекись. Пусть Грэм возьмет хозяйство на себя. Мужчина должен управляться на кухне, бегать по магазинам и сдавать белье в прачечную. Видит бог, я все это умею. Моя Кэрол — отличный дрессировщик.

Бринн рассмеялась, и Даль не уловил в ее смехе иронии.

— Я отдохну. Обещаю. Но только чуть позже. Мы расследуем убийство. И пусть здесь замешан Манкевиц, пусть хоть генеральный прокурор США возьмет под свой контроль дело об организованной преступности и заговоре против общества, преступления-то все равно были совершены в пределах юрисдикции нашего штата и округа.

— Что ты намерена предпринять? — спросил Даль.

— Проследить, куда ведут все имеющиеся у нас ниточки. Здесь, в Милуоки, где угодно.

И прежде всего проверить возможные связи с театральными курсами и фитнес-центрами, и вообще все, что придет в голову. Вероятно, даже стрелковые кружки. Девушка явно была на ты с пистолетом.

— Я так понимаю, что запрещать тебе это бесполезно?

— Можешь меня уволить.

Он лишь усмехнулся.

— И все это свалилось на нас совершенно внезапно, — вздохнула Бринн.

— Знаешь, пулю, предназначенную тебе, обычно выбирать не приходится. В большинстве случаев ты и не слышишь, как она уже летит.

— Чем вы с Кэрол занимаетесь в эти выходные?

— Наверное, пойдем в кино. Но только если ее мамаша согласится посидеть с детьми. Ох уж эти старшеклассницы! Требуют по десять долларов за вечер плюс ее еще и покормить надо. А вы сколько платите?

— Мы с Грэмом редко куда выбираемся.

— Оно и к лучшему. Остаться дома, вкусно поужинать. И никуда не надо тащиться. Особенно теперь, когда есть кабельное телевидение… Ну, ладно, мне пора.

— Передай от меня привет Кэрол.

— Передам. А ты — своей матушке. Пусть скорее выздоравливает.

Она закрыла за ним дверь, потом взяла список и прочитала первый пункт плана.

II

МАЙ

Сидя за ужином в ресторане Милуоки, крупный и широкоплечий Стэнли Манкевиц разглядывал в стекле свое отражение, подчеркнутое темно-серым послеполуденным светом. Первое мая, но погода стояла мартовская.

Эта дата для Манкевица была важна. День международной солидарности трудящихся, в конце восьмидесятых годов позапрошлого века выбранный рабочими организациями по всему миру, чтобы чествовать своих членов. Именно эта дата увековечивала память о «Хеймаркетской бойне» в Чикаго в мае 1886 года, когда при разгоне организованной «Международным товариществом трудящихся» демонстрации за введение восьмичасового рабочего дня погибли несколько ее участников и полицейских.

Майский праздник имел для Манкевица двойное значение. Во-первых, это было торжество в честь трудящегося люда, к которому он когда-то принадлежал и интересы которого всем сердцем рвался отстаивать и сейчас, как миллионы его «братьев и сестер» во всем мире.

А во-вторых, он служил лишним доказательством того факта, что жертвы бывают порой необходимы для пользы общего дела.

Над своим рабочим столом в кабинете он вывесил цитату — фразу из последнего слова на суде одного из повешенных затем организаторов событий в Хеймаркете Августа Шписа (историки позднее доказали, что он, как и остальные его казненные товарищи, был невиновен). Шпис тогда сказал: «Наступит время, и наше молчание зазвучит более мощно, чем те голоса, которые вы хотите удавить сегодня».

Жертвы…

Размышляя о достопримечательном дне, Манкевиц не сводил глаз со своего отражения, отмечая не столько лишний вес, который по временам его все-таки расстраивал, сколько общую усталость во всем облике. Она читалась прежде всего в позе, хотя, различи он яснее черты лица, это впечатление наверняка только усилилось бы.

Он вгрызся в клубный сандвич, безошибочно отметив, что ему положили американский сыр вместо швейцарского, который он заказывал. И

слишком много майонеза на салатные листья. «Они делают это постоянно», — раздраженно подумал Манкевиц. И зачем он только ходит в это заведение?

Детектив-«Хоббит» почти исчез в последнее время с горизонта, а это, как остроумно заметил Манкевиц в разговоре с Джеймсом Джейсонсом, означало, что он «перебздел».

После гибели Эммы Фельдман жизнь превратилась в сплошной кошмар. Его «пригласили» в офис ФБР, а потом и прокурора штата. Он пришел со своим адвокатом, ответил на некоторые вопросы, воздержался от ответов на другие и удалился, услышав вслед лишь холодное «до скорой встречи». Адвокат терялся в догадках, что все это предвещает.

Потом до него дошли слухи, что юридическая фирма, на которую работала Фельдман, готовит иск против него с обвинением в причинении смерти и требованием возместить их материальные потери. По мнению адвоката, все это была чушь собачья, поскольку не существовало законного прецедента для возбуждения уголовного дела на подобных основаниях.

Но все равно чертовски неприятно.

— А не потому ли все это чушь собачья, — злобно заметил Манкевиц, — что просто нет никаких доказательств моей причастности к ее убийству?

— Конечно, Стэн. Это подразумевается как бы само собой.

«Как бы само собой».

Он поднял глаза от своего перекосившегося на бок сандвича и увидел, что к нему направляется Джеймс Джейсонс. Присев за тот же столик, он заказал официантке диетическую колу.

— Ты не ешь?

— Зависит от обстоятельств.

«А это что значит?» — подумал Манкевиц.

— У меня есть кое-какие новости.

— Выкладывай.

— Прежде всего я позвонил тамошнему шерифу Тому Далю. Позвонил, разумеется, назвавшись другом четы Фельдманов. Их скорбящим другом

по имени Ари Паскелл. Попытался надавить на него: мол, как это вы до сих пор не нашли убийц? И все такое.

— О'кей.

— Убежден, он поверил, что я тот, за кого себя выдавал.

— Он сообщил что-нибудь о расследовании?

Джейсонс прищурился.

— Честно говоря, ничего. Но он и не должен был. Я хотел проверить, не вызвал ли подозрений мой визит туда той ночью.

Манкевиц кивнул. В таких вопросах он доверял суждениям Джейсонса.

— А как насчет нашей подружки?

Он имел в виду, разумеется, помощника шерифа Кристен Бринн Маккензи. Сразу же после событий семнадцатого-восемнадцагого апреля Джейсонс стал выяснять, кто конкретно занимается расследованием убийства Фельдманов. Дело оказалось в руках одного болвана из ФБР по фамилии Бриндл и еще пары копов из полиции Милуоки, но именно эта женщина из маленького провинциального городка взялась за поиски всерьез.

— Ее не остановить. Она носится с этим делом, как бульдог.

Манкевиц не считал бульдогов особо склонными к беготне, но промолчал.

— Она профессиональнее, чем ФБР и полиция Милуоки вместе взятые.

— Что-то я в этом сомневаюсь.

— Изволь, но работает она значительно усерднее остальных. С того времени она только в Милуоки приезжала четыре раза, проверяя различные версии.

— У нее есть на это полномочия?

— Не думаю, что на данном этапе это хоть кого-то волнует. В конце концов, дерьмовая каша с убийством юристки заварилась в округе Кеноша.

— Почему же все пытаются валить только на меня?

У малыша Джеймса Джейсонса не было ответа на этот вопрос, да Манкевиц и не ожидал его. Поскольку для него ответ был очевиден: «Потому что, по моему мнению, трудолюбивые иммигранты должны допускаться в страну и занимать рабочие места тех, кто слишком ленив, чтобы вкалывать».

И еще, конечно же, потому что он высказывал свою точку зрения публично.

— Значит, миссис Маккензи не остановится, пока не узнает истинную подоплеку событий?

— Не остановится, — эхом отозвался Джейсонс.

— Хочет прославиться?

Его собеседник ненадолго задумался и сказал:

— Не думаю, что ей нужна лишняя засечка на пистолете, повышение по службе или что-то из этой серии.

— Тогда какова ее цель?

— Засадить плохих парней в тюрьму.

Джейсонс еще раз напомнил Манкевицу о том, чему был свидетелем в ту апрельскую ночь: безоружная Бринн Маккензи на вершине скалы бросала камни и бревна на головы своих преследователей, отвечавших ей огнем из дробовика и автоматического пистолета. И ретировалась она только после того, как сам Джейсонс открыл стрельбу из своего бушмастера.

Манкевиц не сомневался, что помощник шерифа Маккензи ему не понравится. Но не уважать ее он не мог.

— Что ей удалось раскопать?

— Не знаю. Она побывала на озерном побережье, на Уэст-авеню, Брюлайн, ездила в Мэдисон и Кеношу. День провела в Миннеаполисе. Говорю же, ее не удержать.

Несущийся бульдог.

— Есть что-то, чем я мог бы воспользоваться? Хоть что-нибудь?

— Кое-что есть. — Джейсонс все черпал из памяти, не нуждаясь в записях.

— Рассказывай.

— Имеется и у нее свой секрет.

— Если кратко, в чем там дело?

— Хорошо. Это было лет шесть-семь назад, когда она еще жила с первым мужем. Он служил в полиции штата, был награжден, уважаем коллегами. Но с тяжелым характером. В прошлом не раз избивал ее.

— Мразь! Бить женщину…

— Так вот, выяснилось, что в него стреляли.

— Стреляли?

— Да, причем в его собственной кухне. Провели расследование. Вывод — неосторожное обращение с оружием. Несчастный случай.

— Понял. Но нам что с того?

— Это не был несчастный случай. Стреляли намеренно. А дело замяли. Вероятно, на уровне Мэдисона.

— Замявший это дело рисковал потерять работу, если бы всплыла правда.

— Потерять работу, а то и угодить за решетку.

— Надеюсь, это не просто сплетни?

Джейсонс открыл свой дипломат и достал мягкую папку для бумаг.

— Здесь доказательства.

Да, при своих миниатюрных габаритах этот парень умел добывать то, что нужно.

— Надеюсь, это нам поможет, — сказал он.

Манкевиц открыл папку. По мере прочтения его брови поднимались все выше.

— Это для нас чрезвычайно полезно. Спасибо, — искренне поблагодарил он, подняв взгляд на Джейсонса. — Да, чуть не забыл. С Первым мая тебя!

Ему нравился этот город.

По крайней мере, он был достаточно хорош для временного пристанища.

Грин Бэй располагался на гораздо более ровной местности, чем заповедник вокруг озера Мондак, и в этом смысле сильно уступал ему в живописности, но сам по себе залив являл собой идиллическую картинку, а река Фокс впечатляла как водный путь-труженик, полный рабочей активности, что обычно импонировало Харту. В детстве отец брал его с собой на металлургический завод, где служил в бухгалтерии. И сын буквально лишался дара речи, когда его облачали в прочный защитный шлем и устраивали экскурсию по цехам, пропитанным запахами дыма, угля, расплавленного металла и резины.

Дом, который он снял в пролетарском квартале на одной из улиц с номером вместо названия, был не особо хорош. Зато функционален и дешев. Больше всего Харт страдал от неизбывной скуки.

Он ненавидел прятаться и выжидать, но именно это ему и требовалось сейчас. Обязательно и без вариантов.

Когда становилось совсем тоскливо, он уезжал в лесной заповедник, где чувствовал себя комфортно. Ему особенно нравилось, что туда вела дорога, называвшаяся Лейк-Вью-драйв — это живо напоминало о проселке к озеру Мондак. В лесу он гулял или оставался в машине и работал. При нем всегда было несколько одноразовых мобильных телефонов, с которых он звонил по поводу будущих заказов.

Вот и сегодня он возвращался с прогулки, когда на одной из полян увидел «майское дерево».[29] Вокруг бегали детишки, украшая его цветными лентами. Потом они устроили пикник. Неподалеку стоял школьный автобус — желтое пятно среди моря свежей зелени.

Харт вернулся домой, на всякий случай объехав квартал, прежде чем войти. Он проверил автоответчик и сам сделал несколько звонков с очередного одноразового мобильника. Потом отправился в гараж, где оборудовал небольшую столярную мастерскую. Он трудился над вещью, дизайн которой придумал сам. Поначалу он уделял этому занятию час-другой в день. Теперь же мог просидеть за ним до четырех часов кряду. Ничто не помогало ему расслабиться лучше, чем работа по дереву.

Орудуя шлифовальной шкуркой, он мысленно возвращался к той ночи в лесу, припоминая встречавшиеся ему там деревья — дуб, ясень, клен, грецкий орех — твердые породы, дававшие материал для его ремесла. То, что он покупал в магазине в виде аккуратных чурбачков или досок с идеально ровными углами, являлось производным от огромных,

внушительных, иногда даже грозных с виду созданий природы, уходивших ввысь ярдов на тридцать, а то и больше. И хотя, с одной стороны, его душу тревожила гибель этих деревьев, в нем жила также и уверенность, что он облагораживает древесину, трансформирует ее в нечто новое, в нечто, чем можно восхищаться.

Он снова оглядел свое детище — инкрустированную шкатулку. Ему нравилось, какой она получалась. Быть может, он даже ее кому-нибудь подарит. Но пока не уверен в этом.

В восемь вечера он поехал в центр Грин Бэя, в отделанный деревянными панелями сумрачный бар, где подавали недурное чили.[30] Под кружку пива он съел целую тарелку, сидя прямо за стойкой. Заказав вторую кружку, он перешел в отдельный зал, где по телевизору показывали баскетбол. Он смотрел игру, потягивая пиво. Репортаж шел с Западного побережья, а здесь было уже поздно. Вскоре другие клиенты стали посматривать на часы, подниматься из-за столов и разъезжаться по домам. Матч близился к завершению со счетом 92:60, и если до перерыва интерес еще сохранялся, то сейчас исход казался предрешенным.

К тому же это был всего-навсего баскетбол, а не игра «Пэкерз».

Харт оглядел стены зала, покрытые фирменными знаками висконсинских пивоварен прошлого. Должно быть, когда-то их продукция была популярна, хотя он ни разу о них не слышал. «Лоуф энд Штейн», «Хейлман», «Фоксхед». С эмблемы пива марки «Хиберния брюинг» зловеще скалилась клыками голова дикого кабана. На плакате рядом был изображен телевизор, с экрана которого смотрели две женщины, а подпись гласила: «Всем привет от Лаверн и Ширли».

Харт попросил проходившую мимо официантку принести счет. Та вела себя вежливо, но с прохладцей, оставив попытки флиртовать с ним после того, как первая — примерно неделю назад — осталась без всякой реакции с его стороны. В барах, подобных этому, второго шанса не давали. Он расплатился, вышел на улицу и отправился в другой бар, располагавшийся неподалеку в районе Бродвея. Оставив машину поблизости, он встал в тени деревьев проходившей мимо аллеи.

Ровно в час ночи из бара вышел мужчина, как делал это в одно и то же время на протяжении почти всей последней недели. Харт ухватил его за воротник, приставил к спине пистолет и затащил в темную аллею.

Фредди Ланкастеру хватило пятнадцати секунд, чтобы понять: непосредственная угроза от Харта гораздо серьезнее, чем не столь

очевидная и неминуемая опасность, исходившая от Мишель Кеплер. И он рассказал Харту все, что знал о ней.

Потом взгляд вдоль пустой аллеи, выстрел из пистолета с глушителем, и Харт вернулся к своей машине.

По пути домой он размышлял над своими следующими ходами. Харт поверил Фредди, когда тот сказал, что ни он сам, ни Гордон Поттс не знали точно, где живет Мишель, однако полученной от него информации оказалось достаточно, чтобы приступить к более тщательным поискам.

И этим он собирался заняться незамедлительно.

Но сначала следовало покончить с тем, что не давало ему покоя уже несколько недель. Он зевнул и решил сегодня как следует выспаться. Вставать рано завтра утром не было необходимости. Дорога до Гумбольдта, штат Висконсин, занимала всего три часа.

В половине третьего пополудни четвертого мая Кристен Бринн Маккензи расположилась в баре одного из ресторанов Милуоки, заказав себе куриный суп и диетическую колу. Ранее в этот день у нее состоялись встречи с детективом из местной полиции и агентом ФБР, с которыми они обменялись сведениями об итогах расследования апрельских убийств супругов Фельдман и изготовителей мета в округе Кеноша.

Толку от этих бесед не вышло. Цель, которую поставили перед собой городские и федеральные следователи, как ей показалось, заключалась в поисках улик против Манкевица, а не в поимке преступников, походя расстрелявших ни в чем не повинных супругов и цинично бросивших тела на холодном полу кухни их собственного дома.

Когда же она указала им на данный факт, ни на копа, ни на фэбээровца это не произвело никакого впечатления. Они вежливо сложили губки, показывая, что понимают ее точку зрения, но сделали это с заметным раздражением.

Настроения ей это не улучшило, и по окончании второй встречи она решила устроить себе поздний обед, а потом поехать домой.

Занимаясь собственным расследованием, Бринн Маккензи накрутила за последние пару недель больше двух тысяч миль. Ездила она теперь на подержанной «тойоте-камри» — причем изрядно подержанной. Утонувшая «хонда» использовалась в служебных целях, а для страховой

компании то был отличный предлог не возмещать ей убытков. Чтобы купить хоть что-то на замену, она потратила личные деньги из своих скудных сбережений, и это больно ударило по ее карману, поскольку уверенности в своем финансовом будущем у нее не было.

Грэм больше не жил с ними.

После восемнадцатого апреля они еще несколько раз серьезно поговорили о сложившейся ситуации. Но Грэм до сих пор не оправился от потрясения, вызванного смертью Эрика Мюнса, в которой по-прежнему винил себя и никогда Бринн — ему и в голову это не приходило. (Вот в чем огромная разница между ним и Кейтом!)

Грэм съехал всего несколько дней назад, сняв себе квартирку в двадцати минутах езды от них. Она печалилась и тревожилась по этому поводу... Но в то же время ощущала облегчение. Помогло и случившееся с ней притупление чувств. Кроме того, разбирательства семейных конфликтов были, в конце концов, ее специальностью, и она не могла не понимать, как много требовалось времени, прежде чем они оба определятся со своей дальнейшей жизнью.

Он по-прежнему оплачивал свою долю приходивших ей счетов — вообще-то говоря, даже большую их часть, покрывая медицинские расходы Анны, превышавшие выплаты по страховому полису. Но все же в прошлой жизни они существовали на общие заработки, и теперь Бринн поневоле приходилось экономить.

Она похлебала еще немного остывавшего супа. Позвонил Джоуи, и она сразу же ответила. Это был просто контрольный звонок, и Бринн бодрым тоном прокомментировала его рассказ об уроке физкультуры и занятиях естественными науками, прежде чем он дал отбой и снова помчался в класс.

Когда она поняла, что Грэм, скорее всего, прав в своих оценках поведения Джоуи — как и ее педагогических методов, — она провела собственное расследование (кое-кого пришлось допросить) и выяснила, что информация о занятиях ее сына фальтингом соответствовала действительности — он катался, прицепившись к грузовикам, и делал это не раз. Только по чистой случайности ему удалось избежать серьезных травм. Прогулы школы тоже подтвердились.

Потом у нее было несколько тяжелых разговоров с мальчиком, причем, к удивлению Бринн, мать настойчиво подталкивала ее к этому.

Бринн обрушилась на своего сына, как спецназовец с вертолета. Кататься на скейтборде ему теперь разрешалось только на специально

оборудованной площадке и исключительно в ее присутствии. И в шлеме — никаких вязаных шапочек.

— Брось, мам! Ты это, типа, серьезно?

— Для тебя это единственная возможность. А доску я буду хранить под замком в своей спальне.

Он преувеличенно громко вздохнул, но вынужден был согласиться.

Кроме того, она потребовала, чтобы сын регулярно ей звонил, а домой являлся не позднее чем через двадцать минут после окончания занятий в школе. Ее позабавило выражение его лица, когда она сообщила, что у полиции есть договоренность с местной телефонной компанией, которая позволяет отслеживать местонахождение любого мобильника, даже если тот отключен. (И это была истинная правда, вот только Бринн не сказала, что нарушила бы закон, устроив электронную слежку за членом семьи.)

Но если бунтарские замашки Джоуи ей удалось взять под контроль, то с его реакцией на уход Грэма она ничего не могла поделать. Хотя муж регулярно созванивался с приемным сыном, Джоуи болезненно воспринял их разрыв, и она не знала, как исправить положение. В конце концов, не она же ушла из дома. Что ж, придется справиться и с этим, хотя она понятия не имела — как.

Она отодвинула от себя тарелку с супом, раздумывая о том, сколь многое изменилось после той ночи.

«Та ночь». Эта фраза стала кодом ко всей ее жизни, обозначая куда как больше, чем хронологическая цепь событий.

Она снова осталась одна с раненой матерью на руках и проблемным сыном, за которым нужен глаз да глаз. И все же ничто в мире не могло помешать ей разыскать Мишель и Харта, чтобы над ними свершилось правосудие.

Бринн обдумывала, нельзя ли извлечь хотя бы крупицу полезной информации из недавних встреч с полицейским и агентом ФБР, когда вдруг обратила внимание на воцарившуюся в баре тишину.

Он совершенно опустел. Не было ни официантки, ни мальчишки-уборщика, ни самого бармена.

И тут она вспомнила, что заметила невысокого мужчину, шедшего за ней следом от полицейского участка. Тогда она не придала этому значения, но теперь ей показалось странным, что, стоило ей задержаться у

витрины, как мужчина тоже остановился, чтобы позвонить по телефону. Впрочем, он мог только делать вид.

Встревоженная, она хотела подняться, но почувствовала сквозняк от открывшейся с улицы двери и поняла, что в бар кто-то вошел, по меньшей мере двое.

Бринн застыла на месте. Пистолет был у нее под полой пиджака, а поверх него она надела еще и плащ. Она умрет, не успев расстегнуть и двух пуговиц.

Оставалось только обернуться.

Что она и сделала, готовая встретиться взглядом с серыми глазами Харта, наводящего пистолет, чтобы убить ее.

Более высокий и массивный из двоих мужчин, которому было за шестьдесят, сказал:

— Добрый день, детектив. Я Стэнли Манкевиц.

Она кивнула в ответ.

— Я в звании помощника шерифа.

Второй — хлипкий и больше похожий на подростка — был тем самым мужчиной, что шел за ней прежде. На лице его играла легкая улыбка, но не чувство юмора служило ее источником. Он просто молчал.

Манкевиц взгромоздился на соседний с ней высокий стул у стойки бара со словами:

— Вы позволите?

— Уж не собираетесь ли вы меня похитить?

Ее слова его удивили.

— Нет, что вы, помощник шерифа Маккензи, вы свободны уйти отсюда в любой момент. Скажете тоже — похитить!

Он сделал знак своему сопровождающему, и тот уселся за ближайший столик.

За стойкой снова возник бармен и посмотрел на Манкевица.

— Мне только кофе. И диетическую колу для моего друга, — кивнул он в сторону столика.

Бармен поставил на стойку кофе и отнес колу приятелю Манкевица.

— Вам принести что-нибудь еще? — спросил он Бринн таким тоном, словно интересовался, не хочет ли она десерт в качестве последнего желания.

Она покачала головой.

— Только счет, пожалуйста.

Манкевиц тщательно подготовился к приему кофе, добавив сливок, пакетик сахара и чуть-чуть сахарозы. Потом сказал:

— Как я слышал, у вас выдалась тяжелая ночка пару недель назад.

«Эта ночь...»

— И откуда же вам об этом известно?

— Я смотрю выпуски новостей.

Он был окружен аурой полнейшей уверенности в себе, которая, с одной стороны, подействовала на Бринн успокаивающе, поскольку она поняла, что в этот момент ее жизни ничто не угрожает, но, с другой, внушала тревогу. Словно он обладал неким иным оружием, неким знанием, с помощью которого мог разрушить ее жизнь, не прибегая к насилию. Казалось, у него все под контролем.

В этом смысле он напоминал ей Харта.

— Владеть информацией очень важно, — продолжал профсоюзный босс. — Когда я был еще мальчишкой, задолго до вашего рождения, у нас передавали местные новости — ровно в пять вечера, а потом общенациональные и международные. Уолтер Кронкайт, Хантли и Бринкли... Но всего полчаса. Мне этого всегда не хватало. Я люблю получать всю доступную информацию. Вот Си-эн-эн — это что надо. Я сделал их новости домашней страничкой на своем «Блэкберри».

— Но это не объясняет, как вы оказались здесь, ведь я и сама зашла сюда совершенно случайно... Если только вы каким-то образом не узнали заранее, что у меня намечена встреча в полицейском управлении Милуоки.

Несколько секунд он колебался — ее слова явно попали если не в цель, то очень близко.

— Допустим, я просто за вами следил.

— Вот он следил точно. — Бринн кивнула в сторону миниатюрного человечка.

Манкевиц улыбнулся, отхлебнул кофе и с сожалением посмотрел на вращающуюся витрину с пирожными.

— У нас с вами есть общие интересы, уважаемая помощник шерифа.

— В чем же?

— В том, чтобы найти убийцу Эммы Фельдман.

— А разве я не смотрю прямо сейчас, как он пьет дрянной кофе всего в полуярде от меня?

— Кофе действительно плохой. Как вы это поняли?

— По запаху.

Он показал на стакан с колой, стоявший рядом с ее тарелкой.

— А вы и мой приятель пьете эту гадость. Вот что воистину вредно. И, нет, вы не находитесь сейчас рядом с ее убийцей.

Она оглянулась через плечо. Второй мужчина попивал колу и просматривал свой «Блэкберри».

Интересно, что у него на домашней странице?

— Вряд ли в округе Кеноша вам приходится расследовать много убийств, — заметил Манкевиц. — И уж точно не таких, как это.

— Не таких, как эти, — поправила она. — Убитых было несколько.

Теперь, когда опасения за свою жизнь рассеялись и бармен был свидетелем разговора, хотя такого легко подкупить, она заговорила с вызовом, даже несколько раздраженно.

— Вы, разумеется, правы, — кивнул Манкевиц.

— Хотите знать, какими преступлениями нам приходится заниматься? — спросила Бринн. — Семейной поножовщиной. Случайным выстрелом из

пистолета во время налета на супермаркет или автозаправку. Разборками между изготовителями мета.

— Страшная штука, этот наркотик. Действительно страшная.

«Ты мне будешь рассказывать!»

— Если вы смотрели «Копов»,[31] вам прекрасно известно, чем мы занимаемся, — сказала Бринн.

— Но случившееся семнадцатого апреля — это совсем другое. — Он продолжал пить свой кофе. — Вы член профсоюза? Профсоюза служащих правоохранительных органов?

— Нет. В Кеноше он не работает.

— А вот лично я верю в профсоюзы, мэм. Я верю трудягам и считаю, что каждый должен получить справедливый шанс вскарабкаться вверх по служебной лестнице. Это как образование. Школа уравнивает в правах. Профсоюзы выполняют ту же миссию. Если ты в профсоюзе, мы обеспечиваем тебе самое необходимое. Ты можешь довольствоваться этим. Забирай свою почасовую оплату, и да благословит тебя Бог. Но ты можешь воспользоваться нами как доской для прыжков, чтобы взлететь в жизни как можно выше.

— Доской для прыжков в воду?

— Я, наверное, выбрал неправильное слово. Не такой уж я большой говорун. Но вы хотя бы знаете, в чем меня обвиняют?

— Детали мне неизвестны. В каких-то махинациях, связанных с нелегальными иммигрантами.

— Мне вменяется в вину, что я выдаю людям поддельные документы — лучше тех, которые они могли бы купить на улице. Они получают работу в компаниях, где нет профсоюзных ячеек, а потом организуют их.

— Это правда?

— Нет, — улыбнулся он. — Это всего лишь обвинения. А хотите знать, как власти заподозрили меня в этих преступлениях? Та юристка, Эмма Фельдман, работала на одного из своих клиентов и обнаружила, что большое число легальных иммигрантов являлись в одной из компаний членами профсоюза — их пропорция там была гораздо выше, чем в большинстве местных отделений по стране. А потом, исходя из этого, кто-то пустил слух, будто я торгую поддельными документами. Хотя все

«зеленые карты»[32] были абсолютно подлинными. Выпущенными правительством США.

Бринн задумалась. Он говорил убедительно. Хотя кто знает?

— Зачем это кому-то понадобилось? — спросила она.

— Чтобы нанести удар по профсоюзу. Это их единственный мотив — простой и ясный. Пошли сплетни, что я взяточник. Что местное отделение номер четыреста восемь покрывает террористов. Что я натащил иностранцев, которые отбирают рабочие места у наших сограждан… Хоп, и собрание голосует за выход из союза.

Он явно оседлал любимого конька.

— Позвольте объяснить, почему на меня пытаются повесить уголовное дело. Почему кое-кто заинтересован, чтобы Стэнли Манкевиц ушел со сцены. Потому что я не ненавижу иммигрантов. Потому что я на их стороне. По мне, так лучше нанять дюжину мексиканцев, китайцев или каких-нибудь болгар, приехавших в нашу страну — на законных, заметьте, основаниях — и готовых упорно трудиться, чем сотню родившихся здесь ленивых разгильдяев. И вот я попал меж двух огней. Работодатели считают меня врагом, поскольку я глава профсоюза. А рабочие, члены моего профсоюза, — потому что я помогаю тем, кто для них не амэриканец.

Он умышленно исказил это слово.

— Так возник заговор с целью меня скомпрометировать.

Бринн вздохнула. Она уже забыла и о супе, и о коле, в которой изначально не хватало пузырьков, и на вкус она была, должно быть, такой же скверной, как кофе, хотя и не пахла.

— А вы знаете, что это я спас вам жизнь семнадцатого апреля? — спросил Манкевиц, понизив голос.

Вот теперь он полностью завладел ее вниманием. Она нахмурилась. Старалась не выдать эмоций, но у нее не вышло.

— Я послал мистера Джейсонса на защиту моих интересов, — продолжал он. — Я-то знал, что не имею отношения к гибели Эммы Фельдман и ее мужа. Поэтому мне требовалось выяснить, кто убийца. От него тянется прямая нить к людям, пытающимся меня подставить.

— О, ради бога, не надо... — Она окинула его скептическим взглядом. Но при этом щеку пронзила боль, и пришлось придать лицу другое выражение.

Манкевиц оглянулся.

— Джеймс, можно тебя?

Джейсонс подсел к стойке бара, захватив свой дипломат.

— Это я был там, в лесу, неподалеку от скалы, где расположились вы, та молодая женщина и маленькая девочка, — сказал он. — У меня была винтовка «бушмастер». А вы отбивались от мужчин внизу камнями и бревнами.

Изумленная, она прошептала:

— Так это были вы?

Джейсонс не производил впечатление человека, способного даже поднять ружье.

— Это вы стреляли в нас?

— Я целился не в вас, а рядом с вами. Только для того, чтобы прекратить вашу битву. — Он отпил колы. — Перед этим я подъехал к дому у озера. Представился приятелем Стива Фельдмана. Потом последовал в лес за вашим мужем и тем другим помощником шерифа. Я никого не собирался убивать. Наоборот. Мне было приказано посодействовать, чтобы все остались живы. Выяснить, кто эти мужчины. Прекратить вашу схватку я сумел, но не смог догнать и допросить их.

— У нас есть основания полагать, — сказал Манкевиц, — что слухи о моих манипуляциях с нелегальными иммигрантами исходят от одного человека из компании «Великие озера. Контейнерные перевозки». Присутствующему здесь мистеру Джейсонсу удалось добыть некоторые документы...

— Что значит добыть?

— ...некоторые документы, свидетельствующие, что у президента этой компании возникли большие финансовые затруднения, и он сейчас пытается любыми способами избавиться от ячеек моего профсоюза на своих предприятиях, чтобы беспрепятственно сокращать людям зарплаты и социальные пакеты. Старший юрист «Великих озер» предоставил нам бумаги, доказывающие причастность президента к распространению слухов.

— Вы сообщили об этом прокуратуре штата?

— К моему большому сожалению, эти документы...

— Были украдены.

— Нет, но, скажем так, по федеральным правилам об уликах они не могут быть предъявлены в суде. Теперь, чтобы окончательно обрисовать ситуацию. Поскольку я никогда не продавал никаких нелегальных разрешений, никто не докажет, что я это делал. Все обвинения рано или поздно с меня снимут. Однако сплетни порой наносят не меньший вред, чем приговор суда. Именно на этом строится расчет президента «Великих озер» и некоторых других профсоюзных лидеров — ударить по моей репутации и уничтожить мое отделение союза. Посему я стремлюсь пресечь слухи, насколько это возможно. И сейчас для меня задача номер один — убедить вас, что я не убивал Эмму Фельдман.

— Еще в полицейской академии нас учили не верить на слово, если подозреваемый твердит о своей невиновности.

Манкевиц резко отодвинул от себя чашку с недопитым кофе.

— Помощник шерифа Маккензи. Мне все известно о том выстреле. Семь лет назад.

Бринн похолодела.

— О выстреле в вашего мужа. — Он посмотрел на Джейсонса.

— Кейта Маршалла, — подсказал тот.

— В официальном рапорте это было признано несчастным случаем при неосторожном обращении с оружием, — продолжал Манкевиц, — но все подозревали, что стреляли в него вы, потому что он снова пытался вас избить. Как и в тот раз, когда сломал вам челюсть. По счастью на нем был бронежилет. Он выжил и дал показания, подтверждавшие версию случайного выстрела.

— Послушайте...

— Но мне-то известна вся правда. В Кейта Маршалла стреляли не вы, а ваш сын, пытавшийся вас защитить.

— Нет, нет... — только и повторяла Бринн, у которой заметно тряслись руки.

Новый кивок в сторону Джейсонса. На стойку бара легла папка — старая, в мягкой обложке. Бринн посмотрела на нее. «Архив Совета по вопросам образования округа Кеноша».

— Что это? — испуганно спросила она.

Манкевиц постучал пальцем по имени в углу папки.

«Доктор Р. Джермейн».

Ей потребовалось всего мгновение, чтобы вспомнить. Этому психиатру поручили наблюдать Джоуи в третьем классе. У мальчика появились тогда проблемы в школе. Он проявлял излишнюю агрессию, отказывайся выполнять домашние задания, и его обязали посещать врача несколько раз в неделю. Закончилось все это еще более сильным потрясением для Джоуи, когда доктор скончался от обширного инфаркта в ночь после их очередной беседы.

— Откуда это у вас? — Не дожидаясь ответа, она открыла папку влажными от пота пальцами.

«О, мой бог...»

Они-то считали, что Джоуи, которому тогда было всего пять, либо забыл, либо сумел каким-то образом заблокировать свои воспоминания о том жутком вечере, когда его родители дрались, катаясь по полу в кухне. Мальчик с криком прибежал на шум. Кейт оттолкнул его и замахнулся, чтобы еще раз ударить Бринн кулаком по лицу.

Тогда Джоуи достал пистолет из кобуры на поясе Бринн и выстрелил в своего отца, угодив точно в середину груди.

Им пришлось приложить огромные усилия, чтобы замять дело, а Бринн взяла на себя всю ответственность за неосторожное обращение с пистолетом, на чем ее карьера в правоохранительных органах вполне могла оборваться. Многие считали, что она стреляла в Кейта намеренно — всем был известен его вздорный характер, — но никто и подумать не мог на Джоуи.

Однако, как явствовало из лежавших сейчас перед ней записей, Джоуи связно и в подробностях поведал доктору Джермейну о тех событиях. Бринн даже представить себе не могла, что мальчик запомнил все с такой ясностью. Теперь она поняла: единственное, что уберегло ее тогда от лишения родительских прав — а их с Кейтом, вероятно, еще и от уголовного дела по обвинению в создании угрозы жизни ребенку, —

была кончина Джермейна, после которой никем не прочитанный отчет затерялся среди других архивных бумаг.

— ФБР и полиция Милуоки уже почти наложили на этот документ свои лапы, — заметил Манкевиц.

— Что? Зачем?

— Они хотят, чтобы вас отстранили от дела. Их единственная и главная цель — прижать меня к ногтю. А ваша — разобраться в том, что на самом деле произошло у озера Мондак.

Его помощник пояснил:

— Они начали копаться в вашей жизни. Для них этот документ стал бы бесценным оружием. Они могли бы дискредитировать вас, возбудить дело и заодно привлечь к суду всех, кто помог вам тогда замести следы.

Ее подбородок дрожал сейчас сильнее, чем той ночью, когда она с таким трудом выбиралась из ледяной воды озера Мондак.

У нее отберут сына… Уволят с работы. Том Даль пойдет под суд за сокрытие улик. Кое-кто из полиции штата тоже попадет под следствие.

Манкевиц заглянул ей в подернутые слезами глаза.

— Эй, не надо так расстраиваться!

Она посмотрела на него. Он снова постучал по папке своим мясистым пальцем.

— Мистер Джейсонс заверил меня, что этот документ существует всего в одном экземпляре. Копий с него не снимали. Никто, кроме вас, Кейта и вашего сына не знает, что произошло тем вечером.

— Теперь и вы знаете, — пробормотала она.

— Но мне этот документ нужен лишь для того, чтобы отдать его вам.

— Что?!

— Пропустите его через шредер. Нет. Сделайте, как сделал бы я. Сначала пропустите через уничтожитель бумаг, а потом сожгите.

— И вы не…

— Помощник шерифа Маккензи. Я здесь не для того, чтобы вас шантажировать. И не собираюсь давить на вас, чтобы вы бросили свое расследование. Я отдаю это вам в качестве жеста доброй воли. Я невиновен. И не в моих интересах, чтобы вас отстранили от расследования. Я хочу, чтобы вы его продолжали до тех пор, пока не установите, кто на самом деле убил людей.

Бринн вцепилась в бумаги — казалось, они излучали радиацию — и сунула папку себе в рюкзак.

— Спасибо!

Подрагивающей рукой она поднесла ко рту стакан с колой, отпила несколько глотков и задумалась над тем, что услышала.

— Да, но кому еще была нужна смерть Эммы Фельдман? Кто мог иметь мотив для ее убийства? Вроде бы никто.

— А разве хоть кто-то искал его?

Это верно, признала она. С самого начала все считали, что за этим преступлением может стоять только Манкевиц.

Профсоюзный босс отвел взгляд. Плечи его поникли.

— Мы и сами пока ни к чему не пришли. Хотя Эмма занималась расследованиями и других дел, причем достаточно деликатных, чтобы кто-то еще мог пожелать устранить ее. Взять хотя бы дело о деньгах и недвижимости члена палаты представителей, который покончил с собой.

Бринн знала об этой истории. Политик попытался вычеркнуть жену и детей из своего завещания, оставив всю свою собственность двадцатидвухлетнему гомосексуалисту-проститутке. Репортеры раздули скандал, и пожилой мужчина наложил на себя руки.

— Кроме того, — продолжал профсоюзный босс, — она занималась одним случаем, который может представлять интерес.

Взгляд в сторону Джейсонса, служившего Манкевицу чем-то вроде короля информации и ее источников.

— Речь идет об ответственности производителя, — пояснил тот. — Они выпустили новый автомобиль с гибридным двигателем. И одного из водителей убило током. Его семья подала в суд на клиента Эммы Фельдман — компанию из Кеноши. Именно она занималась производством генераторов, деталей электроцепи или чего-то в этом

роде. Эмма много работала над этим делом, но потом все собранные досье пропали, и никто их больше не видел.

Опасный для жизни дефект машины? До судов подобных дел доходит немного. Строго говоря, их вообще, как правило, до суда не доводят, хотя здесь могли фигурировать крупные суммы ущерба. Быть может, Эмма обнаружила нечто, не предназначавшееся для чужих глаз?

Может быть…

А Кеноша уже фигурировала в расследовании Бринн… Ей нужно будет просмотреть записи, сделанные за последние дни. Кому-то туда надо было перезвонить. Кажется, человеку по фамилии Шеридан, интересовавшемуся кое-какими документами Эммы Фельдман.

— Но ни по одному из ее дел нам не удалось найти сколько-нибудь существенных зацепок, — продолжал Манкевиц. — Так что вам придется продолжать самой.

Он жестом потребовал счет, расплатился и кивнул на недоеденный Бринн суп.

— За это я не платил. Было бы неэтично с моей стороны, знаете ли. — И надел пальто.

Его сопровождающий продолжал сидеть, но выудил из кармана визитную карточку. На ней значились только имя и номер телефона. «Хоть имя-то подлинное?» — подумала она.

— Если я вам зачем-либо понадоблюсь, если смогу хоть как-то помочь, пожалуйста, звоните. Это всего лишь голосовая почта, но я немедленно свяжусь с вами.

Бринн кивнула.

— Спасибо вам еще раз, — сказала она, похлопав по своему рюкзаку.

— Подумайте над тем, что я вам сказал, — посоветовал ей Манкевиц. — Создается впечатление, что и вы, и ФБР, и все остальные ищете не в том месте.

— Или, — добавил субтильный человечек, потягивая колу, словно дорогое, выдержанное вино, — думаете не о том человеке.

Лента полицейского оцепления, окружавшая террасу перед входом, порвалась, и ее обрывки болтались на ветру, как тощие и длинные желтые пальцы.

Бринн не была у загородного дома Фельдманов на Лейк-Вью с той самой ночи, то есть уже почти три недели. Странно, но при свете дня дом выглядел более запущенным, чем во мраке. Стены были покрашены неровно, и краска местами облупилась. Углы казались слишком острыми. Жалюзи и шторы неприятно темного оттенка.

Она подошла к месту, где стояла тогда рядом со своей машиной, задыхаясь от страха, но с пистолетом наизготовку, и ждала, чтобы Харт поднялся из-за кустов, став мишенью для выстрела.

От этого воспоминания ее мысли легко перескочили к отчету школьного психолога, который вручил ей Манкевиц. Теперь он уже действительно был измельчен и сожжен в мангале на заднем дворе ее дома. В бумаге, составленной доктором, происшествие описывалось очень близко к тому, что случилось на самом деле.

Так совпало, что это тоже было в апреле. Она вспомнила, как испуганно смотрела на Кейта, который только что вернулся после долгого патрулирования и сидел в кухне, постепенно распаляя в себе злобу. Она и сейчас не знала, какая искра вызвала взрыв. Что-то, связанное с тем, как она тратила деньги. Быть может, в тот раз не туда сунула счета.

Словом, какой-то пустяк. Это всегда начиналось по самому ерундовому поводу.

Но ссора надвигалась с угрожающей быстротой, и глаза Кейта наливались сумасшедшим гневом, так пугавшим ее. Настоящее наваждение. Он говорил сначала тихо, потом в голосе появились истеричные нотки, перешедшие в крик. И Бринн сказала худшее, что могла произнести в подобный момент:

— Успокойся. Тоже мне — проблема.

— Не проблема?! Я целый день пахал как проклятый! А где была ты? Штрафы за неправильную парковку выписывала?

— Успокойся, — повторила она, хотя сердце уже заходилось в груди, а рука непроизвольно тянулась, чтобы прикрыть подбородок.

И тут его прорвало. Он вскочил на ноги, перевернув стол, разметав лежавшие на нем счета и бумаги по всей кухне, и набросился на нее с пивной бутылкой в руке. Она с силой оттолкнула его, но он успел

вцепиться ей в волосы и повалить за собой на пол. Они боролись, опрокидывая стулья. Он притянул ее ближе и уже поднимал сжатый кулак.

Она отчаянно кричала:

— Нет! Нет! Не надо!

Огромный кулак замер на месте и опустился, потому что в их схватку влез плачущий сын.

— Уйди отсюда, Джоуи! — заорал Кейт, как всегда опьяневший не от спиртного, а от злобы. Он совершенно не владел собой, снова вздымая кулачище.

Ей хотелось только одного — увернуться, чтобы страшный удар опять не расколол ей челюсть. Одновременно ей приходилось думать о Джоуи, который оказался между ними и кричал вместе с матерью.

— Не смей делать больно маме!

А потом — бах!

Пуля угодила Кейту точно в грудь.

И снова кухня наполнилась криками ребенка. Пятилетний мальчик вытащил из кобуры матери служебный глок, но сделал это только для того, чтобы напугать отца. Однако у пистолета не было предохранителя, и выстрел могло вызвать самое легкое прикосновение к спусковому крючку.

Оружие со стуком упало на пол, а мать, отец и сын застыли, словно пораженные громом.

Дрожа всем телом, Кейт отполз в сторону, поднялся на колени, и его вырвало. Потом он потерял сознание. Бринн, охнув, поспешила ему на помощь, разорвала рубашку и увидела, как сплющенный диск из меди и свинца отвалился от кевларового бронежилета.

А потом «скорая помощь», протоколы, переговоры, уговоры...

И, конечно, невыразимое словами потрясение от случившегося.

Но все же Манкевиц и его хлипкий приятель не ведали о самом скверном. О чем она сожалела каждую минуту своего существования.

После того вечера их жизнь наладилась. До такой степени, что лучше и быть не могло.

Кейт нашел хорошего психоаналитика, прошел курс управления гневом и программу «12 ступеней». Вместе они ходили на сеансы семейной терапии. С Джоуи тоже занимался специалист.

И ни разу с тех пор они не обменялись ни единым грубым словом, ни единым прикосновением, продиктованным чем-то иным, нежели взаимной привязанностью и любовью. Они превратились в нормальную супружескую пару. Исправно посещали школьные праздники Джоуи и церковь. Анна и ее муж, отдалившиеся от них из-за Кейта, постепенно возобновили общение.

Не было больше ни вспышек злости, ни намека на скандал. Он стал образцовым мужем…

А девять месяцев спустя она попросила дать ей развод, на что он скрепя сердце согласился.

Почему она это сделала?

Часами, порой целыми днями, размышляла она об этом. Была ли это запоздалая реакция на ужас того вечера? Накопившаяся антипатия к этому человеку и смене его настроений? Или же она просто не запрограммирована на спокойную и размеренную жизнь?

«Я бы не променял свою нынешнюю жизнь ни на что другое. Взгляните на остальной мир — это же ходячие мертвецы. Они же просто трупы, Бринн. Сидят, бубнят, сердятся на что-то, показанное по ящику, хотя лично к ним оно не имеет ни малейшего отношения…»

Она мысленно вернулась к тому вечеру, когда они с Грэмом пришли из больницы, куда положили раненую Анну. И к тому, что он тогда ей сказал.

«О, Грэм, ты был прав. Во всем прав. Но у меня действительно есть долг перед сыном. Я задолжала ему очень много. Это ведь я поставила его перед необходимостью схватиться за оружие, чтобы спасти маму, хотя должна была вместе с ним уйти из того дома несколькими годами раньше.

А потом все-таки ушла, когда жизнь, казалось бы, наладилась. Забрала его у отца, горы своротившего, чтобы измениться к лучшему.

Разве могу я после всего этого не баловать своего мальчика, не защищать его? И надеяться, что он меня простит».

Снова мимолетно прикоснувшись к подбородку, Бринн поднялась по ступенькам дома Фельдманов. Официальное расследование в нем уже считалось завершенным, но двери были на замке, установленном полицией. Она набрала шифр к навешенному следователями металлическому ящику, достала ключ и вошла внутрь. Дом пропах сладковатой чистящей жидкостью и давно прогоревшими в камине дровами.

Бринн осмотрела следы от пуль и дроби, оставленные оружием Харта, Льюиса, Мишель и ее собственным пистолетом. Полы в кухне отскребли до полнейшей чистоты — ни пятнышка крови. Специальные компании зарабатывали на этом — подчищали места преступлений и несчастных случаев с летальным исходом. Бринн считала, что на этом можно было бы построить сюжет хорошего детектива: убийца работает в одной из таких компаний и так тщательно вычищает следы своих преступлений, что полиция не в состоянии найти ни малейшей улики против него.

В кухне она заметила несколько потрепанных поваренных книг — некоторые из которых были и у нее дома. Она взяла старый экземпляр «Готовим с удовольствием» и открыла на странице, заложенной красной закладкой. Фрикасе из курицы. Бринн рассмеялась. Сколько раз она готовила это блюдо. В углу страницы карандашом были сделаны пометки — «два часа» и «можно заменить вермутом».

Бринн вернула книгу на полку.

«Как сложится теперь судьба этого дома?» — подумала она.

Скорее всего, ему суждено много лет простоять пустым. И кому вообще нужен загородный дом в таком месте? Громадный, из грубой древесины, ни магазина, ни ресторана поблизости. И это озеро — такое темное и холодное. Словно старая дырка от пули.

Но Бринн пресекла эти размышления, оттолкнула от себя, как они с Мишель оттолкнули от берега каноэ, чтобы его унес черный поток, а сами поспешили уйти другой дорогой.

Бросив последний взгляд на то место, где лежали тела, — и где она сама вполне могла встретить свою смерть, — Бринн вернулась в гостиную.

— Нам пора ехать.

— Я готов! — Джоуи скатился по лестнице в костюме покорителя Дикого Запада, сшитом для него Анной. Надо отдать ей должное — эта женщина

умеет управляться со швейной машинкой «Зингер», отметила Бринн. И всегда умела. С таким талантом надо родиться.

Последние несколько дней Бринн провела в Милуоки и Кеноше, отрабатывая с переменным успехом различные версии. Но не забыла вернуться домой к спектаклю, в котором участвовал Джоуи.

— Ты в порядке, мама? — окликнула она Анну.

— В полнейшем, — отозвалась та из гостиной. — Прости, Джоуи, что не смогу сегодня поехать с вами. Но на празднике по случаю окончания учебного года буду непременно. К тому времени я уже полностью оправлюсь. Кстати, что у тебя за роль?

— Я — разведчик на границе. Перевожу переселенцев через горы.

— Это случайно не про группу Доннера?[33] — спросила Анна.

— А это о чем? — спросил Джоуи. — Что-то про демократов?

— В каком-то смысле да.

— Мама! — вынуждена была прикрикнуть Бринн.

С трудом добравшись до прихожей, Анна попросила внука:

— Повернись-ка кругом… Нет, вы только посмотрите на него! Вылитый Алан Лэдд.

— Кто-кто?

— Был такой известный актер.

— Как Джонни Депп? — спросил мальчик.

— Боже упаси!

Джоуи нахмурился.

— Я только не хочу, чтобы мне накладывали весь этот грим. Он такой сальный.

— Но на сцене без него не обойтись, — объяснила Бринн. — В нем тебя будет лучше видно. И к тому же он так тебе идет.

Джоуи преувеличенно недовольно вздохнул.

— Дорогая, я думаю, Грэм тоже хотел бы поехать с вами, — сказала Анна.

— Да, — вмешался Джоуи. — Мам, разве он не может?

— Я даже не знаю, — неуверенно произнесла Бринн, сердясь на мать, которая — хитрый тактик — намеренно подняла эту тему в присутствии Джоуи.

Анна выдержала ее укоризненный взгляд и выдала одну из своих фирменных улыбок.

— Да ладно, позвони ему. Кому это повредит?

Но Бринн не знала ответа на этот вопрос и потому не хотела приглашать его.

— Ему понравится наш спектакль. Правда, мама. Позвони.

— Но в таких случаях принято предупреждать заранее.

— Тогда он просто скажет, что у него другие планы, спасибо за приглашение. Или же примет его.

Бринн снова посмотрела на мать. С тех пор как они расстались с Грэмом, Анна всячески поддерживала ее, но свое мнение об их разрыве держала при себе. Бринн казалось, что она заняла типичную для себя нейтральную позицию. Но при виде этой ласковой улыбки — так улыбаются милые старушки в телевизионных рекламных роликах «Ассоциации прогрессивных пенсионеров» — у нее зародилось подозрение, что за всем этим скрывается тщательно продуманный план вмешательства в личную жизнь дочери.

— Я бы предпочла не звонить, — твердо сказала Бринн.

— Мам! — Сына явно сердила ее несговорчивость.

Анна взглянула на внука, но промолчала.

— Не понимаю, почему он от нас уехал. Да еще и живет на Хендрикс-Хиллз, — пробормотал Джоуи.

— Откуда ты знаешь его новый адрес? — Ей было известно, что Грэм перебрался на новую съемную квартиру только вчера.

— Он сам мне сказал.

— Ты разговаривал с ним?

— Да, он мне позвонил.

— Почему мне об этом ничего не известно?

— Потому что звонил он мне, — с вызовом ответил мальчик. — Просто так, поболтать.

И как, скажите, на это реагировать?

— И он ничего не передавал?

— Не-а. — Джоуи оправил на себе костюм. — Зачем он переехал?

— Это хороший район.

— Я имею виду, зачем он вообще уехал от нас?

— Я же тебе объясняла. Мы разошлись во взглядах на жизнь.

Джоуи явно не понимал, что сие означает, как не понимала и сама Бринн.

— Так он может приехать на спектакль?

— Нет, дорогой, — улыбнулась она. — Не сегодня. Быть может, в другой раз.

Мальчик подошел к окну и выглянул наружу. Он был явно разочарован.

— В чем дело? — нахмурилась Бринн.

— Я подумал, что, может, он здесь.

— С чего бы?

— Знаешь, он иногда приезжает.

— Приезжает? Чтобы повидаться с тобой?

— Нет. Просто посидит немного в машине, а потом уезжает. Я и у школы его видел. На парковке после занятий.

Стараясь не выдать голосом своей озабоченности, Бринн спросила:

— Ты уверен, что это Грэм?

— Мне так показалось. Я не мог разглядеть хорошенько. На нем были темные очки. Но это наверняка он. Кто же еще?

Он смотрел на мать, явно удивленную этими новостями.

— Но ведь это мог быть и не он.

Джоуи пожал плечами.

— У него темные волосы. И он большой, как Грэм.

— На какой машине он приезжал?

— Точно не знаю. Вроде бы на синей. С виду довольно новая. Похожа на спортивную модель. Темно-синяя. Я не особенно ее разглядывал. Когда он мне звонил, сказал, что его пикап так и не нашли и ему пришлось купить другую машину. Я и подумал, что это она. Что-то не так, мам?

— Нет, все в порядке, — улыбнулась Бринн.

— Тогда давай. Позвони ему.

— Не сегодня, милый. Я позвоню как-нибудь потом.

Бринн внимательно оглядела пустую улицу. Потом повернулась, еще раз улыбнувшись — на этот раз немного натянуто, как ее мать, — и обратилась к Анне:

— Слушай, мама, ты сегодня выглядишь намного лучше. Может, выберешься с нами на спектакль, а?

Анна хотела поворчать — она давно ждала, чтобы Бринн пригласила ее, — но передумала и просто согласилась.

— С удовольствием.

— А потом закатим ужин в «Ти Джи Ай Фрайдис», — продолжила Бринн. — Я помогу тебе одеться. Вернусь через минуту.

Она подошла к входной двери, заперла ее и поднялась наверх.

Достала из сейфа кобуру с глоком и подвесила ее сзади к ремню своей юбки, а сверху надела жакет.

Глядя из окна на по-прежнему пустой участок дороги перед домом, она позвонила Тому Далю.

— Нужна твоя помощь. И срочно.

— Можешь на меня рассчитывать. С тобой все в порядке?

— Не уверена.

— В чем дело?

— В Грэме. Мне нужно знать, какие автомобили зарегистрированы на его имя. Все. Даже принадлежащие его компании.

— Он создает тебе какие-то проблемы?

— Нет-нет. На самом деле меня волнует не он.

— Подожди минутку. Я зайду в базу данных транспортных средств.

Не прошло и шестидесяти секунд, как она снова услышала спокойный голос шерифа:

— За компанией «Роллинг Хилл ландшафтинг» числятся три двенадцатиметровых грузовика с безбортовой платформой, два пикапа «Ф150» и один «Ф250». Сам Грэм сейчас ездит на «форде-таурусе», который арендовал через свою страховую компанию — компенсация за угнанный той женщиной пикап, насколько я понимаю.

— Какого цвета «таурус»? Темно-синего?

— Белого.

— О’кей...

Она снова вспомнила ту ночь.

«Ты должна была... Ты должна была меня убить».

— Том, мне нужно, чтобы за моим домом опять присматривали.

— Что происходит, Бринн?

— Кто-то за нами наблюдал, сидя в машине. Явно изучал обстановку. Джоуи его заметил. Ты знаешь этих мальчишек. Быть может, просто фантазии. Но мне не хотелось бы допустить ни малейшего риска.

— Разумеется, мы все сделаем, Бринн. Все необходимое.

В четверг седьмого мая Бринн сидела в своей кабинке рабочего зала с чашкой горячего шоколада. Действительно горячего. В последнее время она подсела на него, хотя в виде компенсации ей пришлось отказаться от любимых соленых крекеров и бутербродов с сыром бри. Теперь она выпивала не менее трех чашек какао в день. Не потому ли, что так

продрогла в ту ночь? Вероятно, нет. Просто фирма «Суисс Мисс» производила действительно вкусный напиток.

Ей вспомнилось, что именно горячий шоколад они пили в «Гумбольдт лайнер», когда подходило к концу их первое с Грэмом свидание. Он обжигал им губы в начале разговора, а к концу его уже совершенно остыл.

Сейчас она просматривала свои записи — сотни мыслей, подчеркнутых фраз, конспектов бесед, которые состоялись у нее после встречи со Стэнли Манкевицем. Никогда в жизни не работала она так много.

«...Думаете не о том человеке...»

Зазвонил ее городской телефон. Она быстро сделала последний глоток и отставила чашку в сторону.

— Помощник шерифа Маккензи слушает.

— Алло? — произнесли в трубке с латиноамериканским акцентом и с той настороженной интонацией, с какой большинство людей разговаривают с полицейскими. Звонившая представилась менеджером гостиницы «Харборсайд инн» в Милуоки.

— Чем могу вам помочь? — Услышав о Милуоки, Бринн резко подалась вперед и насторожилась. Потому что звонить оттуда могли, скорее всего, в связи с убийством Фельдманов.

Она угадала: звонок был именно по этому поводу и по мере разговора становился для Бринн все более любопытным.

Управляющая отелем сказала, что видела по телевизору фоторобот человека по фамилии Харт или, возможно, Хартман, которого разыскивали в связи с убийствами у озера Мондак. Похожий на это описание мужчина заселился в ее гостиницу шестнадцатого апреля. Менеджер позвонила в местный полицейский участок, где ей посоветовали обратиться в управление шерифа округа Кеноша.

Звали гостя Уильям Хардинг.

Хардинг... Харт...

— Скажите, а он действительно убийца? — испуганно спросила женщина.

— У нас есть основания так считать... Какой он дал домашний адрес, когда регистрировался у вас? — Она щелкнула пальцами в сторону Тодда Джексона, который мгновенно явился к ней в кабинку.

Женщина продиктовала адрес в Миннеаполисе, Бринн медленно повторила его и шепнула коллеге:

— Проверь, и побыстрее.

На вопрос о телефонных звонках или посетителях женщина ответила, что сам Хардинг никому не звонил, но гости к нему приходили — он пил кофе с худощавым, по-армейски стриженным мужчиной, который, по словам менеджера, вел себя грубо, и красивой молодой особой лет двадцати с короткими рыжими волосами. Последняя немного напоминала второй фоторобот, показанный в новостях.

Все интереснее и интереснее...

Потом женщина добавила:

— Дело в том, что он до сих пор не выписался.

— То есть все еще живет у вас? — уточнила Бринн.

— Нет, госпожа следователь. Он заплатил за три дня вперед, семнадцатого числа после обеда куда-то уехал и больше не возвращался. Я пыталась звонить, но в справочной мне сказали, что по указанному адресу такой человек не значится ни в Миннеаполисе, ни в Сент-Поле.

Поэтому Бринн не удивилась, когда Джексон положил перед ней записку:

«Адрес фальшивый. Платная автостоянка. Имя не проходит ни по одной из полицейских баз данных».

Она кивнула ему и шепотом попросила:

— Передай Тому, что у нас появилось кое-что важное.

Джексон исчез, а Бринн принялась перелистывать свои записи.

— Нет ли у вас номера его кредитной карты? — спросила она менеджера отеля.

— Он платил наличными. Но я звоню, потому что он оставил в номере свой чемодан. Если он вам нужен, можете забрать его.

— Неужели? Тогда я скоро дам вам знать. Мне бы очень хотелось просмотреть содержимое. Я только внесу коррективы в свои планы и тут же перезвоню.

Когда разговор закончился, Бринн откинулась на спинку кресла.

— Ты в порядке? — Том Даль зашел к ней в кабинку и с опаской заглянул в глаза, как она подозревала, излучавшие сейчас странное сияние.

— Более чем в порядке. У нас появился отчетливый след.

Мишель Алисон Кеплер — теперь жгучая брюнетка со следами обильных коллагеновых инъекций на лице — сидела в спальне своего роскошного особняка в фешенебельном районе Милуоки и красила ногти темно-сливовым лаком — такой же был у нее той жуткой апрельской ночью.

Размышляла она о простой истине, усвоенной уже давно: люди слышат только то, что хотят услышать, видят, что хотят увидеть, и верят тоже лишь в желаемое. Но для того, чтобы использовать эти слабости, необходимы острый ум, умение распознать их мечты и ожидания, а потом тонко, по крупицам скормить информацию, пока они не сочтут себя удовлетворенными. Нелегкое дело. Но для таких, как Мишель, это наиважнейший навык, способ выжить.

Она думала об этом, вспоминая свою подругу по несчастью той ночью — помощника шерифа Бринн Маккензи.

«Вы их знакомая?.. Из Чикаго?.. Я слышала, что вы и Эмма когда-то работали вместе... Вы тоже юрист?»

Боже, насколько же ты простодушна, Бринн!

Там, в доме Фельдманов, Мишель попала в тяжелое положение. Хозяева мертвы. Необходимое ей досье найдено и уничтожено, а значит, Харт и Льюис больше не нужны. Однако Харт неожиданно проявил кошачью реакцию... И ночь превратилась в сплошной ад.

Бегство в лес...

Затем встреча с помощником шерифа Бринн Маккензи. Инстинктивно Мишель выбрала роль, хорошо понятную провинциалке: богатенькая, избалованная девушка, не вызывающая поначалу особых симпатий, но с толикой сомнений в себе, брошенная мужем как раз за то, что стала именно такой, какой он хотел ее видеть.

Поначалу подобная особа будет раздражать Бринн, но постепенно вызовет сочувствие, какое все мы обычно начинаем испытывать к людям, оказавшимся с нами в чрезвычайных ситуациях. Никто не любит

слабаков, но только до тех пор, пока мы не начинаем узнавать в них собственные черты.

Кроме того, эта роль отвлекла Бринн от мыслей, что Мишель не слишком похожа на типичную подругу семьи, горько оплакивающую смерть друзей — которых сама же и прикончила.

«Я ведь не лгала тебе, Бринн, называя себя актрисой. Только свои роли я играю не на сцене и не перед камерами».

Но теперь, три недели спустя, положение менялось к лучшему. И как раз вовремя. Она, разумеется, заслужила отдых. А после неслыханного и несправедливого дерьма, через которое ей пришлось пройти семнадцатого апреля и позже, заслужила еще и немного удачи.

Вставив ватные прокладки между пальцами левой ноги, она продолжила работу над ноготками.

Да, Бог или Судьба повернулись теперь к ней лицом. Ей удалось наконец узнать подлинное имя и адрес Харта, как выяснилось, постоянно жившего в Чикаго. Но в последнее время бывал он там редко, чаще гостя в Висконсине, что тревожило, но, конечно же, не удивляло. Он разыскивал ее с таким же упорством.

Вел он охоту и на некоторых других людей, и, по крайней мере, с одним из них, по всей видимости, уже расправился. На ее звонки и текстовые сообщения перестал отвечать Фредди Ланкастер. Гордон Поттс тоже наверняка являлся целью Харта, но спрятался подальше — в О-Клэр.

Мишель вела себя крайне осторожно, но панике не поддавалась. Она оборвала почти все нити, связывавшие ее с событиями семнадцатого апреля. Харту было известно ее настоящее имя — он порылся той ночью в сумочке, — но найти Мишель Кеплер не так-то просто. Об этом она хорошенько позаботилась.

Еще будучи подростком, Мишель ловко проникала в жизни других людей, принуждая их брать на себя все заботы о ней. Она добивалась этого, играя на своей беспомощности, потерянности, своей сексуальности (последнее в основном с мужчинами, но если приходилось, то и с женщинами тоже). Сейчас она жила с Сэмом Ролфом — богатым бизнесменом из Милуоки (никто не видел, не слышал и не верил в желаемое больше и лучше Сэма). Ее водительские права были зарегистрированы по давнишнему адресу, а корреспонденцию она получала через личный почтовый ящик, который первым делом сменила уже восемнадцатого апреля с указанием никуда письма не пересылать.

Доказательств же, способных уличить ее в совершении убийств у озера Мондак, было немного. Из угнанного пикапа бедняги Грэма она забрала все, на чем могли остаться отпечатки ее пальцев: карту местности, которую она дала Харту, и свою сумочку. А переобуваясь в ботинки несчастной покойной «подруги», успела протереть полусапожки от Феррагамо жидкостью для чистки стекол. (Итальянская кожа за тысячу семьсот долларов псу под хвост, Бринн. Боже, как я тебя ненавижу!)

Нет, теперь улики с озера Мондак угрозы не представляли. Но оставалась еще одна опасность, от которой следовало избавиться.

И это будет сделано сегодня.

Мишель высушила лак на ногтях ног феном и осталась довольна результатом, хотя ее раздражало, что она не сходила в салон красоты — с Хартом где-то поблизости приходилось выбираться из дома как можно реже.

Она вышла из богато обставленной спальни в гостиную, где на мягком диване сидел Ролф с ее пятилетней дочерью Тори и сыном Брэдфордом семи лет — неулыбчивым мальчиком с такой симпатичной белобрысой шевелюрой, что его так и хотелось потрепать по голове. Мишель смотрела на своих детей, и сердце ее переполнялось горячей материнской любовью.

У Ролфа было приятное лицо и губы, не вызывающие отвращения. Но не был он избавлен и от недостатков: не помешало бы сбросить фунтов тридцать-сорок, а от волос пахло сиренью, что она находила вульгарным. И еще она терпеть не могла его татуировку. Вообще-то Мишель ничего не имела против наколок, но у него это была звезда над причинным местом. Крупная звезда. Нижние лучи поросли лобковыми волосами, а верхнюю часть, когда он сидел, скрывали складки живота.

Какая гадость...

Но Мишель никогда не жаловалась, если жалобы не соответствовали намеченному ею сценарию. Ролфу приносила хороший доход принадлежавшая ему компания грузовых перевозок, и она готова была достаточно часто дарить ему свое скульптурное тело в обмен... В обмен практически на все, что душа пожелает.

Мишель умела безошибочно находить в этом мире сэмов ролфов — мужчин, которые слушали, смотрели и всему верили. Если Создатель наделил тебя неизбывной ленью, не слишком хорошими мозгами, чтобы учиться или освоить стоящую профессию, вкусом к сладкой жизни и в придачу красивым лицом и еще более совершенным телом, тебе, черт

возьми, остается только распознавать богатых мужчин, подобно тому, как змея чует перепуганную мышь.

Само собой, следовало проявлять и осторожность. Всегда.

Сейчас, глядя, как ее сын и Ролф хохочут над забавными репликами комика-судьи в телевизионном шоу — а выглядели они словно настоящие отец с сыном, — Мишель ощутила бешеную ревность. На мгновение ею овладело желание сказать Ролфу, что отныне ему придется трахать самого себя, и, взяв детей, навсегда уйти из этого дома.

Но Мишель сдержалась. Как бы зла она ни была, порой распаляясь во гневе докрасна, ей почти всегда удавалось контролировать свои эмоции. Вопрос выживания. Успокоившись, она тоже улыбнулась, мстительно подумав при этом: «Никаких минетов сегодня вечером, дорогуша!»

Ей вдруг стало интересно, разговаривает ли Ролф с детьми о ней. Похоже, что разговаривает. Что ж, позже она допросит об этом сына.

— Что-то не так? — спросил он.

— Все отлично. — Она потеснила сына на диване, а потом и вовсе отправила его в кухню за содовой водой.

Посмотрела Брэду вслед, и ревность в одно мгновение вновь обернулась всепоглощающей любовью.

Не способная родить ребенка, хотя такие попытки предпринимала с шестнадцати лет, Мишель Кеплер завела дружбу с матерью-одиночкой из трущоб Милуоки, для чего даже записалась добровольцем в некоммерческую организацию, помогавшую обездоленным.

ВИЧ-инфицированная в результате беспорядочных половых связей, употребления наркотиков, а может, того и другого вместе, Бланш часто болела, предоставляя сына и дочь заботам Мишель. Несмотря на целый набор таблеток, замедлявших развитие СПИДа, несчастная женщина угасала, и единственным утешением для нее служило юридически оформленное обязательство Мишель взять детишек под свою опеку в случае смерти их матери.

Документ был подписан вовремя, поскольку болезнь прогрессировала быстрее, чем предполагали врачи.

После чего Мишель спустила в унитаз шестимесячную дозу прописанных Бланш средств против СПИДа, которые заменила другими пилюлями и детскими витаминами (их она добросовестно давала и ее детишкам).

И вот теперь дети стали ее собственными. Мишель любила их всем своим существом. Они, в свою очередь, беспрекословно слушались, обожали свою новую мать и, по выражению психоаналитика, к которому Мишель направил суд несколько лет назад, придавали хоть какой-то смысл ее в остальном совершенно пустому существованию. Но к черту мозгоправов! Мишель знала, чего хотела. Знала всегда.

Кстати, одним из трагических для нее последствий той апрельской ночи стало неожиданное появление мужа Бринн с пистолетом — из-за чего она лишилась Эми, еще одного ребенка, которого привела бы к себе в семью. Застрелив Бринн и Харта (Льюиса тоже, если бы с ним не разобрался Харт), она собиралась ускользнуть вместе с новой дочуркой.

Но не сложилось.

И это был дополнительный пункт в списке ее обвинений против Бринн Маккензи. Сейчас Мишель смотрела на Тори, показывавшую Ролфу свой рисунок. «Эта жирная свинья не твой отец, — злилась Мишель. — И не вздумай вбить себе в голову, что он твой папочка».

В этот момент зазвонил ее мобильный. Она взглянула на определившийся номер и сказала Ролфу:

— Это личный звонок. Мне нужно ответить.

Он равнодушно кивнул, похвалил рисунок девочки и снова уставился в экран телевизора.

Появился Брэд и протянул ей стакан содовой.

— Разве ты не видишь, что я разговариваю по телефону? — прошипела Мишель и закрылась в спальне. Потом с латиноамериканским акцентом сказала в трубку:

— «Харборсайд инн». Слушаю вас.

— Добрый день еще раз. Это помощник шерифа Маккензи из округа Кеноша. Вы мне звонили полчаса назад.

— А, конечно, госпожа. По поводу того гостя. С чемоданом.

— Да. Я проверила свое расписание. Могла бы приехать в Милуоки часам к пяти.

— Дайте подумать… Лучше в половине шестого. В пять у нас собрание работников гостиницы. — Мишель наслаждалась своей игрой.

«На самом деле я актриса...»

— Не проблема, подъеду чуть позже.

Она продиктовала Бринн адрес.

— До встречи.

Отключив телефон, Мишель зажмурилась. Бог это или Судьба... Спасибо!

Она открыла стенной шкаф и достала запертый на ключ чемодан. Отомкнула замки и переложила свой компактный глок в сумочку фирмы «Коуч». Мишель немного постояла у окна, ощущая одновременно волнение и радостное предвкушение. Потом вернулась в спальню к Ролфу.

— Звонили из дома престарелых. Моей тетушке совсем плохо.

Она покачала головой.

— Господи, до чего же жалко бедную женщину. Больно даже себе представить, что ей приходится терпеть.

— Мне тоже очень жаль, дорогая, — сказал он, видя скорбь на ее лице.

Мишель ненавидела нежные обращения и поморщилась.

— Мне нужно ее проведать.

— Это как пить дать... — Он вдруг нахмурился. — Кем она, говоришь, тебе приходится?

Ледяной взгляд был ему ответом. В нем читалось: «Ты в чем-то меня подозреваешь? Или тебе плевать на мою родню? Так или иначе, ты не прав».

— Извини, — моментально сменил интонацию Ролф, верно поняв ее взгляд. — Хэдди, точно? Так ведь ее зовут? Слушай, давай я подвезу тебя.

— Не стоит, — улыбнулась она. — Я лучше возьму с собой Брэда. Так это будет больше по-семейному, понимаешь?

— Конечно. Ты считаешь, Брэду на пользу видеться с ней?

Она посмотрела на мальчика.

— Ты ведь хочешь навестить нашу тетушку, верно?

«Посмей только брякнуть, что никакой тетушки у нас нет!»

Не сводя с него глаз, взяла из маленькой ручки сына стакан с содовой и отхлебнула глоток.

Он кивнул.

— Я так и знала. Молодец!

Бринн Маккензи упаковала свой рюкзак и допила вторую за этот день чашку какао.

Снова подумала о Грэме и их первом свидании. А потом о последнем вечере вместе — это было в лесном клубе на тридцать втором шоссе. Танцевали тогда до полуночи. А через неделю она узнала, что он ей изменяет.

«Почему ты не спросила меня об этом?..»

И почему он сам не пригласил ее с собой на сеанс терапии?

— Привет, Би! — услышала она женский голос. — Не хочешь с нами в «Бенниган» после работы?

Это была Джейн Стайлз — еще одна из старших помощников шерифа.

— Я там встречаюсь с Реджи. Да, и еще будет тот симпатичный малый из фирмы «Стейт фарм». Я тебе о нем рассказывала.

— Я не разведена, Джейн, — прошептала Бринн.

Слова «пока еще» так и напрашивались, чтобы придать фразе законченность.

— Я просто сказала, что он симпатяга. В качестве информации. Я же не сводница какая-нибудь.

— Он торгует страховыми полисами.

— Страховка нужна каждому. Вполне достойная работа.

— Спасибо, но у меня есть кое-какие дела. Купи полис для меня.

— Очень смешно!

Думая о Харте, размышляя о «Харборсайд инн» в Милуоки, Бринн Маккензи шла по коридору, в котором бывала столько раз, что вообще перестала обращать на него внимание. А между тем по стенам его висели портреты помощников шерифов, погибших при исполнении. За последние восемьдесят четыре года всего четверо, хотя фото Эрика Мюнса повесить еще не успели. Округ не поскупился на дорогие рамы для фотографий. Первой жертвой стал человек с усами размером с велосипедный руль. Его застрелил один из преступников, участвовавших в ограблении почтового поезда в Нортфилде, штат Миннесота.

Кроме того, в коридоре имелась карта округа, очень подробная. Бринн остановилась и посмотрела на лазурное пятно озера Мондак. «Так хорошую или плохую идею я собираюсь осуществить?» — мысленно задалась она вопросом.

Потом рассмеялась. «К чему сомнения? Они не имеют никакого значения. Я ведь уже приняла решение».

Она достала из кармана ключ и вышла на улицу, под ясное послеполуденное солнце.

«— Скажите, а он действительно убийца?

— У нас есть основания так считать».

Ведя автомобиль через невзрачные районы Милуоки в сторону озера Мичиган, Мишель Кеплер инструктировала сына:

— Все, что тебе нужно сделать, это подойти к той тетеньке и сказать, что ты потерялся. Она припаркуется, а когда выберется из своей машины, ты приблизишься к ней и скажешь: «Я потерялся». Повтори.

— Я потерялся.

— Хорошо. Я покажу тебе ее издали. И при этом ты должен выглядеть вроде как испуганным. У тебя получится? Сумеешь изобразить испуг?

— Угу.

Мишель разозлилась:

— Не смей говорить, будто что-то умеешь, если не представляешь, о чем речь. Так ты знаешь, как выглядеть испуганным?

— Нет.

— Испуганным ты выглядишь, когда делаешь что-то неправильно, а я на тебе сержусь. Теперь понял?

Мальчик поспешно кивнул. Вот это он понимал хорошо.

— Отлично, — улыбнулась она.

Добравшись до центра Милуоки, Мишель проехала мимо «Харборсайд инн» и сделала круг по кварталу. Потом вернулась к отелю. Стоянка при нем оказалась полупустой. Было пять часов вечера. До приезда Бринн Маккензи оставалось еще минут тридцать.

— Нужно, чтобы это сработало.

— Что, мамочка?

— Тс-с-с!

Она сделала еще один круг и поставила машину у тротуара ярдах в десяти от стоянки.

— Эта тетенька подъедет и припаркуется вон там, видишь?.. Хорошо. Тогда мы оба — ты и я — одновременно выйдем из машины. Я обойду ее кругом с той стороны, сзади. А ты пойдешь прямо к тетеньке и постучишь в стекло, то, что к ней ближе. Скажешь, что потерялся. И что тебе страшно. Она тоже выйдет из машины. Что ты ей скажешь?

— Я потерялся.

— А еще?

— Мне страшно.

— И какое у тебя будет при этом лицо?

— Испуганное.

— Молодец! — Она поощрила его еще одной ослепительной улыбкой и потрепала по голове. — Потом мама приблизится к ней и... поговорит минутку. Затем мы с тобой побежим к своей машине и поедем домой, где нас ждет Сэм. Тебе нравится Сэм?

— Да. С ним весело.

— И ты любишь его больше, чем мамочку?

Его промедление с ответом показалось ей прикосновением раскаленного утюга к телу.

— Нет.

Она усилием воли подавила вспышку ревности. Время полной концентрации.

Мишель оглядела окрестности. Время от времени проезжали редкие машины, человек вышел из таверны напротив, какой-то местный старичок не спеша брел вдоль улицы. Но в остальном в квартале было на редкость пустынно.

— Так. Теперь веди себя тихо. И выключи радио.

Завибрировал мобильник. Она прочитала текстовое сообщение и помрачнела. На связь вышел приятель из Милуоки. Новости ее встревожили. Двадцать минут назад передали, что в О-Клэр погиб Гордон Поттс.

«Несчастн. случ.» — говорилось в сообщении.

Лицо Мишель окаменело. Какой, к чертям, несчастный случай! Харт сработал. Но для Мишель в этом имелась и положительная сторона. Страшновато все-таки выбираться на люди в Милуоки, зная, что где-то рядом рыскает Харт. Теперь ей, по крайней мере, известно, что в этот момент он далеко отсюда.

Бог или Судьба — кто-то все еще улыбался ей.

Потом почти минута в минуту она увидела патрульный автомобиль управления шерифа округа Кеноша, заруливающий на стоянку перед отелем «Харборсайд инн». Ладони сразу вспотели.

Бог или Судьба…

— О'кей, Брэд. — Мишель отщелкнула замки на дверцах и вышла из машины. Сын выбрался с противоположной стороны.

— Мамочка пройдет вон там, — прошептала она. — Потом я окажусь у этой женщины за спиной. Не смотри в мою сторону. Сделай вид, будто меня нет. Ты все понял?

Он кивнул.

— Не смотри на меня, когда я подойду к той машине. Повтори.

— Я не буду смотреть на тебя.

— Потому что если ты на меня посмотришь, та тетя схватит тебя и увезет в тюрьму. Она очень плохая. А я тебя люблю и не хочу, чтобы это с тобой случилось. Ты же знаешь, как я переживаю за тебя и твою сестру?

— Да.

Она обняла его.

— А теперь иди и скажи ей, что я велела. И помни — ты испуган.

Мальчик пошел к патрульному автомобилю, а Мишель, пригнувшись, проскользнула за рядом припаркованных машин. Она достала глок из кармана кожаной куртки, совершенно новой, купленной Сэмом Ролфом взамен той, самой ее любимой, от Неймана Маркуса, вконец испорченной во время скитаний по лесам холодной апрельской ночью.

Направляясь в сторону дома Бринн Маккензи, шериф Том Даль размышлял о тех годах, что она проработала в его управлении.

Работа давалась ей нелегко, особенно если учесть, что она сама вызывалась на самое трудное — случаи, связанные с избиением детей и семейными конфликтами. Но еще тяжелее Бринн приходилось из-за ее отношений с коллегами по работе — другими помощниками шерифа. Она всегда стремилась быть лучшей. Школьница за первой партой, которая вечно тянет руку, потому что знает ответы на все вопросы. Таких нигде не любят.

Но ведь, черт возьми, она добивалась отличных результатов! Вспомнить только ту ночь у озера Мондак. У Даля не было другого помощника, проявившего бы такие же стоицизм и упорство, как она.

Вообще говоря, ни один другой помощник там вообще бы не выжил.

Даль привычно помассировал старую рану на ноге.

Он припарковался у одного из небольших домов по Кендалл-роуд. Жилище Бринн выглядело аккуратным и ухоженным. А стараниями Грэма лужайка и садик радовали глаза, выделяясь на фоне многих других дворов вдоль улицы.

Он выбрался из машины, выпрямился и потянулся. Какой-то сустав при этом хрустнул, но у него уже выработалась привычка не обращать внимания на подобные звуки и не копаться в их происхождении.

Привычно натянув поглубже свою шляпу, Даль открыл калитку и медленно пошел к дому по извилистой тропинке, обрамленной растениями, о существовании которых шериф прежде не подозревал.

У дверей он выдержал небольшую паузу и нажал на кнопку звонка. Послышался звон колокольчика, и дверь открылась.

— Добрый день, шериф!

На пороге стоял ее сын. Парень вытянулся, должно быть, дюймов на шесть со времени их последней встречи на рождественской вечеринке в управлении.

— Привет, Джоуи!

Позади мальчишки, опираясь на трость, через гостиную в сторону кухни двигалась Анна Маккензи.

— Здравствуйте, Анна!

Она приветливо кивнула в ответ.

А в кухне у плиты стояла Бринн, следя за горелкой, на которой в сковороде жарилась курица. А он-то всегда считал, что она не готовит. И даже не знает, как это делается. Но курица выглядела весьма аппетитно.

Она повернулась и вскинула на шерифа вопрошающий взгляд.

— Мы взяли ее, Бринн. Мы ее взяли.

Они сидели в гостиной — шериф и его помощник.

Анна приготовила им холодный чай.

— Это длилось намного дольше, чем мы предполагали. Я вся была как на иголках.

Но эта фраза не могла даже близко описать то состояние нервного возбуждения, в котором Бринн пребывала, ожидая новостей.

— Возникла проблема, — объяснил шериф. — Наши люди держали дом Ролфа под наблюдением. Но она появилась вместе с сыном. Потащила мальчика с собой в «Харборсайд инн».

— Что-что?

— Более того, послала его к машине в качестве подсадной утки, пока сама подбиралась сзади, чтобы убить тебя.

— О, господи!

— Поэтому тактическая группа ждала, когда Мишель и сын разъединятся. Она могла воспользоваться им как заложником. С парнем все в порядке. За ним и его сестрой сейчас присматривает служба охраны материнства и детства.

«Слава Всевышнему! — мысленно помолилась Бринн. — Спасибо Тебе!»

— Значит, она послала сына отвлечь меня, чтобы потом застрелить у него на глазах?

В это невозможно было поверить.

— План был действительно таким.

— А что это за новый сожитель?

— Ролф? Его как раз сейчас допрашивают, но, похоже, он ни о чем не подозревал. Если он и заслуживает наказания, то лишь за неумение разбираться в женщинах.

Зазвонил телефон Даля. Он посмотрел на определитель и сказал:

— Придется ответить. Это от мэра. Мы даем пресс-конференцию по поводу этого дела. Мне нужно будет кое-что предварительно записать.

Он поднялся, вышел на улицу и на негнущихся ногах побрел к своему автомобилю.

Бринн откинулась на спинку дивана, посмотрела в потолок и безмолвно поблагодарила Стэнли Манкевица и его субтильного помощника — Джеймса Джейсонса (она выяснила его подлинное имя) — за то, что навели ее на след Мишель Кеплер.

«Быть может, вы думаете не о том человеке».

После их встречи в ресторане, где подавали плохой кофе, Бринн пристально изучила все возможные мотивы для убийства Эммы Фельдман, в особенности упомянутые Манкевицем: случай с самоубийством политика и с компанией из Кеноши, производившей потенциально опасные автозапчасти. Было еще несколько дел, но ни одно из них не давало ключа к разгадке этой тайны.

Она еще не раз вспоминала фразу, оброненную Джейсонсом, и ей вдруг пришло в голову, что «не тот человек» могло быть сказано не о возможном убийце, а том, кого на самом деле собирались убить.

И как только Бринн допустила вероятность, что Мишель хотела устранить Стивена Фельдмана, а не Эмму, части головоломки стали складываться в отчетливую картину. Фельдман работал в управлении социального обеспечения Милуоки, и в его служебные обязанности входил разбор жалоб на жестокое обращение с детьми, а в крайних случаях — подача прошений о лишении родительских прав.

Вспомнив, как грубо молодая женщина заставила замолчать маленькую Эми той ночью в заповеднике Маркетт, Бринн допустила, что он мог заниматься делом Мишель и ее обращением с детьми.

Среди улик не нашлось документов, упоминавших кого-либо по имени Мишель, но Бринн вспомнила, что в доме у озера той ночью на полу валялись бумаги Эммы Фельдман, в то время как рюкзак Стивена оказался совершенно пуст. Существовала вероятность, что Мишель сожгла в камине именно его папки с делами, включая ту, где содержалась информация о ней самой.

Вернувшись в дом Фельдманов, Бринн собрала в камине остатки пепла. Под ее мощным напором лаборатория в Гарденере обработала материалы молниеносно быстро, и эксперты установили, что в очаге были сожжены папки, обложки которых идентичны тем, что выдавали для работы сотрудникам городских служб. Кроме того, в камине обнаружились почерневшие спирали от блокнотов, которые Фельдман использовал для стенограмм своих бесед со свидетелями.

После кропотливой работы, включавшей разговоры с коллегами и друзьями, изучение списков номеров телефонов, по которым звонил Стивен, Бринн выяснила, что соседи некоего бизнесмена по имени Сэмюэль Ролф жаловались на то, как обращается со своими малолетними отпрысками его новая подружка.

Звали женщину Мишель Кеплер.

Есть!

Полиция Милуоки установила за домом Ролфа круглосуточное наблюдение, однако еще до того, как у них появились основания для перехода к решительным действиям, Бринн позвонила «управляющая» гостиницы «Харборсайд инн». Звонок сразу показался ей подозрительным, и, едва закончив разговор, Бринн проверила номер

телефона, с которого звонили. Ни на кого не зарегистрированный и заранее оплаченный мобильный.

Теперь она не сомневалась, что под видом менеджера отеля ей звонила сама Мишель, чтобы выманить под свой выстрел.

Том Даль связался с управлением полиции Милуоки, и они создали совместную группу захвата, чтобы арестовать молодую женщину, как только она выйдет за порог элегантного особняка Ролфа.

Оставался один, но важный вопрос: должна ли Бринн лично участвовать в задержании?

Дебаты по сему поводу разгорелись жаркие — еще бы, она ничего не хотела больше этого! Но в конце концов отступила.

На рандеву к «Харборсайд инн» отправилась офицер полиции Милуоки в форме управления шерифа округа Кеноша и на их патрульной машине.

А Бринн Маккензи поехала домой.

Снова звонок в дверь — вернулся шериф, и, кажется, в еще более приподнятом настроении. Джоуи впустил его. Стоя на пороге гостиной. Даль улыбался во весь рот.

— Только представьте! К нам уже понаехали толпы репортеров! — рассмеялся он. — Фокс, Си-би-эс — и я говорю не об их местном корреспонденте. Даже Си-эн-эн. Первое, о чем они спросили мэра, — не было ли среди группы захвата какой-нибудь эффектной блондинки?

— Так их теперь учат в Атланте,[34] — усмехнулась Бринн.

— Мишель везут сейчас к нам в одиночную камеру. Ночь она проведет здесь. Я ведь понимаю — ты захочешь допросить ее лично.

— Естественно. Но не сегодня вечером. На сегодня у меня другие планы.

«Так хорошая это или плохая идея?.. К чему сомнения? Они ничего не значат. Я ведь уже приняла решение».

Она сделала все, чтобы поймать убийцу Фельдманов. Теперь настало время собрать осколки собственной жизни. По крайней мере, попытаться.

Бринн поднялась и проводила шерифа до выхода из дома. Уже за порогом он обернулся и спросил:

— Так что же за важное дело у тебя сегодня?

— Я приготовлю ужин для Анны и Джоуи. А потом мы сядем смотреть «Кумира Америки».[35]

Даль усмехнулся.

— Это будет повтор. Хочешь, скажу, кто победит?

— Спокойной ночи, Том! Встретимся завтра в управлении с утра пораньше.

В девять утра дождливой пятницы Мишель Алисон Кеплер сидела в комнате для допросов управления шерифа округа Кеноша. Изначально это помещение предназначалось под кладовку, но потом полки сняли, установили тяжелые столы, пластмассовые кресла и, конечно же, видеокамеры и магнитофоны фирмы «Сони» из городского гипермаркета. Один из помощников шерифа додумался до того, чтобы повесить на стену большое прямоугольное зеркало, из хозяйственного магазина, но только вящего эффекта ради. Более или менее опытный преступник сразу понимал, что зеркало не двустороннее. Но что делать — в округе Кеноша закон приходилось защищать, считая каждый цент.

Не взяв с собой пистолета и вооруженная только авторучкой и листами бумаги, Бринн уселась напротив Мишель. Она вновь оглядела молодую женщину, столь жестоко ее обманувшую. Но при этом осталась до странности невозмутимой. Хотя ее, конечно, уязвили предательство и ложь после того, как они стали сначала товарищами по несчастью, потом союзницами, а под конец — даже друзьями.

Но, разумеется, Кристен Бринн Маккензи оставалась прежде всего офицером правоохранительных органов. Она привыкла к тому, что ей постоянно лгали. Перед ней сейчас стояла определенная задача — следовало добыть нужную информацию, значит, пора браться за работу.

— Где мои дети? — немедленно потребовала ответа Мишель, казавшаяся абсолютно уверенной в себе.

— Они в хороших руках.

— Бринн, умоляю! Они нуждаются во мне. Без меня они просто с ума сойдут.

— Вы взяли своего сына в Милуоки, чтобы он помог убить меня? — Как ни старалась, Бринн не смогла скрыть искреннего изумления.

Лицо Мишель исказила оскорбленная гримаса.

— Нет! Ничего подобного. Я только хотела поговорить. Мне нужно было извиниться.

— Ему только семь. А вы взяли его с собой. Имея при себе пистолет.

— Это всего лишь для самообороны. Милуоки — опасный город. У меня было на него разрешение, но я его потеряла.

— Предположим… — Бринн кивнула, оставаясь невозмутимой.

— Могу я повидаться с Брэдом? Ему без меня очень плохо. Он может даже заболеть. Он унаследовал от меня пониженный сахар в крови.

— А разве он не усыновленный ребенок?

Мишель захлопала ресницами, но продолжала упорствовать:

— Я необходима ему.

— О нем позаботятся. С ним все хорошо… Итак, вы были арестованы по обвинению в убийстве, покушении на убийство и вооруженном нападении. Вам зачитали ваши права. Вы можете в любой момент прервать этот допрос и проконсультироваться со своим адвокатом. Вам понятен смысл моих слов?

— Да, — ответила Мишель, бросив взгляд на красный огонек видеокамеры.

— Вы желаете, чтобы здесь присутствовал ваш адвокат?

— Нет. Я буду говорить с тобой, Бринн, — рассмеялась она. — После всего, через что нам пришлось пройти… Мы же теперь как сестры, разве ты не чувствуешь этого? Я поделилась своими горестями, ты рассказала о семейных неурядицах.

Она посмотрела в камеру, изобразив сочувствие.

— Про своего сына, про мужа… Мы с тобой — родственные души. Это такая редкость, Бринн, правда.

— Значит, от помощи адвоката вы отказываетесь?

— Конечно. Это всего лишь недоразумение. Я все могу объяснить. — Ее голос звучал тихо и устало, словно бремя свалившейся на нее несправедливости было невыносимым.

— Хорошо. Тогда я объясню, с какой целью вы здесь находитесь, — начала Бринн. — Нам необходимо ваше признание, в котором вы расскажете правду о случившемся той ночью. Будет гораздо лучше и для вас самой, и для членов вашей семьи…

— Что такое? При чем здесь моя семья? — перебила Мишель. — Надеюсь, вы ни с кем из них не говорили? С моими родителями, например.

— Говорили.

— Вы не имели на это никакого права! — Но затем она взяла себя в руки и обиженно улыбнулась. — Ну зачем тебе это понадобилось? Они ненавидят меня. Что бы они обо мне ни сказали — это ложь. Это все их зависть. С самого начала я была предоставлена самой себе. И добилась успеха в жизни. А они остались неудачниками.

Бринн провела расследование и знала, что у этой молодой женщины в прошлом все было нормально и устойчиво, кроме собственного характера. Она выросла в семье среднего класса из Мэдисона, штат Висконсин. Ее родители по-прежнему там жили; матери исполнилось пятьдесят семь, отец — на десять лет старше. По их словам, они делали все, что было в их силах, но потом махнули рукой на эту, как выразилась мать, «мстительную маленькую дрянь». Отец не скрывал, что считает ее «опасной».

Супруги, которых обвинения, выдвинутые против их дочери, повергли в ужас, но не слишком удивили, рассказали, как Мишель делала карьеру, переходя от одного мужчины к другому — а в двух случаях использовав в этих целях женщин, — заставляя полностью содержать себя. Через некоторое время она начинала скандалить, превращая жизнь любовников или любовниц в ад своим необузданным и злобным нравом, так что те в конце концов испытывали лишь облегчение, когда она уходила. И начинала жить с новой, готовой для нее на все жертвой, имея следующую на примете. Дважды ее задерживали за нападение на людей — она затеяла драки с двумя мужчинами, осмелившимися ее бросить. Несколько мужчин подали жалобы на приставания с ее стороны, и против нее все еще действовали три постановления судов, запрещавшие ей приближаться к ним на пушечный выстрел.

Теперь же она заявила:

— Вы не можете принимать на веру слова моих родителей. В детстве я подвергалась с их стороны сексуальному насилию.

— Этому нет никаких документарных подтверждений.

— Еще бы! Откуда им взяться? Вы думаете, мой папаша признается в этом? Мой папочка и шеф местной полиции занимались этим вместе. Мне оставалось только сбежать оттуда. Я должна была защищаться. Мне пришлось тяжело, так тяжело! И никто не помог мне.

— Все стало бы намного легче, — продолжила Бринн, отметая слезливую ложь Мишель, — если бы вы начали нам помогать. Остались некоторые детали, которые мы хотели бы прояснить.

— Я не причинила бы тебе вреда, — заныла Мишель. — Просто хотела поговорить.

— Вы притворились менеджером гостиницы. Изменили голос, придав ему латиноамериканский акцент.

— Потому что иначе ты бы не приехала. Меня никто не понимает. Если бы я не притворялась другим человеком, меня бы арестовали, и я не сумела бы ничего объяснить. А ты можешь меня понять, Бринн. Это так важно!

— Вы были вооружены.

— Это из-за тех двоих мужчин в доме... Они пытались убить меня! Я была напугана. На меня нападали и прежде. Мой отец, двое моих любовников. Против них есть ограничительные постановления суда.

Она действительно подавала в суд на нескольких своих сожителей, обвиняя их в насилии, но ее жалобы отклонялись, поскольку каждый раз полиция устанавливала у обвиняемых железное алиби, а мотивом для исков служило желание Мишель наказать или отомстить.

— В действительности есть три таких постановления в отношении вас.

Она горько улыбнулась.

— Так уж действует наша судебная система. Они верят насильникам, но не их жертвам.

— Давайте перейдем к событиям вечера и ночи с семнадцатого на восемнадцатое апреля.

— О, здесь я все могу объяснить.

— Говорите.

— У меня была назначена встреча со Стивеном Фельдманом, социальным работником. Я подозревала, что один из учителей сексуально домогается Брэда.

— Допустим. Это где-то зафиксировано?

— Как раз об этом я и собиралась поговорить с мистером Фельдманом. После обеда я отпросилась с работы и поехала повидаться с ним. Но возникла проблема с автобусами, и к тому времени, когда я добралась до офиса, его там уже не было. Я понимала, насколько важно мое дело, и выяснила, что он отправился в загородный дом у озера Мондак. Он сам сказал, что готов поговорить со мной о проблеме Брэда в любое время. Даже дал мне адрес. И тогда я попросила одного своего знакомого — этого самого Харта, — чтобы он меня туда отвез. Здесь я и совершила свою роковую ошибку.

Она горестно понурила голову.

— Назовите его полное имя и фамилию.

— Я больше ничего не знаю. Его все звали просто Харт. Так вот. Он зачем-то потащил с собой приятеля, Комптона Льюиса. Отвратительный тип… Просто мерзкий. Следовало бы сразу сказать им «нет». Но мне действительно необходимо было повидать Стива. И мы отправились туда все вместе. После разговора со Стивеном мы сразу собирались уехать. Но уже по пути туда эти двое стали вести себя все более и более странно. Один говорит: «Зуб даю, в этих домишках есть чем поживиться». А другой: «Точно, в таких только богатенькие живут». А потом, когда они увидели «мерседес», я и охнуть не успела, как у них в руках появилось оружие, а я поняла, что оказалась по уши в дерьме. Они зашли в дом и открыли стрельбу. Я пыталась им помешать. Схватила тот пистолет…

— Изъятый у вас компактный глок был похищен с оружейной выставки, проходившей в семистах ярдах от дома, где вы жили с Сэмом Ролфом.

— Но это был их пистолет! — Мишель спрятала лицо в ладони — то ли действительно расплакалась, то ли притворялась.

— Хотите кофе? Или содовой?

«А может, печенья для поднятия содержания сахара в крови, крошками которого ты наводила Харта и его напарника на наш след?» Но Бринн по-прежнему сохраняла абсолютное спокойствие.

Мишель подняла голову. Глаза покраснели, но на лице ни слезинки. Это живо напомнило Бринн, как выглядела молодая женщина большую часть той апрельской ночи.

«Я актриса...»

Боже мой, и как я могла купиться на все это?

— Я была в полнейшем шоке, — продолжала Мишель. — Мне стало так плохо, что я с трудом дышала. Все случившееся оказалось моей виной. Ведь это я привезла туда этих людей. Не могу описать пережитые мною чувства... Я ударилась в панику. Конечно, мне пришлось немного соврать. А кто на моем месте поступил бы иначе? Я была настолько перепугана. А потом в лесу столкнулась с тобой. Естественно, у меня оставался пистолет. Но откуда мне было знать, кто ты такая? Может, одна из них. На тебе была форма, но вдруг вы так и задумали? Я совершенно не понимала, что происходит. Мною полностью завладел страх. Мне пришлось солгать. Я с детских лет только и делала, что боролась за выживание.

Но самое худшее я натворила у тебя дома — до сих пор не верю, что сделала это. Снова приступ паники. Безумный страх... Это был посттравматический стресс. Со мной такое случалось и раньше. Я подумала, что в твой дом проник Харт. Ты напугала меня. Пистолет выстрелил. Совершенно случайно! Как мне теперь жить с этим дальше?! Я ведь ранила твою маму, пусть и не нарочно.

Бринн скрестила под столом ноги и смотрела на омерзительную в своей красоте молодую женщину. Ее глаза теперь действительно затуманились слезами.

Представление, достойное «Оскара»...

— Улики и свидетели говорят нам, что все было несколько иначе, Мишель.

И она кратко рассказала, как удалось установить личность молодой женщины и выяснить детали ее плана. О данных баллистической экспертизы, о пепле в камине, о списке телефонных звонков Стивена Фельдмана, о жалобах на ее жестокое обращение с детьми.

— Я лично разговаривала с людьми из службы социального обеспечения, Мишель. Стивену Фельдману поручили разобраться с вашим случаем. А показания свидетелей, включая и упомянутого вами школьного учителя, говорят о том, что Брэд часто ходил в синяках. И ваша дочь Тори тоже.

— Боже мой! Ну да, с ними бывали несчастные случаи. Но стоит привести ребенка в травмпункт, как из тебя тут же пытаются сделать родителя-изверга… Я никогда не поднимала на них руку… А впрочем, все это дурацкая политкорректность! — неожиданно сменила она тон. — Все родители поколачивают своих детей. Разве тебе не случалось?

— Нет.

— А зря, — криво усмехнулась Мишель. — Может быть, тогда у тебя не было бы столько проблем с Джоуи — помнишь, ты мне рассказывала? А так ему все сходит с рук. Мой сын никогда не попадет под машину и не сломает себе шею на скейтборде… Детьми нужно управлять. Если не держать их в строгости, они перестают уважать тебя. А им необходимо почитать своих родителей.

Но Бринн только сказала:

— А теперь, Мишель, позвольте ознакомить вас с делом, которое мы передаем в суд.

Она бегло зачитала рапорты экспертов, показания свидетелей, заключения криминалистов. Улик было более чем достаточно.

— Но я ни в чем не виновата! — разрыдалась молодая женщина.

Бринн протянула руку и отключила видеокамеру.

Женщина настороженно посмотрела на нее и промокнула слезы платком.

— Мишель, — негромко обратилась к ней Бринн. — Вот какова ваша ситуация. Теперь вы знаете, на чем основываются выдвинутые против вас обвинения. И суд признает вас виновной. В этом нет ни малейших сомнений. Если вы не станете сотрудничать со следствием, вас посадят в одиночную камеру размером ярд на три. Пожизненно. Если же пойдете нам навстречу, вам удастся избежать тюрьмы строгого режима, и вы, вероятно, попадете в заключение с режимом средней строгости. И тогда у вас появится шанс выйти на свободу до того, как вы слишком состаритесь, чтобы ею насладиться.

— А я смогу сначала увидеться с детьми? Я соглашусь, если у меня будет такая возможность.

— Нет, — решительно отрезала Бринн. — Это не в их интересах.

На какое-то мгновение Мишель огорчилась, но затем оживленно спросила:

— Значит, хорошая камера? Я буду сидеть в удобной камере?

— Да.

— И для этого должна сознаться?

— Да, это совершенно необходимо, — ответила Бринн, а Мишель уже разглядывала видеокамеру, где только что горел красный глазок записи.

Бринн Маккензи сидела в столовой управления шерифа округа Кеноша напротив Тома Даля, который углубился в чтение расшифровки ее разговора с Мишель. Стульчики были маленькие, размером чуть больше тех, что стояли в школе Джоуи, и телеса Тома свисали с обеих сторон. Для Бринн стулья вполне годились — ее проблемой был намечавшийся животик, а не широкие ягодицы.

Бринн смотрела на свои перевернутые записи и распечатку допроса.

Даль захлопнул блокнот и поднял на нее довольный взгляд.

— Что ж, ты добилась от нее признания. Отличная работа. И сбережет нам немало времени на апелляциях. Ее отправят в Сэнфорд на средний режим?

— Но никаких отпусков. И свидания с детьми только в том случае, если работник социальной службы даст на это добро.

— И двадцать пять лет на всю катушку. Без условно-досрочного. — Даль взялся за свои макароны. — А ты есть не будешь?

— Нет.

— Что по поводу Харта? Она сказала о нем еще что-нибудь?

— Ни слова.

— Быть может, он просто уехал куда-то от греха подальше?

Она рассмеялась.

— Не думаю, что такой тип, как он, сбежит. На некоторое время подобные люди ложатся на дно, но не уносятся с планеты в космическом луче, как в «Звездных войнах».

— Это было в «Звездном пути». В старом сериале. Еще до твоего рождения.

— Но все равно жаль, что он не может испариться, — сказала Бринн. — Лучше бы ФБР, полиция Миннеаполиса или кто-то еще разыскал его. Для его же блага.

— С чего бы это?

— Очевидно, что на него сейчас будут охотиться не только полицейские. Он работал на многих людей, которым теперь хотелось бы от него избавиться. Заказные убийства, ограбления, рэкет. И вот пошли слухи, что его непременно возьмут за дела у озера Мондак, и они заволновались, что он заговорит. Да и семья Комптона Льюиса не слишком довольна тем, как он поступил с их родственником.

Даль смотрел на ее записи. А Бринн разглядывала по-детски гладкую кожу шерифа. «Его лицо выглядит моложе моего, даже если забыть про операцию на подбородке и рану в щеке.

Где же справедливость в этом мире?»

— Зачем профессионалу вроде Харта заниматься такой мелочовкой и вязаться с этой Кеплер? — задался вопросом Даль. — Что его соблазнило? Деньги? Секс? Я бы не назвал эту женщину дурнушкой.

— Так уж и не назвал бы?

Шериф рассмеялся.

А Бринн сказала:

— Не думаю, что он мог клюнуть на такие вещи. Хочешь знать мое мнение? Ему просто стало скучно.

— Скучно?

— Серьезной работы у него не было. Подвернулась эта. И он взялся, чтобы не застаиваться.

Даль кивнул и уже без улыбки ткнул в нее пальцем.

— Как ты.

— Я?

— В точности как ты. — Шериф обвел рукой помещение управления. — Само собой, ты это делаешь не ради больших денег. Но ловишь от работы кайф, не так ли?

— Я работаю, потому что люблю своего начальника.

— Брось! Скажи лучше, что теперь у тебя на уме? Займешься Хартом, как нетрудно предположить. Мне уже бежать к казначею округа и умолять увеличить наш бюджет?

— Ошибаешься. Все остальное в этом деле я предоставлю завершить полиции штата.

Даль даже перестал массировать свою ногу.

— Неужели?

— У нас полно своей работы.

— Я не ослышался?

— Вот если они поймают Харта, я обязательно его допрошу, можешь не сомневаться. Но на сегодняшний день моя миссия закончена. И потом, тебе же нужны люди, хорошо знакомые со здешним преступным миром. Только неплохие контакты на местном уровне помогают раскрывать преступления.

— «Местный уровень», — повторил Даль. — О'кей, передавай все бумаги ребятам из полиции штата. Ты действительно уверена, что хочешь этого?

— Вполне.

В столовую заглянул помощник:

— Привет, Бринн! Извини, что отвлекаю от ленча.

— А в чем дело?

— Мы только что доставили парня, который ошивался около школы. Хочешь побеседовать с ним?

— Конечно. А за что вы его арестовали?

— За расстегнутую ширинку.

— Он отказался от адвоката?

— Да. Говорит, что может все объяснить.

— Конечно, может, — загоготал Даль. — Он ведь просто извращенец поганый.

Но Бринн сказала:

— Подождите, я скоро подойду.

Высокий широкоплечий мужчина с короткой стрижкой стоял на лестнице, прислоненной к стене старого, но ухоженного дома в колониальном стиле на уютной южной окраине Гумбольдта. Было прохладное, ясное субботнее утро, и в тысячах и тысячах домов по всей стране сейчас занимались подобными делами.

Мужчина красил ставни на окнах в темно-зеленый цвет. Странно, подумала Бринн, все десять лет жизни в этом доме ей казалось, что именно зеленый лучше всего подошел бы для данной цели, но она не осознавала до конца почему. А поняла только сейчас. Дом стоял на фоне соснового бора, который мог служить образцовой иллюстрацией к слову «вечнозеленый». Она видела эти деревья каждый день, но никогда по-настоящему не замечала их.

Услышав приближение машины, он бросил взгляд через плечо, увидел «камри», остановил кисть, не завершив мазка, и стал медленно спускаться. Поставил ведерко с краской на временный верстак и обернул кисть в кусок полиэтилена, чтобы она не засохла. Кейт Маршалл всегда был человеком основательным.

Бринн остановила машину у ворот гаража. Джоуи выбрался из нее и достал с заднего сиденья свой чемодан.

— Привет, пап!

Кейт обнял сына, но тот не позволил объятиям затянуться и бросился в дом со словами:

— Пока, мам!

— Я заберу тебя после школы в понедельник!

— Не забудь про обещанное печенье.

Бывший муж Бринн собирался что-то сказать, но замолчал, заметив, что она заглушила двигатель и тоже собирается выйти. В последние годы она

ни разу не провела здесь больше минуты, когда завозила Джоуи погостить к отцу.

— Здравствуй, — сказала она.

Кейт кивнул в ответ. В его шевелюре уже пробивалась седина, но за десять лет он не прибавил ни фунта лишнего веса. Хороший обмен веществ плюс, конечно же, постоянные занятия спортом.

Он подошел и слегка приобнял ее тоже. У этого человека были достоинства, и немалые. Конечно, по натуре он оставался ковбоем, но в классическом виде, как герои вестернов, в отличие от бедолаги Эрика Мюнса считавшего, что суть работы полицейского не в уверенности и спокойствии, а в грохоте оружия и драматизме ситуаций.

— Ну, как поживаешь? — спросила она.

— Неплохо. Дел по горло. Тебе принести что-нибудь?

Она покачала головой и снова посмотрела на его дом.

— Хороший цвет.

— Купил вот банку краски на распродаже.

— Чем займетесь в выходные?

— Поедем рыбачить. А вечером нас пригласил на барбекю Боглз. Джоуи дружит с Клэем.

— Он хороший парень.

— Это точно. У его отца есть снаряжение для лакросса. Попробуем сыграть.

— Нет такого вида спорта, которым бы этот мальчишка не увлекался, — улыбнулась Бринн. — Ты тоже будешь играть?

— Подумываю об этом.

— А я снова езжу верхом.

— Правда?

— Как только выдается возможность. Раз в неделю, не чаще.

Когда-то они с Кейтом ходили в расположенную поблизости конюшню. Но он так и остался равнодушен к верховой езде.

— В последний раз взяла с собой Джоуи. У него сразу получилось, хотя надеть шлем его не заставишь.

— Таков уж характер. Но не волнуйся, сегодня для лакросса он у меня будет и в шлеме, и в маске для лица.

Кейт отвел взгляд в сторону.

— Будем только мы с ним. Двое мужчин.

После стольких лет в разводе, когда прошлое уже глубоко похоронено, пусть и не до конца забыто, Кейт все еще не осмеливался упоминать при ней о возможных встречах с другими женщинами. И это казалось Бринн забавным, хотя и трогательным тоже.

— Как дела в полиции штата?

— Все по-старому. Я слышал, они взяли ту женщину? Которую ты спасла той ночью.

«Которую я спасла...»

— Наверное, можно сказать и так. Она подписала признание.

— А верно, что дело могло принять скверный оборот, как об этом судачат?

Услышав о событиях у озера Мондак, Кейт позвонил, чтобы узнать, все ли в порядке с Бринн. Ее не оказалось дома, на звонок ответил Грэм, и хотя мужчины всегда были подчеркнуто корректны друг с другом, Кейт на этот раз закончил разговор, как только выяснил, что ей ничто не угрожает. Остальное он мог почерпнуть из выпусков новостей и от коллег по работе.

Теперь они прислонились к перилам террасы, и Бринн поведала ему подробности. По крайней мере, некоторые из них. Он был поражен. Причем в большей степени не перестрелками, «боло» и «копьем» из бильярдного кия, а «компасом».

— Ты сумела его смастерить?

— Да.

Он заулыбался, что случалось с ним редко, и попросил рассказать, как ей это удалось.

Потом воцарилось молчание — тягостное и неловкое.

Когда же стало очевидно, что Бринн не торопится по своему обыкновению сесть в машину и уехать, Кейт сказал:

— Я пристроил новую веранду.

— Джоуи мне говорил.

— Хочешь взглянуть?

— Конечно.

И он повел ее к заднему двору своего дома.

В один из последних майских выходных Харт вошел в таверну, располагавшуюся в Старом Чикаго на Уэллз-стрит близ Северной авеню. Район сильно изменился с тех пор, как он поселился здесь еще в семидесятых. Стало намного безопаснее, но пропала своеобразная, неповторимая атмосфера. Люди хорошо оплачиваемых профессий потеснили обитавший тут прежде разношерстный люд: случайных постояльцев дешевых гостиниц, уличных певцов и джазовых музыкантов, пьяниц и проституток. Дорогие винные и сырные бутики вкупе с магазинами экологически чистых продуктов пришли на смену простеньким мини-маркетам и круглосуточным распивочным. От «Орла из Старого города» — одного из лучших клубов, где выступали певцы в стиле кантри, не осталось и следа, а вот комедийный театрик «Секонд сити» был на прежнем месте и, должно быть, пребудет там до скончания века.

Бар, куда вошел сейчас Харт, тоже появился уже после «Кантри клаба», но и он не был чем-то новым — порождение времен повального увлечения диско. Суббота, половина третьего пополудни, и в заведении всего пять человек: трое сидели за стойкой, разделенные пустовавшими высокими стульями. Нечто вроде неписанного кодекса для выпивающих незнакомцев. Еще двое заняли столик — супружеская пара лет за шестьдесят. У жены в широкополой красной шляпе не хватало переднего зуба.

Затаившись на полтора месяца, Харт почувствовал себя одиноко, и его потянуло в свой город, в знакомый квартал. Соскучился он и по работе. Теперь, зная, что Мишель Кеплер за решеткой и, по сведениям от

осведомителей в тюрьме, оставила попытки заказать его убийство, Харт решил, что может спокойно всплыть на поверхность и вернуться к обычной жизни. Поразительно, но во время допросов она, по всей видимости, не навела полицию на его след.

Он грузно опустился на стул.

— Бог ты мой! Терри Харт! — Круглолицый бармен пожал ему руку. — Сколько лет, сколько зим!

— Пришлось уехать в длительную командировку.

— Куда занесло в этот раз? Что будешь пить?

— «Смирновскую» с грейпфрутовым соком. И сделай мне гамбургер средней прожарки. Без картошки.

— Сию секунду. Так где ты был?

— Сначала в Новой Англии. Потом какое-то время во Флориде.

Бармен смешал ему напиток, а грязно-зеленый листок с заказом Харта приколол у окошка в кухню и нажал на звонок. Из окошка высунулась темнокожая рука, схватила листок и исчезла.

— Флорида... Когда я там был в последний раз вместе с женой, мы целыми днями просиживали на террасе. На пляж сходили всего один раз, перед самым отъездом. На террасе мне нравилось больше. И как же мы там ели! Особенно крабов. Обожаю тамошних крабов. А ты в каком месте останавливался?

— В небольшом городке рядом с Майами.

— Мы тоже. В Майами-Бич. Но что-то ты не очень загорел, Терри.

— Я никогда не загораю. Это вредно. — Он опустошил свой бокал.

— Должно быть, ты прав.

— Налей мне еще, — подвинул он бокал в сторону бармена и огляделся. Взялся за новую порцию коктейля. Крепкое пойло. И наливали в такой час до краев. Через несколько минут вновь раздался звоночек, и перед ним поставили тарелку с гамбургером. Он не спеша принялся за еду.

— Так что, Бен, в городе все тихо?

— Да вроде бы.

— А здесь обо мне никто не справлялся?

— Ха!

— Что значит «ха»?

— Прозвучало, как в каком-нибудь кино. Как у Джеймса Гарнера.[36] У детектива, ну, знаешь, типа частного сыщика?

Харт улыбнулся и глотнул из бокала. Потом снова принялся за еду. Гамбургер он держал в левой, раненой руке. Он вообще старался использовать ее как можно чаще. Мышцы поначалу слегка атрофировались, но теперь в них возвращалась былая сила. Только этим утром он закончил полировку шкатулки, которую начал делать еще в Висконсине, самой мелкой наждачной бумагой и работал в основном левой рукой. Вещица получилась красивая; он по праву собой гордился.

— Пока я был здесь, никто тобой не интересовался, — сказал бармен. — А ты ожидал кого-то?

— Никогда не знаешь, чего ожидать, — усмехнулся он. — Подойдет фраза для частного сыщика?

— Я смотрю, ты сменил прическу.

Волосы Харта теперь действительно были намного короче. Так обычно стриглись бизнесмены.

— Тебе идет.

Харт только кивнул.

Хозяин отошел, чтобы наполнить бокал другого клиента. «Если люди начинают выпивать днем, то пьют водку, — размышлял Харт. — И, как правило, смешанную с чем-то еще. Сладким или кислым. А мартини днем никто не заказывает. Интересно, почему?»

А Бринн Маккензи тоже сейчас обедает? И обедает ли она вообще? Быть может, дожидается ужина, доброго ужина в семейном кругу?

Это напомнило ему о ее муже, Грэме.

Любопытно, обсуждают ли они возможность снова сойтись? Харт сомневался в этом. Нынешнее жилище Грэма — уютный коттедж милях в четырех от дома Бринн — не выглядело временным пристанищем. В отличие от квартиры Харта, когда он ушел от жены. Он просто свалил свои вещи в кучу, да так и не собрался привести их в порядок. Он снова

вспомнил, как сидел с Бринн в микроавтобусе рядом с трейлером наркоторговцев. Он ведь так и не ответил на ее вопрос — простой вопрос после беглого взгляда на его руку:

— А вы женаты?

Так и не дал прямого ответа. Странно, но ему не хотелось отвечать.

«Больше никакой лжи между нами...»

Бармен что-то сказал.

— Что? — переспросил Харт.

— Нормальная еда, Терри? Прожарено, как ты хотел?

— Да, спасибо.

— Для тебя всегда пожалуйста.

Телевизор был установлен на канал И-эс-пи-эн. Новости спорта. Харт закончил свой обед.

Бармен забрал тарелку и нож с вилкой.

— Как на личном фронте, Терри? Встречаешься с кем-нибудь? — О чем еще мог спросить клиента бармен?

Не сводя глаз с экрана, Харт ответил:

— Да, была у меня одна подружка. — И сам себе удивился.

— Поди ж ты! И кто она?

— Просто женщина. Мы познакомились в апреле. — Он не понимал, зачем говорит это, но на душе становилось теплее.

— Приводи ее как-нибудь с собой.

— Боюсь, нам придется расстаться.

— Как? Почему?

— Она живет далековато.

Бармен понимающе закивал.

— Да, мне это знакомо. Любовь на расстоянии — это не любовь. Когда меня призвали на военные сборы, мы с Элли практически не виделись шесть месяцев. Как это тяжко! Мы ведь только начали гулять вместе. И на тебе, этот мудила-губернатор присылает повестку. Одно дело, если ты уже женат — тогда можно и уехать на время. Но когда только-только закрутил с девчонкой… Дерьмовая выходит ситуация.

— Это точно.

— А из каких она краев?

— Из Висконсина.

Бармен замер, думая, что над ним подшучивают.

— Только и всего-то?

Кивок в ответ.

— Послушай, Терри, но это же не Лос-Анджелес или Самоа.

— У нас есть и другие проблемы.

— Между мужчиной и женщиной всегда есть проблемы.

«Почему бармены произносят любые слова, словно истину в последней инстанции?» — подумал Харт.

— Мы как Ромео и Джульетта.

Бармен понял это по-своему и, понизив голос, спросил:

— Она что, еврейка?

Харт расхохотался.

— Нет. Религия здесь ни при чем. Это связано с ее работой.

— Слишком занята, верно? Дома почти не бывает? Спроси меня, так я скажу, что это хреново. Место женщины — у домашнего очага. Конечно, когда дети выросли, можно и устроиться куда-нибудь на полставки. А вообще-то Богом все было установлено именно так.

— Точно, — поддакнул Харт, думая, как Бринн Маккензи отреагировала бы на это.

— Стало быть, между вами все кончено?

— Да, похоже на то… — Он почувствовал холод на сердце.

Бармен отвел взгляд, словно заметил в глазах Харта нечто тревожное — то ли страх, то ли печаль. «Интересно, что именно?» — подумал Харт.

— Что ж, Терри. Ты непременно встретишь кого-то еще. — Хозяин поднял свой стакан с колой, куда «случайно» пролил немного рома.

Харт ответил ему «барменским афоризмом» собственного сочинения:

— Так или иначе, но ведь жизнь продолжается, верно?

— Я тоже…

— Ответа не требуется, Бен. Я ведь просто так, болтаю, — усмехнулся Харт. — Нужно еще упаковать вещи. Сколько с меня причитается?

Бармен подвел итог, Харт расплатился.

— Если кто спросит про меня, дай знать. Вот по этому телефону.

И он продиктовал номер мобильного, который постоянно работал в режиме автоответчика.

Убирая в карман двадцатку чаевых, Бен сказал:

— Ну, прям в точности как частный сыщик, а?

Харт опять улыбнулся, оглядел зал и направился к выходу.

Дверь беззвучно закрылась за ним, когда он ступил на тротуар под сияющее синевой небо. Обычно ветер никогда не задувал со стороны озера Мичиган, но Харту показалось, будто в прохладном бризе он отчетливо улавливает насыщенный аромат воды.

Он надел солнцезащитные очки, вспомнив ту апрельскую ночь, когда в заповеднике Маркетт ему так недоставало света. Там он узнал, что не существует однозначного понятия темноты. Она имеет сотни оттенков и видится, и ощущается по-разному. Определения «серая» и «черная» совершенно не подходили для ее описания. Темнота так же разнообразна, как виды лесной растительности, и каждая ее разновидность не походила на другую. Он мог бы даже предположить, что…

Первая пуля угодила ему в спину — в правое плечо. Она прошла насквозь, забрызгав щеку кровью и ошметками плоти. Он вздрогнул, более от удивления, чем от боли, и посмотрел на рваную рану в своей

груди. Вторая попала точно в затылок. Третья просвистела дюймом выше, потому что он уже заваливался вбок прямо на витрину таверны. Осколки стекла каскадом брызнули вниз.

Обмякшее тело Харта тяжело, но беззвучно ударилось о тротуар. Куски стекла падали прямо на него. Один из тех, что покрупнее, чуть не начисто срезал ему ухо. Другой острым концом вонзился в горло, и кровь забила фонтаном.

— Доброе утро! — поздоровался Том Даль.

Он стоял в ее кабинке с кружкой кофе в одной руке и парой пончиков в другой. Их привезла Черил, работавшая в приемной. Эту обязанность все выполняли по очереди. Каждый понедельник кто-нибудь непременно покупал на всех сладкое. Вероятно, чтобы облегчить бремя возвращения на работу после выходных. А может, это была одна из тех традиций, что появляются без особых на то причин, и поддерживаются, поскольку никто не собирается от них отказываться.

Бринн кивнула в ответ.

— Как провела уик-энд? — спросил шериф.

— Нормально, — ответила она. — Джоуи забрал отец. А мы с мамой сходили в церковь, а потом отправились обедать в «Брайтоне» с Ритой и Меган.

— Шведский стол?

— Да.

— Там отменный выбор блюд, — авторитетно заметил Даль.

— Да, в этом им не откажешь.

— А еще хорошо в «Мариотте». Они выставляют ледяную скульптуру лебедя. Но нужно успеть вовремя. После двух она тает и больше похожа на утку.

— Надо запомнить, — улыбнулась Бринн. — Ну а ты как? Повеселился?

— Скажешь тоже! К нам приехали теща с тестем. Ее папаша — это что-то невероятное… Тощий, как карандаш. Но слопал три порции курицы, и пока мы расправлялись со своими, уже рукой макал хлебный мякиш в

грибную подливку, которую Кэрол делает к жаркому с зеленой фасолью. У меня просто слов нет.

— Она готовит замечательное жаркое, — заметила Бринн, не раз его пробовавшая.

— Но ведь Бог для чего-то создал вилки с ложками! — Даль посмотрел на пончики, лежавшие на бумажной тарелке поверх кружки с кофе. — Сегодня хрустящие с кремом. Но лично я предпочитаю те, что приносишь ты.

— Я покупаю их в «Данкин донатс».

— Верно. А они больше не пекут их с такими скобочками сбоку, как раньше?

— Не знаю, Том. Я просто заказываю три дюжины. И они упаковывают мне ассорти.

Она терпеливо ждала.

Наконец он спросил:

— Ты, я полагаю, уже слышала?

— О чем?

Даль нахмурился.

— Звонили из Милуоки. Детектив, который работал над делом у озера Мондак.

— Мне лично никто не звонил. — Она вопросительно вскинула бровь.

— Харта убили.

— Что?

— По почерку — гангстерская разборка. Выстрел в затылок. В северной части Чикаго. Как выяснилось, там он и жил.

— Черт! Ну надо же! — Бринн откинулась на спинку кресла и посмотрела на свой кофе. Пончики ей причитались тоже, но она не поддалась соблазну.

— Ты была права. Врагов у него хватало.

— Есть зацепки?

— Почти никаких.

— Им удалось что-нибудь узнать о нем самом?

Даль пересказал ей то, что полиция Чикаго сочла нужным довести до сведения коллег из Милуоки. Терранс Харт был специалистом по обеспечению безопасности. Его офис располагался в Чикаго. За прошлый год официальный заработок составил девяносто три тысячи сорок три доллара. Он занимался оценкой рисков проникновения в здания складских и производственных компаний, организуя их охрану. Никогда не подвергался аресту, никогда не привлекал внимания правоохранительных органов, исправно платил налоги.

— Зато много ездил. Очень много. — Тон шерифа подразумевал, что это само по себе выглядело крайне подозрительно.

— Харт был прежде женат, но детей не завел, — добавил Даль.

«Семейная жизнь не по мне. А вас она устраивает, Бринн?»

— Его родители жили в Пенсильвании. Был младший брат, врач по профессии.

— Врач? — удивилась Бринн.

— Да. Совершенно нормальная семья. Кто бы мог ожидать, правда? Вот только сам Харт вечно ходил по краю. Еще со школьной скамьи. Но, как я уже говорил, ни одного привода. С виду добропорядочный гражданин. Его фирма процветала. И вообрази, он любил столярничать. Делал вещи высокого класса, как хороший краснодеревщик. Настоящую мебель, а не полки для книг, какие и я могу сколотить. В мастерской у него висел лозунг, который я и сам не раз слышал от своего учителя: «Семь раз отмерь, один раз отрежь!» Совершенно нетипичный киллер.

— При каких обстоятельствах его убили?

— Все было предельно просто. Он вернулся домой из Грин Бэя, где скрывался какое-то время. Когда Мишель упекли в тюрьму, решил, видимо, что ему ничто не угрожает. В субботу отправился пообедать в свое излюбленное заведение. А когда вышел оттуда, кто-то подстерег его сзади.

— Свидетели есть?

— Едва ли. Как только раздались выстрелы, все в баре повалились на пол. Это же Чикаго, в конце концов. Приехавшим копам никто ничего не смог толком рассказать. На улице в тот момент было пусто. Почти тут же спешно отъехали несколько машин. Номера неизвестны.

После паузы он добавил:

— Но есть связь с нашими местами.

— С нашим округом? — спросила Бринн, наблюдая, как он впивается зубами в пончик, рассыпая пудру по линялой ковровой дорожке.

— С Висконсином. Баллистики изучили пули и пришли к заключению, что пистолет уже использовали прежде — при налете на автозаправку в Смите примерно полгода назад. Помнишь? Тогда еще чуть не погиб кассир.

— Что-то не припоминаю.

— Полиция штата расследовала то дело. Никого из наших там не было.

— Значит, тот же пистолет?

— Они так считают. Но на самом деле кто может знать наверняка? Баллистическая экспертиза — точная наука только в телесериалах.

— Похоже, преступник тогда выбросил пистолет, а кто-то его нашел и продал на черном рынке, — предположила Бринн.

— Вполне вероятно.

— Кругооборот оружия в худшем виде.

— Лучше не скажешь.

Бринн, откинувшись в кресле, машинально положила поперек кружки с кофе тонкую деревянную мешалку для сахара.

— Договаривай, Том. Я же чувствую, есть что-то еще.

Даль колебался, но недолго.

— Да, наверное, лучше сказать. В кармане Харта нашли записную книжку с твоим именем и адресом. А в его квартире обнаружили еще кое-что. Фотографии.

— Фото?

— Цифровые снимки, которые он распечатал. Твой дом снаружи. И снимал он совсем недавно. Можно различить свежие листья на деревьях. Фото он хранил в деревянной шкатулке — довольно затейливой. Кажется, собственного изготовления.

— Что еще?

Долгий вздох.

— А еще снимки школы Джоуи.

— Не может быть! Его фото?

— Нет, только здания. По-моему, он собирал информацию о твоем распорядке… В квартире Харта был найден уже упакованный чемодан. Среди вещей — пистолет и глушитель к нему. Я никогда прежде таких не видел. То есть — только в кино. Думал, они так и называются — глушителями, но полицейский детектив меня поправил, мол, это «шумоподавитель».

Она медленно кивала, помешивая кофе.

— Мы теперь снимем наружное наблюдение с твоего дома, если ты не против.

— Конечно, Том. Похоже, все встало на свои места.

— Так и есть. Дело закрыто. Уже и не помню, когда в последний раз произносил это. Лет четырнадцать назад, по-моему. — И, захватив остатки завтрака, шериф побрел в свой кабинет.

Заколов в пучок свои каштановые волосы как дань нежданной для Висконсина в это время года жаре, Бринн Маккензи шла мимо множества сосенок с округлыми густо-зелеными кронами. Пот пятнами выступал под мышками ее защитного цвета форменной сорочки и каплями скатывался по спине. Она не сводила глаз с деревьев, пристально их разглядывая. В высоту они пока едва достигали ее собственного роста. Проходя мимо, она провела ладонью по двухдюймовым хвойным иголкам. Они поддались под ее рукой и совершенно не кололись.

Она остановилась, чтобы рассмотреть их получше.

И конечно, вспомнила апрель. Она много думала о тех двенадцати часах, проведенных в заповеднике Маркетт, с необычайной ясностью

воскрешая в памяти виды, ароматы и те ощущения, которые вызывали тогда деревья и другие растения, спасшие ей жизнь. И в то же время способные убить.

Всматриваясь в деревья, она гадала, почему эволюция сделала их именно такими, почему придала подобные формы и цветовые оттенки: одни напоминали цветом желатиновый десерт фирмы «Крафт фудз», другие — краску для ставен с распродажи в супермаркете. Почему эти иглы Природа сделала длинными, но нежными на ощупь, а кусты барбариса, где до сих пор лежал Честер — игрушка Эми, — снабдила ужасающими шипами?

Она думала о кронах, ветвях, почках, из которых рождались листья. О дереве живом и дереве умершем и уже гниющем на земле.

Пройдя немного дальше, Бринн оказалась в зарослях огромных камелий, покрытых крупными цветами, разорвавшими свои плотные бутоны и окруженными зелеными, словно покрытыми воском листьями. Алые лепестки напоминали цветом человеческую кровь, и при взгляде на них ее сердце вдруг забилось быстрее. Она пошла дальше. Мимо азалий, кустов бирючины и крепового мирта, папоротников, гибискусов, глициний.

А потом повернула за угол и почти натолкнулась на невысокого, темнокожего человека, державшего поливочный шланг. Тот вздрогнул от неожиданности и удивленно поприветствовал ее:

— Buenos dias,[37] миссис Маккензи!

— Доброе утро, Хуан! А где же он? Я видела его пикап.

— Там, в мастерской.

Она миновала несколько куч перегноя ярдов пяти в высоту. Рабочий на мини-тракторе перемешивал их, чтобы не произошло самовозгорания. Если этого не делать, мульча начнет тлеть, давая огромные облака дыма. Бринн окутал густой запах. Она добралась до мастерской размерами с небольшой сарай и вошла через распахнутую дверь.

— Я буду к вашим услугам через секунду, — сказал Грэм Бойд, поднимая на нее взгляд от своего верстака. Через защитные очки, как она догадалась, он видел только ее силуэт. Вероятно, принял за очередного клиента. Пока же он вернулся к своей работе. Бизнес его разрастался, требовался плотник, но он, как обычно, предпочитал обходиться своими силами. В этом был весь Грэм. Даже когда в ее доме уже не осталось его

вещей, он несколько раз возвращался, чтобы закончить укладку плитки на полу в кухне. И сделал все добротно и качественно.

Он еще раз поднял взгляд и узнал ее. Опустив доску на верстак, Грэм снял очки.

— Привет!

Она ответила кивком.

На его лице появилась тревога.

— С Джоуи все в порядке?

— Конечно, в полнейшем.

Грэм подошел к ней, но они не обнялись. Он мельком взглянул на ее щеку.

— Ты сделала операцию?

— Это чисто женское, сам понимаешь.

— Ни следа не осталось. А как ощущения?

— Изнутри кожа слишком тонкая. Приходится следить, что я ем. — Она оглядела мастерскую. — Продолжаешь расширять свой бизнес?

— Просто делаю то, что давно следовало сделать. Анна говорит, ей уже намного лучше. Я звонил.

— Она рассказывала. Она все время сидит дома, а это ей не на пользу. Врачи велят больше гулять. Да и мне хотелось бы, чтобы она выходила почаще, — рассмеялась Бринн.

— А Джоуи теперь не может кататься на скейтборде без полицейского надзора. Бабушка мне и об этом доложила.

— Да, в нашем доме это отныне рассматривается как особо тяжкое преступление. И у меня есть агентура. По их сведениям, он закон не нарушает. И вообще увлекся лакроссом.

— Я смотрел специальный репортаж об аресте Мишель Кеплер и убийствах.

— По Дабл-ю-кей-эс-пи?[38] Да, был такой.

— Показали каких-то копов из Милуоки. Сказали, что именно они ее взяли. О тебе не упомянули ни словом. Даже фамилия не прозвучала.

— А я в аресте и не участвовала. Была выходная в тот день.

— Сама так решила?

Утвердительный кивок.

— И они даже не проинтервьюировали тебя? Я имею в виду репортеров.

— А к чему мне себя выпячивать? — Бринн вдруг смутилась — лицо зарделось, словно у школьницы, в одиночестве пришедшей на танцы. Ей почему-то вспомнилось, как она впервые остановила на шоссе машину. Нервничала так, что вернулась к своему патрульному автомобилю, забыв отдать нарушителю его копию штрафной квитанции. Тому пришлось вежливо окликнуть ее и напомнить об этом.

Она нервничала и весь прошлый вечер, когда мать принялась рассказывать, что «совершенно случайно» столкнулась с Грэмом… Бринн пришлось ее оборвать:

— Брось, мам! Что ты затеяла? Кампанию, чтобы опять свести нас?

— Да, черт возьми, и собираюсь эту кампанию выиграть!

— Это не так легко. Все очень запуталось.

— А когда с тобой было легко? С твоими братом и сестрой — без проблем. Но не с тобой.

— Ладно, я действительно подумывала с ним повидаться.

— Завтра же!

— Я еще не готова.

— А я говорю: завтра же!

В дверь мастерской заглянул рабочий и задал Грэму вопрос. Тот ответил по-испански. Единственное слово, которое Бринн поняла, было «посередине».

Потом он повернулся к ней, но ничего не сказал.

«О'кей. Сейчас!»

— Я тут подумала... — начала она. — У меня как раз перерыв. Готова поспорить, ты на ногах с шести утра. И я тоже. Может, выпьем вместе кофе? Или чего-нибудь еще?

«И поговорим по душам».

Она расскажет ему о событиях той ночи в апреле.

И еще об очень и очень многом. Будет говорить, пока он готов слушать.

Как сделала она несколько недель назад, сидя с Кейтом на заднем дворе его дома. Отчасти это была исповедь, отчасти извинение, отчасти просто разговор. Ее бывший муж, поначалу насторожившись, в итоге остался доволен услышанным. Удастся ли ей поговорить так же с мужем нынешним? Она очень на это надеялась.

Повисла пауза, вместившая несколько ударов ее сердца.

— Конечно, — наконец произнес он. — Дай мне только закончить с этой доской.

— Хорошо. Буду ждать тебя в нашем ресторане.

Грэм отвернулся, потом вдруг замер и снова посмотрел на нее, покачивая головой и хмурясь.

Помимо воли Бринн кивнула в ответ. Она поняла. Поняла все.

Грэма поначалу взволновало ее неожиданное появление. Импульсивно он принял приглашение, не зная на самом деле, чего от него ждать. Теперь же чувство реальности вернулось. А с ним и воспоминание о злости и боли, принесенных той апрельской ночью. И о месяцах, ее предварявших.

С чем бы ни пришла она к нему сегодня, его это уже не интересовало.

Ну, что ж, она не могла ни в малейшей степени винить его. Момент для разговора, который она планировала на сегодня, у них когда-то был, но ушел безвозвратно.

С изуродованным подбородком и натянутой кожей на щеке Бринн удалось жалкое подобие улыбки. Но прежде чем она успела сказать: «Что ж, тогда счастливо тебе», Грэм пояснил:

— Знаешь, я больше в тот ресторан не хожу. Открылось новое заведение в торговом центре. Кофе там гораздо лучше. И подают отличный горячий шоколад.

Она просияла.

— Где это?

— В нижнем ярусе, рядом с магазином «Сирс». Я буду там через десять минут.

Примечания

1

Один ярд = 0,914 м. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Речь идет о машине, двигатель которой способен работать на различных видах топлива.

3

Одна миля = 1,609 км.

4

Сокр. от метамфетамин.

5

Один фут = 0,305 м; один дюйм = 2,54 см.

6

«Милуоки Брюерз» — бейсбольная команда.

7

Один фунт = 0,454 кг.

8

Команда из лиги американского футбола.

9

Провинциальный шериф, персонаж американского комедийного сериала.

10

Сериал о работе полицейских криминалистов.

11

Сухогруз, затонувший в озере Верхнее в 1975 году.

12

Американская комедийная актриса, ведущая популярной телепередачи.

13

Trickster *(англ.)* — персонаж сказок и мифов многих народов, но особое распространение получил и бывших британских колониях Африки.

14

Католический университет в Чикаго.

15

Американская энергетическая корпорация, обанкротившаяся в 2001 году в результате махинаций ее руководства с финансовой отчетностью.

16

Министерство США, созданное в 2003 году после террористических актов 11 сентября 2001 года для координации деятельности всех правоохранительных органов страны.

17

Самая большая в мире сеть школ актерского мастерства, где готовят в основном исполнителей комедийных скетчей.

18

Мюзикл по одноименному роману Грегори Магвайера.

19

Город в штате Висконсин на берегу озера Мичиган.

20

Brindled *(англ.)* — пестрый, полосатый, пятнистый.

21

Мичиган.

22

Соответствует российскому размеру 37.

23

Грузопассажирский микроавтобус, выпускавшийся компанией «Форд» с 1961 года.

24

Традиционная процедура в США, где офицеры правоохранительных органов, производящие арест, обязаны зачитать стандартный текст с объяснением прав арестованного.

25

Марка пистолета.

26

Детские комиксы, позднее легшие в основу сценариев голливудских фильмов.

27

Пинта — мера объема жидкостей и сыпучих веществ, составляет примерно пол-литра.

28

«Ведьма из Блэр: курсовая с того света» — малобюджетный фильм ужасов, снятый независимыми американскими кинематографистами в 1999 году.

29

Украшенный цветами столб, вокруг которого 1 Мая по традиции танцуют в Англии и ее бывших колониях.

30

Chili con carne — мексиканское блюдо — мясо в остром соусе чили, тушенное с красной фасолью.

31

Американский документальный сериал о работе полиции и службы шерифов.

32

Разрешение на временное проживание и работу на территории Соединенных Штатов.

33

Известный трагический эпизод из американской истории. Группа переселенцев в 1846–1847 годах попала в снежный плен в горах Сьерра-Невады. Голодающие люди дошли до каннибализма.

34

Город, где расположена штаб-квартира американского информационного канала Си-эн-эн.

35

Телевизионное шоу, в котором голосованием зрителей определяется лучший в стране начинающий исполнитель.

36

Джеймс Гарнер — известный американский киноактер, ныне уже не снимающийся.

37

Добрый день *(исп.)*.

38

Местный телеканал.